

допт. 39

2 и 1

№ 955

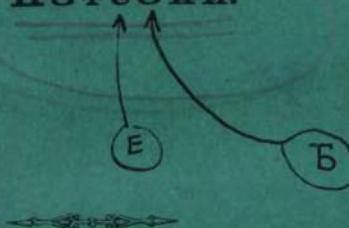
A Rus
664

къ

ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи В. И. Исаева

1876.

КЪ

ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

[1]

А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ Типографіи В. И. Исаева

1876.

Дозволено Цензурой. Москва, 18 Августа 1876 г.

(Отдельный оттиск из «Филологических Записок»).

Книжна эта написана, иромъ позднѣйшихъ ясталовъ, яь 1873 г. и яь иоицъ того же года находилась уже яь рукописи въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ печати появились: главы I—IV яь Жура. М. Н. Пр. 1873, X; га. V—іб. 1874, III; га. VI—іб. IV; §§ I—3 главы VII—іб. X; §§ 3 19 главы VII и глава VIII—яь «Филологическихъ Запискахъ» 1875 г. яып. I, IV, V, VI. Затѣмъ перепечатаны въ Фил. Зап. (вя. I, II, III) и главы I—VII (§ 1—2) съ иѣкоторыми дополненіями и ссылками на сочиненія, иоторые яь 1873 г. яебыли еще изданы или были ииѣ неизвѣстны. Дополненія заняли мѣста болѣе, чѣмъ предполагалось; отсюда двойная нумерация страницъ 113*—126* и 113—126.

Сочиненія I. Шмита «Zur Geschichte des indo-germanischen vocalismus. Zweite Ahtheilung» Weimar 1875 г., отчасти сходнаго съ моими по предмету, и еще и до сихъ поръ нечиталъ; между тѣмъ статью проф. Ягича «Ueber einige Erscheinungen des slavischen vocalismus» (Archiv füer slavische Philologie, B. I), представляемую разборъ языкоупомянутаго сочиненія Шмита, а отчасти и моего (га. V—VI), я, благодаря дру-

II

жественному вниманию автора, прочель еще до выхода въ свѣтъ З-ей книги Arch. f sl. Phil., въ коей она должна быть помѣщена, но уже по напечатаніи предлагаемаго сочиненія.

Непослѣдовательность правописанія и опечатки, изъ коихъ отмѣчены мною только болѣе крупныя, до нѣкоторой степени заслуживаютъ извиненія: того и другаго трудно избѣгнуть при заглавномъ печатаніи.

Іюль 1876.

А. Потебня.

III
О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Cmp.</i>
I—II. Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ яз.	1.
III. Начальзов русковъ о=ст.-слав. ю: оюеъ=юелень	17.
IV. Мятнія о происхождении з и ъ и времени исчезновенія ихъ въ Русскомъ	24.
V. Глухіе звуки з и ъ при плавныхъ <i>p</i> , л между двумя другими согласными	54.
VI. Два з или ъ по обѣ стороны <i>p</i> , л между двумя другими согласными . .	85.
VII. Первое полногласіе (<i>оро=ра</i> и пр.) .	109.
VIII Этимологическія различенія корей- нныхъ гласныхъ въ глаголахъ . . .	178.

ЗАМЪЧЕНЫ ОПЕЧАТКИ:

<i>стр. строка:</i>	<i>вместо:</i>	<i>следует:</i>
9—28	удается	удается
10—36-9	(неясно иллекатано)	своё уста не есть форма риквики этимо- логически древней- шей формы им., вин. ми. сред. род. свою уста, но возникла изъ формы —кин. м. р. и им. вин. ж. р. свой
13—11	сумарчность	суммарность
19—34-5	принадлежть вели- корусскія	принадлежать вели- корусское
37—7	то это е, такъ	то это е такъ
> —24	Ропошескъ	Ропошескъ
42—35	молвяше	молвяте
41—1	Перхурей	Перхурей Фоминъ
51—29	значка '	значка '
> —31	соънъ	сынъ
53—19	(по изъ б есть	(по ивъ б) есть
60—7	brnвб	brnвб
> —12	brnвб	brnвб
68—23	иа тикое	нетикое
70—34-5	pirzwenescz	pirzwenes .
71—20	польск.	(польск.
74—15	сохранили	сохраняли
79—24	овуѣкноти	одуѣкноти

V

80—34	ср. чело, челесе= оси. кирас	ср. чело, челесе= оси. нарас, а равно и отношение ст. сл. съягъ, цъгъ, унисъ, къ поль. szczegół, Mikl. Gr. II, 95.
91—34	нихоръ	нихоръ (ръ=р), а съ другими зн.—ахбр
97—16	ів, одърь	ів. Одърь
105—31	ствързи	отпрызи
106—21	Ѳраеін Болгар.	Ѳракіи; Болгар.
120* 13-4	обыкноаенно	обыкновеною
113—1	—та. бро	—русс. бро
114—33	думаль какъ и о формѣ ильось, долженъ	думаль такъ и о формѣ ильось (т. е. что иль вей 1-е з есть частоецій звукъ, а не ошибочное написаніе) долженъ
120—9	череда»),	череда»,
* — 9-10	стало	стадо
125—16	ирлд-ок	ирлд-ок
126—27	оро, оло	оро, оло)
131—36	(лорд	рало)
132—3	ákmý	ákmý
136—36	калкал въ	калкал, въ
146—28	wa-,	(wa-,
147—24	porsq,	porsq
155—15	согласною,	согласно),
156—35	онъ	ено
* — 36	обезанъ	обезапо
167—9	el, er,	el, er
168—2	bérze	bérgzs
* — 36	ap: еъ ра-	ap въ ра
171—32-3	собственно опочки	собственное Опочка
172—12	нетаніе	метанья
* — 15	perz-tan	peresz-tes
* — 27	перестъ	перестъ

VI

179—33	слѣдуетъ	слѣдуетъ
187—20	Миклошичъ	Миклошичъ
195—21	најајати	најајати
200— 8	су јатѣ	сунјатѣ
» — 9	дв ^а ра.	дврв-
» — 37	свапајати	свалајати
206—12	skä'ldit)	skä'ldit)
207— 3	бавити)	бввити)
» — 24	? Или) или
216—13	и замѣнило	измѣнило
217—11	мантѣ я то	мантнати
218— 5-6	подчинялось	подчинилось
219—16	стоявшихъ	стоявшимъ
221—29	је ае а и а	је ае а и а
222—21	съ корнемъ мук	съ корнемъ мак
226—38	М. Дриковъ	М. Дрновъ
229—11	съ ia, тутъ	съ ia тутъ
» — 20	(и), хотя	(и), хоти
235—30	е изъ	е изъ в
242—16-17	noszc-zioti	nosz- czioti
243—14	der gestossene	(der gestossene

КЪ ИСТОРИИ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе, М. Колосова. Варшава 1873.

Starobulharská fonologie se stálym zřetolem k jazyku Lítevskému.
Sepsal dr. Leopold Geitler. V Praze. 1873.

I.

Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языке.

«Насъ могутъ упрекнуть въ томъ», говорить г. Колосовъ, «что наши вовсе обойдены важный въ исторіи Русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныхъ нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что несчита сь возможными, со стороны кого бы то ни было, рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ» (Оч., VIII). Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, коихъ при тайой задачѣ, какова задача г. Колосова, нельзя обходить безнаказанно, такъ какъ, обойденные, они имѣтъ за себя неопределѣленностью и ошибочностью давлѣйшихъ выводовъ. Нужно имѣть сильность встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу, недожидаясь, когда эти вопросы найдутъ бульто бы такое рѣшеніе, которое невызоветъ сомнѣній и отрицаний. Окончательныхъ рѣшеній въ тавихъ случаяхъ и небываетъ, а временя и для насъ не только возможны, но и необходимы. Нужно же настѣнкователю исторіи Русскаго языка съ первыхъ письменныхъ памятниковъ дать себѣ отчетъ, о какомъ именно языке онъ говоритъ: объ

общемъ ли Русскомъ, если тѣковой ему кажется существующимъ въ изслѣдуемый періодъ времени, или обѣ одной изъ его вѣтвей? Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ томъ, когда именно произошло раздѣленіе языка. Обособленіе этинографической единицы, это—не рождение ребенка и не паденіе яблока, о которыхъ при наблюденіи можно сказать, что они произошли во столько то часовъ, минуть и пр. Здѣсь возможно опредѣлить только столѣтія, позднѣе которыхъ немогло произойти раздѣленіе языка. Въ этомъ смыслѣ и былъ до сихъ поръ решаемъ упомянутый вопросъ. Мнѣніе иною высказанное, и сколько знаю, неопровергнутое, было таково, что «раздѣленіе Русскаго языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII вѣка находимъ уже несомнѣнныя слѣды раздѣленія спомогъ Велико-Русскаго нарѣчія на Сѣверное и Южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже существованіе Малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждого изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга». (Для изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка, 138). Ниже я постараюсь разъяснить, что въ языкѣ Остромирова Евангелия встрѣчается Сѣверно-великорусская черта, именно долгіе и пр. Прибавивъ къ этому два другіе Свр. призрака, именно смыщеніе ѿ и ѿ, є и ѹ (Триодь Ноагород. Софійск. до 1100. Срезн. Пам. Рус. Письм. 151 слѣд.) можно теперь павѣрно сказать, что раздѣленіе Русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣть ліадектиологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій, въ токъ чистъ и нарѣчій письменныхъ, въ ко-
ничь принадлежать и нынѣшній литературный нашъ языкъ. Послѣдній не можетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ коихъ онъ служить, разсѣяны по лицу всей Русской земли. Если бы они были скучены, то немогли бы густо населить и одвой губерніи, и съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ крупныхъ дѣленій Русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не-

должно быть принимаемо за субстатутъ всѣхъ илъ иѣ сколькихъ. Языкъ несѣть такое дѣлимо, чтобы можно было безнаказанно брать изъ него для изслѣдованія честь аиѣсто цѣлаго. Такое утвержденіе могло бы быть названо слишкомъ пошлымъ, если бы подѣзя было доказать, что у насъ, въ примѣненіи къ языку, разъ рго тою безсознательно считается чуть-ли не правиломъ.

Изслѣдователь долженъ помнить, что съ первыхъ памятниковъ письменности онъ имѣеть дѣло съ образами не всего Русского языка, а лишь нѣвторыхъ его частей. Пусть о многихъ частяхъ цѣлого стоятъ небудетъ никакихъ саѣтій, все-таки вышеупомянутое соображеніе окажется для выводовъ не безразличнымъ, а весь ма важнымъ.

Итакъ, г. Колосовъ оправдывается тѣмъ, что считаетъ вопросъ о времени раздѣленія Русского языка въ настоящее время неразрѣшимымъ. Это во-первыхъ. «Во-вторыхъ», говорить онъ, «мы имѣемъ въ виду только Великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи» (Оч., VIII). Но если твкъ, то, стволъ бытъ, онъ разрѣшилъ для себя вопросъ о времени раздѣленія Русского языка твкже, какъ рѣшаешьъ его а мы. Это и хорошо, но нехорошо то, что г. Колосовъ неизполнилъ признать вытекающія отсюда послѣдствія и несвободъ отъ упомянутаго выше пріама обобщить честныя явленія. Такъ авпр., въ числѣ особенностей древнаго Русского языка (всего), отычающихся его отъ старославянскаго, онъ приводитъ замѣчу «черезъ е (о чёмъ скажемъ ниже), иѣну у и ё, «срвантельно позднее измѣненіе ѿ на о (ый—ой) и и на е (ий—ей)» (Оч., 14). О предпослѣднемъ сказано, что оно «является (въ XIV вѣкѣ) какъ законъ, дѣйствующій въ Русскомъ языкѣ и до сихъ поръ» (Оч., 104). Изъ этого слѣдовало бы, что понятіе Русского языка столь тѣсно, что исключаетъ не только малорусскіе говоры, но и западную честь южно-великорусскихъ, начиная съ юга Тверской губерніи. Позволить ли г. Колосовъ дѣлать такие выводы изъ его словъ? На стр. 108 онъ говоритъ: «Если

имѣть въ виду только *обще-русскія* звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ склонять, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя уже были замѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Ново лѣтие съѣдующее (между прочимъ) отвердѣлъ *т* въ оконч. Зато *л*, *ть**. Но свою черту, какъ известно, не только не *обще-русская*, но и не *обще великорусская* и не *обще малорусская*.

«Можно упрекнуть паче», говорить г. Колосовъ, «за отсутствіе срівиенія звуковъ и формъ Русскаго языка съ звуками и формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе тик-го же сравненія съ данными, представленными говорами современія нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработки народныхъ говоровъ у насъ еще въ заподыши; 2) древніе памятники почти ничего не дадутъ для характеристики диалектическихъ различій Русскаго языка; 3) мы не видѣли особой пользы для нашей цѣли въ соотвѣтствующихъ фактахъ древняго. Положимъ, напримѣръ, что форма *во лузахъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаниемъ на существовавшую нѣкогда переходную смягчаемость горганныхъ; но и бывъ такихъ уквазій мы знаемъ по памятникамъ, что такое смягченіе существовало въ древн.-русскомъ. Отъ настоящаго можно заключить къ прошедшему; но должно лишь тогда, когда это прошедшее само представлѣаетъ намъ достаточно данныхъ для сужденія о немъ». (Оч., VIII—IX).

Мнѣ кажется, г. Колосову, неслѣдовало заразѣ опровергать возможныхъ недостатковъ своего труда, потому что для вто, онъ къ упомянутымъ недостаткамъ, каковы бы они ни были, заставляетъ прибавить еще ошибочность своихъ оправданий. Извѣстно, что вслѣдователю весьма трудно воспользоваться для своей цѣли всѣми средствами, какія могутъ быть замѣчены его современниками со стороны, и эта трудность служить для него смыслью лучшимъ оправданіемъ, между тѣмъ какъ, отвергая цѣлесообразность и даже существоиніе

средствъ, которыми онъ непользовался, пвторъ убѣдить
втимъ лишь тѣхъ, которые вѣрятъ на слово.

Что жь изъ этого, что наша діалектология пако-
дится еще въ зародыши? Еслибъ она созрѣла, то памъ
пришлось бы заниматься вопросами языкоизмія менѣе
элементарными. Но во всякомъ случаѣ, она даетъ намъ
коо-что. Никто не въ правѣ требовать отъ г. Колосова,
чтобы онъ оставилъ старинные памятники и взялся за
изслѣдование современныхъ иврѣй; но есть общедо-
ступная діалектологическая свѣдѣлія, которыми легко
можно воспользоваться, если чувствуется въ этомъ па-
добность. *)

Мнѣю г. Колосова, что древніе памятники почти
ничего не представляютъ для характеристики иврѣй
Русскаго языка, мы противопоставляемъ другое упомяну-
то выше: уже въ начиѣ русской письменности языкъ
нашъ видится лишь совокупностью русскихъ нарѣчій,
народныхъ и одиого, и потомъ и двужъ, литературныхъ;
слѣдовательно, за вычетомъ того, чѣдъ не только попадо-
въ эту письменность извнѣ, но и осталось въ ней не-
усвоенныи и случайныи, все, что ни даетъ она, бли-
жайшимъ образомъ характеризуетъ не Русскій языкъ
вообще, а русскія нарѣчія. Правда, что многимъ мы до
сихъ поръ неумѣли пользоваться; но для насъ важно
убѣжденіе, что всякое новое, хорошо направленное уси-
ліе должно открывать намъ на этомъ полѣ оборѣленія,
замкнутая очертація тамъ, где допынѣ мы видѣли толь-

*) Этими свѣдѣліями отчасти пользуется и самъ г. Коло-
совъ, напр. Оч. 61 (и изъ ч. въ памят. XI в.) и въ болѣе позд-
немъ своеемъ сочиненіи «Матеріалы для характеристики Сѣверно-
великорусск. нар.» (Варш. Уч. вѣв. 1874), напр. стр. 17.
Здѣсь тоже вов-что вызываетъ ва споръ, но иѣ своихъ возра-
женій я могу, неотклоннись къ сторону, вставить въ эту свою
статью лишь немногое. Въ 1875 г. уважаемый авторъ предп-
нилъ путешествіе для изслѣдованія сѣверорусскихъ говоровъ на
ивѣтѣ. Въ наставшее время это путешествіе еще неокончено.
Оно продолжается, какъ известно уже, до сихъ.

ко тьму или безобразное съясненіе линій. Авторъ говоритъ, что невидить особой пользы въ сопоставлениі фактовъ современнаго и древняго Русскаго языка; въ памъ кажется, что польза этого сопоставленія ничѣмъ незамѣнна, и что памятники прошедшаго, сами по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны. Изъ приїровъ, подобныхъ тому, какой приведенъ г. Колосовыиъ, видно слѣдующее: что бы ни говорили памъ древніе памятники русской письменности, мы до тѣхъ поръ можемъ сомнѣваться въ томъ, что въведенія предствляемы ими, дѣйствительно составляли принадлежность народнаго языка (какъ сомнѣвались, напримѣръ, некоторые относительно з, ь), пока въ вынѣшнемъ народномъ языкѣ не найдемъ явлений, или такихъ же, или предполагающихъ такія же. Если предствляется возможность основать заключеніе на двухъ или несколькиихъ послыдахъ, то есть, въ настоящемъ случаѣ—на вынѣшнемъ языке и на свидѣтельствѣ памятниковъ, то основывалось на чёмъ-нибудь однозъ, мы во всякомъ случаѣ оставляемъ въ накладѣ. Нельзя, вирочемъ, сказать, чтобы г. Колосовъ былъ вѣренъ своему решенію не сравнивать древняго языка съ вынѣшнимъ. Такая послѣдовательность потребовала бы значительныхъ усажій. Г. Колосова можно упрекнуть только въ томъ, что онъ сравнивалъ не зездѣ, гдѣ сравненіе само напрвишилось.

Извѣстно, что по неизбѣжному закону мы объясняемъ себѣ отдаленіе близкимъ, то есть, сужимъ о другихъ по себѣ, о прошедшемъ по настоящему, и т. д. Въ вынѣшнемъ того, въ какой зависимости находятся памятники заключенія о древнемъ языкѣ, который можетъ быть известенъ только носредственно, т. е. по памятникамъ и изъ заключеній отъ памятниковъ, отъ сравненія съ современнымъ, съ которымъ возможно болѣе близкое знакомство, который мы отчасти сами создаемъ, я приведу одинъ—другой примѣръ.

«Не было ли,» говоритъ г. Колосовъ, «предполагаемымъ общерусскимъ звукомъ, съжившимъ л, ѹ (то есть, ј)? Допущеніемъ такого посредствующаго звука

можно бы въ рѣвной степени объяснить, какъ великорусское *e* (изъ ю), такъ и малорусское *i* (изъ ю). Послѣднее могло развиться въ Малорусскомъ вслѣдствіе преобразованія въ вокализмъ этого нарѣчія небнаго элемента. Дѣлнія это предложеніе, г. Колосовъ самъ считаетъ невозможнымъ доказать его на основаніи памятниковъ, такъ какъ въ послѣднихъ «иѣ мѣстѣ ю является или ю, или *e*, по виду *иѣ*» (Оч. 38). Но могутъ ли насть здѣсь стѣснить памятники, когда мы знаемъ павѣрное, что теперь во многихъ мѣстностяхъ на мѣстѣ ю встрѣчается ю, котораго, ознако, въ взбукѣ нашего литеатурнаго языка вонсе пѣть? Невѣроятность предположенія можетъ быть доказана инымъ путемъ. Понятію «великорусское *e* изъ ю» въ его всеобщности несоответствуетъ ничто дѣйствительное, потому что основное ю является въ Великорусскихъ говорахъ весьма различно: въ однихъ оно=ю, или *e* послѣ небныхъ согласныхъ, и=ю послѣ согласныхъ, недовпускающихъ небности, какъ, впримѣръ, мѣстами *u*; въ другихъ ю=частью ю (*e* послѣ небныхъ согл.), частью *ii* (*i*). Хотя я не могу пріурочить къ опредѣленной мѣстности произношенія ю, какъ *ei* (то есть, какъ э наклонное къ *u*, напоминающе *em*, хотя отнюдь не двоегласное), но я его замѣчалъ у многихъ Великороссіанъ (не только въ *цѣла*, но послѣ согласныхъ, въ другихъ случаяхъ способныхъ стать небными, напримѣръ, *белый*), и предулю, чтобы это было слѣдствіемъ посторонняго влиянія (хотя такъ произносятъ иногда и Нѣмцы) или явленіемъ совершенно личнымъ. Стало быть, понятіе «великорусское *e* изъ ю» есть лишь ошибочное отвлеченіе, съ которымъ намъ нѣчего и дѣлать. Въ Малорусскомъ ю=не только *i*, но и=ю=ю. Что же касается того, можетъ ли предполагаемое ю изъ ю объяснить всѣ замѣчанія этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ, то отрицательное решеніе этого вопроса вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что малорусское *mѣdi* (род. отъ *mѣdь*) отнюдь непредполагаетъ ю. Но какъ бы ви было, во всякомъ случаѣ решеніе будетъ зависѣть отъ наблюденія вадъ современнымъ языкомъ.

Г. Колосоаъ, на основаниі иѣкоторыхъ случаевъ заключивъ, что знакъ *и* имѣть значеніе = *e*, распространяетъ такое толкованіе на многіе другіе случаи изъ другихъ памятниковъ, и притомъ, во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ въ памятникахъ XIV вѣка и смыняется на *e* не только передъ *и*, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: взялъ, докончилъ, былъ, Ростовцъ (Оч., 105); тварилъ есма, дали есме быль (Оч. 114); а въ XV вѣкѣ измѣненіе *i* въ *e* часто, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, имѣть иѣсто въ концѣ словъ и въ срединѣ передъ гласнымъ: Дмитреевъ и Климушъ, володѣть, запродолъ, и пр.» (Оч. 132); «а въ Ипатьевскомъ спискѣ перѣдко застунаетъ иѣсто *i*: истинаго (въ Лавр. сп. истин.), Козимеру (Лавр.—миру), не стаорю (Лаар.—ри), пригвоздъ (Лавр.—ди) и пр.» (Оч.. 152); именит. подежъ существуетъ, прилагат. и иѣстони. въ Ипат. часто оканчивается на *i*=*e*, вслѣдствіе стремленія измѣнить конечное *i* на *e*: языцъ (Лавр.—ци), чесъ (Лавр.—си), добрыи человѣцъ (Лавр.—ин.—ци), самъ (—ми), тѣи (тии), (ib. 155). Сюда же и иѣкоторые приимѣры на стр. 156—7, 163 (просніль, не пролейта, Васильи и др.), 165 (полцъ), 166 (Русьстѣи, ии. мн.; которѣи, тоже).

Здѣсь скучены весьма различныя явленія, и действительные факты фонетики (наприѣръ, удержаніе *и* въ видѣ *e* въ непролейта, о чёмъ см. въ моихъ Замѣткахъ о Малорусскомъ парѣчіи 17; замѣна *i* въ *ie*, изображаемое посредствомъ *je* въ именахъ ии ии) неотличны отъ случаевъ ошибочнаго написанія. Такъ, авторъ считаетъ *je* въ именит. под. ии. в. муж. р. причастія *ло* (дали есме быль) за фонетическую замѣну, равносильную съ *e* (или *ie*?), тогда какъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ ии, ни одно русское парѣчіе, въ коемъ произносилось бы быль и т. п. Еслибы авторъ зналъ такое парѣчіе, онъ долженъ быль бы упомянуть объ этомъ; если жъ онъ не знаетъ, то почему онъ переководится слѣдующими соображеніями, для которыхъ всѣ данные находятся, по видимому, у него аль рукахъ: въ настоя-

щое время во всѣхъ русскихъ нарѣчіахъ произносится здѣсь или *и* (были), или звуки очевидно предполагающіе это *и—ї* (Мр. буїй); основной языкъ и вмѣстѣ древній шіе памятники русской письменности имѣютъ тоже *и*: слѣдовательно, «была» есть только написаніе, а не произношеніе. Откуда взялось такое написаніе, вто ясно изъ отмѣченыхъ у г. Колосова многочисленныхъ случаевъ замѣны въ посредствомъ *и*, между прочимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Оч., 151 и др.): писецъ ставилъ *и* тамъ, гдѣ произносились *и*, потому что привыкъ знаку *и* придавать значеніе *и—явленіе иѣстное*, и если рѣчь идетъ объ Ипатьевскомъ спискѣ, съверное. Если г. Колосовъ нерваждается видѣть съюзъ *и* такимъ образомъ, то вину тутъ лишь предразсудки, которые онь самъ себѣ создалъ: эмбриональность нашихъ лафектологическихъ свѣдѣній и бесполезность сравненія древнаго языка съ новымъ.*)

Случай такие, какъ *и* въ родит. ел. женск. доброъ и добрыъ, землю и въ винт. чиож. свою, получаютъ смыслъ для исторіи языка лишь тогда, когда будутъ ближайшимъ образомъ опредѣлены не только на основаніи другихъ данныхъ памятника, въ коемъ встрѣчаются, но и на основаніи живаго языка той мѣстности, къ которой относится памятникъ. Что такое опредѣленіе не всегда легко, о томъ и говорить пѣтого (*sic*). Однако, если во многихъ мѣстностяхъ съверной и западной Руси донынѣ слышится *свои'—свое'* (—древ. *своі*), и если удается отнести древній памятникъ къ тѣмъ же

*.) Въ соч. «Матеріалы и пр.» г. Колосова, уквзывая на случай—правда узято, върель судиямъ (Смол. Гр. 1229, по Рум. си.), люде (Ип. л. 2 300), якъ на дѣ-затѣльства замѣны *и* по средствамъ съ древ.-Рускому, говоритъ: «если г. Колебель такая смѣна все-таки кажется невѣроятною то онъ долженъ бы дать свое объясненіе подобныхъ случаевъ» (стр. 12, прим. 3). Но я говорю только о частномъ случаѣ *была*. Я вовсе неутверждаю, что съ *и* и *невѣроятно*, а находжу лишь ошибочными приписывать его какому то древнерусскому языку, непояснія, что

иностранцем, то не будет сомнения, что в этом напечатанье следует читать *свою*, какъ свое, а не какъ слово. **)

«Въ Актихъ Западной Россіи», говорить г. Болосовъ «встрѣчаемъ явленіе, обратное онущенію ј въ судѣ (ви. судя), именно встрѣчаемъ ја ви, а со смѣгченіемъ предыдущаго согласнаго звука (то есть, ъя ви, я); *жеребяты* аи, *жеребяты*. Явленіе это несоставляетъ исключительной особенности языка Актовъ Зап. Россіи. Есть подобные случаи и въ Новгородскихъ памятникахъ. Такъ, въ 1-й Новг. лѣтоп. по Академ. списку находимъ формы Устюгъ (=Устяугъ), устьюсскии князи» (Оч. 135). Автора поражаютъ эти формы своимъ сходствомъ съ *жеребяты*, потому что онъ ошибочно принимаетъ позднейшую сокращенную и затемненную въ этимологическомъ отношеніи форму Устюгъ за болѣе древнюю; но известно, что слово Усть-югъ (то-есть, устье Юга,

именно подъ ини разумѣть. Я и прежде (Два изсл. 77) считалъ Гр. 1229 г. свидетельствомъ по языку, и теперь не знаю ничего противъ сближенія, дѣлаемаго г. Болосовымъ (Матер. 12) формы судиямъ съ именами. Олонец. «села со поселками» (Рыбы III 372). Прибавлю сравненіе: неупирати (Гр. 1229) съ Сит. ущерасма (Два изсл. 75), Онеж. доберается, забераль (Матер. 10). Другое дѣло фор. люде, гдѣ е могло возникнуть не только ви и (люди), но и виа ии, или ьи. Ср. ии. ии. печате (Miki. V. Gr. III. 47) и четыре при четырехъ.

**) На ишѣи же, что въ Спр. и Бр. свою уста, має дѣлки, твоя ключи ю есть непосредственная замына А (Дна маслъд. 83), г. Болосовъ возражаетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ авува А никогда и не было. Въ моихъ словахъ слѣдуетъ вычеркнуть «непосредственная», ибо ю вѣроятнѣе примиываетъ здѣсь къ и ма ю, а впрочемъ все вѣрно. Подобно тому, какъ омонит. ии. сред. р. прилагат. членныхъ сравнились во всѣхъ русскихъ гояхъ съ мужск. и женскими (добрими дѣла изъ ии, а это изъ ма = ми; ср. мыты давними цоплами въ Гран. Ди. Ив. 1381); такъ и именит. винит. ии. ч сред. р. свою уста и свою уста не есть форма равной этиологически древнейшей Слан. словъ уста, но возникла изъ формы — винит. и. р. и именит. винит. и. р. сномъ.

или по памятникам XV вѣка съ род. на *у Югу-рѣки* *), образовано, какъ *устъ-Лугъ* (амытъ Устилугъ), Устьсысольскъ, Устьмѣдвѣцкъ, такъ что отдаленіе небнаго *т* отъ слѣдующаго *ю* въ *устъ-юзъ* этиологически необходимо. Между тѣмъ, отдаленіе небнаго *б* отъ *я* въ *жеребьяти* иворганично и составляютъ диалектическую особенность. Авторъдовольствуется здѣсь общюю ссылкою на 1-й т. Актовъ Зап. Россіи, но, вѣроятно, форма *жеребьяти* взята имъ изъ записи о Ржевской дали (Акты Зап. Росс. I, № 71, послѣдний 1479 года). Хотя эта запись цитируется въ болѣе позднемъ спискѣ изъ метрики Литовской, по первоначальный ея языкъ въѣдь ли значительно измѣнился. Она писана, безъ сомнѣнія, Ржевитиономъ и заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для сличенія первѣк XV вѣка въ западнорусскихъ мѣстностяхъ, на границѣ Новгородскихъ владѣній, съ нынѣшнимъ говоромъ той же мѣстности, образцы коего мы ищемъ. Вырвавшая изъ своей этнографической связи, форма *жеребьяти*, сходна съ пыльшими бѣлорусскими и мідорусскими, повела автора къ тому, что онъ такія же формы приписалъ сѣверновілкорусскимъ памятникамъ. Кроме того, въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о языкѣ Актовъ Западной Россіи, какъ о чёмъ то единомъ, тогда какъ одинъ внимательный разборъ упомянутой записи могъ бы убѣдить въ противоположности.

«Смягченіе гортаанныхъ встрѣчается первѣдко и къ памятникамъ XV вѣка, по, вѣроятно, въ живомъ языкѣ оно было ужъ утерено». Слѣдуютъ примѣры, именно: «на рѣцѣ» и тутъ же «на рѣчкѣ». «Слuchaевъ смягченія (аль э, и, с), какъ видно изъ этого, немало, по едва ли они не представляютъ собою только книжную установившуюся форму: въ грамотѣ 1451—1452 гг. «о лиже», въ послѣдующихъ же «о листѣ» (Оч., 135). Шаткость этой догадки видна какъ изъ того, что въ пѣко-

*) *Юзъ* — финск. *juga*, *joki*, *рѣка*. Гроотъ. Финните. розыскъ 259.

торыхъ, собственно великорусскихъ говорахъ, неговоря уже о белорусскихъ, формы «на Оцѣ рѣцѣ» и т. п. живутъ донынѣ (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка, стр. 67—8). такъ и изъ того, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, въ равно и въ некоторыхъ малорусскихъ, рядомъ съ ними, частью какъ правило, частью какъ исключеніе, живутъ и формы съ гортаннымъ: на ріцѣ и рѣцѣ и «на річкѣ=рѣчкѣ».

«Шипящіе и ѵ (въ XV вѣкѣ) хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; наоборотъ, сочетаніе ихъ съ твердыми слѣдалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, где, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и не слышалось». Слѣдуетъ прибавить: селище и пр. «Изъ втихъ примѣровъ видно, въ какой степени вичтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими, сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчевъ однихъ въ тѣхъ же словахъ, и притомъ, въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ шипящіе и ѵ съ твердыми и мягкими и замѣчая граничный переходъ на сторонѣ сочетаній первого рода, имѣмъ полное право заключить, что въ эпохѣ языка шипящіе и ѵ сочетались въ XV столѣтіи толко со твердыми» (Оч., 135—6). Здесь толькоже способъ рассматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи. Прежде всего сообразить, какой такой можетъ быть одинъ живой взыскъ въ XV столѣтіи? Неужели еще и въ это время свидѣтельство памятника не недостаточны для того, чтобы убѣдить часть, что спередъ иами не одинъ Великорусскій языкъ, въ послѣднемъ, хотя и ближнихъ между собою нарѣчій, или, если угодно, говоровъ? Звѣтъ, имѣется ли основаніе разсматривать въ указаннымъ выше отношеніи шипящіе звуки и ѵ вмѣстѣ, и полагать, что гдѣ тверды шипящіе, тамъ твердо и ѵ и наоборотъ? Подтверждается ли свидѣтельствомъ современныхъ нарѣчій мышіе, что шипящіе и ѵ сочетались въ XV вѣкѣ только съ твердыми? На оба послѣдніе вопроса отвѣчу виѣстѣ. Донинѣ есть великоруссіе говоры, гдѣ шипящіе небы (хочу и пр.),

но и в тоже время и твердо, и изогнуть, есть такое, где шипящие тверды почти постоянно, а и, кроме определенных случаев, какъ чары и др., мягко. Здѣсь предъ-ли авторъ пойдетъ основаниемъ звукодозрить показанія моей статьи (Далъ изслѣд., 86—8). Такое различіе между парѣчими замѣчается по позже, какъ съ XVI вѣка Въ XV вѣкѣ во многихъ мѣстностяхъ, где тверды и твердо или тверды шипящіе, или то и другое, могла существовать еще мягкость этихъ звуковъ, что, я пода-гаю, можетъ быть и доказано. Даже относительно одно-го и, или однихъ шипящихъ сумарочность выводовъ не умѣстна. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ восточномъ Малорусскомъ и, постоянно соединясь съ я, ю, і, никогда несогласятся съ ю, но всегда требуетъ твердаго е=э; что въ одномъ и томъ же Малорусскомъ говорѣ шипящіе въ однихъ случаяхъ тверды (жук, шуба) въ другихъ—мягки (держать, Зе л. ми. ч.). Самое утвер-жданіе автора, что въ памятникахъ, на которые онъ ссы-зается, громадный перевѣтъ сочленій шипящихъ и и съ твердыми, могло бы получить для насъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы было предварительно опредѣлена мѣстность памятниковъ; но и въ такомъ случаѣ настоя-тельно нужна пособка. Въ некоторыхъ грамотахъ XV вѣка не только пѣть такого перевѣса, но совсѣмъ из-огнуть, и почти постоянно мягко, такъ что отклоненія отъ этого правила можно бы приписать литертурному вліянію; въ другихъ почти постоянно находимъ сочета-нія ю, ча, чо.

II.

Для характеристики древняго Русскаго языка срав-нительно со Старославянскимъ, г. Колосову кажутся важными слѣдующіе звуковые признаки: о=ст.-сл. ю (*олень*); я, у=юсамъ; полногласіе; эж, ч=жсд, шт; мягкость шипящихъ; глухіе передъ р, л (твргы); замѣна ю черезъ е; мѣна у и о; ой изъ мѣ и ей изъ ий.

Послѣдніе четыре признака, конечно, ошибочно внесены въ характеристику всего древ.-Русск. яз. Что же касается звѣзны и передъ гласною звукомъ въ (Лавровский, О языке, Съв. русск. лѣтоп. 44) и близости глухихъ въ и въ къ о и е (при чемъ авторъ ссылается на мое сочиненіе, Два изслѣд. 138), то эти признаки г. Колесовъ считаетъ несущественными: «Сокращеніе и въ и имѣть място и въ памятникахъ, непосыщихъ на себѣ признаковъ русского письма (например, въ Суздальской рукописи); но близость же зъ къ о и ѿ къ е нельзя, думаемъ, указать, какъ на отличие Русского отъ Старославянского, такъ какъ мы не знаемъ, какую замѣчу получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибы исчезли въ немъ: быть можетъ, ту же, что и въ Русской» (Оч. 14). Я попытаюсь сказать два слова въ пользу этихъ забракованныхъ признаковъ.

Во-первыхъ, нужно уловить относительно значенія, какое придаваемъ мы Старославянскому языку въ подобныхъ случаяхъ. Когда въ непрерывномъ течениія явленій славянскихъ языковъ бываетъ нужно опредѣлить разстояніе одной точки отъ другой, и когда въ известныхъ случаяхъ эта послѣдняя берется изъ старославянского языка, то мы очень хорошо знаемъ, что эта языкъ, подобно всякому другому, измѣнился, стало быть, согласно съ дѣйствительностью могъ бы быть изображенъ только исторически, а не описательно. Но въ такихъ случаяхъ имѣть не теченіе этого языка, взятая въ немъ для сравненія точка, приимаемая за неподвижную. Согласно съ втихъ мы отвлекаемся отъ мысли о подвижности этого языка; мы идеализируемъ его на время, допускаемъ условную ложь, то-есть, дошедши до познанія известныхъ правилъ, принадлежащихъ, по письму нарию, къ одному и тому же слову языка и гармонирующихъ, какъ намъ кажется, одно съ другимъ, мы временно оставляемъ безъ анимы отклоненія отъ этихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, въ известныхъ случаяхъ мы считаемъ необходимыми з и ѿ на такой-то мястѣ, хотя въ памятникахъ, которые мы можемъ извлечь

не иначе, какъ старославянскими, или, какъ другое говорить, староболгарскими, въ этихъ случаяхъ можемъ встрѣтить и чистые звуки, или и глухой звукъ, но на другомъ мѣстѣ. Можетъ ли быть безъ неудобства устроена эта функция, это—вопросъ другой. Достаточно, что она можетъ стать совершенной безъ единой. Попимаемому въ этомъ смыслѣ Старославянскому языку мы можемъ приписать только сочетанія *иѣ*, *иѣ*, *ио* и проч., а не *ыѣ* и проч. посль согласныхъ. Старинные русскіе памятники, конечно, даютъ намъ и формы, совершенно тождественные со старославянскими (*братья*); но такъ какъ формы *братья* и т. п. съ первыхъ временъ весь-ми часты, то возникаетъ предположеніе, что первыя уже въ эти времена были литературными звамствованіемъ, и что вторыя показываютъ намъ действительную исходную точку русскаго просторечія, во памятникахъ. Возможно, что форма *братья* возникла въ разныхъ русскихъ нарѣ-чіяхъ самостоятельно; но необходимость такого предпо-ложения недоказана, а ито-то и нужно, чтобы имѣть право выкинуть сочетанія *ыѣ*, *ыѣ* и проч. изъ числа при-знаковъ древнаго общерусскаго языка. *)

Какое действительное значеніе имѣло изчертаніе братья въ XI—XII вѣкахъ на Руси? Составляло ли здѣсь въ слогъ (*бра-ть-я*), было ли оно глухимъ глас-нымъ? Быть можетъ; но нисколько неподрывая положенія, что глухіе гласные действительно существовали въ это время въ Русскомъ языке, можно думать, что въ некоторыхъ случаяхъ уже тогда знаки *а*, *ъ* имѣли другое значеніе. Быть можетъ, уже къ тому времени слѣдуетъ отнести произошеніе, частью сохранившееся въ всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, кото-рыя въ этомъ отношеніи могли подвергнуться польскому

*) Здѣсь рѣчь идетъ только объ *ыѣ*, *ыѣ* на концѣ словъ. Внутри словъ *иѣ*, *иѣ* отчасти остаются донынѣ (сіѧеть). Ср. въ Лужск. у. Петерб. губ. и передъ ударяемымъ *я*: *ш-авка*, *ai-иной*, *Таті-вва* (Зас. Геогр. Об. по отд. Эти. IV 248); въ Тв. г. Осташк. у. *oi-авица*.

вліпю, вменио братъя (*т* небио, за нимъ ј явствонио), откуда пошло вост. М.-р. братъя (оби *т* небиы, йоты отдельно неслышно), Зап. В.-р. брашца (=цица оба и небиы). Произношение братъя характеристично для Русского языка и по отношению къ Польскому *braciа* (то есть, ба) и сербскому браћа, въ коихъ ј изъ и совершило исчезло иакъ самостоятельный звукъ, превративъ предыдущую согласную въ небиую. Врядъ ли можно думать, что уже въ основной форме тщ. одно сопѣдство съ и обратило предшествующій согласный звукъ въ небіній: *ти* можетъ быть произнесено такъ, что *т* въ немъ останется часто зубціемъ: конецъ языка прикладывается въ концу или къ основанию переднихъ зубовъ. Не думаю, чтобы когда либо въ Польскомъ существовали формы *braciјe* *sedžija*, предположенные для этого языка въ *Beiträge*, VI, 25, ибо въ такомъ случаѣ осталось бы донынѣ, какъ осталось его въ *korija*, *bi:j;*, *ri:j:* при русскомъ: копье, бью, пью.

Во-вторыхъ то, чѣд говорить г. Колосовъ противъ моего мнѣнія о близости глухихъ з, ѣ въ древнемъ Русскомъ къ о, е, основано на недоразумѣнії. Если мы не знаемъ, какую замѣну получили бы глухіе звуки въ Старославянскомъ («быть можетъ, ту же, чтѣд и въ Русскомъ»), то наимѣнѣ этого и знать нечужно. Здѣсь рѣчь не о томъ, чѣд з въ Русскомъ замѣнились чистыми о, е, а о томъ, чѣд они, еще существуя какъ глухіе, склонялись къ о, е. Это имѣніо объясняетъ, почему русскіе писцы ошибались всегда въ одну сторону, т. е. вм. з ставили о (и никогда а или и) и на оборотъ, а вместо з — ю, е, рѣдко и никогда а. Въ другихъ славянскихъ языкахъ глухіе звуки до замѣны чистыми должны были склоняться не въ ту сторону, чтѣд въ Русскомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтѣд основная форма *ozka* и *dymъ* разомъ перескочили въ польское *wilk* и сербское *dan*. Когда я говорю, что наклонность въ о, е къ з, ѣ характеристична для древнаго Русского сравнительно со Старославянскимъ, то предполагаю, чѣд старославянскіе з, ѣ рѣзко отличались отъ о, е, и чѣд

было бы, еслибы.... о томъ недумаю. Само собою разумѣется, что вместо старославянскаго здѣсь можно поставить доисторическое состояніе, предполагаемое са-миимъ Русскимъ языкомъ.

III.

Начальное русское о—старо-славянскому ю: олень — ѿлень.

Г. Колесовъ старается обойти вопросъ о времени образования русскихъ нарѣчий, конечно, для того, чтобы, не кисавшись сомнительного, придать своему изслѣдованию болѣе прочности. Однако, разматривая звуковые признаки древняго Русскаго языка, г. Колесовъ затрагиваетъ другой, гораздо болѣе трудный вопросъ: о генеалогіи славянскихъ нарѣчий. Это не только не грѣхъ, по даже необходимость, и автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ недовольно ясно сознаетъ, вуда хватаютъ затрагиваемые имъ вопросы. Въ такихъ случаяхъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ прикосновенія къ сомнительному, чѣмъ относиться къ нему смѣло, сознательно дѣлая своею исходною точкою предположеніе, сѣть, чтобы въ случаѣ надобности замѣнить въ кощѣ изслѣдованиѣ такую его основу другою. Если же мы этого не желаемъ, то памъ останется только заявлять о существованіи такихъ то явленій (например, русское о въ начальѣ тихъ-то словъ—старо-славянскому ю), а не спрашивать себя, какъ это дѣлаетъ г. Колесовъ: «что древнѣе: русское ли начальное о, или старо-славянское ю?» (Оч., 15). Еслибы первое оказалось болѣе древнимъ, то двойственное дѣление Славянскаго взыка стало бы крайне сомнительно, такъ какъ, несмотря на общность ю въ ѿлень всѣмъ остальнымъ славян. нарѣчіямъ, другие признаки не позволяютъ допустить ихъ единства въ то время, когда Русскій языкъ уже выдѣлился.

Альтернатива, принимаемая г. Колесовымъ, не исчерпываетъ всѣхъ возможностей, такъ какъ свиць между

начальнымъ о и ю, говоря *a priori*, можетъ состоять и въ единѣ томъ, что оба эти звука независимо другъ отъ друга возникаютъ изъ третьаго. Для родословія славянскихъ нарѣчий послѣдствія этого были бы тѣ же, чтѣ и отъ болышеи древности о.

Согласно съ этимъ это родословіе можно бы представить себѣ двояко: а) согласно съ дѣленіемъ, которое принято было И. И. Срезневскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48) и по которому Русскій языкъ образуетъ отдельн., соподчиняемый съ отдѣлами юго-западныемъ (нарѣчія Церковное Слав., Болг., Серб. Хорв. и Хорут.) и сѣверо-западныемъ (нар.: Польб., Польск., Лужицкія, Чешско-Слов.); б) согласно съ видочн. извненіемъ этого дѣленія, состоящимъ въ предположеніи, что общеславянскій языкъ сразу распался наеменѣе, чѣмъ на 5 или на 6 нарѣчий, именно: Русское, Болгарское (т. е. то, потомки коего суть Церк.-Слав. и Болгар.), Сербо-Хорв., Хорут., Лашко-Чешское (или же, что именѣеѣrontно, отдельно Лашское, отъ воего—Польб., Лужиц., Поль. и Чешско-словенское).

Способы, какими г. Колесовъ взвѣшиваетъ рго и соіти своихъ предположеній, вызываютъ неизвѣстнія.

А) «Хотя е, также какъ о, соответствуетъ исконному а, но въ градации славянскихъ звуковъ о стоитъ ближе къ а, чѣмъ е: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между а и е. Можно бы поэтому думать, что начальное русское о древнѣе старо-славянскаго е, что послѣднее явилось изъ первого или какъ результатъ ослабленія его (а-о-е), или какъ результатъ яотаціи (а о ѿ=е-је).» (Оч., 15). При этомъ г. Колесовъ ссылается на Шлейхера, мнѣніе коего усвоиваетъ себѣ и г. Дювериуп (Система звука и формъ, 41). Шлейхерь (Formenlehre, 90; Compendium, 104, 126) думаетъ, что ѿ переходитъ въ је, таъ какъ формамъ, въ родѣ несомъ, соответствуютъ формы, подобныя бијемъ. Это у него аѣ связь съ другимъ положеніемъ, что је=о послѣ небной согласной, такъ какъ формамъ богъ

соответствуютъ формы конь, вой. Незнай, известно ли уже то, что миѣ кажется здѣсь существеннымъ, имено, что изъ соотвѣтствія *несомъ* съ биѣмъ искавъ слѣдуетъ, что въ древнѣшемъ періодѣ славянскихъ нарѣчій є непремѣнно происходить изъ ю. Такъ какъ формъ биѣмъ построена совершенно гдѣтелью, то по меньшей мѣрѣ съ тѣкою же вѣроятностю можно предположить, что є въ биѣмъ возникло непосредственно изъ ю. Славянское *e* во многихъ случаяхъ древнѣе, то есть, въ то время, какъ внутри *вес*, *нес*, *греб*, *пек* было уже *e*, звука *o* въ *воз*, *нос*, *гроб*, *пок* (въ сл. *опок a*) еще не было, а па мяѣсть его стояло *a*, которое и осталось въ Латышско-Литовскомъ. Такимъ образомъ и *e* въ зват. Боже древнѣе, чѣмъ *o* въ бого угодынъ. Самое *e*, при своей большей древности сравнительно съ *o*, возникло не въ одинъ періодъ языка, въ нѣсколько (Geitler, Fonologie, § 7—8). Такъ, миѣ кажется, первое *e* въ *вез-e-te* древнѣе, чѣмъ второе, котораго въ Литовскомъ *wežate* еще нетъ, изъ чего слѣдуетъ, что сходство славянского глагольчаго характера (или тѣкъ называемой связочной гласной) *e*, въ *вез-e-te* съ греческимъ *e* въ *ēχ-e-te* лишь случайно, то есть, невосходить ко времени единства этихъ зыковъ.

Дѣйствительно, въ Русскомъ есть немногіе случаи, въ коихъ є возникло изъ ю, но они такъ рѣдки и поздни, что ссылаться на нихъ при объясненіи столь древнаго явленія, какъ *o—e* въ олеинъ, было бы черезъ мяру смѣло. Я говорю объ ииѣ въ Иевѣ (=Иовѣ), откуда фамилія *Иевлевъ*, и є въ Іосипѣ (изъ Іосипъ), откуда фамилія *Іосиповъ*. Принимая за основную форму *ольха* (польское *olcha*, *olsza*, молорусское *вільха*, лужицкое *wolsza*, чешское *volše*, словацкое *olska*, хорутанское *olša*, сербское *јоха*, *јова* (изъ *јолха*), велико-русское (Влад., Ват.) *ёлха*, можно думать, что сюда же принадлежать велико-русскія (Нижегородск.) *јелбхъ*, то есть, что и здѣсь є къ ю; тоже, быть можетъ, и въ хорутанскомъ *јелба* при *olša*. Срвв. тѣкже є въ нижне-лужицкомъ *jegel*, *hercél* ари верхне-лужицкому *wogjeł*, орель.

Б) Итаиъ, предположение, что идеть изъ юлень, или изъ еленъ, а вто изъ олень, и беать всякихъ другихъ опроверженій, само по себѣ ить кажется мало вѣроятнымъ. Г. Колосову иѣшаютъ на немъ остановиться сїдующая соображенія:

1) «Уже въ Литовскомъ мы встрѣчаемъ *e* въ *ejis*, *ижъ*, русское *охъ*, *elnis*, *ижепъ*, русское *оленъ*. Во-первыхъ, на счетъ примѣра *охъ*. Современные русскіи нарѣчія указываютъ въ атомъ словъ только на ту форму, которая свойственна и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, именно *ижъ*: *е* предполагается иакъ формою *ёжъ* = *южъ*, такъ и малорусский *ёжъ*, *ижакъ*. Форму *охъ* г. Колосовъ, быть можетъ, заимствовалъ изъ Дан. Заточ. по сп. XV в. (Буслаевъ, Хрестоматія, 624: «на звѣрь въ вѣрхъ *шжъ*»), гдѣ возможно предположеніе, что *ш-* лишь начинное писаніе выѣсто произвѣстнаго тогда начертавія *ё*. Несомнѣнно о только въ производномъ малорусскомъ *ижина* (какъ колючій *устарникъ*) при великорусскомъ *ижевака* и польскомъ *jeżuna*. Во-вторыхъ, ссылаю на начальное *e* въ Литовскомъ имѣла бы здѣсь значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что вто *e* несѣтъ позднѣйшее диалектическое измѣненіе, по восходить ко времени единства Литовско-латышскаго и Славянскаго. Я нахожу болѣеѣ роятнымъ, что *e* въ *elnis* и *е* въ *юлень* возникли поза висимо другъ отъ друга, такъ что литовское *e* здѣсь можетъ быть даже поче славянскаго *ю*, ибо на мѣстѣ литовскаго начального *e* въ литовско-латышсніихъ нарѣчіяхъ до нынѣ встрѣчается болѣе древнее *a*: при южно-литовскомъ *eiksnis*, ольха, въ самонъ же верхнє-(или южно)-Литовскомъ около Мемеля и въ Латышскомъ *alksnis*; при *āmalis*, *āmalas* (обыкновенно во мн. ч. *āmalei*, *āmalai*), омalo, стоять и *emalas*, *emala*; при южно-литовскомъ *erelis*, южно-литовское и жмудское *ielis*, орель; при лит. *ežeras*, прус. *āžagai* (acc. *sing*); прусс. *asa-nis*=осень, *jesenъ*; при южно-литовскомъ *aszis*, ось, жмудское *aszis*; при *eszūlas*, конскій волосъ, волосевъ, лѣса—*eszūlas*; при *elkupē*, локоть,= *alkupē*; при *ēriatē*,

черный тополь, жмудское и овадо Мемедя *арисзіс*, осина; при *erdwas* и *ardwas*, широкий, просторный; (сравнение *eszma*, острів съ *aszma* *id.* быть можетъ, сюда пойдетъ; по крайней мѣрѣ *eszmas*, вертелъ = *jëszmas*, *id.* въ коемъ *jë—ai* (прусс. *oismis* вертель); даже при южно-литовскомъ *esmі*, юсь въ томъ же нарѣчи мѣстами *asa*, *asia* (Фортунатовъ и Мицлеръ. Литовскія вѣни, 130). Такъ какъ *ладиш*, *ладья* и т. д. несомнѣнно изъ *алана*, то встрѣчавъ е въ Литовскомъ *eldijd*, а равно и въ *elnis*, *elné* при *алний*, *лань*, въ *elk-инé* при *лакътъ*, ло-котъ, слѣдуетъ думать, что е возникло уже на почвѣ литовско-латышскихъ нарѣчий, тѣль болѣе, что въ нихъ есть случаи очень поздняго изиѣненія начального *a* въ *e*, *какъ*, напримѣръ, въ *ekrutas* при *akrutas*, гдѣ *a* есть литовское отраженіепольского *o* въ *okręt*. Рассматривая втотъ вопросъ, слѣдуетъ также принять во внимание смѣну заудовъ *e*, *é* и *o* при *a*, напримѣръ, въ *églas—oglas*, дерево тисъ. при находящемся вѣроятно въ связи съ пимъ литовца. *egle—agle*, прусса. *adle* (Beiträge, VI, 445), основная слов. форма — западно-славянское *едла*, ель.

Такимъ образомъ, Литовскій языкъ не только не помогаетъ предложенію, что о въ олень произошло изъ общеславянского ю, но скорѣе, напротивъ, можетъ апушить мысль, чо какъ къ этомъ случаѣ, такъ и тамъ, гдѣ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ о, это о прило-примкаетъ въ литовскому *a*, какъ въ оба при литовскомъ *vba*; въ *осотъ*, *осока* (акъ рѣзучія растенія) при ли-товскомъ *akotbs*, вчменная ость, *eszaka*, рыбья вость, ость; въ *остынг*, *stimulus*, при литовскомъ *akstinas*, вол-люшка и остріе на палѣ, которою погоняютъ аоловъ; въ *оле*, хорутинское о! при литовскомъ *alus*, пиво, брага и проч., неговоря уже о множествѣ литовскихъ за-имствованій изъ Русскаго, въ отчасти и Польскаго.

2) «За исключеніемъ Русскаго, ии одпо изъ дру-гихъ славянскихъ нарѣчий нерасходится въ этомъ слу-чаѣ (желевъ) со старо-славянскимъ». Это положеніе дол-жно быть нѣсколько ограничено: ори *жмелъ*, *аольса*,

јемиоља, в.-дуж. јемјелина, п.-дуж. также, и һимелина, съ измѣненіемъ је азъ ји, і (какъ азъ юсто, esse testiculus при *устро*, id) сербск. имела, чешск. јмелѣ, meli, находимъ петолько русск. омела, по хорут. omela, также и сербск. (боснийск.) и хорват. по ссылкѣ Линде; ср. также Miklosich, Lexicon, омельникъ; при поль., лужицк., чешск., слов. и по ссылкѣ Линде, сербск. јелито, кишка, внутренности (Линде сравниваетъ съ лат. Но, мн. Пia, кишки)—хорут. олиka, мн.; при єсень русск. осень, чешск. јесенъ и осенъ; при једва русск. одва, хорут. (Mikl. Lex.) одвај, что Миклошичъ сопоставляетъ съ литов. adwobs. Кажность атихъ отклоненій должна быть соразмѣрна съ тѣмъ, что и всѣхъ словъ съ ивчальными ѕ=о немногого, едва-ли наберется два дасятка: аро-иѣ азыупомянутыхъ— ѿдинъ, ѿзеро, ѿжина, ѿже, ѿлень, ѿсе, ѿсетръ и немногіа другія. Затѣмъ, допу-стивъ, что дѣйствительно только Русский языкъ имѣеть о=иє (олень=юлень), обязаны ли мы изъ этого заклю-чать, что о изъ ѕ? О подобныхъ вопросахъ будетъ рѣчь ниже по поводу полногласія.

3) «Слова съ начальнымъ е, заимствованные изъ чужа, измѣняютъ въ Русскомъ этотъ звукъ на о: єлакоу—олѣй». Примѣръ выбранъ дурно, такъ какъ ольб, и.р. оля есть форма не только русскага, но и поль-скага, чешскага, хорутинская (olej) и сербскага (одвј при уль), и, вѣроятно, примыкаетъ прямо къ oleum; по есть значительное число другихъ прамѣровъ: Евсевій—и.р. Овсій, Евстафій—и.-р. Остан, Евстратій—Овъстротъ (Поаг. I, 31, Син.), Елзаръ—и.-р. Олизаръ, Елеве-рій—и.р. Олихвер, Олихвір (оба послѣднія стали родо-выми прозвищами), Емиліанъ—и.-р. Омелаи, Евдокія—и.-р. Овдотья, Авдотья (и.р. Явдоха), и.-р. Вивда (то есть, Овда), кажется, Евдоксія; Елена—Олена; и.-р. Орина изъ юрина, Ирина. Можетъ быть, сюда же отно-сится ѿсетръ—юсетръ, если это слово заимствовано, кавъ полагаютъ, изъ лат. starus (Miklosich Fremdwörterb.) черезъ посредство формы съ приставочнымъ е, въ родѣ e-stur (франц. esturgeon). Можпо думать, что здѣсь

русская *о* изъ *јо*, я это изъ *је*, *е*, то-есть, что, напри-
мѣръ, *Івсій* — изъ *Іовсій*, *Іевсій*, *Евсевій*, подобно то-
му, какъ болг. *аште*, при посредствѣ *јо*, какъ въ серб.
јоште, хорут. *јојсе* — изъ *јеще*. Относительно онущенія
ј ср. *Осипъ* изъ *Іосипъ*, *Акимъ* изъ *Иакимъ*. Однѣко,
еще вопросъ: слѣдуетъ ли тѣмъ же путемъ объяснить
и аѣѣ древнія русскія слова съ начальными *о*? Слѣдо-
вало бы, еслибы небыло другого способа объясненія;
но мнѣ кажется несомнѣннымъ, съ одной стороны,
что *о* можетъ возникнуть прямо изъ *а*, съ другой
— что отъ того же *а* можетъ пойти и *ю* черезъ по-
средство *и*. Такимъ образомъ *ашти*, напрасно, мо-
жетъ бывше стоять въ ст.-слав. *ашуть*, чѣмъ въ
ст.-слав. *юшуть*. Утверждение, что *ю* въ послѣдней фор-
ми «указываетъ изъ болѣе древнегъ *о*, а не *а*» (Schmidt
въ Beiträgen VI, 131) въ своей исключительности
произвольно: *юшуть* могло возникнуть изъ формы, то-
же отмѣченной въ памятникахъ, *ашуть*. Недумаю,
чтобы, на оборотъ, можно было доказывать произ-
водность *ашуть* отъ *юшуть*, указывая на такія позд-
нія явленія, какъ м.-р. *Ястухъ* (а не *Овтухъ*, хотя и
это встрѣчается въ западно русскихъ памятникахъ) изъ
Евтихій, *Ярема* изъ *Іеремія*. Напротивъ, относительно
ја изъ *а* можно сослаться, между прочимъ, на обще-
слав. *јаворъ*, заинствованное изъ нѣм. *аворн*. Такъ до-
гадывается уже Линде, а нынѣ Миклошичъ (Fremdwör-
terb.). Въ пользу этого говорить и б.-р. *јаһор*, въ коемъ
һ я прежде (Два изслѣд., 69) считалъ происшедшій
изъ *а*. Литовское *owaras*, *яоръ*, было бы въ такомъ
случаѣ древнѣе, чѣмъ *jowbras*, и указывало бы на рус-
скую форму *аворъ*. Подобнымъ образомъ хорут.-сербск.
јасика можетъ быть отнюдь не изъ *јесика* (хорут.), а
прямо отъ *а*, отъ которого въ другую сторону пошли
формы съ начальными *о*: русск. *осика*, *осина*, польск.
osikъ, чешск. *osukъ* (съ *у*?). Такъ, *ја* въ *јасенъ*, серб.
јасен, хорут. *јосен*, *јасан*, кажется древнѣе, чѣмъ *је* въ
Польск. *jesion*, Чешск. *jesen*, и пошло прямо отъ *а*, откуда
ј въ Литовск. *ysis*, *osis*, нѣм. *esche*. Такъ, *ј* въ М.-р.

ялинн, юль, и яловецъ, польси. *jadowiec*, чешск.-слов. *jalovec*. в.-л. *jadowc*, и.-л. *jalowejć*, можжевельникъ, можетъ вовсе не предполагать того *и*, которое выходитъ въ юль, если только эти слова сродны. Незнаю, можно ли приписать большую древность *ja* въ Хорв. *jelša* (при хорут. *olša*, *jelša*)?

Изъ числа старинныхъ незаветовинныхъ словъ съ русск. *о=ю* лишь одно, миѣ кажется, можно съ нѣкоторою увѣренностью объяснять такъ, какъ *Оасъ*—дасъ-віѣ, именно—союзъ *оже*, отсюа его къ иѣстопиенному корню *ja* (хотя отъ *оже*, сродній родъ и къ русскихъ памятникахъ имѣть *ю*, и не *о*: *оже*, *онже* и пр.).

IV.

Избранные о прохождении и въ и времени ихъ имечанийъ въ Русскомъ.

«Что глухіе древне Русскому языку были свойственны», говорить г. Колосовъ, «въ томъ целяхъ сопѣтываться въ настоящее время» (Оч., 26)—выраженіе не совсѣмъ точное, какъ видно изъ слѣянной тамъ же ссылки на мнѣнія г. Гаттала. Г. Гейндеръ, авторъ труда, поименованнаго въ заглавіи этой статьи, былъ, по его словамъ, слушателемъ профессора Гаттала и пользовался при составленіи своей книги советами этого ученаго (*Fonologie*, VI). Онь утверждаетъ, что русск. *о*, напримѣръ, въ *полоз* отнюдь невозникло изъ *ю*, какъ мы привыкли думать; что, напротивъ, вто *о* въ подобныхъ случаяхъ есть звукъ основной для старо-Болгарскаго (=ст.-Слав.) и Русскаго, но не для Польскаго, въ которомъ *ю* (редкую), равно какъ *и* въ *wilk*, суть ослабленія, возникшія независимо отъ ст.-Болг. и Русскаго (*Fonologie*: § 47). *Ю*, говоритъ онъ, такъ сказать, «передъ нашими глазами возникаетъ изъ *о* въ слѣдующихъ случаяхъ,

•1) въ творительномъ над. ед. ч. муж. и ср. склоненія *-а*; *гладъмъ*, *дѣлъмъ* изъ—*омъ*», ибо хотя въ

Остромировомъ Евангелії постоѧнно *тъ*, но въ Ассеманіевомъ Евангелії, памятникѣ глагольскомъ и по языку, болѣе древнемъ, постоѧнно — *омъ*;

2) въ иминительномъ ед. муж. того же склоненія, въ именѣ муж. (рабъ) стоитъ ряюнь съ бозѣ древнімъ *о* нынѣ среднихъ (вг о); что всѣ мужескія имена нѣогда оканчивались на *о*, неопровержимо доказываетъ Ассеманіево Евангеліе: древнее о вм. въ сохранилось при сіяниіи вмень съ указательнымъ мѣстоименіемъ съ, тъ: *риботъ, иноплеменикос*—формы,ничѣмъ неотличающіяся отъ средихъ *мътось, утросъ*.

«Въ сложеніяхъ словъ (бого-въгодынъ) сохранилось ствринное *о*, которое есть не что паое, какъ тематическая гласная въ окончаніи ослабленія въ з» (Fonologie, § 9).

Остановимся пока на этомъ. Говоря о большей древности Ассеманіева Евангелія и ряда другихъ подобныхъ памятниковъ, разсмотрѣвыхъ г. Срезневскимъ (Древ. глаголич. памятники, 57 и слѣд.), слѣдуетъ отличать случаи, какъ *брата*, или иѣкоторыи формы аориста, отъ другихъ, сообщающихъ языку Ассеманіева Евангелія характеръ относительной повизны, квковы: смѣшилъ з и въ (къде, Срзпн. 64, посылахъ 67, събрви 68, а съ другой стороны—истицанъ, 63, брашана, 65, дождъ и почти постоѧнно—*тъ* въ З-мъ л. ед. и мн. паст. вр.); опущеніе глухихъ (что—Среза. 64, ипкто же 67) между ироичимъ и на концѣ словъ (живот вѣчъпъ Срезн. 6; случаи эти у Гейтлера § 35); смѣшилъ въ и и (прымъ); постоѧнное въ вѣтъго ѹ и въ случаѣхъ, когда ѹ этимологически несомнѣнно (девѣтъ, вѣсь 66, лко 67); въ вм. ѹ (двѣрви 65), неправильности въ употреблениіи ѹ и ю (тѣже вм. тѣжв, слышихъ); нѣ вм. еи (блажени певидѣвъши Остр. вышен) и вѣровавши 69); випительный сходный съ родительнымъ въ случаѣхъ, гдѣ въ Остромировомъ Евангелії онъ сходенъ съ иминительнымъ (пригласи мѣжи своего, 66, вѣроуите въ Бога, 67). Нужно особое пристрастіе къ глаголитизму, чтобы въ этихъ отношеніяхъ поста-

вить Ассемпіево Евангеліе наравиъ съ Остромировымъ, или выше его. Я полагаю, что въ Ассемпіевомъ Евангеліи и подобныхъ ему памятникахъ о, е въ инонменникос (Остр.—иноплеменникъ съ) дает (Срезн. Глаг. пам., 6 = Остр. дѣпъ тѣ) совершенно объясняются тѣмъ же, чѣмъ и подобныя явления въ русскихъ памятникахъ (хъднотъ) и въ случаяхъ, приводимыхъ г. Гейтлеромъ изъ старо-чешского (учебного) и современного болгарского (правникот), именно тѣмъ, что конечный глухой звукъ мѣстоименія исчезъ и, вслѣдствіе этого, предыдущій прямой слогъ превратился въ средній, потребовавшій за тѣмъ, при новомъ фонетическомъ складѣ языка, замѣни глухаго звука чистымъ. Это совершенно такъ, какъ въ современномъ Русскомъ въ сон и т. п. (Два вѣка, 56). Тоже о творительномъ оже, предполагающемъ, что конечное ь уже не выражаетъгласного звука, выѣсто Остромировскаго змъ. Если бы въ твор.-омъ была общеславянская форма болѣе древняя чѣмъ -емъ, то въ пр.-вост. твор. ед. и. р. было бы пани, въ Польск. рапот, въ Чеш. рапіт (накъ въ дат. мн.) между тѣмъ, какъ на дѣлѣ — въ Мр. пани, въ Поль. и Чеш. рапет.

Мнѣніе, что раб-о возникло изъ раб-о и что было время, когда въ Славянскомъ изыѣ слова этого рода по звукописи ничѣмъ неотличались отъ изъ о, вызвало только желаніемъ доказать, что вообще въ произошло изъ о. Напротивъ, можно думать, что съ самаго того времени, когда возникло различіе родовъ и подежей, именительные мужскаго рода -ас и среднаго рода -ам уже никогда неотождествлялись и въ звуковомъ отношеніи. Положеніе, что Славянскій языкъ потерялъ воинчные согласные, если неприкрыть ихъ новыми суффиксами, вообще несомнѣнно, по ие въ томъ смыслѣ, что потеря конечныхъ согласныхъ наступила вѣдѣ одновременно, стерла прежнія грамматическія различія и заставила возвѣтъ вновь отыскывать эти различія вакъ-бы въ потьмахъ. Могло случиться и такъ, что -м въ а-м изчезло раньше, чѣмъ съ въ а-с, вслѣдствіе чего тематическое а въ обоихъ случаяхъ подверглось неодинаковымъ измѣненіямъ.

нимъ. Мнѣ кажется, что именно на это указываетъ Литовскій языкъ. Извѣстно, что съ въ *a*-съ уцѣльо въ литовско-Латышскомъ допытѣ, и только предшествующее ему *a* уже по раздѣленіи этого языка изчезло въ Литовскомъ въ вѣстныхъ случаяхъ (*rop s*, но *gars-a-s*, Schleicher, Lit. Gram., 82), а въ Латышскомъ во всѣхъ словахъ муж. р. темы *a*. Чѣд случилось съ среднимъ окончаніемъ *am*, объ этомъ, казалось бы, менѣе всего слѣдовало ссыпаться съ Литовскимъ и Латышскимъ языками, такъ какъ они потеряли средній родъ; однако, въ Литовскомъ сохранились остатки этого рода въ одной формѣ причастій стрвд. паст. и прошедш. и причастія необходимости въ *tisv*, въ безличныхъ оборотахъ, отчасти буквально сходныхъ съ такими, какъ *хожено*, *зажено*, польск. *mówiono*, ст.-чешск. *byto* (так *wbr*): литовск. *to dēl sūkota*, буквально —того дѣла говоримо, то есть, потому то и говорится, напримѣръ, я посланицъ; *taipo nedarama*, буквально: такъ недѣламо, то есть, твѣ негодится дѣлать (Библія); *ne torėjo tā wa-karą but skaičiu* (Schleicher, Leseb. 202), буквально —не имѣло въ той вечерѣ быть брано, то есть, не слѣдовало быть бѣлья; так *pawelyta* уг, мнѣ повелѣно; *tač Déwo žadēta, tbi prilikta buwo* (Schleicher Gr., 318), это отъ Бога обѣщано, это было допущено (о судьбѣ), *szénden eitina* (ib. 320), буквально —сегодня идемо, то есть, необходимо идти.

По видимому, и въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ лит. *je rado dang iszwogta*, они нашаи (что) много выкрадено; *jis rado swelimo buta*, онъ нашель (что) (отъ) чужого быто, то есть, что кто то чужой быдъ, —нѣть надобности писать этимологически *iszygta*, *buta*, какъ цу-мадъ Шлейхеръ (Lit. Gr., 319). Окончанія *-m*, общаго въ среднемъ родѣ ед. ч. третій падежамъ, давно здѣсь неиздѣво; между тѣмъ знакомъ ринезма, напримѣръ, *ą*, означается обыкновенно относительно недавнія потери носовой согласной, которая можетъ быть возстановлена внутренними средствами Литовскаго языка, безъ помощи болѣе обширнаго сравненія. Различеніе, подоб-

ное тому, какое звучитается между лат. муж. *sakomas* и средними *sakotā*, могло дежать въ основаниі славянскаго различія между аоречнымъ *a* и *o*. Латышскій языкъ при этомъ оставляется въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ, въ случаяхъ подобныхъ вышеприведенныхъ, стаутся причастіе въ мужскомъ родѣ: *dews gan gulēts*, буквально—довольно спанъ, то есть, спано (Bielenstein, Lett. Gr., § 770). Сравнительно съ Литовскимъ, аго зведеніе поздне. Незпаю, по сколько, изложенное мною нижніи обѣ исчезновеніи *-m* въ именит., винит. ед. сред. въ славяно-литовское время можетъ быть ограничено или опровергнуто тѣмъ, что Биденштейнъ говорить о латышскихъ парѣчіяхъ на *-at*, *u*, *im*, въ какъ, по его словамъ, павѣрка сохранились формы средняго рода (Lett. Gr., § 210). Онъ не говорить, какой именито подежь онъ разумѣть, такъ что изъ его словъ наслѣдуется, чтобы онъ считалъ латышскіи парѣчія *klausim*, *klausu* атиологически равными съ *тихо*. Окончаніе *at* можетъ принадлежать не именительному—винительному, о другому подежу, напримѣръ, дательному ед. ч. въ смыслѣ творительного, хотя послѣдній въ ед. ч. въ Латышскомъ языѣ соотпадаетъ не съ дательнымъ, какъ во множественномъ часѣ, а съ винительнымъ. Павѣрное является дательный въ одномъ изъ приводимыхъ Биденштейномъ примѣровъ, имеющіо въ ра *maz-om* =и.-р. помалу, срав. лат. *ro māžam* (предл. *ro* съ дат. ед.)=бо мволъ времами (Schleicher, Lit. Gr., 291) и лат. *ratažu*, *rataži*, тоже, чтѣ *rataži*=мр. помалу. Но неиско, какой подежь въ литовскихъ парѣчіяхъ *lengwà* и *lengwà*, тихо, медленно. Есть ли ато сокращеніе изъ *lengway*=льгъцъ, или вто—тожа, что *ravilyto*, то-есть, именительный ед. ср.?

Что *o* въ бого угодынъ есть тематическая гласина, или точнѣе, занѣчио основной тематической гласной *a*, это таинъ; но что изъ этого слѣдуетъ, будто *z* въ *Boga* перешла черезъ ступень *o*, этого невидно: условія, при которыхъ возникло *z* въ *Boga* и *o* въ *бою*, различны.

Было бы долго разсматривать пары изъ словъ,

приводимыя г. Гейтлеромъ (§§ 9, 3, 4) аль доказательство происхождения з изъ о. Вообще чередование аль етихъ словахъ з и о троякаго рода: 1) такое, которое мы относимъ къ случаю позднейшей замѣны глухаго ввукъ чистымъ, а г. Гейтлеръ изобрѣть, напримѣръ, дождь—дъждь; 2) такое, где з вмѣсто о есть или ошибочная, или діалектическая, то есть позднейшая замѣна, напримѣръ всевъ виѣто воскъ; 3) такое, где въ двухъ различныхъ образованіяхъ находимъ въ одному о, въ другое з, напримѣръ, корень и крѣ, при чемъ каждый изъ этихъ звуковъ за своеи иѣстѣ, по нашему, общеславянскій.

Допуская второй случай, а тѣмъ самымъ прѣзнаю, что въ отдельныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчияхъ, кроме новоболгарскаго и хорутанскаго (гдѣ это часто), имѣются еще имѣлись глухіе звуки позднейшаго образованія, и что основное о можетъ діалектически перейти въ глухой ввукъ и исчезать, такъ аль руссковоѣ литература. *ров-з—рва* (изъ *rвза*), при основной формѣ *ровъ*, род. *рова*, но аналагіи съ *ротъ*, *рта* (осн. ф. *ротъ*, *рта*). Но я слѣдую тѣмъ, которые отличаются позднейшіе глухіе въ позднейшіе бѣглые гласные отъ тѣхъ, которые предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями.

Рѣшительное доказательство г. Гейтлера заключается аль слѣдующемъ (*Fonologie*, § 10):

1) «Нѣтъ объективнаго доказательства, что з возникло изъ а», а между тѣмъ «естественній переходъ отъ а къ слабейшей гласной з составляетъ о». Естественнымъ г. Гейтлеръ называетъ здѣсь априорное рѣшеніе, что возможенъ только такой, а не другой переходъ. Мало ли что въ языкѣ считалось невозможнымъ, но оказалось действительно существующимъ? Въ настоащемъ вопросѣ можно сослаться на то, что южно.-а.-р. имѣно основное а, а равно и а изъ о неударяемаго въ извѣстныхъ случаяхъ, переходить въ глухой ввукъ: *з-варит* (3 слога) не изъ *говаритъ*, а ближайшимъ образомъ въ *говарятъ* (см. Два изслѣдованія о зеукахъ Русск.языка, 61—62).

Въ такой же глухой звукъ твкъ же могутъ проходить и всѣ остальные твердые гласные (см. ib.). Поэтому мнѣ нисколько не кажется пужнымъ предположеніе, что основное *у*, чтобы стать глухимъ звукомъ, должно было перейти черезъ ступень о (Fonologie, § 12): въ могло правообразоваться изъ *у*. Славянскія формы съ о твмъ, где предполагается основное *у* (медо-точевъ, дат. мн. сынонь), легко объясняются по фонетической, въ переходомъ темы *у* въ тему-*а*, то есть, гдѣ, что форма *медо* образована на согласно съ тою темою, которую мы находимъ, напримѣръ, въ звателныхъ *medu*, *smu*, въ твкъ, какъ бывало основная форма темы есть *madba* и *sana*. Въ иныхъ случаяхъ допущеніе основного *у* можетъ быть и ошибочно. Такъ, ошибочнымъ кажется мнѣ мнѣніе, что о въ льгота принадлежитъ къ именной темѣ *лашу*, а не къ суффиксу (осн. ф. *atâ*); что первое з въ *плака* тоже изъ тематического *у*. Въ послѣднемъ случаѣ г. Гейтлеръ напрасно слѣдуетъ за ссылкою Миклошича (Lexicon; пѣськъ) на Потта Forschungen, 2, 1, 324, и сближаетъ славянское слово съ санскр. *pânsu*, пыль. Практически было сближено *пль-зка* относительно корня съ санскр. *piñsh* (VII кл.), растирать (какъ скр. *churñā*, пыль, собств. пѣчто растертое), куда тануть и славянскія слова *пѣшено*, *пѣшеница* (Mkl. Pott.), и съ литовск. *raiš-utî*, окодачивать ячмень, обмолачивать, русск. *опихать* пшено. Суффиксъ *-зка* было бы произвольно дѣлить на *з-ка*, или *з-к-ъ* вместо — *з-з*. Первое з здѣсь принадлежитъ суффиксу производного слова, а не тамъ первообразнаго.

Въ § 14 и слѣд. г. Гейтлеръ старается доказать, что въ ближайшемъ образомъ возникло изъ *е*, каковъ бы ни былъ основной звукъ, предложенный этимъ послѣднимъ. Его доказательства здѣсь вообще сходны съ тѣми, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе о происхожденіи з въ о. И здѣсь на первомъ планѣ формы Ассамашевъ Еванголія, то есть, то, что памъ представлется позднейшему замѣнью болѣе древнаго з, именно формы: *депеть*, *стринеть*, *вѣренѣць*.

Чередование между *e* и *ъ* въ странахъ, при странь-
на приводить г. Гейтлера не къ тому заключенію, что
въ первой формѣ *z* на концѣ уже непроизносилось (Mi-
klosich, Vergl. Gr. I. 72), а къ тому, что въ второмъ
чредованіи съ древище, чѣмъ *e* (Fonologie, § 19, 4).
Чешскія формы *den*, *lebky*, *rez*, а равно и соотвѣт-
ствующія имъ вышнія русскія съ *e* для автора сту-
пенемъ древище, чѣмъ *dъnъ* и пр. (ib. § 20). Точно тѣк-
же и формы родит. множ. *dъnem*, *ludem*, *dъtsem* (Ассем.
Евангеліе) и такія же вышнія русскія для него древ-
ище, чѣмъ *dъnim* и пр. Напрасно возражать, что окон-
чаніе *и* не только есть господствующее въ тѣхъ ство-
ренияхъ памятникахъ, которые мы считаемъ болѣе
древними, но и предполагаетсяпольскимъ, чешскимъ и
сербскимъ, что *e* является господствующимъ и въ рус-
ской письменности далеко не съ самого ея начала.
Г. Гейтлеръ предпочитаетъ заключеніе отъ созданіаго
имъ самимъ общаго: «Всякое краткое *i* (i) изъ славян-
ской почвѣ измѣняется въ *e*; слѣдовательно, окончанія
родительного множ. *iu* (лит. aka *iu*, žver-*iu*) перешло
сначала въ *ea* *), за устраненіемъ глаѣтъ—въ *ejz*, по-
средствомъ ассимиляціи—въ *em*, оттула, вслѣдствіе уже
полной ассимиляціи, въ *ia*» (Fonologie, § 26).

Для себя я считаю лучшимъ оставаться при сдѣлу-
щемъ инѣніи о происходженіи *z*, инѣніи, которое какъ
и Гейтлерово, есть только *mutatis mutandis*, повторе-
ніе инѣнія объ *z*: *ъ*, какъ и *z*, есть звукъ общеславян-
скій. Кромѣ позднѣйшихъ отклоненій, чистые звуки, изъ
коихъ возникли вѣти глухіе, относятся не къ славянско-
му, а къ дославянскому періоду. **) Возникновеніе *ъ*
предполагаетъ *иѣкоторую* степень плаваталізаціи преды-
дущей согласной, а за невозможностью непосредствен-

*) N. b. *з* несѣтъгласнаго звука!

**) По Гейтлеру (Fon. § 27) «даже въ отдельныхъ слав.
варѣчихъ чистые гласные древище глухихъ: «полныя переходить
въ полугласные, а не наоборотъ».

ной палатализациі, азимпене гортанной въ шипящую. Въ этомъ отношениі въ сходно съ *e*. *Б* въ копѣ и є въ леже однажды предполагаютъ *a* послѣ пебцой согласной, но возникли при различной обстановкѣ, о чёмъ уже сказано выше по поводу з и о. Что глухой звукъ можетъ непосредственно происходить изъ *ж* и другихъ йотированныхъ гласныхъ, это видно изъ юж.-в.-р. *ni-r-яй* (4 слога; можно бы написать *ни ръ-яи зи*) изъ пирлязай, то-есть перевези, и т. п. При такожъ же условіяхъ какъ и въ *кенъ* (*ь=ја-с*) ь, по всей вѣроятности, возникло изъ *ју* между прочимъ въ тѣхъ именахъ муж. р. на *и*, въ коихъ ь на концѣ не писалось, но безъ сомнѣнія, произносилось, и ион соответствуютъ литовскимъ на *jns*. Возникновеніе въ изъ *e* въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, но оно ошибочно, такъ общее правило.

При определеніи первоначальной разницы между ь и є въ фонетическую единицу должны приниматься не эти гласные сами по себѣ, а ихъ сочетанія съ предыдущей согласной, независимо отъ коей ь и є были тождественны. Тотъ фактъ, что въ стар. Сербскомъ оба глухіе замѣняются однимъ знакомъ ь, а потомъ оба переходятъ въ чистое *a* (сынъ=сан, дынъ=дан), допускаетъ такое толкованіе: при своемъ начальномъ обособленіи нарѣчіе *удеражаје* первоначальное тождество гласного элемента еровъ, именно потому, что уже тогда началась вѣнь исчезать разница между твердостью согласныхъ передъ ь и мягкостью передъ є. Въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ русс. языке, въ тоже время противоположность твердости и мягкости согласныхъ стала увеличиваться, что повело къ разграничению гласного элемента с и є, а за тѣмъ къ различнымъ ихъ замѣнамъ чистыми. Въ свойствахъ глухихъ звуковъ и ихъ замѣнъ въ Сербскомъ и нем.-гру усмотреть основаніе для предположенія, что это нарѣчіе обособилось раньше другихъ слав., когда послѣдніи составляли еще одинъ языкъ (ср. Jagiб, Podmladjeno uokeliz. 24, Rad IX).

Мнѣніе мое объ общемъ звучаніи ь и є выходитъ

къ связн съ изложеннымъ ниже, въ главѣ «объ этимо-
логичихъ различеніяхъ гласныхъ» именемъ объ А и д.^{*)}

Относительно произношеннія и въ древнѣмъ Рус-
скомъ я думю, что хотя эти вкуки незадолго до своего
перехода въ о, е должны были быть близки къ этиимъ
послѣднимъ, но близость эта, какъ уже упомянуто, не-
была тождествомъ. Свойство глухого звука именно и
состоитъ въ пѣкоторой неопределённости. Быть можетъ,
следуетъ придавать иѣкъ тօре значение тому, какъ пра-
ставлялись эти глухіе звуки ближайшимъ сосѣдямъ Ру-
са. Въ Литовскомъ, при большомъ количествѣ поздней-
шихъ заимствованій изъ Русскаго языка, сохранился
въ тавіи, которая кважутся болѣе древними, чѣмъ неизвѣ-
шненіе еровъ въ Русскомъ. Если въ Литовскомъ *gru-*
niczin, *gesindeslube* (то-есть, грильница) исчезло, то опо
сохранилось въ видѣ і въ *griwina* (грильна), *kriwida*
(крильда), быть можетъ, и въ *kriwogis* (трызога), между
тѣмъ, какъ *kriwotі* могло вовинивнуть черезъ зап. и
южн. русск. *triwamti* изъ поль. *trwaс* (одинъ сағъ).
Въ числѣ случаевъ, на которые указываются, квкъ на
подтвержденіе того, что въ произошло изъ основнаго у
(и), есть твкія литовскія слова, которыя мнѣ кажутся
прямими заимствованіями изъ Русскаго языка и въ ко-

^{*)} Для сравненія привожу слѣдующ. изъ Рассужд. о Слав.
языкѣ Востокова (1820, перепеч. въ Уч. З. Ак. И. И., 18):

«Полугласныя э, ө имѣютъ иное суть, какъ стражданіе воз-
духа изъ гортани, отребновъ для образования всѣхъ въ пять
гласныхъ а, е, и, ө, ү, во ведостигающее сего жалкаго изгла-
шенія, потому что, на половинѣ пути остановленіе, ударяется
въ небо, вѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта.
Бѣлье подходитъ въ чистымъгласнымъ отъ того, что гортани-
й воздухъ для произношеннія его совершаєть въ устахъ болѣе
пути и ударяется въ среднюю часть вѣба, почти икъ десницы; э,
вzapротивъ того, при самомъ находѣ изъ гортани въ мѣбо уда-
ряется... ө или Ӧ (ибо это одво и тоже) находится и въ дру-
гихъ взыахъ подъ имѣемъ ј или ү.... Западные Славяне, ин-
шущіе латышскимъ буквамъ, везибуть у себя знака для дебе-
лой полугласнѣй, вромъ Полвонъ, яонъ и выражаютъ инословно
з

иихъ, ииоборотъ, литовское *и* передаетъ русское *и*: *kisetus*=*къметь*, *tulkas*=*тълка*, (иъ звученія толковніхъ), *tulkoscus*=*тълкачъ* и *tulbosczus*=*идем* (вѣроятно тълкмвчъ, ср. мр. товкмбчти), *ruikas*=*тълкъ* (въ рицкыхъ значеніяхъ, такъ и въ Литовскомъ, ппвримѣръ, подложкъ дѣнокъ, какъ говорится «дѣнокъ твбуокъ»), *kurtiai*=*хъртъ*, *stulpan*=*стъль*, *strustis*=*трѣсть*. Слова, какъ *тълкачъ*, изъ этой формѣ пѣтъ въ Польскомъ (есть *Ишкеек*); будь оно заимствовано хотя и изъ Русскаго, но поздно, когда *и* измѣнилось изъ немъ въ *о*, то око имѣло бы въ Литовскомъ *a* (*talk*), и не *i*.

Съ другой стороны, есть случаи, въ коихъ русскій *и* является въ Литовскомъ и въ другомъ видѣ. мр. *dabati* на що (польск. *dѣбат* на со, обращать вниманіе) предполагаетъ форму *dabati*. Въ этомъ словѣ *и* въ историческомъ времени наподоба непроизносилось какъ чистое *о*, иначе оно немогло бы исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, я думлю, что отъ этого *и* произошло *и* въ Литовскомъ, заимствованномъ *daboti*, между тѣмъ, какъ лит. *ptobi*

перечеркнутыи 1. Противъ Славянамъ вевужно теперь такого звука, потому что они потеряли звукъ изображаемый *и-мъ*. Въ боязни, словѣ чѣ слышевъ полугласный звукъ ве дебелый, такъ вѣкъ, и ве товкѣ, такъ вѣкъ, а средній, какимъ сопровождается *и* въ Нѣм., и Франц. Богемцы, Сербы и можетъ быть вѣкъ. Славяне весьма рано утратили... ежели когда имѣли, дебелый полугласный звукъ *и-ра*... Сербы и Болгары потерявши *и*, потеряли и составную съ нимъ гласную *и* или *ы*, которую нынѣ есть Юго-славянце такъ и выговариваютъ. Они замѣнили и въ начертаніи сей составной буквы *и* *и-и*, можетъ быть еще въ X или XI в.

Здѣсь ошибочно различаютъ по степени ихъ чистоты, отомдествливѣе гласного *и* съ согласнымъ *j*, сиѣшкіе твердости и мягкости согласныхъ, составляющихъ съ *и* въ одинъ слогъ съ противоположностью твердыхъ и мягкихъ согласныхъ и слушанихъ, такъ *ла*, *ля*. Но въ томъ, что Востоконъ называлъ большую близость *и* къ козынѣ гласныхъ и прираженіемъ воздуха къ передней части неба, можно видѣть лишь небность согласной передъ *и*.

ашло отъ формы *дбати* уже безъ з, но, быть можетъ, снабженной въfonиче-кою приставкою, какъ въ *аечера-щера*. Въ ктой послѣдней литовской формѣ, по недоразумѣнію въ силу стремленія осмысдить этимологически-пейсное слово, отъ првнто за литовскій предлогъ *at* и отъ якобы—предложного глагола *kt воji* образованъ простой воjn—*boti*—*дбаю*—*дбати*.

О времени исчезновенія глухихъ гласныхъ въ Русскомъ языке г. Колосовъ говоритъ: «глухіе въ XIV вѣкѣ по всей вѣроятности въ рѣчи уже не слышались. Въ томъ убѣждаетъ: частое опущеніе ихъ въ корняхъ и суффиксахъ, замѣна чистыми тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе стеченія согласныхъ, совершившее отсутствіе гласнаго невозможно... Слѣды глухаго сохраняются однакоже и въ ктому вѣкѣ, т. е. является еще передко на мѣстѣ глухого чистый тамъ, гдѣ въослѣдствіи его уже не встрѣчаемъ, напр. Болопескъ, Можаескъ, царство» (Оч. 102). Въ болѣе позднемъ своемъ соч. г. Колосовъ, какъ въ слѣдуетъ, болѣе специализируетъ вопросъ: «Случай сохраненія слѣда глухихъ въ (новомъ) сѣвер.-вѣр. паводить на заключеніе, что къ немъ глухіе жили долѣ, чѣмъ въ южномъ. Слишкомъ однакоже сомнительно, чтобы даже въ XIV в. они, какъ думаетъ г. Потебник (Двк изслѣд. 56), не сѣверъ произносились еще явственно какъ глухіе. Едва ли въ то время они гдѣ либо въ области Russ. языка кще слышались» (Матеріалы, 20).

Посмотрю еще разъ, великъ ли иланчикъ сомнительности въ томъ моемъ мнѣніи, что древніе глухіе во все не такъ доклеко остались за нами, какъ думаютъ некоторые, между прочимъ и болѣе радикальные въ ктому отношеніи, чѣмъ г. Колосовъ.

Во-первыхъ, относительно ювр. Конечно, здѣсь пе-можетъ быть рѣчи о массовомъ появленіи новыхъ глухихъ звуковъ изъ древнихъ чистыхъ въ ювр. говорахъ

(Дви изслѣд. 61, 66); но никто меня неубѣдить, что я неслышалъ зъ нынѣшией ювр. пѣснѣ (т. е. въ пѣнїи) явственныхъ слоговъ—*тг*, зъ: «за рѣшо-тъ-камъ, за же-лѣ-зъ-ными». Раваю, никому и меповѣрю, что теперь нельзя услышать «Курбск» (небное рѣкъ неизвестноое е) при одисложномъ Курск и Курск. Зная обычныя фор-мы «живши, бымши, богатства, смѣртномъ», за что, если не за *survival* древнихъ глухихъ гласныхъ, я должъ счестъ формы: живши, бымши (Можайса. у. Квѣ. пер. I, 45), богатства, ib., богатства ib. 52, при семѣртпомъ часѣ, ib. 97, при семѣратнини часѣ (ib. Влвд. г. уже съ свр. отѣвкомъ; семѣрт...)? А между тѣмъ нась отдѣляетъ оть XIV в. полъ тысячелѣтія. Поэтому въ нимало несомнѣваюсь въ томъ, что и въ русск. конданарвхъ XII—XIII в. (Срезн. Пви. Русск. письм. 186, 220) заключено несомнѣвное свидѣтельство того, что въ это время въ русск., поираией иѣрѣ иѣств-ни, слоги съ глухими противились въ пѣнїи: «отъ зъъ лъхъ тъ»=отъ зъль (но съ графическимъ изобра-женіемъ того глаганья, которое и теперь можно услы-шать въ деревенскихъ церквяхъ), «льънъ съъ»=дѣньсь. Извѣстно, что стихирадь конца XIV или нач. XV в. съ зрюковыми нотами подъ з и б (въходъ—трехсложн., ликъ—2-хъ сложн., свѣтыни—4-хъ сложн., весей=всей) двѣй осаованіе Востокову сказать, что сеіи буквы зъ старину слышими были въ произвоше-ніи, а въ пѣнїи протягивались также, какъ у Фрвицу-зовъ въ шпетѣ Вост. Оп. Рум. Муз. стр. 650). Эти «старина» была между прочимъ и XIV в. столѣтіе. Въ позднѣйшихъ стихирадахъ XVI и XVII в. сохраниется тоже живое преданіе, съ тою разницею, что ви. зъ ставится чистыѣ о а е: «возносинъ себе сомиритеся. Сомиримося предо Богоме мытаресы постоме аозываю-ще»; ив аедвижимоем камени, святыи духоме» (ib. 651—4). Я говорю здѣсь объ этихъ памятникахъ не потому, что считаю ихъ ювр-ми, а лишь по поводу глухихъ, слышныхъ спорадически въ пынѣшнемъ пѣнїи, конечно, больше, чѣмъ въ просторѣчіи.

Изъ двухъ ашепркведенныхъ мѣстъ видно, что г. Колосовъ видѣть въ формахъ, какъ Болоескъ (XIV в.), не грѳфическое только, но настоящее е. Между тѣмъ, такъ какъ опущеніе чистыхъ гласныхъ въ Русск. языкѣ вообще рѣдко, то вся аброятность въ пользу слѣдующаго: если бы въ XIV в. или раньше въ именахъ на -ѣск проазносилось чистое е, въ не ь, то это е, таکъ и осталось бы донынѣ, какъ въ человѣческій и т. п. Однѣво въ -ѣск (ъ) всевозможнѣе вездѣ, гдѣ только была возможность его выпустить. Отсюда видно, что въ южно-великорусскихъ (по вѣрѣней мѣрѣ не новгородскихъ) грам. XIV в. -ескъ слѣдуетъ читать: єск(ъ). Такъ въ Духовной Ив. Квилты 1328 (Соб. Г. Гр. I, № 21) Можвѣскъ (т. е. Можвѣльск), при постоянномъ сохрвавіи ѣ въ другихъ именахъ на єск: Коломенъ-сими, въ Похрвнѣскомъ у., село Рузьское, кникъ и ны Дух. Сгм. Ив. 1353 (ib. № 24) — у Дрюцьского. Въ послѣднемъ слогѣ и вм. т (Дрютьскъ) показываетъ вѣ исчезновеніе ѣ, а лишь вліяніе с на т' черезъ ь. Въ Догов. и дух. гр. Ди. Ив. 1388—9 (ib. № 33—4)— Можлескъ, Болоескъ при є въ Коломенъскій, Звенигородськіе и з въ—Московъсихъ. Въ запад. русск. гр. короля Влад. (Срезн. Пам. Русск. п. 266)—Менескъ, Вобрускъ, Ропонескъ, Логожескъ, Полтескъ. Формы: Логозская двпъ и Погоцкомъ допускаютъ твкое же толкованіе, какъ и выше Дрюцьского, имевшо Логозъсая, Погоцкомъ. Изъ написавій Козлескъ (1405 г. Соб. Г. Гр. № 38), прв иныѣшнѣй Козелъсв, видно, что и вапасвніе Козельска (ib.) слѣдуетъ читать четырехсложнно. Кто говорить дщак (в не чак), тотъ тѣмъ спынѣтъ доказвывать, что аль его произножевіи сохрвился з, послѣ д, хотя и не столь явственны, какъ въ ствр. дъшви. Тавамъ образомъ в написвніе: по Тциу, отъ усть Тцим, по Тиснѣ (Дог. гр. Ди. Ив. съ Олег. Рнз. 1351, С. Г. Гр. I, № 32) убазыввать на слѣдѣ глухого, потеряннаго въ иныѣшнѣй Цв. Итакъ въ этихъ, а вѣроятно и въ иѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, глухіе въ ювр. XIV в. существовали.

Что же тутъ мудрѣвго, если въ подобныхъ случаевъ они есть и теперь? Что до конечныхъ *ь*, *ъ* въ ювр., то и я того мнѣнія, что въ это время она уже необразовывала слогоа.

Во-вторыхъ, относительно нѣкоторыхъ свр. говоровъ.

Самъ г. Колосовъ приводитъ аамѣчаніе Гильфердаага, что однъ Пудожскій пѣвецъ ви. з (изъ концѣ) произносилъ почта *ы* (идуты=ть), а ви. *ъ* въ *ъск*, *ы* — почти *и*. Къ послѣднему случаю примываетъ то, что и вообще въ Онежскихъ пѣсняхъ, на иѣстѣ *ъ* въ суп-финсвхъ, опускавшего въ другихъ русск. говорахъ, встрѣчаешь *и* и *е*: крылечко, колодцы, къ обѣдни. См. Колосовъ, Матеріалы 18—19, а также 20, 38, 43, 45, 46. И прежде было извѣстно, что аѣ свр. говорахъ записыватели слышится па иѣстѣ древнаго *ъ* (основнаго, иликъ прошедшаго изъ *ъ*, вокъ уже въ гран. 1229 г. отадето=ть)—о и а (идето и идетъ, З ж. ед.), именао въ просторѣчи, а аа иѣстѣ *ъ*, пенаображаша-гося па письмѣ, по существовавшаго въ древнемъ язы-кѣ въ окончній *ый*, *ой*, въ пѣсняхъ—то *е*, то *я*, то *ю* (копъ косматыѣ, добрыя=ый, правою=ой, дат. ед. ж.). См. мое сочин. Дав изслѣд. 74—5. Отсюда ипѣ яспо не только то, что аѣкоторые свр. говоры удерживаютъ до мынѣ гласное окончніе (=древн. *ъ*, *ь*), по а то, что вто окончаніе—весьма неопредѣленнаго свойства, т. е. что въ аенъ слышенъ глухой звукъ, хотя, вѣроят-но и не такой саинѣ, какъ въ древнемъ языкѣ. Что типное заачить заявленіе, что пѣвецъ произносить почта *ы* во «Владимѣръ=меръ», вто мы знаемъ по ювр. слу-чаямъ глухого звука (изображенаго пѣваторыми по-средствомъ *ы*) аѣзъ древнаго *о* и пр. ивприаѣръ, *ъ* г. д. вв (З сл.). Встрѣчая въ пѣснѣ, для разиѣра, формы по-слѣ-дѣ-няв (5 слог.), Владимѣръ, добрые (=ый), мы не вѣримъ еще скозинъ, что тоже возможно аѣ въ просторѣчи. Такъ, слыша въ фѣпіи француз. *e tue* (*gloire*, 3 слога), мы обыкновено неслышимъ его въ говорѣ. Но пѣсня сааа есть проявленіе слови, и между иною въ

г. Колосовыиъ существует недоразумѣніе, вслѣ оны (Матер. 43) нехочеть видѣть въ пѣспѣ живаго народнаго языка, потому что у неи свои условія стиха и мѣры. Поэтическія вольности идѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаахъ, состоять двинь въ несокиѣиъ обычномъ удержаніи стихи; або, какъ трехсложное gloire не вѣстъ растяженіе формы gloir, а па оборотъ, танъ и добрые — не изъ доухсложнаго добрый, и па оборотъ.

Прежому пятимъ къ стар. свр. памятникамъ. Уже здѣсь, еще не дошедшія до мр. парѣчіа, я ставливуюсь съ мнѣніемъ г. Житецкаго. *) Относительно грам. 1229 г. (Срезн. М. обѣ ист. Русск. яз. 194 слѣд.; прилож. изъ Русско-лав. пкт.) я держусь того мнѣнія, что въ пѣкоторыхъ изъ изводозъ этого памятника нѣтъ никакихъ слѣдовъ книжно-церковнаго вліянія. Тѣмъ смиришь я прѣзнаю ошибочность мнѣнія г. Гаттала (Учѣбн. о Грам. Бул. 19, Сас. щ. кг. б. 1882), повторяемага г. Житецкаго (напр. У. И. № 8, 611), что чѣмъ сти-рѣе памятникъ, тѣмъ болыше онъ придерживается старо-болгар. образцовъ, и чѣмъ позже, тѣмъ болѣе прибли-

*) «Очеркъ звуковой истории Малорусского нарѣчія». Сочин. это поимѣнно въ 2—3 ви. Біевск. Унів. Иак. 1875. Приложіе — въ кн. 9 въ саѣд. Касатель адѣсь только къ многихъ затрудненныхъ въ языке вопросовъ, и вообще, противопоставляя это соч. сжатымъ соч. Колосова и Гейтлера, замѣчу только одно: оно слишкомъ многословно въ было бы лучше, если бы было въ иѣсноюль разъ меныше. Если бы (допустимъ вѣроятнѣе) ученикъ, съ такимъ напасомъ данныхъ, какъ Миклошичъ, былъ такъ говорливъ, то овъ, иѣсто своихъ 4-хъ томовъ Грамматики, долженъ бы написать томовъ сорокъ. Пытайче и у васъ время дорого. Я арошу читателя неизполний полагаться на г. Житецкаго, когда онъ приписываетъ ииѣзистыи мнѣнія: Напр. за стр. 587 (У. И. № 7) онъ, ссылаясь за мое сочин. Для изслѣд. 12, говоритъ: «устраняя изъ этихъ словъ вѣнторую ветоочкость изъ вазнаніи же, то общерусскимъ, то венгово-русскимъ, мы вполнѣ согласны съ г. Шотебней въ томъ, что въ мр. нарѣчіи же образовалось изъ дж, а это посѣдннее изъ перваго». Между тѣмъ у меня бывально и безъ грубыхъ опеч-

жается аль простонародвой русской речи. Тутъ вѣдно различить дѣя вещи: сознательное устраненіе подражавія и безсознательное подчиненіе вародному изызу. Отъ послѣднаго мѣтѣ зястракованы древніе писцы, чѣмъ позднѣйшіе, болѣа авижные. Извѣстно мѣбаѣ Ак. Срезевскаго обѣя отношеніи правописанія упомянутой грамоты къ произношенню: «Если можно было смѣшивть на письмѣ зъ съ е=ль въ зъ съ о, звачить и спыне звука ими изображаемые смѣшивались въ произношеннѣ, т. е... зъ (произносилось) сходно съ е=ль, а зъ съ о. А что они выговаривались только сходно, это довѣряютъ случаи пропуска е и о въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заступить могли бъ, тѣ: горда, сербра, смыти, напсати ви. города, серебра, смыти, напьсати» (Мысли 195). Здѣсь между прочимъ иѣро то, что пользоваться подобными памятниками можно лишь признавая яобходи-
мость яхъ толкованія, сривневія различныхъ нвписаній въ нихъ самихъ и другихъ близакихъ по времени и ха-
рактеру. Г. Житецкій другаго мѣтнія: «Мы приви-
емъ фактъ, каарь онъ есть: стоять чистые вмѣсто глу-
хихъ, мы и понимаемъ ихъ чистыми, а накаарь ве глу-
хима» (У. И. № 3, 257). *) Въ грам. 29 г. «непри-
бѣгаа къ ватяжкамъ, можно видѣть только равенство з

такъ отонѣ слѣдующее: «Господство звука жъ изъ дѣ (—ст.-
слав. жд) въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности
слумитъ доказательствомъ, что различіе иежу дѣ (Mr.) и жъ (Br.)
было начѣчено раздѣленіе Русскаго языка на нарѣція не
позже X—XI в. Жъ изъ дѣ въ украинскомъ, вѣреято, новѣ,
чѣмъ жъ изъ дѣ въ великорусскихъ говорахъ, кроме бр. Невѣ-
жму возможности предположить, что не Mr. жъ (т. е. вознязло)
сѧзъ сохранившагося въ Mr. дѣжъ, а наоборотъ, послѣдаeе — изъ
общерусского жъ, т. е. я (и теперь, десять лѣтъ спустя) считаю
невозможнымъ предположеніе, что Mr. роджсу — изъ шкѣбы
общерусского рожю; наоборотъ, и думаю, что Mr. рожу произо-
шло изъ ируссаго же роджсу.

*) Отсюда бы слѣдовало, что иѣ такихъ памятникахъ, какъ
Псалт. Marg. скосф, реcнs, всzугрессz sustинеге, вужно чи-
тать; скосф, сымреца и т. п.

и въ гласныи о и е... а никакъ не глухое, древне-славянское произношениe з и ъ... Мы несомнѣваемся въ томъ, что з и ъ очень часто были слышны въ произношениi, но именно какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы неумѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося з и ъ, квкъ о и е, они немогли поладить съ четырьмя буквами, вырижавшими два звука, и потому постоянно смѣшивали или бывы между собою». *) Напрасно несомнѣвющійся авторъ говорить (*ib.* 256), будто онъ присоединяется въ этомъ случаѣ къ Мивлоничу. Слова Микалоича, на которыхъ ссылается г. Житецкій и раиыше его г. Коллосовъ (Оч. 17), слѣдующія: «въ гр. Мст. Дав. замѣту з и ъ на концѣ словъ посредствомъ о и е слѣдуетъ приснѣсть или тому, что здѣсь еще слышался звукъ (гласн.). «или, что въроатнѣе, ошибочной аналогіи... Подобное встрѣчается и въ Ноаг. пам. XIV в.» (*V. Gr. I*, 381). Какая ошибочная аналогія могла заставить писцовъ иѣхолькихъ столѣтій писать идутъ и т. п., и нынѣшнаго простолюдинн путь и говорить идуты, идутъ, этого я непостигаю.

Грам. 1229 и средина по взыку, но болѣе правильная по написанію грам. 1230 (Срези. Пам. Русск. п. 223), несмотря на свое отношеніе къ Смоленску, принадлежать къ свр. и служить коррективомъ и объясненіемъ другъ другу. а) Какъ понимать замѣту и опущеніе глухихъ при р, л въ случаѣахъ: утвѣрдать, смири (1-я гр.) видно изъ умъръ, мъртвъ, утвѣрживати (1-я), търгованіе, дѣлгъ, дѣлжитъ и -еинъ, дѣлжбита (2-я). б) Въ воряяхъ при другихъ согласія. притъча, мъзду, почъиѣть (2-я). Случай: взъметь, въ Рязѣ (*ib.*) наводить на мысль, что, где писцу 1-ой гр. слышалось у (уздумъ), ив устоко, иауспать, у Рязѣ), твмъ въ

*) Но вѣль написаніе «свѣбодѣнныи, вѣхо» стоять во серединѣ между «свѣбо-дѣ-вый, вѣх-хъ» и вынѣшиамъ «свѣбодѣвый (и-ниой, какъ свр. ланво-ладъно) всѣхъ. Послѣдовія формы не могли бы возникнуть, если бы въ XIII и. въ было-е, ъ=о,

произношениј было еще *эз*, но съ *о* ужв пѣсколько во-
кализованнымъ. в) Кавъ поевматъ чистые гласные въ
суфиксахъ внутри словъ въ 1-ой гр. (латвіесвымъ,
свободѣнии и пр.) показываютъ 2-и гр., гдѣ: задыница,
нѣмѣчскому, послушство, купоемъчи, поемъши. г) Какъ
попимитъ чистые гласные вмѣсто еровъ ип концѣ (*илю-
тѣ=ть*, и т. п.; Тумаше, кивѣ=аь, взыкомъ, беръго,
Ролфо, дѣлго=аь, битоси=тъся, въ 1-ой гр.), это вид-
но изъ 2 ой, гдѣ дѣлгъ, битъся, гѣльскомъ, хотя и
вѣскочети=ть-и. Наоборотъ, основываясь ип одной 2-ой
гр. и цвимъ въ виду частыхъ случаевъ замѣни ионеч-
ныхъ еровъ посредствомъ *о*, *е*, *ъ* въ Грам. 1229 г.,
можно бы подумать, что въ 2-ой ери па концѣ не со-
ставляли слога, что однаво несораведливо. д) Наконецъ
коррективомъ употребленія *з* и *и* вмѣсто основныхъ *о*,
е, *ъ* служить современный языкъ, доказывающій, что
ип въ одномъ изъ прежніхъ періодовъ взыка немогли
произноситься глухіе звуки въ случаяхъ, вакъ вѣдомъ
(=о), поедъ (=ѣ), беръго, промѣю, нальзъ.

Весьмъ важно, что Гр. 1229 г. стоять по харак-
теру правописанія не особнякомъ, но примыкаетъ къ
ряду свр. памятниковъ конца XII—начала XV в. Въ ит-
которыхъ изъ нихъ есть и черта, невстрѣчаемая въ гр.
29 г., именно *е* па концѣ ви. з. Такъ въ грам. 1192
въдаде Варламе при автъ Варламъ (Срезн. Пам. Русс.
пис. 183); около 1249—пписале (ib. 59); во Въораш.
Кюр. (ркн. XIII в. Кладид. Пам. XII в.)—елкио служ-
бе (=служьбы) 174, аще кто вѣрне есть ib. 177,
крестъ честный педошие (=шыль) Царя града, егда об-
рѣтене, 179. Объ этомъ см. Колосовъ, Матер. 17; въ
XIV в. id. Очериъ 103. Но большею частью разница
между *з* и *и* выдѣрживается: Петро, рабо (оиодо 1249,
Срезн. Пам. 60); трее дворци (=трей) въ гр. 1257
—63 (Русс. лив. вкты); во изролевыио мужемо, въ вин-
но-исъло, молваше въ гр. 1294—1304 (ib. № 43); путь
имъ чисто въ гр. ок. 1300; вѣсе.. чинъ, дожде, ио-
пожѣствомъ, обѣщениомъ (лат. ип.=обыщи никомъ),
причащеникомъ, обѣтошавшии (=обѣты шавши) въ

Служба. 1250 (Срезн. Пам. 225); кръвавъ иуже, поз-
июти и въ Русс. Пр. по сл. XIII в. (Русс. Дост. I,
33, 4) и пр.

Говоря о XIII вѣкѣ, г. Колосовъ несомнѣвается, что напр. въ Переменникѣ 1271, позитникѣ Денискаго часмъ, въ послѣ ј слѣдующаго за гласною и послѣ дру-
гихъ согласныхъ есть взобржепіе глухого звука (Оч.
88): отъць моє, въ покое (=ой *) братъ ваше, уколо-
нитеся (=тьса) терпите, раздѣляете. Здѣсь же слѣдовато
отмѣтить изъ того же пам. какъ пему, сѣдне тысящъ
велеблудъ, и пв оберотъ з, въ вм. о, е: пъловыхъ,
яирыния (Бул. Хр. 75—6); Олуферые, (Срезн. Пам.
235—6). Но когда г. Колосовъ переходитъ въ XIV в.,
то па яего ядругъ находять сонеты. Между тѣмъ мое
изѣніе о глухихъ въ ср. въ XIV, нач. XV в. осно-
вано па тѣхъ же датныхъ, какъ и тѣ, которыя сѧ
появлять удоалетворительными для XIII вѣка.

Въ купчай 1389 (Срезн. Пам. 268)—за Кузьнокою
(Кузынкою, пыть Куземкою), па Словѣнокѣ (=нькѣ,
ныѣ -пкѣ), пополонока (попъльнъка). Неужеля можно
думать, что здѣсь въ синчалѣ измѣнилось въ о, а потому
всечезло? Тамъ же: съ путакомо (ъмъ или омъ ви. ъмъ),
оинъ д(у)ш(е)вное (=ой=ый) игумено. Въ Шовг. куп-
чихъ XIV—XV в. (Ак. Юр. 110, 114—6) а) о ви. з;
Окыпфо, Федоро; Жирятиничемо, Яколо, яслухо, Дро-
чил; Алексино, Согонъ Плеѣно (И-ль-и-ль, 4 слога),
и перво Олуферий, а стояло у почати Гонкуй; б) з ви.
о: а на тѣ люди (=в на то свидѣтели), стѣль, къ веру
(я-оз...), събѣ на черьховыи кустъ (=ой; яъ другахъ
иѣствехъ—Левушинъской, соцкой, 117); опущено о въ
Федровъ; в) е и ѿ (на письмѣ) ви. в изъ з: Марке,
Копєянине, Смеяне, Петре, Игнате, Грихе, Павле
Труфоновичъ; Сидоръ Труфаловъ, Есяпъ Фоминъ, Ти-

*) Отсюда видно, какъ отъцюично отъ западнія краи (им.
од.) заключать, что въ XI в. во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ было
здѣсь за концѣ согла ј безъ гласн., ѕ (Житецкій, У. И. № 3,
267—8).

мовей Ивановѣй, Перхурей; г) съ иѣстѣ осноа. ѿ: Илѣтио, съ чѣнѣ ср. Дементій деакъ, деакъ Иавиѣ (1479—81, Ак. Ю. 3) у Мадровъ—Девк; Иванониче, иупиле собѣ одерене (Ак. Ю. 114, но чвсто одеренъ, одерень); д) ѿ иѣстѣ основнаго е и опущеніе такого е: Сменѣ (чвсто), браты Смене и Ортены (быть можетъ Ортени-а виѣсто -и-е-ль, аакъ въ новыхъ говорахъ «добрая» =добрый), Дементіи, Григорыи (=ей, ивѣи иѣ Перхурей), черымхоаый (116).

Спрашивается, почему мы иначе судить о винсании беръко (XIII в.) а иииче о Яково (XV в.)?

Приведенные здѣсь данные, по моему мнѣнію, снідѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ слу-чвахъ были живы еще въ XIV—XV, особенно иѣ свр. говорахъ, въ вѣкоторыхъ слу-чвахъ, между прочимъ ии концѣ, въ свр. (спорвдически) доходять иплоть до нашего времени. Если даже толковать ии данными со-глвено съ глубокомысленнымъ принципомъ г. Житецкаго («стоять чистыи, мы и читаемъ ихъ за чистыи»); то все же для насъ остаются поразительными слѣдующія от-кроенія, полученные этимъ ученымъ:

1) «Движеніе звуковъ въ пр. нарѣчіи, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, начвлось... *» съ потері глухихъ звуновъ и ѿ.. которыя.. обнаружились еще на почвѣ прайзыни Руссааго... въ прадавнюю эпоху» (№ 3, 251). Къ такимъ признаніямъ «общимъ всѣмъ говорамъ Русск. прайзыни», **) квѣ полногласie, г. Житецкій

*) Вѣроятно тутъ неточность, ибо чвто же дѣлали звуки до того времени, если они ведвигались, и откуда ии такомъ случаѣ извѣла сѧть прайзыникъ Русскій?

**) Авторъ придаетъ большее зваченіе мысли (по моему, не-извѣющей якакой цѣнѣ), повторяемой ии въ разные дады въ 8-хъ (и болѣе) жѣстахъ, что «не фаршевное одиообразіе соста-зяло харктеристическую особенность прайзыка Русскаго, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая виѣщала въ себѣ всѣ дїалектическія разновидности» 2, 192. Это иѣсколько апо-никиасть К. Аксакова: «сущность, духъ, разумъ Русск. языка—свобода» (Соч. К. Акс. II, IX).

аходить нужнымъ «прибавить еще одну особенность Русск. првзывовъ, безъ которой немыслимо самое существование его, именно — паденіе глухихъ гласныхъ, туть знаменательный въ исторіи слов. иврѣчій моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ иранскаго Славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчія» (№ 8, 610).

Кромѣ другихъ даниыхъ, которыхъ я считаю нужнымъ объяснять иначе (папр. описка «Боюма» въ Остр. Еа. 180,*), г. Житецкій опирается еще на слѣдующія:

а) Вѣроятно, заключая отъ бѣглой гласной въ вр. лед — льду, г. Житецкій видѣтъ е ам. въ записи гльба и Тмуторок. кампъ 1068: «по леду» (З, 257). Туже ошибку сдѣлалъ я (Два изслѣд. 9*) въ Колосовъ (Оч. 59); но е здѣсь общеславянское. Въ той же записи два случая правильнаго г: от(ъ) Тъмутороканъ до Кирчела».

б) О заключеніи отъ *крам* см. выше (стр. 43).

а) «Надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда» (въ XI, какъ и въ XVI в.) «означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звукаовъ, ниспданіе звуковъ на степень простого знаяя этимологическаго» (№ 3, 259).— Нѣть, въ этомъ отношеніи есть разница между столѣтіями. Если папр. въ Остр. Еа. я есть изображеніе звука въ тѣлицѣте, то и^{*} тоже въ тѣлѣщущуму.

г) «Встрѣчая въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе г, въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы ниѣмъ право заключать, что уже очень рано ввчалось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ ... Да иначе и быть немогло: звуковая превращенія въ одной части слова должны были немедлено отразиться на всемъ составѣ его. Но мѣрѣ того, какъ конечные глухіе падви, серединные должны были превращаться въ полные гласные: изъ сънъ, дль должны были образоваться сон, дещь» (ib. 259—60).

Дѣйствительно, предлоги съ г (безъ, възъ, изъ, разъ), являются безъ г, откуда — формы въ родѣ, и-чрѣва, ицѣлати, разрушити (объ этомъ Mikl. V. Gr. I, 211—7;

Срезнев. Пам. Русск. пис. 50; Пам. юс. письма 161, 18 и мн. др. Си. ib. указатель; Колос. Оч. 66, 81, 107); по отсюда пельзев заключать не только къ потерѣ глухихъ въ случаѣ тѣрға, но и къ другимъ предлогамъ: отъ, подъ, прѣдъ, надъ, въ, съ, обыкновенно сохраняются въ (Mikl. ib. 190—1, Lex. pass.), а об хотя и встрѣчается безъ глухаго звука, откуда форма, какъ обетшати, по встречается, имено въ русск. памятникахъ, и съ (и съ .и: обв.). Такий образъ мы имеемъ здесь дѣло съ частнымъ звуковымъ видѣніемъ, условленнымъ, быть можетъ, скойствомъ согласной предлога, во всякомъ случаѣ — вовсе исхарacterизующимъ состояніе глухихъ звуковъ вообще.

2) «Червло (впохи превращенія основныхъ о и е) соиздаватъ съ видѣніемъ глухихъ гласныхъ на концѣ». «Потеря о, въ немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ о и е.. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую вноху, то и дифтоники на мѣстѣ о, е, *появились тогда же...* Признать можно безспорнымъ, что съ дифтониками ом. о и е *Русскій языкъ началъ свое историческое существованіе*» (№ 4, 317). То обстоятельство, что въ XII—XII а. двоегласія (т. е. напр. вооль, вуол=волъ) незамѣтно, «доказываетъ глубокую древность двоегласія, а не его позднее происхожденіе» (б. 611) «Великорусская система сгаженныхъ гласныхъ» (т. е. напр. вол) выводится изъ подляскихъ (ир.) дифтонговъ (уо, ю и ѹ, ю? или только оо, єо?), которые «древнѣ нарѣчій вр. и ир.» (ib. 612) и «относятся пѣ прязыку» (ib.). «Характеристический тонъ русск. правокализма» состоать въ «двоегласіи и подвогласіи», «въ своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ», которая появилась въ замѣнѣ древней полноты, обусловленной присутствиемъ глухихъ гласныхъ» (ib. 613).

По моему мнѣнію, нѣть никакой пользы въ подобной хирвтистики всего вокализма одною чертою; нѣть никакихъ оснований распространять свойство ир. языка на весь Русскій, въ тѣмъ менѣе на всѣ славянскіе. Я

остаюсь при своемъ мнѣніи, что то удлиненіе, которое я не сочтилъ удачно назвать вліяніемъ слав. позиціи, появилось въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ независимо и въ разное время (Два изслѣд. 108). Изъ того, какъ я выше старался доказать, въ ср. вонечное въ частью сеъвсе неподтверждено, частью погеряло поздно, слѣдуетъ, что удлиненіе гласныхъ *воол* (оттуда *иубл*, *вубл*, *вул* и пр.) неможетъ быть дважды общерусскимъ, а не то что общеславянскимъ явленіемъ. Изъ того, что южн. относительно потеря конечныхъ еровъ сходно съ мр., не слѣдуетъ, что форма кавъ *воол* (а тѣмъ менѣе *вул*) была «аъ южн.: удлиненію срединной гласной при превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ (*во-ль*) аъ одинъ средній можетъ быть призвано лишь a posteriori. А priori это удлиненіе также неизобходимо, какъ въ превращеніе глухого звука аъ среднемъ слогѣ въ чистый: ср. напр. болгар. *сан*, *зан*, или серб. не только *тры*, но въ *тѣк* (съ болѣе тажкимъ удареніемъ по краткому глухому звукѣ, несмотря на потерю конечнаго *и*). Стало быть, почему же въ южн. и послѣ потери *и* помогло остататься краткаго *о* въпр. въ конь (серб. *коњ*, род. *коњп*=русс. *коња*)? Кто хочетъ доводить противное, тоже долженъ не высасывать это изъ пальца, въ показать въ южн. столь-же язвительные слѣды удлиненія, какъ тѣ, которые намъ известны аъ мр. *куонь* и т. п.

Въ Замѣт. о Мр. пер., 12—13, съ говорю, что случаи, ввѣ мр. *тривати*, «суть не самостоятельный отклоненіе отъ общерусского правила, по всему (чи мѣстѣ глухихъ звуковъ) должно бы быть о или е... (тревети или тревети), и лашь приспособленія польсквхъ словъ къ мѣлорусскому произношенію». Переходя за тѣмъ къ другому отклоненію отъ Русск. превиль, къ тервати, трывати, извѣсный (тѣль изображаютъ эти слова галицвіе ученые, ивъ отвѣтственности которыхъ лежитъ вѣдь и различіе *и* и *е*), я говорю: «несомнѣнно, что въ этихъ говорахъ (между прочимъ у Бойковъ и Лемкои) глух-

хой звукъ и *е...* не составляютъ оправданія, и суть скорѣе исключенія и, какъ такія, легко могутъ быть замѣсто-
ваемыми. (,) или (=то есть) туземными приспособленіями
не русск. произношенія» № 14. Передъ *и* и *и* пропущена запятая, а аль *нерусскаго* не напечатано раздѣльно.
Эти опечатки дали поводъ г. Житецкому утверждать
будто я считаю здѣсь глухіе гласные «или замѣство-
вивши, или туземными приспособленіями нерусскаго
произношенія». Послѣднее вѣроятно опечатка. «Но,
возврѣжаетъ г. Житецкій, Карпатскимъ Русинамъ не отъ
нога было замѣстовывать глухихъ гласныхъ, если только
она дѣйствительно существуютъ аль ихъ говорѣ, да еще
съ таакимъ различіемъ з отъ *и*. Гораздо вѣроятнѣе въ
самомъ дѣлѣ, что они явились плодомъ приспособленія
мѣстнаго говора къ аварѣціямъ словацкому и польскому»
(№ 3, 251). Если было приспособленіе, то, тѣмъ сл-
мынъ, было и замѣстование. Послѣднаго безъ перваго
и небываєтъ.

«Въ Волынскихъ памятникахъ XVI в.; говорить
г. Житецкій, Потебня нашелъ два слова (чернагородцы
и гридую) на основаніи которыхъ предполагается, что
з *эту* время еще слышалось; но изъ его словъ не-
ясно, слышался ли *и*, аль звука чистый, или же вакъ
глухой. По нашему мнѣнію, букву *у* онѣкъ нельзѧ про-
честь глухимъ звукомъ, а з не только въ XVI в., но и
гораздо раньше имѣлъ завченіе чистаго гласнаго» (№ 3,
255). Но изъ моихъ словъ (Два изслѣд. 93) видно, что
я вовсе неутверждаю, будто з *вообще* въ то время
слышалось. Я говорю только о чистыхъ случаяхъ, и
томъ уѣжденія, что только специализація вопроса ве-
детъ аль провильсому его решенію. Если человѣкъ въ
XVI в. пишетъ з *еи*, о аль чернагородцевъ, то, значитъ,
въ немъ сохранилась саутная память близости з и *о*.
Если онъ пишетъ *гридую*, то значитъ, слово вто каза-
лось виу трехсложнымъ; но чистаго у въ дѣйствитель-
ности здѣсь никогда не было: съдовательно буква *у*

изображала здесь глухой звукъ, именно з изъ ь, ибо само ь такъ бы выражено быть немогло. Этв черта однородив съ упомянутыми выше ювр. спорадическими случаями, иакъ жмыши=основ. жильтши.

Въ саоемъ соч. Зам. о Мр. пvr. 11—2 говорю: «безъ сомнінія, во всѣхъ русскихъ говорахъ глухіе звуки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, где, въ вышніемъ языкѣ они воасе непронзносятся; дольше они удерживались тамъ, где пыпъ они замѣняются чистыми о и е. Если принять, на основніи волынскаго сп. Ефрема Сиринца, что въ южн. русс. глухіе звуки слышались еще въ XIII аѣкѣ въ тѣхъ случаяхъ, квкъ бѣдѣти, лукавство, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что аѣ случаихъ, начь тѣргъ, вълкъ, сънь, дѣржати, лѣпъ, они *внутри словъ* слышны были и въ болѣе познєе время, *приблизительно до полоа. XIV вѣка*. Между тѣмъ о конечныхъ глухихъ у меня сказано (ib. 14), что въ юж.-вр. и мр. въ отличиѣ отъ сѣ.-вр. они могли быть потеряны еще въ XII а. или раннѣе. Послѣднее положеніе, иакъ увидимъ, иуждается въ попраакѣ.

Теперь, первые слѣды *качественной* замѣны основныхъ о, е въ Мр. относятся къ концу XIV вѣка. *Количественные* замѣны, предполагаемыя этими качественными (напр. иоонъ), должны были появиться раньше. Каково было отношеніе этого введенія къ глухимъ и ихъ звѣнѣвъ? А рiогi возможно дающее предположеніе: а) аѣ тоже время, какъ появилась форма коон' (и чебное), возникло и чистое о изъ з аѣ соп., такъ что разница между срединными звуками этихъ словъ была только количественная; б) во время возникновенія долгаго о аѣ иоон', з *внутри словъ*, начь сп., еще удерживалось и разница между о—осноа. о и з были вмѣстѣ и качественная. Перваго предположенія держится г. Житецкiй (№ 4, 307); в-же на основаніи вышеприведенного мнѣ-

нія о существованиі глухихъ звуковъ впутри словъ въ
мр. XIII—XIV в. счѣлъ себѣ въ привѣ допустить толь-
ко второе предположеніе и сказалъ: «въ то время какъ
началось специально-малорусское измѣненіе основныхъ
o, e, глухіе звуки внутри словъ, какъ *санъ*, вще суще-
ствовали» (Зам. 12), а «если бы въ то время, какъ на-
чалось удлиненіе *o, e* въ среднемъ слогѣ, глухіе звуки
(т. е. внутренніе) въ мр. уже замѣнились чистыми»,
то они бы были вовлечены въ тотъ же процессъ удли-
ненія и «мы имѣли бы теперь мр. форму *сон—сону*,
сіп—сону, а не *сон—сону*, *сну*, *спа* (ib. 35—6). Дру-
гими словами: такое отождествленіе *o, e* происшедшемъ
изъ *а, ё*, съ *о, е* основными имѣло бы мѣсто, если бы
удлиненіе основныхъ *o, e*, застопо уже въ языкахъ *о, е*
изъ *а, ё*.

Ни это г. Житецкій возражаетъ инѣ, что съ допу-
щениемъ предположенія о существованиі глухихъ одновременно съ *oo* и пр.=основ. *o*, устраняется причина
того, что основное *o*, съ путемъ дифтонговъ перешло въ
i (№ 4, 307). *) Это на первый взглядъ кажется вѣ-
ральнымъ, ибо, допустивши существованіе *э* въ срединѣ сло-
ва *санъ*, казалось бы, мы должны бы признать такую
форму ошибочною, въ силу того, что удержаніе *э* въ
срединѣ предполагаетъ *э* на концѣ: *санъ*. Но форма
санъ не можетъ существовать одновременно съ *коонъ*, а
при отсутствіи конечного глухого звука въ *коонъ* не находа-
лось бы въ противорѣчіи съ удлиненіемъ *о* въ этомъ
словѣ. Стало быть, остается одно: одновременно съ по-
терею конечныхъ глухихъ среда въ чистые удлинились.
Какъ гармонируютъ съ собою древнія формы *ко-нъ*, *санъ*,
такъ и новая *коонъ*, *сонъ*.

Тѣмъ неменѣя я нахожу возможнымъ свидѣть иѣ-

*) Этотъ упрекъ съ полнымъ правомъ можетъ быть отве-
тить въ моимъ словамъ, что «долгота пъ моей есть, вѣроятно,
явление болѣе позднѣе, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ» (въ
вастовщемъ моемъ соч. стр. 125). Эти слова прошу считать за об-
молвку.

ЧТО ВЪ ПОЛЬЗУ ВОЗМОЖНОСТИ ОДНОВРЕМЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ АЪ ИР. СРЕДНИХЪ ГЛУХИХЪ (СЫН) И УДЛИНЕНИЯ ЧИСТЫХЪ.

Мы говоримъ о преобразеніи двухъ прямыхъ словъ въ одинъ (напр. съ-нъ аъ сон), о замѣнѣ глухихъ чистыми, объ удлиненіи чистыхъ гласныхъ токъ, какъ будто бы каждое изъ нихъ явленій совершилось въ другъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ явленій было единий процессъ. Предполагаю, что альбомъ, который можно принять за исходный, оба альбома съ-нъ были одинаковы. Потомъ началось ихъ различеніе: первое оношло по направлению къ чистому о, второе — къ уничтоженію. До полного уничтоженія однако дѣло не дошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ ир. говорамъ удержаніе л въ дѣлѣ и т. п. (между тѣмъ какъ а въ прич. на лѣзъ переходить въ е или у несоставляющее слога) и сохраненіе различія между конечными звучными и отдачными (біб и пііп) невозможно безъ сохраненія въкотораго остатка глухого звука (Ср. Два изслѣд. 132—4). Два-три столѣтія тому назадъ этотъ остатокъ былъ, конечно, гораздо значительнѣе; слова какъ сонъ были тогда близки къ двусложности, а между тѣмъ о альбомъ въ нихъ уже существовало. Согласно съ тѣмъ можно думать, что какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлиненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ. Оживча ступень надежія глухихъ, среднюю между вышней и древною, посредствомъ значки ', я представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) ко-нь, съ-нъ; 2) кой', соын' (т. е. бѣ еще далено отъ двухъ явственныхъ оо, близкихъ къ дифференцированью въ уо, а з еще отличимо отъ о); 3) коовъ, сонъ.—Мне кажется, что Польскій языкъ даетъ основаніе думать, что иль одноть и томъ же иврѣчи, въ одно и тоже время конечные глухіе звуки могутъ быть разной силы, смотря потому, каковъ предшествующая согласия. Фактъ альбомъ, что въ поль. литературѣ (кромѣ исключеній) альбомъ среднихъ сло-

гахъ передъ звучными стоять б (изъ oo, уо), в передъ отзвучными б: ббб и рор, чхд и кот, ббг и вок, вбз и коз и пр. Объяснение, которое кажется мнѣ умѣстнымъ (быть можетъ предложенное вѣтъ либо и раньше), состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживалъ здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему передъ послѣдними повилось удлиненіе основнаго о (к основнаго е, изъ коего—ё) въ то время, какъ передъ первыми иѣтъ.

Г-ну Житецкому «известно, что основное о, е образовадось пѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: a+i =e, a+u=o; слѣдовательно, по своему образованію, о къ e, къ отличие отъ a, i, принадлежать къ разряду дактоигтовъ» (№ 4, 307—8). Это мнѣніе дѣйствительно известно (ср. Hall. Sr. Ml. 112), но какъ ошибочное. Г. Житецкій (ib. 310) приналъ слова Шлейхера (Сопр. § 5), сказанныя объ образованіи скр. б, ё изъ ау, аи за равнотоносящіяся и къ слов. о, е; но изъ аи въ слов. можетъ выйтъ только ю, и, изъ ау—только ов и у, между тѣмъ какъ слов. е, о, по правилу, непосредствѣнно примыкаютъ къ основному а. На такомъ основніи г. Житецкій строить дальше: «исковная (!) долгота о и е съ теченіемъ временекъ утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ серединѣ словъ» (ib.). Это значитъ, инор. въ домѣ о кратко потому, что на концѣ гласный звукъ е, а иѣкогда было долго, потому что по предположенію г. Житецкаго возникло изъ дауж. На свомъ же дѣль гласное окончаніе слова домѣ не имѣть никакого отношенія къ предполагаемой краткости кренией гласной, которой соответствуетъ ё: скр. дам·ас, греч. борос, латин. dōmus. Все это нужно г. Житецкому лишь какъ фундаментъ для (ошибочнаго) положенія, что ир. і кѣнѣ есть возглаголеніе первоначальной долготы о.

Въ Королевскомъ разнорѣчіи (Гроди, г. Бѣлост. у.) замѣчены формы *коонь*, *воол*. Можетъ быть, говорить г. Житецкій, первоначально изъ *oo* образовался дифтонгъ *ou*, соотвѣтственно съ древнеславянскимъ искривленіемъ его; затѣмъ произошла *обычная* (!) въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ (Hatt. Sr. Ml. 118). Чешск. *й* изъ *ou* образовалось именно посредствомъ этой перестановки: здѣсь по мн. долгаго *б* въ срединѣ словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в., но и въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше (№ 4, 310—11). Но иѣль церк.-слав. *ou* (Греч. *oo*) не только изображаетъ звукъ *u* (въ чёмъ, пожалуй иѣко-торые сомнѣваются, читая *ou*, явкъ ившисано), но и этимологически связано съ *u*, пеимѣя отношенія къ слв. *o*. Обычность перестановки есть чистая выдумка, пово-домъ къ которой служитъ разъ предполагаемая пере-становка въ *клас*. Чешск. *й* возникло изъ *oo* безъ всякой перестановки. Если проф. Гуттада (I. с.) думаетъ, что это удлиненіе (по изъ *b* есть возвращеніе къ первоначальному *au*, отъ коего будто бы пошло *o*; то это падаєтъ вѣстѣ съ утвержденіемъ, что слав. *o* про-исходитъ изъ *ou*.

Что я стараюсь объяснить мр. *i* изъ *o*, въ цѣ од-нимъ вліяніемъ средняго слога (resp. компенсації), но также и долготою (*b.* *m.* относительпо новаго происхож-дения) въ прямомъ слогѣ, объ атомъ въ моихъ соч. Двп. изсл. 99, 102, 109, Зап. о Мр. пар. 34—5. Говоря объ этомъ (№ 4, 308—9) г. Житецкій приравниваетъ мр. *и-тати* къ слав. *летѣти* (а не къ *льтати*, какъ бы слѣ-довало; быть можетъ, г. Житецкій, основываясь на ны-нѣшнемъ правописаніи, побоялся ившисть *льтати* че-резъ *ѣ*), а мр. *замѣтати* сравниваетъ съ слв. *замѣта-ти* (следуетъ: *замѣтоти*). Г. Житецкій некидѣтъ, что въ обоихъ случаяхъ, и въ мр., и въ ст.-слав. стоять *и*, что, стало быть, примѣры ити пеимѣютъ отношенія къ измѣненію *e* въ *i* по малорусскому способу (*сім*—*семи*), но относятся къ случаямъ, какъ *нірп=вѣра*.

Подобныиимъ образомъ г. Житецкому неизвѣстно, что аль празднушъ, разумѣшъ (І. л. мн. повел.) вовсе не є переходитъ въ и, а ѿ; рвво и въ твор ед. знаимы и—не изъ е, а изъ ѿ (№ 4, 419).

V.

Глухіе звуки тъ иъ при плавныхъ р., я между двумя другими согласными.

Вопросъ о мѣстѣ глухихъ при плавныхъ г. Колосовъ считаетъ существеннымъ въ исторіи Русскаго взыкв. Онъ держится того взгляда, что въ словахъ *тартъ*, *сълзъ* и т. п. гласная есть не *r*, *я*, а *z*, чѣдь и мнѣ кажется несомнѣннымъ. Приводя кое мнѣніе (Два изслѣд., 138), что особенность древняго русскаго по отношению къ старо-славянскому состоять въ постановкѣ *и*, въ передъ плавными въ большинствѣ случаевъ, г. Колосовъ спрашивается, о какихъ исключеніяхъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ ли, комъ принадлежитъ свому языку, или о тѣхъ, которыя суть лишь слѣдствіе неустановившагося првописанія, и рѣшаеть вопросъ въ мою пользу (Оч., 23). Действительно, въ неставить въ число особенностей языка мѣлограмотности писцовъ. Впрочемъ, я недаваю повода къ самому вопросу, потому что то меньшинство случаевъ, въ которомъ *и* и *и* стоять въ древнемъ русскомъ послѣ плавныхъ, было указано мною въ томъ же сочиненіи (Два изслѣд., 34). Въ числѣ приведенныхъ тамъ словъ есть и пять изъ тѣхъ семи, которыя приводить г. Колосовъ на стр. 26.

Нѣйшнія русскія парѣчія почти единогласно предполагаютъ въ однихъ словахъ глухой звукъ передъ плавною, въ другихъ—послѣ нея. Для срвненія съ этимъ я бралъ старо-славянскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ, и какъ его понимаетъ Миклоничъ, который по написанію недѣлаетъ разницы между *плзкъ*=руск. *полкъ*, и *плзть*, =руск. *плотъ*. Указываая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что

гдѣ въ русскомъ замѣна з, ѣ — послѣ плавной, тамъ аѣ въ польскомъ она большою частію или стоять на томъ же мѣстѣ, или выпускается; я тѣмъ самымъ призывалъ, что это свойство не исключительно русское. Только выводы изъ этого представляются мнѣ теперь иѣсколько нѣные, чѣмъ прежде.

I. *Глухие послѣ плавныхъ въ такихъ случаихъ, какъ бѣаъ и проч.* Г Дюверну (Система основн. элементовъ и формъ слав. нарѣчій) выставляетъ слѣдующее положеніе: «Славянское полугласіе находится и въ тѣсной зависимости отъ кирилловскаго преданія. Степенью точности въ воспроизведеніи кирилловскихъ элементовъ з, ѣ легко измѣряется древняя литературная связь славянскихъ племенъ съ проповѣдью и учениемъ блаженныхъ первоучителей слав.» (положеніе 7-е). Подробѣе, хотя не убѣдительнѣе, сказано объ этомъ тѣмъ же на стр. 87—88: «Для древней области Славянъ верхнепанонскихъ чешско-моравское нарѣчіе есть на столько же вѣрное хронилище вириловскаго преданія, на сколько словинское нарѣчіе для области Славянъ нижнепанонскихъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности кирилловскіе полугласные элементы имѣютъ звѣйны.... въ гласной е, которая.... постоянно сопровождаетъ произложеніе гласныхъ элементовъ г, ѣ и образуетъ изъ нихъ отдѣльный, независимый отъ предшествующаго, слогъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ современное нарѣчіе чешско-моравское несопровождаетъ пичѣмъ гласные элементы, сами по себѣ слогъ несоставляющіе *).

*) Какъ повѣть, что такъ-называемый авторомъ гласный элементъ несоставляеть слога, напримѣръ, въ чѣк? Что же тутъ составляеть слогъ, если не ѣ? Чтобы имѣть право думать, что ѣ несоставляеть здѣсь слога, нужно считать его согласнымъ звукомъ, сопровождаемымъ или предшествуемымъ глухими гласными, хотя бы и малозамѣтными. Или авторъ хочетъ сказать, что въ чешскомъ р въ началѣ слова несоставляеть слога, между тѣмъ какъ въ сербскомъ оно можетъ его составлять (по вашему—потому, что имѣть при себѣ глухой гласный звукъ), напримѣръ, въ словѣ: р-вати?

Твковы, напримѣръ, речеія Судѣ Любушинѣ и другихъ древиѣйшихъ памятниковъ чешско-моравскаго нарѣчія, первоначертаныя руками латинскихъ клериковъ по слѣдамъ свѣжаго преданія кириллицы: plezne, pleki, bred, preueensi, dlesno *). Эю пачертаніе» (а выше говорилось о произношениѣ при г, 1), «зависшее вполнѣ и безраздѣльно отъ кириловскаго преданія, такъ укоренилось въ првоописаніи, что ясные его слѣды остаются и въ памятникахъ гораздо позднѣйшаго времени. Твкъ въ гlosсахъ «Mater verborum» 1202 года встрѣчаемъ: plet (rbies), trest (arundo), drebnę (riget). Кроме того,ходимъ и понынѣ въ чешскомъ лексиконѣ нѣсколько такихъ кириловскихъ речеій, унаследованныхъ изъ глубины средаіихъ твковъ: krev (видѣто krv). Тѣмъ яснѣе вто заимствованіе изъ кириллицы, что нарѣчіе чешское въ тѣхъ случаяхъ, когда гласные элементы г, 1 имѣютъ благозвучную потребность превратиться въ согласные, примѣняютъ для ея удовлетворенія свое, специфически свойственное средство,—гласную и: slunce, cblut и т. п.). Выходитъ, квкъ будто и при г примѣняется тоже средство.

Если и допустить видѣть съ Швѣрикомъ п Шалашкимъ (Die ältest. denkmäler der Böhm. sprache), что въ Судѣ Любши и отрывкѣ гlosсъ къ Евангелію отъ Иоанновъ, относимыхъ къ одному времени, написаніе le между двумя согласными есть лишь подражаніе старославянскому правописанію (plezne, wletauo, pleki, blemca; dlesno, mleni, parlenila se, pleti; creconosi, bred, preueensi; shretatib, zreno, oluredi, zredce, neuioteglisq;), то это подражаніе окажется далеко не твковѣчнымъ, ибо невидно возможности отнести къ нему изображеніе глухаго звука посредствомъ і передъ l, г въ гlosсахъ Вццервдѣ: dilh, pilst, birdo, birni и пр. Я немогу со гласиться съ г. Гейтлеромъ (Fonologie, § 38), что въ атихъ случаяхъ ir, il звучало именно какъ br, vl, и азъ

*) И тутъ же подъ рядъ прaiѣры безъ l, г: kegdi, okence, deski. О чёмъ же рѣчь?

тождества ивписанія словъ, и вѣкъ *sirtwa* (=жъртва) и *tih* (=тэрз), вывожу, что разница между ѣ и ѣ здесь несказывается, что ѣ выражаетъ здѣсь глухой звукъ вообще. Когдѣ Вацерадъ въ иѣсколькохъ словахъ, имѣющихъ въ ст.-слав. з при *r*, а между согласными, пишетъ не такъ, какъ выше, то и въ этомъ немогу усомнѣтъ кирilloвскаго вліянія, а вижу частію слѣдствія неопределенности произношенія (*wlichuec* при *wilcwiec*, *slich*=зльчъ), частію совершенно определенный звуковыя вліянія, именно: а) появленіе ѣ на мѣстѣ а: *zlinnek* (*blinnek*, *bañz*), *zmilnia*, *slutek* (*zlutek*), и б) появленіе чистаго е на мѣстѣ глухаго звука *послѣ r*, а: *drebnn* (нынѣ *ftebnn*), *trest*, *plet* (*rates*). Что ге, ле въ этихъ послѣднихъ словахъ есть же ивка-либо случайность, которую можно было бы объяснить литературнымъ вліяніемъ, а явленіе, вытекающее изъ большей глубины языка, вто видно не столько изъ самаго Чешскаго языка, сколько изъ его сравненія съ Русскимъ, Польскимъ и Лужицкимъ.

Въ большей частіи случаевъ, гдѣ въ русской о, е вмѣсто ѣ, ѣ—передъ плавными между двумъ согласными, тамъ замѣны глухихъ на томъ же мѣстѣ въ польскомъ (кромѣ случаевъ йн., ю, о чёмъ скажемъ ниже) и лужицкихъ; тамъ глухіе при г, отчасти и при l, остаются въ чешскомъ *) (кромѣ случаевъ Іп и иѣкоторыхъ другихъ). Напротивъ, гдѣ о, е вмѣсто ѣ, ѣ—послѣ плавныхъ въ русскомъ, тамъ въ польскомъ и лужицкихъ—или замѣна глухого звука на томъ же мѣстѣ, или его опущеніе; иногда тоже и въ чешскомъ, хотя и съ меньшою правильностью, такъ какъ въ этомъ случаѣ глухой звукъ въ чешскомъ можетъ оставаться.

в) *rv*: русск. *бргвъ*—брсвъ, польск. *brew'*, род. *brwi* (одинъ слогъ), польб. мн. ч. *brawoj*, по Шляйхеру *br̄vai* и *br̄vái*, по аѣ чешск. *brv'*.

дрожь, *дрэгати*—дрожь, дрожать, польск. *drež* и

*) Изв. если угодно такъ выразиться, тамъ г, л имѣютъ гласное произношеніе въ чешскомъ.

dreszcz, -и, dresć, -i, držać (одинъ слогъ) и drgać, drgnąć (1 слогъ), в.-луж. gžeć (1 слогъ), н.-луж. džaš.

древо — дровы, польск. drwa (1 слогъ), drewno (то есть, дръвно; несмѣшивать съ drzewo=дрѣко — дерево), drewnišný, н.-луж. drjevný=польск. drewnikný, польб. drava, drova, по Шлейхеру dráva (дрова), но чеш. drvo (2 слога).

кращити — крошить, польск. krszyć; крахи — кроха, польск. krszyna (2 слога), krzta (1 сл.=кѣхъта? мр. ирихътъ), krzynk (2 слога); крохнй (кѣхъ—), н.-чешск. съ е послѣ r: křečký (пишутъ křehký).

кровь — кровь, кровавый, польск. krew, род. krwi (1 слогъ), krewawy (2 слога), и.-луж. křej, křej', kšew', kšawy, kšawiš, krawnik, kšawnik (=польск. krewwnik, achillea millefolium), в.-луж. křej, krew, krewky (2 слога). Въ чешск. krev согласно относительно замѣты зъ русск., польск. и луж., по krvi, kreve (род.), съ сохранившимъ глухого звука, двусложно. Польбск. kвgoi, kgi, по Шлейхеру kágai, есть, быть можетъ, форма, буквально равная не основной формѣ кры (Schleicher, Polab. Spr., 240), а формѣ kревъ, луж. křej.

трость — трость, тростина, чешск. trest (чистая гласная, замѣняющая глухую, стоить послѣ r), tréti (=трѣтие), съ опущеніемъ глухого, какъ въ польскомъ и лужицкомъ: польск. trzbia (старин., одинъ слогъ), trzéina, в.-луж. tréinina (3 сл.), и.-луж. žbina.

трѣст-, русск. трошить сродно съ предыдущимъ. Ср. польск. tręć, род., съ удержаніемъ чистой замѣты ера, tręći (хотя можно бы ожидать trzéi), собственно выжатый сокъ, откуда — содержаніе, извлеченіе, смыслъ, сущность, чешск. trest, род. tresti. Къ той же основной формѣ относительного корня (трѣст) принадлежитъ польск. trestkaś, trestać, чешск. trestati, наизывывать.

крагъ — кротъ, польск. kret — род. kreta, н.-луж. kret, но чешск. krt (съ глухимъ звукомъ).

Въ русскомъ къ такимъ словамъ съ основными рѣ принадлежатъ, между прочимъ, мвѣ.-русск. бростъ, род. -сти, сербск. брет., и вел.-русск. kostroma, н.-коэмъ

происхождение второго *о* изъ въ подтверждается чешск. kostrubký, косматый. Ъ къ ктому слогъ относится къ у аѣ маѣ. русск. *коструб*, *кострубонько* (миологическое лицо Костромка), *кострубатий* (космитный), какъ *кружить крух*, *крушиТЬ*?

6) *ръ*: *кръстъ*, крестъ, -ть, польск. chrzest, род. chrztn (крещеніе), chrzéié, к.-луж. chéié, kěn, ижнелуж. kšéié, kšéonu, чешск. krést, krétu (одинъ слогъ). Сюда же относится и польск. krzczysca, вы», затылокъ, яолосы (ккъ падающіе по плечамъ?), колтупъ, нижнелуж. kšíca, крестецъ. Что до полабскаго wakarst, wa-korst, по Шлейхеру vikárst, окресть, то здѣсь гласная +р есть позднейшая перестановка изъ р+гласная.

хрѣбъть, хребетъ, польск. chrzept (стар.) и grzhiet (1 слогъ), и.-луж. kšebeit, chrebiat, в.-луж. khrihiet, khriebiet, полабск. gribiat, чешск. hrhét (1 слогъ).

грымѣти, гремѣть, польск. grzmieć (1 слогъ), чеш. hréměti (2 слоги). Хотя і въ и.-луж. se grimaš, se grimotká; в.-луж. so brima, brimat, brimanje, не есть діалектически замѣна глухого звука, а равносильно съ і (и) въ маѣ.-русск. гримати, съ и въ—бkrкть и т. п., но оно указываетъ икъ иѣсто, гдѣ стоять глухой звукъ въ болѣе первообразной формѣ. Полабск. grame, по Шлейхеру grámí, гремѣть.

скрѣзъть—скрежетъ, скрежетѣть, польск. съ опущенiemъ первого глухого zgrzytać, чешск. křehot.

Польск. trzmić предполагается не *о* (маѣ.-русск. строміти), къ *е* (стрѣмѣти); къ чешскомъ удержанъ глухой звукъ: strměti; ср. однако strmiti, třmiti по сѣм—склько желать.

Русск. стрицка, птичка изъ рода синкъ (Даль), вероятно правильнѣе *стригадка*, польск. trznadel, и.-луж. tšnarl, šnarl, в.-луж. sknadž, ко чешск. strnkd (2 слога).

дрѣст- (къ вышѣшемъ русск. только производнія ф. рма *дрѣстать*), польск. trznać (то-есть, дрѣсткыти).

Хотя къ русскомъ обыкновено *стержень* (то-есть, стѣржнь, съ ѿ передъ р), но маѣ.-русск. *стризень* к

вел.-русск. *стrezha*, *стrezжь*, *стrezжель* упоминают на возможную форму *стържнь*, которая подтверждается опущением глухого звука въ польск. *zdrzeń*, *drzeń*, *rdzeń*, и.-луж. *džeń*.

При итъ сколькихъ польскихъ словахъ, въ коихъ, по видимому, опущевъ глухой звукъ послѣ *r*, стоять русскія съ въ основнымъ, а не изъ въ послѣ *r*: *brzast* (брести), и въротнѣ, отиошащееся сюда *brzdać siebie* (брдѣть собіе, ср. бредить)—изъ *bryd*, при чемъ въ опущено еще въ то время, когда *r* (г) въ польскомъ еще не воссимволировалось; въ старо-русскихъ памятникахъ, впрочемъ, встрѣчается *брѣсти*, *брайбрѣде*; въ польскомъ *brzwe* глухой звукъ послѣ *r*, потомъ утврченній, могъ возникнуть подъ влияніемъ храктера ^{не} Польск. *drwię*—тру-

пить (вѣроятно, изъ *drъvъ*, какъ выше), при в.-р. *дрѣвѣть* сердце, раздрѣвѣть. Польск. *trwab* (одинъ слогъ), чешск. *trvali* (3 слога) и польск. *trwonie*, пристоить имущество—изъ *trъvъ*, но вовсе не имѣютъ противней въ русскомъ, тѣкъ какъ вел.-русск. *тривати*, ждать, званировано, а мал.-русск. *теревені правити*—говорить пустаки, дѣлоко и по смыслу, и по формѣ. Польск. *trzpiot*, вертопрѣхъ, изъ трѣпетъ съ воссимволиціей *r*. какъ *grzmot* и пр. При *e* въ русск. и ст.-сл. трепѣть, чешск. *trzepatati*, и.-луж. *tзерети*. Польск. *trznieł*—шмель "trznień"—шиевъ, сюдѣ неотносится и *rz* (вместо *sz*) въ нихъ не можетъ быть спрѣвдано.

в) яз: *блѣха*—блоха, польск. *pchła* (переествновка формы *błehъ*, одинъ слогъ), *pleszka*, чешск. *blecha* (по словен. *bleba*), в.-луж. *pka*, *bka*, и.-луж. *pcha* (изъ *błehъ*) польск. по Шлейхеру *blâcha*.

глѣт—глаотать, глопнуть, польск. *pochłonąć*, по чешс. съ удержаніемъ глухого звука *pohltouti*.

яблѣко, яблоко, польск. *jabłko* (2 слога), *jabko*, чешск. *jablko* (2 слога?), польск. *jabki*, по Шлейхеру *jabkъ* (*i* изъ *o*). Въ луж. *jbѣlko* и, можетъ-быть, столь же поздне, хотя и не тѣкого происхожденія, какъ "и

иал.-русс. *у изъ о въ збуао*. Я думаю, что лужицкая форма изъ јвѣко (2 слога).

плоть, плоть, польск. *rđeć*, род. *rđeī* (1 слога), чешск. *plet'*, и.-луж. *rđeī*.

Польск. *rđeī*, чешск. *rlt'* явимъеть соотвѣтствія къ русскомуъ, такъ какъ въ *плоть* о врадъ ли изъ *з*, а скорѣе тождественно съ польск. *o въ rđot'*.

г) *ль*: *блѣвати*, *пльвати*, *кльвати*, польска. *plwac*, *klwbē* (1 слога), польб. по Шлайхеру *blåwe* (=блѣвать).

кльну, откуда *клепу* и позднѣе *克莱ну*, польса. *kłne*, (1 слога).

сльза, слеза, польск. *dza*, род. *des* (изъ *sl̥dza*), и.-луж. *sl̥dza*, *dza*, *zv*, полабск. по Шлайхеру *sl̥dzw*, *sl̥aza*, но аѣ чешск. *sl̥za* съ глухимъ звукомъ; в.-луж. *selza*, *sylza*, предполагаетъ форму близкую по неопредѣленности гласного звука къ чешской и уже черезъ посредство этой апходить къ *сльза*. Польская и аеркин-лужицкая формы твердостью *ж* канъ будто указываютъ на *з*, а не на *въ* послѣ *ж* (слѣзов); однако аѣроятабѣ, что аѣ этихъ нарѣчій *ж* изъ среднаго, какое требовалось съѣдующимъ *въ*, превратилось по опущеніи *въ* въ твердое, чѣмъ то, что изъ твердого (въ предполагаемомъ *сльза*) оно аѣ русскимъ языкѣ безъ андидной причины стало среднимъ и пѣбнымъ въ *слеза*, *слѣзы*.

Изъ асего этого вывожу слѣдующее: въ случа-ахъ, когда чешская форма, иакъ *brv*, авторая одинаково могла возникнуть и въ *брзв* и изъ *брзвъ*, недаетъ яснаго указанія на мѣсто глухого звука аѣ болѣе дреанемъ языка, она неуничтожаетъ прѣдѣленности указа-аїй, получаемыхъ нами отъ иврѣйскаго, польскаго, лужицкаго, полабскаго, и непротиаорѣть имъ. Когда же къ чешскомуъ находямы *e*, квкъ замѣчу глухаго звука послѣ *p*, *t*, или опущеніе этого звука, тогдѣ аѣ назаанныя нарѣчія единогласно заставляютъ принять ос-ноаину форму съ *з*, *б*, послѣ *p*, *t*, квкъ *блѣха*. Вооб-щѣ, отъ одного какого-либо нарѣчія подѣза заключать о мѣстѣ *з*, *б* при плавныхъ аѣ болѣе дреанемъ языка. Слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключеніе ия то, что

напр. на смотра на *бр* въ русск. *гортань*, *гортани*, аъ польса. *krtai* (1 слогъ) и сродныхъ (*krłęczeć*, давить аа горло, *krłucić się*, *krłusić się*, давиться, перешить (ср. твкже *grduka* — *гадыкъ*, *grdać*, дергать, о дергачѣ), глухой зауаъ не замѣненъ, иакъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (*gardło*), а опущенъ, вавъ еслибъ основная форма была грѣтанъ. Тоже аъ чешскомъ *křtan* (1 слогъ) при *křtan*, *křtal* (2 слога). Ислюченіе и то, что въ чешскомъ *křeć* е стоитъ послѣ *r*, несмотря на русск. *кърчъ*, *аорчъ*, польса. *киксъ*.

II. *Глухие звуки передъ плавными въ такихъ случаяхъ, какъ: вѣлкъ, тѣрзъ.*

А. выша мы неашли ни одного случая, въ которомъ русскому сочетанию *ж—ло* между двумя согласными въ польскомъ и чешскомъ соотвѣтствовало бы *и*, *и*. Напротивъ, именно русскому сочетанию *ж* соотвѣтствуетъ польск., чешск. *и*, *и*.

Въ чешси. *i*=*ж* въ началѣ XIII вѣка уже существовало, но не во всѣхъ словахъ, въ кояхъ оно теперь: у Вацерада — *dilb*, нынѣ *dlh*. Въ Судѣ Любушки и Глоссахъ на Евангелие отъ Иоанна этого *i* еще иѣть, изъ чего можно заключить, чо оно появилось позже этихъ памятниковъ (по мнѣнію И. И. Срезневскаго. Судѣ Любушки не X, а XI или XII вѣка), но до нача-ла XIII вѣка. Та же относительная повесть *i* видна и въ того, что при нынѣшнихъ чешскихъ *dluh*, *dlouhý*, *slunce*, *sloup*, *tlustý*, *zlíc* въ ближайшемъ въ чешскомъ нарѣчии, словенскомъ — *dlb*, *dlhy*, *since*, *slip*, *zlč*, формы, которыя, по нынѣшнему, могли бы безразлично предполагать въ *ж*, и *ж*. Сравненіе чешскаго съ польскимъ и сравненіе этихъ нарѣчий, взятыхъ частью вмѣстѣ, частью порознь, съ лужицкими, полабскими и русскими также ведетъ къ заключенію о поности *и*, *и* и о возникновеніи его изъ *ж*. Такимъ образомъ къ мнѣнію, что напр., въ *блѣхѣ* зъ послѣ *ж* есть черта, предшествующая раздѣленію нарѣчий, прѣбавляется здѣсь другое, что напр., аъ *излѣхъ* зъ передъ *ж* свойственно одному русскому, но въ западномъ нарѣчии, почему

здесь сочетание *вл* следует призвать более древнимъ, чѣмъ *лв*. По видимому, подобнаго мѣста бывъ и Шлейхеръ, когда говорилъ, что *влкъ* точнѣе (гепапег), чѣмъ *лвкъ* (Polab. Spr. 158). Я неотвергаю того, что последняя форма можетъ быть совершено правильна для старославянскаго, какъ одаого изъ славянскъ нарѣчий определеннаго врекеи; но думаю теперь, аѣ отличіе отъ прежняго своего мѣстя, что она никогда не была общеславянскою, и что *влкъ* дреанѣе.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ:

а) Русск. *вл=ол*=польск. *el, ol* (иногда лужицк. *ol*, полаб. *alp*)=чеш. *l* составляющему слогъ, а вообще согласие между нарѣчиями почти полное:

влна=波兰ъ, польск. *rełpu*, *rełen*, в.-луж. *rołpu* (*powne*), по *prjelnis*, и.-луж. *rołvu*, *pownu*, *rełnis*, полаб. *raun*, *ronip*, по Шлейхеру *rýpk.*, чеш. *rlný*.

влна (*lana*)=волна, польск. *welna*, в.-луж. *wolma* (*wowma*), и.-луж. *wolma* (*wilma, wawna*), полабск. *wanno*, по Шлейхеру *wáuno*, чешск. *vlna*.

влна (*fluctus*)=волна, ст.-польск. *welm*, (Пс. Марг.) *wela*, *welnn*, чешск. *vlna*.

болтать (быть), *бѣжнать*, *бѣжнунтъ* (колвить глупое слово), польск. *bejk* от и проч.

хол(б)нуть (обл.—хыб), *холыхнуть*, польск. *swiebbać*.

плести, *ползти*, *ползать*, польск. *rełzać*, *rełzpać* (ати—о волосахъ), чешск. *plznit*.

кольбъ (*кальбъ*), польск. *kiełb'*—рыба.

бормотать (в. русск. бормотать, болтать пустое), польск. *wołbotwć* (мутить, мѣшать жидкость), чеш. *blbati* (бормотать, заняться), *blb*—дураковатый.

кошткъ, м.-русс. *ковткі* (серги), польск. *kołstka*.

коштуне (*кълт—*), польск. *kołtip*, слово, которое можетъ, однако, быть и заимствованымъ изъ русскаго: «*gościcę, wieszczyce, krzczycę, albo Ruski kołtip*» (у Линде).

заз—?, польск. *zazza*, родъ кошкой болѣзни, чирей, в.-луж. *zazze, zawze*, опухшія жалѣзы, в.-луж. *zawza*.

мальч, польск. małpa (Schleicher), ст.-чешк. mlá.

б) Русск. **зл=ол**=польск. zł и ol, чешск. lu:

халма=холмъ, польск. chelm, в.-луж. chołm, чеш. chlum.

плак=полкъ, польск. rędk въ Świętopedk и ruk (въроятно, изъ robk), чешск. pluk.

тальк=толка, ст.-польск. giedk, и. польск. zgiełk, чешск. hluk.

кохзать, холзать (обл.=къяз), польск. kiełzać, kiełznać się, чешск. kluzetí; сволзить.

мловити=моловить, польск. mówić изъ mołwić, в.-луж. mołwić, чешск. mluviti.

Польск. ie въ kiełb, zgiełk и проч., совершилося
присоединение съ e=ɔ и возникло изъ твердаго e=ɛ,
какъ въ kiedy, стар. kedy=къ-ды, въ силу наклонности
гортанной къ переходу въ гортанионебную.

Нѣкоторое отклонение отъ предыдущихъ представ-
ляетъ склонок **колбаса** (кълб-), польск. kiełbasz, в.-луж.
kowbas, в.-луж. kiełbas, kiawhas, по чешск. klobasa.

в) Русск. **зл=ол**=польск. żo, =луж. žo и žu, =
чешск. lu:

солнце=солнце, польск. słońce, в.-луж. słońco,
słońco, в.-луж. słońco, słyńco, чешск. slunce, словацк.
slnce. Если къ полабскому неокажется áи, то вто почи-
ткъ единственный случай, въ коемъ русская форма съ
зл=ол стоять въ ряду сравниваемыхъ нарѣчий уде-
ненно.

г) Русск. **зл=ол**=польск. lu, луж. žu и ol, полаб.
ái, чешск. lu.

дзлг=долгъ, польск. dług, п.-луж. dług, dwug,
чешск. dluh; но в.-луж. dol, dów (въ dowh), полабск.
dwug, по Шлейхеру däng.

дзлг=долгій, польск. długgi, в.-луж. dlojki, dlojki,
dwejki, чешск. dlouhý (dluhý); в.-луж. dožhi, dowhi,
польск. daudja, по Шлейхеру däng'ý.

дзлбст=долбить, долбть, польск. dluhać, в.-луж.
dlyraś, dwypaś (изъ dluhać), чешск. dluhati; но в.-луж.
dowhké.

тълачъ, поль. *тыс.*, и.-луж. *t nka *; ип. в.-луж. *to c.*
тълстъ—толстъ, польск. *тысты*, чешск. *tlust *, и.-
луж. *тысты*, *k lasty*; во. в.-луж. *tolsty* (*towsty*), полабск.
но Шлейхеру *t usl *, *tust*

стълпъ—столпъ, польск. *ш ар* (изъ *v l p*), и.-луж.
v l p, чешск. *s loup*; но в. луж. *ш o p*, *ш ow p*, *st up*.

тълпа—толпа, польск. *тым*, чеш. *tlupa*.

тълмачъ, польск. *tlamacz*, врусс. *столмить*,
втлковать, воучить (ср. съ лат. *tar-t *, говорить, у-
чить, *tar-sh *, рѣчь, *isztar me*, изреченіе, *pr -tar-me*,
предисловіе, *sn-tar-sh *, соглашеніе, условіе; ср. *тъл-къ*).

1) Русск. *зъ-олъ*, польск. *il*, полабск. * и* чеш. *l:*
вълка, польск. *wilk*, в.-луж. *wjelk*, и.-луж. *welk*,
полабск. *w nk*, *wuk*, чешск. *vl k*.

вългъ—волгло (сыроевато), и.-русск. влхкий (изъ
вовгкій), польск. *wilgo *, *odwil * и проч. Чешск. *vl h*;
в.-луж. *w loha*, *w lo h *, *vn ha*, в.-луж. * oga*, пръсоятъ
не сюда, а къ Русск. волого.

мълкъ—молчть, польск. *wilcze *, в.-луж. *shjel e *,
и.-луж. *m el e *, полаб. причастіе ивст. времени *sha d ci*,
чешск. *ml eti*.

полсть, польск. *pi   c *, чешск. *pl t *.

неолга (-вълга), поль. *wilga*, *wywilgb*, чешск. *vl ha*.

Полабскія формы съ ѿ-зъ в отчасти и.-луж. (*welk*)
показываютъ, что и для польскаги слѣдуетъ принять
зъѣсь основную форму *il*, при чемъ мягкость замѣни въ
посредствомъ *i* и *ie* еъ польскомъ и в.-лужицкомъ сль-
дуєть приписывать (кавъ въ польскомъ *kiedy*, *kie *, *kierz*)
еліянію предыдущей согласной, въ настоащемъ случаѣ
губной, иъ польскомъ языкѣ наклонной въ переходѣ въ
небно-губную. Нужно думатьъ, что въ первое время по
замѣни еъ польскомъ *z* черезъ *i* за нимъ слѣдовало еще
I, въ не *I:* сначала *wilk*, потомъ *wilk*. Ошибочнѣ непо-
средственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литов-
скомъ *wilks*.

Б. *ср и ьр между согласными.*

Уже говоря о случаяхъ *кръстъ*, *слъза*, мы пере-
шли въ область вопросовъ, который несуществуетъ для тѣ-

орім гласности *r*, *l* (Mikl. Vergl. Gr. I, 41), ао не дла
аасъ, именно—аъ область вопроса о различії з и ѿ при
плавающихъ. Я думаю, что какъ безразличіе случаенъ
крастъ и *трагъ* относительно мѣста глухого звука, такъ
и безразличія *тргъ* и *тргнъ* относительно ихъ кача-
ства, суть явлеанія ае общеславянскія, а позднѣйшія.
Къ этому заключаю можно прійти съ даухъ стороаъ:
съ точки срывааія русскаго языка съ польскимъ, лу-
жицкими и полабскими и на осаованіи однихъ старо-
славааскихъ задунайскихъ памятниковъ.

а) Русск. *гр=ор* аъ польскихъ, лужицкихъ и по-
лабскому или имѣть при себѣ таерду замѣну ера, или
преполагаетъ ее тамъ, гдѣ мы находимъ мягкую. Въ
большинствѣ случаевъ аъ польскомъ взыѣ здесь аг и
аа оборотъ польск. аг=чешск. г заставляетъ ожидать
атъ русск. ор: польск. *borki*, плечи, чешск. *brk*, нахо-
аое перо, русск. *бъркъ*, *боркъ* борщъ, польск. *barszcz*,
куда, быть можетъ, отаосится и н.-луж. *baršć*, иѣмец.
Forste (имя города); *борзъ*—польск. *bardzo*, *barzo*, а.-
луж. *bórzы*; *хортъ*—польск. *chart*, н.-луж. *chart*, а.-луж.
chart; польск. *czarciaś*, н.-луж. *charchnuś*; *горбъ*—польск.
garb, в.-луж. *borb*; *горло*—польса. *gardđo*, в.-луж.
bordđo; *гордъ*—польск. *gardzić* (между тѣмъ какъ въ
bardy несогласно съ польскою фоетикою), а.-луж. *horđy*;
горнецъ, горшокъ=и.-русск. горщикъ (изъ горачокъ),
польск. *gagaek*, *garniec*, аозабек. *gõpnak*, по Шлейхеру
gágačk, а.-луж. *hognic*, *hogňik*; *горт* (и.-русск. горнуты,
при гортати), польск. *gagpać*; сюда же *горсть*, польск.
gręźć, а.-луж. *horćeć*; польск. *kargieć* (?); мр. *kartati*
(«Вона мене не бѣє, не лає, Вона мене словои картає»
а. п.) занимствовано; польск. *kark*, а.-луж. *kerk*, *kyrk* (?);
корза, польск. *karmia* и проч. в.-луж. *korm*; польск.
kagra (корчы), *karpie się* (=вг҃дуwacieć, о *ziemi*); сю-
да, быть можетъ, *Kagraty*, *Kagrak* (гора) (?); *корильть*,
польск. *karpić nad czém*; *корчь* (пень), польск. *karsz*,
а.-луж. *karç*; сюда же *коричма* (съ первоначальныи
значеаніемъ осѣдлости: «сидѣть аа корю»), польск. *karsz-
ta*, а.-луж. *korētъ*; польск. *karw'* (старый воль);

польск. Karwat (Хорнатъ); оольск. mordać, margać (киять хвостомъ, сербса. ирдати, ирдати); моркотю, польск. markotno; а.-луж. morkotać (ворчать); оольск. marcha (плохая кляча, падаль), чешск. mrcha; морщить, оольск. morszczyć, а.-луж. mogśić; portz, оольса. part, partacz (плохой портной); польск. parskać в.-луж. parskaś, (фираать); порсь, польск. parsk (жаръ); сморчокъ, польск. smardz, smarz, в.-луж. smarżl (чешск. smrž, smrha); сморкать, оольск. smarkać, в.-луж. smarkać; торз, польск. targ, в.-луж. torzh; —торгать, оольса. targać, а.-луж. torhać, в.-луж. tergaś, полабск. dargne, по Шнейхеру targne, er hechelt; и русск. торкать, и луж. starcyś, starkaś (толкать); торчать, польск. warczeć, в.-луж. warčaś; Ворш (польсаое личное имя аль Иватеяской лѣтописи), польск. Warsz, откуда Warszawa, Warszowo, пынѣ искаженное и иевонятое относительно второго *a* Warszawa. Небность г. к, къ цинне-лужицкомъ gjarh, gjardło, gjardy, gjarcis—gjanc, gjarsć, kjarcma, kjarmiš предполагаетъ формы—польск. ga, ka и есть якміе столь же позднее, кань и небность к аъ польск. kieł=къль (клыкъ). Къ разряду словъ съ зр=польск. аг отнесено аль оольса. и занистоканныя слока, въ коихъ новый верхне немецкий языкъ представляетъ ег: польск. karh (откуда и русск. карбокати), karhacz, warchlak, marchew' (и.-л. marchej, в.-луж. mogchw, чешск. mrkev; морковь).

Гораздо рѣже на мѣстѣ зр аъ польсаомъ ог, уг, ги, ег, уг. Ог въ польскомъ, въ отличие отъ а.-луж., даже сомнительнао, такъ какъ kogzować (при karczować) можетъ быть руссизмомъ, равно какъ и poriki (при part), storczeć (при stark, sterk, styrk—что торчать и къ атомъ смысл—оомѣха, starczeć, sterczeć, stylczeć); kogczak и kord могутъ предполагать op, а не er.

Уг къ польскомъ kurcz, kurcz, kurgszyć (корчить), purchawka (к. луж. porchava, lycoperdoo, русск. порхока, порховица, порхлякъ; между тѣмъ оольса. próchno=русс. порохно, порохая), szturchać (и.-русся. штовхнта), kigr' (ланоть, ностоль, сербса. крѣле—родъ

льжъ, чешск. křes; сюда—польск. Kępr—имя жителей и некоторыхъ поселеній около Цѣханова и Ломжи).

Ru въ польскомъ prucbawka (при parchawka), mragać (моргать, при margeć), mrukać (при malkotać) аналогично съ ли въ dług (при основиомъ дългъ) и подобно этому ли заставляетъ предположить основное з передъ плачию.

Польсаое ег (откуда, по видимому, ér, ур)=er аналогично съ eł (rełoy)=ał: sterceń, sterczeć, styczeń; mrokać (и.-луж. marskać, чешск. mrskati, сущь разгни, хлестать); ст.-польск. mrcba, myrcha (при marcha, падаль, распутная женщина).

Старопольсаое kirsć («ledźwie abo kirsć, za którą ubieganie zasobięta ma») можетъ предполагать кирстъ (а не кърстъ) и къ текомъ слушать относительно і сходно съ wilk.

6) Замѣны er.

Если имѣть въ виду только однаковость замѣны глухаго звука въ польса. mariwy и mroczczyć, то попытки поставить польскимъ языкъмъ древность различія между т, з, указываемаго русскими формами марты и мрещити, покажется напрасною. Однако дѣло это не такое отчаянное.

а) Прежде всего бросается въ глаза вѣкоторое число случаевъ, въ коихъ русскому ър=er въ польскомъ языке соответствуетъ только iег (ierz), iag, то есть, ег, аг съ предыдущею небьюю согласиою. Слѣдуетъ обратить внимание на то, что не мѣстѣ русск. ър=ор мы въ польскомъ атихъ сочетаний iег, iag во все нестрѣчали. Сравнимъ: бѣрвено, польск. bierwiono, bierzmo; стерня, польск. ścierń, cierń, а.-луж. śćerniščo. и.-луж. śćiergnie; тѣрп,—польск. biergręb, а.-луж. bęgręb, и.-луж. bęgręb; тѣрп—терпнть, польск. bierpnąć, cierpnąć, существа. ściarki (мурашка по тѣлу), и.-луж. ścierpnus (съ....); сверчокъ, польск. świerszcz, świercz, świercz, в.-луж. świerč, и.-луж. iwiarc; сюда же польск. świerczec, и.-луж. ścieręb (то есть, ścierčeć); дѣрт, польск. dzierg (уверъ), dziergać; деркачъ, польск. dzier-

каш (и darkacz, которое может быть русизмомъ); *держати*, польск. dźierżec, в.-луж. dżeżać; и.-луж. żarżaś; *мърк*—польск. zmierzch, в.-луж. so amerka; *мъра*—польск. mierzyć; в.-л. mjerzać; *мъре*—и.-русск. мераа, мервица, польск. mierzwa, и.-луж. m'erwa, чеш. mrva (вымолоченная солома, овоготь); *пърд*—польск. pierdziec, piardnąć, и.-луж. p'erdžić (pie...), и.-луж. p'erd (pierd), p'erdnuš; *пърси*—польск. pierś; *пърстъ* (прахъ, земля), и.-луж. pjerśc; *пъре*—польск. pierw, pierwiej, pierwszy, и.-луж. p'erv, p'ervej, p'erej и проч.; *перя*, польск. pierzga; *пърх*—польск. pierszyć=чешск. prášli; *стерао*, польск. ścierw, в.-луж. ščerb, и.-луж. ščierb, červišče; *серпъ*, польск. śerp, в.-луж. serp, и.-луж. šerp; *на сербъ*, польск. našierb (ср. и.-луж. собств. Serb. Serbski, и.-луж. Serbski, Šerski); польск. sierść, sierć, в.-луж. bersiķa; польск. bierszeń, szerszeń, в.-луж. и и.-луж. šeršeń; польск. świerzbieć, в.-луж. śv'irbić; *свркъ* (?)—польск. świerk, (между тѣмъ какъ польск. smrek, smrok=и.-русск. смеревъ, ст.-слав. смрѣкъ); *верша*, польск. wiersza; wierzba, и.-луж. и и.-луж. vierbi (varba); польск. wierzch, в.-луж. и и.-луж. wiercb (wercb); *верг*—польск. wierzgać (лавгать), и.-луж. u'er-gaš (бросить); польск. ziarno, ziernisty, полаб. ziorni, ziurni, по Шлейхеру žarni, и.-луж. zerno, в.-луж zorno; *верцало*, польск. zwierciadło.

Слова съ основнымъ ѿ посль швящей, вслѣдствіе твердости этой послѣдней въ польскомъ, имѣютъ въ этомъ языкѣ не ier, а ег: *черьне*, польск. czermienniak (растеніе); *церрасъ*; *церсты*, в.-луж. čerstwy; *цервъ*—*цервійн*, czergowu, в.-луж. berw, čerweny, и.-луж. cerv., cerv'enu, cerenu; *сцербъ*, и.-луж. ščerba, ščerbi-na; *жердъ*, в.-луж. žerdź, и.-луж. žerž. Сюда же относятся польск. cerkiew и aerce (такъ уже въ XV в. seg-ce). Первое совершение правильно, такъ какъ основное съ въ польскомъ постоянно твердо; вместо втораго можно бы скорѣе ожидать śiercę, но ie входитъ только въ śierdzić śię. Сходство словъ, кавъ польск. czergowony, относительно замѣны глухого звука, съ тѣми немноги-

ми, въ коихъ *br*=польск. *er* (*sterczec*), только минное, потому что если бы въ послѣднихъ польскихъ словахъ была замѣнена *br* (а не *gr*), то мы имѣли бы *scierczec*, и не *sterczec*.

Какъ въ великорусскихъ говорахъ, исклонныхъ къ неорганическому смягчению гортаанныхъ и губавыхъ, въ случаяхъ, гдѣ основное *br* стоять передъ губнымъ или гортаеннымъ звукомъ, этотъ послѣдний смягчается предшествующее *r* (верхъ, =*v'er/ch*, черви, =*c'r/v*); такъ и въ польскомъ *r* (въ сочетаніи основ. *br*) передъ *ch*, *g*, *m*, *b*, *w* (но *воздѣ*) смягчается въ *rz* = *rz:* *wierzch*, *zmierzch*, *pierzga*, *wierzgać*, *bierzmo*, *mierzwa* (но *czeg-wony*), *swierzbi*, *wierzba* (но *pasierb*). Хоть, по свидѣнію, *rz* условлено слѣдующею согласною, однако оно было бы невозможно, если бы въ аспонной формѣ стояло не *br*, а *gr*, какъ напримѣръ, въ *parch*.

Ier=br въ польскомъ не непосредственно примыкаетъ къ *br*, въ черезъ посредство другого сочетанія. Это *ier* оказывается болѣе позднимъ, чѣмъ другіе польскіе замѣны глухого звука прѣ-главномъ. Именно въ польскихъ памятникахъ XV вѣка замѣны сочетаній не только *ra* (*krwie*, 1 слогъ), *rz*, *ry*, *gr* (*gr*), *ea* (*ed*, *du*, *il*), но въ *br*=польск. *iag* (въ перев. Вислицк. ствт. 1449 г. *szarna*, *zgna=żigna*, *Lelewel*, *Księgi ustaw*, 61), вообще такіе, какъ въ пынѣ; но изъ мѣстъ, выдающаго *ier=br* съ большими постоянствомъ ствится *ir*. Такъ въ переводѣ статутовъ (*Lelewel*, *ib.*) читаемъ: *pyrzwej*, *pirwe*, *pyrwym*; *dziżan*, *odzirzi*, *dzirzecz*, *dzirżowcza*; *czygracem*, *sczirzpy* (нынѣ *ścierpi*); *geną* *cziwirtną* (=*ćwiertnią*), *czwirdzancz*; *ku myrszaczce* (=къ *myr-żaczco*); *czyrownosczą*; *cirkew* въ пр. Тоже въ другихъ памятникахъ того времени (*Msciejowski*, *Dodatki do piśmennictwa*, *passim*) въ раннѣе, въ Псалт. *Mapr.*, гдѣ читаемъ: *cirzpec*, *czygrfcs*, *czirw*, *czwyrdza*, *pirwecz*, *poczwirdzicz* (и *czwerdziecz*) *posquigrfcs* (*contamirare*) *swirzchu*. Линде занесъ въ свой словарь, какъ врхизмы, *mirk=mirsčb*, *czirwienič*, *czyrwiwy*, *wirza* и некоторые другіе. Впрочемъ, уже въ XV вѣкѣ наход-

димъ при *ir* и *ię*: *dzyerzelij* (Maciejowski, 108 = *dżierzeli*) и проч. Я считаю это *ir=yr* за особенность фонетическую, а не графическую, и такое написание едва ли можемъ быть опровергнуто тѣмъ, что и оспоаное *ie* (= ё, є) кое-гдѣ изображается въ видѣ *i*, *y*: *dzwika* (Maciejowski, 110), *wylkosz* (ib. 108), *ogarnyepuš*, *ruenpuš* (ib. 161). Въ этихъ случаяхъ тоже слѣдуетъ предположить произошеніе, близкое къ *i*. Нѣсколько случаетъ съ *ir=yr* есть въ полабской языкѣ: *dirze* (по Шлейхеру *dirzi*, держать), *dirzol sę*, *wirgene*, *wir-genunt* (въргнеть, аргнити), *waspirgene* (=польск. *pierzgnie*, лопнеть, треснеть), Шлейхеръ, Polab. Spr. 33.

Въ чешскомъ языкѣ сочетаніемъ *er* и *er* послѣ каждой-либо согласной, кроме шипящей, одинаково соответствуетъ *r* (*trh*=търгъ, *trn*=търнь), такъ что въ этихъ случаяхъ чешскій языкъ — со счетомъ долой; но *er* послѣ шипящей и, понидимому, вслѣдствіе ее влияния на чешскомъ языкѣ замѣнилось посредствомъ чистаго *e+r*: *čermák*, *čermý*, *černý*, *čerpák*, *čerstvý*, *cér*, *červ*, *červený*, *čerh*, *čerk* польск. *szczerk*, дресва), *čerpivý* (шерсткій), *žerd*, *žegniv*. Послѣ *a* стоитъ не *er*, а *r*: *srst'*, *sršén*.

3) Чертежаніе *ię* и *iąg* (= *yr*) въ польскомъ языкѣ.

Относительно такихъ случаевъ, какъ польск. *žiernpo* и *žiernisty*, а того мнѣнія, что въ послѣднемъ словѣ *ię* хотя и непередаетъ болѣе древнаго произношенія *ir*, въ тѣмъ менѣе *yr*, но болѣе близко къ этому послѣднему, чѣмъ *iąg* въ *žiargno*.

Если въ *žiernisty*, видѣть случай ретрогессионной ассимиляціи, то есть, влияніе послѣдующаго слова на предыдущій, то адѣль вліянію мягкаго слога состоять не въ приближеніи *iąg* къ *i*, въ лишь въ удержаніи сочетанія, происшедшаго изъ *yr*, на степени болѣе близкой къ *i*, чѣмъ *iąg*. Поэтому съ тѣкущимъ же или съ еще болѣшимъ основаніемъ можно назвать *iąg* ассимиляціей, подъ влияніемъ слѣдующаго твердаго слога.

Нѣчто совершенно сходное съ этимъ — въ изнѣн-

ні къ южн.-аел.-русс. осноанаго *e*, (*ie*) ударяемаго аль *é* (*jé*) оередъ твердымъ слогомъ: хотя вѣлѣ отличается оть основной формы большою мягкостью *e*, али точнѣе большою небностию предыдущей согласной, но асе жъ эта форма ближе аль основной *veli*, чѣмъ *oł* (*u'ol*). Въ польскомъ языкѣ измѣненіемъ, аналогичнымъ съ *ziaroo*—*żiernisty*, подчинено осноаное *e* (*wiedli*—*wiodł*, *weselszy*—*wesoły*); въ посѣднѣмъ *o*, а не *jo*, аакъ въ *serce e*, а не *ie*) я осноаное *ń*. Не *ia*, а аль *biały*, саду измѣняются въ *ie*, *e* (*biel*, *celc*, *czlukъ*, *czlina*) подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной, а напротивъ *ie*, *e* удерживаются слѣдующею мягкою согласною за стоеаніи болѣе близкой къ первоначальному произношению *ń*, чѣмъ другая замѣна атого *ń*, имена *ia*, а. Однааково съ согласными властиво небными действуютъ аль польскомъ на *ń* тѣ согласные, которыхъ небность, тѣкъ-сивзать, скрыта, то-есть, которые и неприимаа той арконебаой сарасан, какая, напримѣръ, въ *b* (*goląb'*), тѣмъ ае менѣе близки къ небности. Таковы губные и гортанные: *chléb* (а ае *chliab*), *grzech* (а ае *grzach*). Доказательствомъ того, что исходаю точкою для польского взыка было произношение *ń* ае зв. *ia*, въ за звука близкій *e*, хотя и отличай оть него (какъ и для русскаго языка), служить, ао-первыхъ, удержаніе *ie*, *e=ń* на концѣ словъ, а во вторыхъ то, что основное *ia*, равно какъ и *ia* (*ja*), стиженіе изъ *ńa*, *ńi*, по правилу, неподлежитъ вліянію слѣдующаго мягкаго слога и остается передъ нимъ неизмѣнныи: *zapal é*, *zapalali*, *zaprał*; *chwiać* (=хатѣтъ), *chwiali*, *chwiał* (Małecki, Gram. § 70), такъ что лишь немногія слова съ основнымъ *ia* (resp. а послѣ шипящихъ) увлечены аналогіей съ *ń*: *czaszja*—*cześnik*. Сходство отношеній старо-чешскаго *viace* аль новому *uic* и польскаго *biały* къ *bielie* лишь ооверхностное, ибо чешск. *ia=a* болѣе древне и близко къ основному произношению *a*, чѣмъ чешск. *i=d*; между тѣмъ аль польскомъ за оборотъ *ie* аль *biel* болѣе близко къ основному *ń*, чѣмъ *ia* аль *biały*. Съ тѣмъ, чтобъ говорить

объ этомъ г. Дювериув (Система основныхъ временъ и формъ слав. иврѣчій, 43), молчливо слѣдя Миклошчу (Vergl. Gramm. I, 460), именно, что *siedli* происходит изъ *sibdł*, а несогласенъ, ибо, кромѣ вышеприведенного *czešník*, всѣ оставыные примиры съ *ia* — *ie* (*ludojedz*, *jeſb*, *jedli*, *jedzieſz*; у Миклошча еще *niedźwiedz*, *držec*) обнаруживаютъ чередованіе *ie* и *ia*, потому что иѣютъ основион *a*, а не *ia*. *) Что же касается чеквѣ, при чадти, то *e* въ польскомъ словѣ нисволько не сходно съ *e* изъ *a=m* — мъ *czešník* и есть основное, общеславянское *e*. Извѣстно, что здѣсь и русск. («быть на чеву» — ошибочн. у Дала «ни чику» якобы — отъ чику), и сербск. (чеквти) виѣютъ *e*.

Нынѣшиему твердому произношенію шипящихъ и *rz=r* въ польскомъ предшествуетъ произношеніе болѣе небное, вѣтственные слѣды воего есть еще въ XV вѣкѣ (*zyądaly* 1449; *nírvala=užrziela* 1450 и т. п.). Поэтому *a* въ *e* (=) посѣтъ шипящихъ (*czwrgu*—*czerga*) этиологическія рваниосильны съ *ia* и *ie* = въ *ziarno*—*ziernisty*, и сходство между *czargu* и *targ* относительно замѣты глахаго звука только мнимое. Гораздо болѣе отклоненіе отъ случаевъ *ziarno*—*ziernisty* представляютъ тѣ словъ, въ коихъ и посѣтъ согласныхъ нешипящихъ *ier=r* чередуется не съ *iag*, а съ *ar*: *twierdz*—*twardy*.

Основываясь на случаѣ, варочемъ рѣдкомъ, ѣкъ стар.-польск. *mibrły* («myarthwe въ dokopane гречѣ» 1419 г., Lelew. *księgi ustaw*, 42) вместо нов.-польск. *mbrły*, а равно и на подабскихъ формахъ: *enm'arly* (въ польск. было бы *umarly*), *tjärdy* (польск. *twardy*), *setjärty* (*zilljoarte*) (Schleicher, Polab. Spr. § 17), мож-но думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ польскомъ сначала ѿ передъ твердымъ согласнымъ звѣнилось че-

*) Въ часъ сочетаніе *cha* — общеславянское, но оно предполагаетъ основную дославянскую форму *kanca-e* (Fick. Wb. 46). Возможно поэтому, что чередованіе *a* и *e* въ поль. *czasz-wczešny*, *doscz-ešny* условлено чѣтьмъ этиологического тождества этихъ звуковъ съ *a*, какъ въ *držec*, *držaz*.

ресь *iag*, а потомъ это *iag* отвердѣло: *мъртвыи*, *miartwy*, *martwy*. Этого предположенія я необобщаю. Въ другихъ случаяхъ, между прочимъ тмы, гдѣ не только въ польскомъ, но и въ лужацкихъ и полабскомъ замѣнѣ въ таерда, можно допустить переходъ въ з до змѣны глухаго звука чистымъ. Рассматривая польской языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, келья сказать, чтоъ этотъ предполагаемый переходъ *yr* въ *vr* совершился кепремѣнико подъ влияніемъ слѣдующаго твердаго слова. Напротивъ того, есть возможность думать, что во время этого перехода регрессивная ассимиляція, какую мы видимъ въ *widł*—*wiedli*, *biały*—*biel*, *czwarty*—*ćwierć*, еще недѣйствовала. Предполагаемый переходъ возникъ тогда, когда въ польскомъ *d*, *t* передъ мягкими гласными еще сохранили свое произношеніе и неизмѣнились въ *dž*, *č*; въ противномъ случаѣ мы имѣли бы формы въ родѣ *carcica* вместо количкой *tarćica*. Такъ какъ различіе даихъ упомянутыхъ возможностей (то-есть, перехода *iag* (=*yr*) въ *ag* и перехода *yr* непосредственно въ *vr* и затѣмъ въ *kr*) въ частностяхъ кажется затруднительнымъ, то я приеду примѣры чередованія *iag* и *ag*=*är*, кепытаясь распределить ихъ по ктнмъ разадамъ: *тьр*—, польск. *bierlica*, ко *tarł*, *tarli*, *tarty*, *tarka*, *tarćica*, *tarlica*, (=*biarlica*), и.-луж. *tarlica*; *тырн*—, польск. *śieri*. (и.-луж. *śierń*) и *tarnie*, *tarnina*, *tar(н)ka* (и.-луж. *tarnik*, по и съ мягкою замѣкою *ternik*, *ternka*); полбск. *drēn* (*dorn*) можетъ откоситься не сюда, не къ *тырнз*, а къ *drъnъ*, русск. деревъ; *четвърт*—, *ćwierć*, *ćwierutować* къ *ćwiartować*, *czwarty*, а.-луж. *śwórt*, и.-луж. *stwórt*; *чърн*—, польск. *czern*, *czerniś*, *czerniejszy* и *czarny*, и.-луж. *czarny*, в.-луж. *čorný*, полаб. *czurna*, *czorna*, *corna*, по Шлейхеру *c'arny*, то-есть, съ мягкимъ *y*; *дѣр*—, польск. *zdźierstwo* и *darł*, *darli*, *darty*; сюда же и *дѣрнз* (корхий пластъ, проросшій травой, *едирпемый* съ цѣлины), польск. *darn*, -ia и -iu, в.-луж. *dern*, *derno* и *dorn*, и.-луж. *dern* муж. рода къ *derno* средняго; *дѣрз*—, *dziarski* и *darski*; *мѣр*—, польск. *śmierć*, *umarl*, *umarły*, *martwy*, в.-луж. *śmierć*,

mordwy, и.-луж. śmierć, *humrły*; *мърх*—(перхоть и проч.), польск. pierzchnica (роль сыпи) и parch, park, parkot (русск. *парши* повидимому изъ польск.), и.-луж. parch; *пърста*, польск. pierścien, pierśb (шепоть) и parastek, в.-луж. pierścien, porst, и.-луж. pierścien, полабск. porstlin, p̄orſtlin, по Шлейхеру, pārſtlin; см. *рд*—польск. śmierdzieb, smierd, smard, в.-луж. smierdzi, smierdżawy, и луж. smierdzię, полабск. smārde, по Шлейхеру smārd; *твърд*—польск. twierdzie, twardy, и.-луж. twardy, twarziš, в.-луж. twerdy; *върт*—польса. wiercieb, (и.-луж. wiercieš) и wart (zakret głównego nurin rzeki), wertki.

7) Въ польскомъ одно *вт*=*ср*.

Подобно тому, какъ въ вышеприведенныхъ принѣрвхъ, еслибъ и не было въ польскомъ чередованія іет и вт (twiedz, twetdy), мы для от припали бы за основную форму *ср*, основываясь на согласіи русскаго твърд =тверд= съ в.-луж. twerdy и полабск. t̄vrdy; подобно атому мы заключаемъ и въ слѣдующихъ случаяхъ: польск. czart, и.-луж. cərt, но в.-луж. cərt, чешск. čert, russ. чёрт=чыртъ: польса. twagpac, и.-луж. twarzno, полаб. twarze, twarze (мерзнетъ), но в.-луж. twierzne, полаб. ejmerzon (ist gestogen); russн. мерз=мърз.—

Бываютъ случаи, когда слова, несомнѣнно родственныя между собою, имѣютъ въ кориѣ при плавной один ь, другія ә, напримѣръ, и.-русск. *мерцій* (скорѣе, отъ звичнія стегать, хлестить, акъ и парѣчія *шибко*, *хлестко*) предполагаетъ форму *мърск*, что и подтверждается и.-лужицкимъ *m'ersno* (*miersno*), *m'ersnjej*, скоро, -ѣй; но и.-руssа. *морскати*, стегать, южн. в.-руss. *морснуть*, стергнуть, удврить, польск. twarskæs (=чешск. twrskati), и.-луж. twarskaš, съчъ, стегать розгой, в равно и п.-луж. twagsnu, twâsnu, саорый, быстрый, предполагаютъ *мърск*. Здѣсь первенство одного изъ двухъ еровъ мы доказать неможемъ; но такие случаи рѣдки, и обыкновенно или одно ә, или одно ь проходитъ черезъ весь рядъ словъ, ближайшимъ образомъ сродныхъ. Основываясь на этомъ, мы разсуждаемъ

такъ: если Русскій языкъ доселѣ окказывался кѣрнымъ руководителемъ при отыскиваниіи основного сочетанія ѣр, то мы полагаемся ип него и въ тѣхъ случаихъ, гдѣ его свидѣтельство ненаходитъ поддержки въ другихъ сравниваемыхъ иами пачечіяхъ. При этомъ неутвержданіе, чтобы тааая поддержка и мноюгла быть найдена: въ однихъ словахъ она просто памъ пеизвѣстна (бердо ткацкое, польск. *hardo*; берлога, польск. *harłog*, в.-луж. *harłog*, а.-луж. *horlo(h)*; нѣр—польск. *rąg*, *ragù*; серна, польск. *sarna*, в.-луж. *sogiv*; *верста*, польск. *warsta*, *warstwa*); для другихъ (акъ польск. *żwirk*; *zażarty*, *żagpa*) ниже приведемъ основанія, требующія и везависимо отъ русской формы *жер* предположенія осмовнаго ѣр. Ужъ изъ предыдущаго видно, что переходъ ѣр въ ѣр (или же переходъ мягкой ваймы ѣ въ твердую?) имѣть място не въ одномъ польскомъ, но и въ лужицкихъ и, прибавляю, и въ лабсанахъ, гдѣ: съгrewena, но и согrewена (Шлейхеръ ме-раздѣляетъ этихъ формъ и ставить виѣсто обѣихъ тиер-дую замѣну глухого звука: *cárweny*); *carliw*, *cart'aj* (по Шлейхеру *cárkúw*), стар.-польск. *církiew*; *sarsin*, по Шлейхеру *sarsin*, шершень; *wärch*, *wärsak* (верхъ, вер-шовъ), *wärchene* (по Шлейхеру *wärchní*, верхній); *ra-
ga*, по Шлейхеру *rágù*, первый. Впрочемъ, какъ въ ста-
рался показать, эти нарѣчія далеко ведоходятъ до того
почти полнаго отождествленія въ з, какое находимъ
въ сербскомъ. Нижне-лужицкое здѣсь весьма близко
подходитъ въ польскому, замѣняюще ѣр черезъ аг (*ehvrt*,
gjvrb), ѣр чистью п-средствомъ аг (*twardy*), чистью по-
средствомъ іер (*v'er'ch*). Въ в.-лужицкомъ ѣр=ог (*horh*),
ѣр=частью ег (*twerdy*), частію, преимущественно, во
цѣ исключительно передъ твердыми—ог: *porst*, *štwarzty*,
worsła, *sogiv*, *horlo(h)*, *mordwy*, *dorn*, *worci*, *štwarz* (Mikl., V. Gr. I, 488). Слѣдуетъ полагать, что въ
втомъ нарѣчіи о, замѣняющихъ въ ѣр (*žórglo*, *čognu*) и
въ другихъ случаяхъ (рос., род. рзв, ѿй (шыль), *lohkij*)
возникло изъ ю подобно тому, акъ въ иѣкоторыхъ слу-
чавхъ и осмокное е, и ю изъ ям (ив комцѣ) измѣняютъ

ся въ о (łód, ręda, pačos, polo, pdomjo), и что żórđo, богну предполагаютъ такія же формы съ ег. какія мы дѣйствительно находимъ въ čerstwy, žerdź, śbegeb, čert. Въ польскомъ языке число словъ съ ог=эр аесьма не-аваичительно, сравнительно съ тѣми, гдѣ эр=иг: sorbać и eerbac, но sarbać, sarkac (хлебать), и.-русск. сёрбати; szorski и szerstki, sierstc.

Въ *послѣ шипящихъ=польск.* об. Въ немногихъ случаяхъ, относящихся сюда, Польский языкъ согласенъ съ лужицкими, иакъ относительно о=эр, такъ и откосительно происхожденія этого о изъ е=эр. Мы нынѣ видѣли, что въ иѣкоторыхъ случаяхъ и э=польск. об (польск. mówib изъ mówib, в.-луж. mówiob), ао здѣсь о непосредственно примыкаетъ къ э; слѣдовательно, сходство между mówib и żółty (откуда żółty) лишь не результатъ, а не въ процессахъ. Чѣмъ, польск. czólb, czóbno, в.-луж. čólm - čowm, čownik, и.-луж. čolu-cowin; чьлз? (=русс. къла—), польск. czodgac eię; жъльчъ, польск. žólb, в.-луж. žólc - žowc, и.-луж. žólc; жъльна — польск. žólnia, и.-луж. žólnia. Сюда же въ польскомъ относится стар. žékw', -i, žékwica, žólkwica (зеленка), предполагающее жъль. Русское золовка имѣть полвогласие не такое, какъ въ золото—злато, а такое позднѣйшее, какъ полония=излана; оно соответствуетъ, ироніе окончания, сербскому заова и вѣтсѣ съ нимъ предполагаетъ форму зовъ. Такимъ образомъ, русский языкъ здѣсь расходится съ польскимъ. Обѣ формы слѣдуетъ, повидимому, отнести ко времени до начала замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Въ польскомъ языке нѣть ни одаого слова, въ коемъ бы э=и (какъ э), но нѣ чешскомъ člun, žluty', žluna, žlupa, изъ чего видко, что и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ это парѣчье менѣе польского наклоано къ различенію э и ѿ пра плавныхъ.

Г. Переходу въ упомянутому подъ В доказательству съ точан зреїнї общеславянской, что разница между э и ѿ при плавныхъ и постаковки ихъ передъ р, э есть явленіе не исключительно русское, но общеславянскон.

Шинть въ статьѣ «Объ образованіи непервоначальнаго ѹ въ славянскомъ и литовскойъ языкахъ» (Beitr. zur Vergl. Spr. VI, 143—17) говоритьъ: «Нерѣдко мы находимъ передъ *r*, *l*, *e* ассимиляцію гортанныхъ безъ присутствія (за втмъ сочетаемъ) тѣой гласной, которая могла бы причинить это измѣненіе гортанныхъ. Между тѣмъraigочисленныя сочетанія *k*, *t*, *p*, *l*, *e* въ началѣ словъ доказываютъ, что сами по себѣ *r*, *l*, *e* новое не необходимо ассимилируютъ предыдущіе гортанные... По моимъ наблюденіямъ, количество случаекъ, въ коихъ гортанные и санскритѣ остаются ненемѣнными, приблизительно равно числу тѣхъ случаевъ, въ коихъ они измѣнены. Здѣсь я уважу извѣстные маѣ случаи, въ воихъ слова того же корня, а частью въ того же образованія, то удерживаютъ гортанный, то ассимилируютъ его. Шлейхеръ (Сопр. 2, 303) приводитъ: *чельта* и чешск. *květ*, *чельти* и ст.-чеш. *květī*, *чловѣкъ* (кор. *кру*, *слу*), *чрѣтати* и *кратѣкъ*.... Изъ Миклонича (У. Гт. I. 199) свидѣствуя *жерло* и *зрѣло*. Я самъ самѣтиль *жрѣти*, *жерж* (*deglutire*) при *зрѣтанѣ*..., *жрѣти*, *жерж* (*sacrificare*; ср. литовск. *girti*, хвалить, санскр. *гриами*—хвалю. Curtius, Grindz.² 162) при *зрадѣ*; *жлѣдати* при *зладѣ*; *ирѣшень* при *срѣшень*; *чрѣпъ* при русск. *кирпичъ*. Относительно чрѣпъ можно бы, быть можетъ, принять, что въ немъ ассимилирующая сила «подѣживали на гортannую череъ *r*. Такъ кнѣзь мы видимъ, что обыкновено *ч*, *ж*, *ш* возникаютъ только передъ *ј* и небывшими гласными, то въ еаключию, что *r*, *l*, *e*, где они ассимилируютъ предыдущіе согласные, лиѣли йотоподобный звукъ, то есть, что изъ нихъ развилось праeйтное *ј*. Это *ј* на письмѣ не обозначалось, какъ нерѣдко необозначается и основное *ј* при *r*, *l*, напримѣръ, въ *бура* нѣсто *бури*, *воля* вмѣсто *воли*; но вавъ иль послѣднихъ случаяхъ *r*, *l* имѣютъ значеніе *тj*, *lj*, такъ они могли имѣть это значеніе и иль вышеупомянутыхъ *жерло*, *жлѣдати*. Въ подтвержденіе Шинть приводить ещепольск. *chrzãszcz*, *grzbiet* иное-что вовсе менедходящее.

Здесь сначала отдѣлимъ діелектическіе яванія отъ общеславянскихъ, въ той увѣренности, что тѣ и другія въ дѣйствительности раздѣлены временемъ и причинами. Къ первымъ относится 1, къ въ случаяхъ, какъ польскіе gwiazda, kwint. Удержаніе втихъ гортанныхъ точно предполагаетъ въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ раннее появленіе небности губааго звука и наклонность гортанныхъ къ палатализму. Даѣте, вътороя изъ живыхъ нарѣчій показываютъ, что въ бурѣ, волна начертаніе есть слѣдствіе произошедшаго: *ra* виѣсти ри свидѣтельствуетъ о потерѣ смѣгаемости *r*, какъ между прочимъ въ нѣкоторыхъ западно-малоруссахъ говорихъ; *la* вместо *li* говоритьъ обѣ образованія въ говорѣ писца звука среднаго между твердымъ и небныемъ *l*, и о потерѣ обоихъ крайинъ. Чловѣкъ предполагаетъ чловѣка или чловѣлька, *) а потому здесь можетъ быть рѣчь не о паралитномъ *j* при *l*, или изъ *l*, какъ въ итальянскомъ *flore=flotess*, но о появленіи мягкаго гласнаго передъ *l*;

*) Чело-елька. Такое дѣленіе этого темаго слова въ предложено дѣлению чловѣлька, при коемъ *-лька* считаются за единоственый и въ своемъ родѣ суффик., а чловѣкъ достаточнѣй оснований привлекаютъ къ слову въ слово и слов-аку (кор. *kru-*).

1. Вѣкъ а) сила. Ср. хорут. obvѣknотi, соргобогвте, odvѣk dati, reficere, vѣk, virtus («sol vѣk zgubи» соль обу-щаетъ), vѣсан, robustus, malovѣсен debilis, Mѣkl. Lex. s. V.; лат. wѣku, ж. физич. сила. б) Отсюда *у-еъльче=без-еъльче* (у изъ знач. отрицательной частицы, иакъ въ *у-богъ=небогъ*), состояніе чловѣка лишенаго силы, вдоровыи: «Добры-ак.. брали Алешу за мелты вудри.. началь шалыгой поворичи-вати. Недаль ему смерти скорыи, А дамъ безеъльче вѣконѣчное, Рыбы III, 75; в) *вѣкъ* безъ предлога, иакъ ющаго отрицательное значеніе, сначала вѣроятно употреблялось въ знач. силы, здо-ровья, иакъ можетъ быть въ слѣдующемъ: «аше ли утасть ру-ку, отпѣсть рука или усъхнетъ, или вога, или оно, или неутнетъ (вар. иакъ носъ утасть), тѣ поль виры, ё гравеъ, а тому за сѣкъ (т. е. раненному, за силу, иакъ оно лишенъ) ё гри-женъ», Русс. Пр. по Сим. си., Русск. Достоп. I, 32—3; во-

киричъ есть замѣстноказъ изъ турецко-татарскаго и не имѣть ничего общаго съ чрѣль. Этаѣмъ останутся только слѹчи, киѳъ жерло, жездати. Противъ Шмита говорить то, что въ формахъ, соответствующихъ формѣ жерло р несмѣгчается ни въ одномъ славянскомъ варѣ-
ріи. Относительно же я держусь того мнѣнія, что дре-
вѣйшее, общеславянское его произошеніе передъ твер-
дыми гласными есть то, которое существуетъ теперь въ
русскомъ взыкѣ (кромѣ нѣкоторыхъ пограничныхъ гово-
ровъ) и польскомъ и ивно предполагается лужицкими и
полабскими. Въ жельте и т. п. же рѣшительпо было
тиердо долгов врема послѣ измѣненія горѣннаго въ ши-
пящій. Поэтому, принявъ за основную форму жельте,
невозможно объяснить появленіе же изъ з свойствава
звука л. Это будетъ невозможно и въ томъ случаѣ, если
допустимъ основную форму жельте. Б принадлежитъ къ

подъ влїнніемъ значенія слова безвѣчье само елька нѣ выраже-
нів безъ елька получило смыслъ уельчъ: «аже кого уреять,
полуторы гривны серебра, аже будѣте (=будеть) безъ елька
(вар. а хромоты не тѣлѣ побудить)», Смол. Грам. 1229 г. по
Рум. сп.; г) елька срокъ жизни, отида—столѣтіе, продолжитель-
ное время. Сближеніе съ дѣшѣвъ, аевашъ, гор. aivs дышено
основаніе; напротивъ, несомнѣнно сродны: латов. wykis, и.
жизнь, живость; wykrus, бедрый, жиной, оживленный; weikti
дѣлать, iweikti mѣsti азть, одолѣть городъ; лат. vi-p-s-o,
vici, vic-i-um, гор. veiban, streiten, Fick, Wh.² 399,606.

2. Слов. цѣль и гор. hails относится къ кор. как;
ср. Спр. каја, здоровый, готовый, пріятый и пр. кај-јана,
прекрасный, милый, благопріятный, греч. халбс. Тинъ между
прочими Fick. Wh. 351., где указано за другой случай въ=
оси. а въ лат. kēmbs. гор. haims, ас. chām, англ. home,
греч. хофу=основ. юна. Слав. чело въ чело-елька можетъ
принадлежать къ тому же корню и значить тоже, что цѣль;
относительно звука ср. чело, челесе=оси. нареч.

Такимъ образомъ чело-елька, какъ compositum possessi-
vum (бакунурѣн)значило бы «имѣющій цѣльную силу, полно-
сильный, т. е. взрослый, мужъ, почему напр. иллар. чолосик

одному разряду съ *e*, *и*, *ю*, *я*. Между тѣмъ сочетанія гортанаго съ *r*, или *x+e*, *i*, *ю*, *я* остаются ненизвѣтными, таъ что мы имѣемъ только тоніи основныя (и относительно горловиной, доныпъ общеславянскій) сочтанія, какъ *крыло*, *криз*, *кръсъ*, *кльть* и т. п., а не *жрило* и пр. Исключение составляютъ только тѣ слова съ *ry*, коимъ въ Русскомъ языке соотвѣтствуютъ *ере*: *жерѣбл* (и не *грѣбл*, какъ *зрѣхъ*) = *жеребя*, а по-чому таъ, обѣ этомъ рѣчи впереди. Поэтому, еслибы когда-либо существовала общеславянская форма *жльть*, то она и осталась бы съ *z* (и не *ж*), кикъ остались *z*, *x* въ *хрѣбѣть*, *grzbiet*. Итакъ, если *x*, *r* въ *жльть*, *чрѣта* всегда было твердо; если даже мягкий гласный послѣ *x*, *r* (какъ въ *кръсъ* и пр.) немогъ бы измѣнить гортанаго въ шипящій; то остается принять, что формы *жльть*, *чрѣта* не основныя, а діалектичеснія и повѣнѣйшия. Кивиѣ древнѣе ихъ, мы старались показать выше, именно: гдѣ общеславянское слово имѣетъ въ себѣ сочетаніе шипящаго съ *r*, *x* и глухимъ звукомъ, тамъ первоначально глухой звукъ стоялъ передъ *r*, *x* въ не-посредственной близости къ шипящему и былъ не *z*, а *t*; основная форма есть не *жльть*, а *жльтъ*. Такимъ образомъ мы получаемъ увѣренность, что различіе между *жрило* и *жърѣло* древнѣе ихъ безразличія относительно еровъ въ написаніи *жрило*, *жърѣло*. Если жь это такъ, то и различіе еровъ въ другихъ случаяхъ, не послѣ гортанныхъ и шипящихъ, указываемое русскимъ и другиши царевичами (*тьрѣни* и *тѣрѣти*), древнѣе ихъ безразличія въ написаніи, *тѣрѣти*.

Соть мужъ по отношению въ жевѣ и по отношению къ неполночвымъ, назывы *хлопецъ* и *парубокъ*. Тамъ какъ съ одной стороны *жизнь* значитъ богатство, съ другой богатство человѣка условлено пехотой его онъ, то позятно, почему мір. *полномочной* мужикъ — заинточный (Нижегор.), у кого иного въ семье работниковъ (Онеш.): «въ почетѣ ходить дочь да все без-стани: преображенъ ю крестьяна полномочными», Барсовъ. Причат. сън. мір. 130; *маломочной* — бѣдный: «я богатому сестру нено-хориласк, у маломощнаго и ведомышлѧся» Барс. іб. 136.

Сказинское здесь отличко от того, что говорить о томъ же предметѣ г. Гейтлеръ.

Словъ съ начальными сочетаніями чр, эхр, уже своимъ ч и эх обнаруживавютъ, что нѣ корнѣ ихъ было нѣкогда е: *чрѣтати* возникло изъ *чрѣтати*, которое изъ *чрѣтати*, *чрѣтати*, какъ показываетъ русское *черт*. Это постѣднее изъ *kertati* (ср. лит. *kertin*, не-опред. *kirsti*, съ ослаблекіемъ въ i)... Перестановки плавающаго звука въ томъ видѣ, иакъ мы ее (обыкновенно) представляемъ, небыло: ибо, еслибы въ былъ осковнымъ въ корнѣ, то квкъ мы оправдаемъ ч, которое можетъ возникнуть передъ мягкимъ гласнымъ, но никакъ не передъ х, р, или г? Какъ могло развиться *чрѣт* изъ санскр. *харт*, если *непризнаемъ русской формы черт* — *старѣйшю*? а корня *харт* ослабѣло до е уже во времена деславянскія; изъ *kert* (ср. лит. *kertu*) на славянской почвѣ прежде всего образовалось *черт*; на атой степени стоктъ Русскій языкъ; отсюда *чѣт*, *чѣт*, *чѣт*... Подобкимъ образомъ развились *чрѣтати*, русск. *черп*, чешск. *čerpati*; *чрѣтенъ*, чешск. *čerpený*; *чрѣть*, лит. *kiptis*, русск. *черь*, чешск. *čertu*; *жѣтъ*, лит. *geltva*, *жѣтъ*; *жерѣны* изъ *жѣрѣни*, *жѣрѣны*, *жерѣны*, русск. *жерноаъ*, чешск. *žernou*, лит. *girnos* изъ *getnos*... а въ польск. *matlwy* и пр. атому непротиворѣчить, потому что образовалось внутри польского языка» (Fonol., § 45). «Русскія формы *смерть* и пр., по кореннай гласной и по несовершившейся въ нихъ перестановкѣ, не одною, а нѣсколькоими ступенями дреанѣ соотвѣтственныхъ словъ старо-болгарскіхъ, между тѣмъ какъ чешскій языкъ, относительно наступія гласныхъ, пошелъ дальше, потерявъ и другую полугласную (*смрѣть*), вытѣснившую полугласную кореннную: *smti* и пр. Только словами, иакъ *čegu*, въ коихъ въесьма древне, чешскій языкъ вмѣстѣ съ русскимъ превосходитъ древностью дѣенїйшів славянскія нарѣчія» (Fonol., § 46).

Кромѣ отрицанія перестановки, это памъ и прежде было известно изъ трудозъ покойнаго Максимоанча.

Г. Гейтлеръ смѣшиаетъ двѣ аещи: изъ того, что

чървь и черьвь, относительно мѣстъ гласного звука п-редъ р, дрвнѣе, чѣмъ чървь, отнюдь асльдуетъ, что е въ черьвь дрвнѣе и въ чървь. Съ мнѣніемъ о дослѣдованіи происхожденіи е въ чешск. єсту и пр. слѣдуетъ сравнить сказанное г. Гейтнеромъ въ § 38. Здѣсь приводятся слова съ іç, и между двумя согласными (въ Mater Verbi) относительно которыхъ авторъ убѣждаетъ, что въ нихъ звучало ь: сіту=чървь. Стало быть выходить, что въ чешскомъ пѣкогда было черьвь, по-томъ чървь (въ началѣ XIII вѣка), по томъ опять черьвь.

Что руссков е въ черьвь и дрвнѣе ь, в предполагаетъ его равно квкъ о въ торіа предполагаетъ ь, в то, на нашъ взглядъ, совершенно доказано, во первыхъ, свидѣтельствомъ русской письменности до XIII вѣка включительно. И нынѣ слабыхъ сторонъ въ извѣстныхъ ужъ соображеніяхъ такого рода: сравнимъ, напримѣръ, отрывокъ изъ житія Бориса и Глѣба XII вѣка съ тѣмъ же мѣстомъ по списку половины XIV вѣка (Срвзпевсайї, Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, ХХІІ и сл. и 65 и сл.); формы XIV вѣка ставлю въ скобкахъ) и спросимъ себѧ, откуда, если изъ своего собственнаго говора и слуха, писцы могли взять такихъ ивицаній, какъ почървѣло (почврнѣло), мыртвыхъ (мертвыхъ), върхоу (вврху), сирни (серпы), дѣржавно (дѣржавно), утврженіе и утврженіе (утвержепиє), дѣрзость (дерзость), пльтоцца, пльтьски (плотоядца, плотьсаты), скърбящихъ (скорбящихъ)? Оставляемъ въ сторонѣ случчи, гдѣ з и ь не при плавныхъ: ишдыше (ишдшв) и пр. Мы не можемъ, подобно тѣмъ, которые отвергаютъ глухіе звуки въ древнѣ русскомъ, звѣтить здѣсь пичаго школьнаго, условнаго, никакаго посторонняго вліянія. Это — прямое отраженіе иродиваго выговора, отраженіе вѣрвое, благодари чуткости писца. Точно такъ въ сербск. царв, парсѣвнѣе, чѣмъ черьвь, черьсть, ср. Jagié, Podmlađjena vo-kalizacija 53 и pass. (Rad. IX). Во вторыхъ, малорусское нарѣчіе въ наиболѣе чистыхъ своихъ говорахъ довольно строго отличаетъ о, е основные отъ тѣхъ о, ь, которые соответствуютъ ерамъ древнихъ русскихъ па-

митавовъ и, какъ мы думемъ, произошли изъ втихъ глухихъ. Оно почти всегда вытекаетъ къ у, ю, і и пр. только основные о, е (см. мон «Два изслѣдованія», 98, и «Замѣтки о малорусской нарѣчіи», 11 и сл.), и что, по моему, происходитъ, между прочимъ, отъ того, что къ жизни этого нарѣчія никогда не было такого времени, когда бъ основное о, е ничѣмъ не отличалось отъ о, е=э, ю.

По Гейтлеру е въ жерновъ, чешск. јетпou, есть тоже самое, что и е, предполагаемое литовскимъ і въ gіrpos (изъ gerpos), откуда можно заключить, что лит. і и е въ іг, ег соответствуютъ именно ерю и славянскому е въ ѿр, ер. Конечно, я ошибаюсь въ своей статьѣ о полногласіи («Два изслѣдованія», 15—16), считая вѣроятнымъ, что образование глухихъ гласныхъ относится къ дославянскому времени. Эта ошибка была замѣчена г. Ягичемъ (Rad. Jugoslav. Akad. XIV, 203—204). Въ литовскомъ и латышскомъ еще есть глухихъ гласныхъ. Однако, есть значительная степень соответствія между литовско-латышскимъ е, і передъ плавными между двумя согласными и славянскими глухими на томъ же мѣстѣ. Только соответствіе это никакъ непростирается до специально славянского различія ѿ и з. Этого различія есть никакихъ слѣдовъ въ литовско-латышскомъ. Правда, что при формахъ, какъ търстъ, мы встрѣчаемъ литовскія съ іг (ег): wirbas, wirwas (лат. wir'we), wirszus (латышск. wir'sus), pirmsas, pirsztas (латышск. pir'ksts), kirmis (латышск. cer'me, cérme), szirdis (латышск. sir'ds) и пр.; но значение этого факта опредѣляется тѣмъ, что въ тоже время при славянск. ѿ (въ зл, ѿр) мы находимъ въ литовск. тоже і: wilkas, wilgyti, wilna, wilnis, pilnas, milžti, латышск. wilks и пр., литов. mirk-s-y-ti—мъргати (но mirgëti—мърк въ мърцати); литов. tirsztas, густой, о пивѣ или молокѣ, круглой—о кашѣ, густой—о дымѣ, лѣсѣ, хлѣбѣ=тълстъ, которое въ русск. между прочимъ—о пивѣ, смеганѣ, голостѣ, звонѣ, дымѣ, снѣ (мал.-руссск. «то за тим, то за сим, то за сном товстим», народная пѣсня); литов.

pirksz-nis = русск. перскъ (пърскъ), горячая золь и мѣсто въ печи, куда она сгребается, ченси. рѣзк, очагъ и пр.

Допустили ейтѣ съ Гейтлеромъ, что литовск. girtas (латышск. dzirgas) — изъ gerpos и т. д., мы не будемъ, что и это приводимое въ соотвѣтствіе отнюдь не въ частности славянскому *о*, геср. *e*, а безразлично и зеукамъ *а* = русск. *о* и *е* = *e*. Такимъ образомъ, если съ одной стороны литовск. *el*, ег соотвѣтствуютъ славянскимъ *ъл*, *ър* (geltas, geltoes, латышск. dzeltens, жыль; perdžiu — persti, латышск. per'du, pérdii, pírst — пырь); то, съ другой — при литове. gerkle въходимъ съве. гарле, при tórkli шеркѣт (и tórkayi) маргати.

Принимая твергого рода соотвѣтствіе между славянскими глухими и литовско-латышскими ослабленіями более древнихъ основныхъ гласныхъ, неслѣдуетъ ожидеть, что это соотвѣтствіе пойдетъ во всѣхъ сродныхъ словахъ. Напротивъ, основному славянскому *марс* (русск. морсъ, сокъ, напримѣръ, малиповый (*Домострой*), старосл. *марсити* и пр.) = литовск. smarsъ въ smergas, жиръ, заправъ, окваса кунгвия (свискрпцк. *маршати*, spargere, effundere, irrigare, осноепая форма смарсъ); славянскому *верста* соотвѣтствуетъ литовск. warstas, поворотъ плуга, гоны и пр. Итекъ, если вообще лите-ско-латышскій языкъ неуклонившись на различіе *а* и *е* въ славянскомъ, то овъ неможеть и въ частностъ служить доказательствомъ, что въ чаревъ возникло изъ славяно-литовскаго *e*. Звѣтъ входитъ въ силу изложенныхъ выше (*§ IV*) соображенія, что *e* = въ славянскомъ вообще новѣе втого *о*.

VI.

Два з или в по обѣ стороны р или л между двумя другими согласными соскакиваютъ текую крудаю особенность првоякспів нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятниковъ, что назвѣть ег невозможно, почему евкасвася почти вваждый, вому былъ для того случай.

Востоковъ въ словарѣ къ Остромирову Евангелію подгваетъ, что *влакъ* стонть именемъ *влакъ*, то-есть, что послѣднее написаніе древнѣе; *въръху* стонть вмѣсто *въръху*; «правильпѣ», чѣмъ *дрѣжати*, *дрѣзати* было бы *дѣржати*, или *дѣржати*, *дѣрзати*» и пр., изъ чего видно, что онъ считалъ различіе въ и зъ при плавныхъ, на которое указываютъ памятники русскаго письма, болѣе древніми, чѣмъ безразличіе этихъ глухихъ, что и я старался доказать; во-вторыхъ, что на второмъ мѣстѣ въ зъ (если на первомъ въ), на его взглядъ, безразличимъ, неизвѣстно, по сущности ли дѣла, или потому, что онъ немогъ решить, который изъ двухъ глухихъ здесь употребленіе. Къ этому его же Словарь Церковно-славянскаго языка, кажется, неприбываетъ ничего нового, или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчить вышняложеному. Въ немъ Востоковъ пишетъ, напримѣръ, *влакъ*, но тутъ же и *влакци*; *влака* и рядомъ *влакненіе*; *влакховати*; въ красной строкѣ *въръста* и пр., смотря по написанію въ памятникѣ, изъ коего слово взято.

Миклошичъ звѣтъ, что «написаніе *дѣржати* и пр., защищаемое Востоковымъ, основано на Остромировомъ Евангеліи» (точнѣе было бы: и на другихъ древнихъ памятникахъ, какъ Сборникъ 1073 года) «которое изъ этого отнешенія представляетъ удивительные колебанія, въ потому должно быть исправлено по другимъ памятникамъ» (V. Gr. I, 42). Исправленіе Миклошича состоится, квкъ неизвѣстно, изъ тоинъ, что онъ пишетъ постоянно квкъ *влакъ*, такъ и *дрѣзати*.

Макеніевичъ, согласно со своимъ мнѣніемъ о большей древности полногласія въ обширномъ смыслѣ этого слова (то-есть, не только *оро=ра* и пр., но и *ор*, *ол* и пр.=*эр* и пр.), говоритъ: «Древняя церковная правопись тѣмъ важенъ для филологии нашей, что по ней можно заключать, въ какихъ полногласныхъ формахъ не когда были въ славацкой рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно. Такъ, напримѣръ, изъ слова *въръхъ* можно заключить, что оно сокращено изъ *верехъ*; и твкое заключеніе оправдывается подобрѣніемъ новго-

родскимъ, въ которомъ вмѣсто *верхъ* говорится *верхъз* (а *верхомъ* называется изъра вершонъ); изъ слова *съмерть* видно, что вмѣсто *смерть* говорили пѣкогда *сомереть*; и подобная форма встречается въ глаголитской письменности—*смерть*. Опн видна и въ уменьшительныхъ словахъ *семерѣтка*, *семеремотка*, весьма известныхъ въ народѣ въ русскомъ (Начатки Русской филологіи 1848, 68—9).

П. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи (1859 г.): «Катковъ» (Объ элементахъ въ формахъ славяно-русскаго языка) приводить слово *молоња*, въ Остромъ Евангеліи *мленији*, въ доказательство того, что письменность древняя указываетъ на большую древность полногласной формы; приѣръ, впервыхъ, единичный (?), а вовторыхъ, веможеть быть подтвержденьи ни однимъ нарѣчіемъ родственнымъ: сербск. *мұна* свидѣтельствуетъ (?), напротивъ, объ отсутствіи з между ж и ѣ въ старославянскомъ и о тождествѣ въ фонетическомъ отношеніи съ *вұна*, *пук* я др., въ русск. *волна*, *полка*. Отсюда скорѣе должно, думаемъ, заключить, что и форма Остромирова Евангелія *мленији* вошла въ памятникъ подъ влияниемъ русскаго переписчика, діакона Григорья, вмѣсто старо-славянск. *мленији*, обыкновеной для всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ, болѣе обычной и въ самомъ Остромировомъ Евангеліи. Отсюда же понятіи, почему до сихъ поръ съ большою силою господствуетъ и въ простомъ нарѣчіи форма *молоња*, вполпѣ (?) соотвѣтствующа церк.-славянск. *мленији* и сербск. *мұна*; форма *молоња* явилась посредственно, вслѣдствіе господства полногласія при плавныхъ въ другихъ случаяхъ, следовательно позднѣе, неорганически, потому что въ противномъ случаѣ соотвѣтствовала бы церк.-славянской *мленији*, сербск. *мұнѧ*. Кавъ примѣчаніе къ первому изъ поставленныхъ мною вопросительныхъ звакояъ, приведу здѣсь слова того же автора изъ болѣе раннаго его сочиненія «О языкѣ съверныхъ русскихъ лѣтописей» 1852, стр. 45. Упомянувъ о русскомъ полногласіи (оро=ро я пр.), опн продолжаетъ: «Любовь къ глашнимъ

въ народѣ Русскомъ сюль скльна, что онь прибѣгъ къ удвоенію о при р въ такихъ словахъ, азъ которыхъ, по требованію древней фонетики общеславянской, р соединенъ быль съ глухимъ звукомъ з; такъ, и нѣ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ въ XIII вѣкѣ мѣсто Торожекъ, Новоторожьи читаемъ Торожокъ, Новоторожьи (Ноаг. I, 45; Собр. Гос. Гр. I; № 1). Итакъ, можемъ не еднинчный случай. Впрочемъ, меподлежать для пасъ сомнѣнію, что вто подиогласіе слѣдуетъ отличать отъ того, гдѣ русск. оро и проч.=старо-славянск. ра и проч.

Ягичъ (Napredak Sloviniske filologije prejednih godina, Rad Jugosl. Ak., XIV, 205 слѣд.). высказыма-
етъ свое мнѣніе о нашемъ вопросѣ по поводу статей о подиогласії П. Лавровскаго к моей. Въ агой послѣдней (31—34) я слѣдовалъ тому мнѣнію, что глухой звукъ посль плавнаго (мрѣтвъ) предполагается всѣми славянскими нарѣчіями (чего теперь недумаю); что, между прочимъ, и въ русскомъ на такое мѣсто глухого звука указываютъ слова какъ бровъ (завлюченіе отъ брѣвъ къ большей древности *влакъ, мратъ* ошибочно); что глухой звукъ посль плавнаго есть слѣдствіе того же стремленія языкк., и силу которого чистый звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, а не предшествуетъ ему, какъ въ литовск. garsas; что изъ этого и для русскаго языка вытекаетъ иѣроятность большей древности формы *гласъ* сравнительно съ *голосъ*.

Положенія г. Ягича слѣдующія:

«Извѣстно, что полугласныи з въ эъ нашемъ случаѣ обыкновенное мѣсто посль р, я: способъ писанія, составляющей правило азъ древнѣйшихъ памятникахъ. Чѣдѣ выводимъ отсюда?—Что и та чистая гласика, которую приимаемъ за болѣе древнюю, исходную для позднѣйшихъ полугласныхъ, азъ общемъ имѣла мѣсто посль р, я» (204).

Прежде, чѣмъ полугласные появились въ органи-
иѣ славянскаго языка, когда мѣсто ихъ еще вездѣ стояли чистые гласные, аводиѣ было уже развито стрем-

зеніе славянскихъ языковъ измѣнять рег *metathesis* та-
кия сочетанія, какъ *ар* и согл., *ал* и согл., *ер* и согл.
и т. д. иъ такія, квкъ *ра* и согл. и т. д. Напримеръ,
хотя литовскому *wilva* соответствуетъ славянск. (ст.-
болгарск.) *влана*, но эта историческая славянская фор-
ма предполагаетъ, что уже въ болѣе древнюю, доисто-
рическую пору, когда ираткіе гласные еще иесократи-
лись въ полугласные, въ словескомъ должна была быть
форма *вланъ* или *клѣна*, какъ и въ литовской *wilva*
предполагаетъ болѣе древнюю форму *walva*» (207).

«Русскія формы, какъ *полынъ*, *мертвъ*, тօразъ суть
не что иное, какъ ревкціи, отпоръ болѣе древнимъ по-
дугласнымъ, икъ привлеченіе «подковленной» вокализа-
ціи, коей физіологическое раззентіе можемъ себѣ пред-
ставлять такимъ образомъ. Прежде, чѣмъ дошло до того,
что гласный звукъ послѣ *р*, *л* изнемогъ и ослабѣлъ до
полугласного, прежде чѣмъ исчезъ и этотъ полугласный
зауаъ, и его задачу привело за себя одно *р*, *л*, аѣко-
торые славянскіе вышки, какъ русскій, польскій, сербо-
хорватскій, стали кѣбѣгать такихъ сочетаній, квкъ *ланъ*,
млана, *мртвъ*, *срдце*, и вскоть отъ нахъ отдыха и облег-
ченія, колеблясь въ выговорѣ приблизительно такъ, какъ
показываетъ написаніе Остроірова Евангелія *мертвъ*,
мългвад и пр. Всюорѣ *р*, *л* освободились отъ этого пла-
аапья въ двухъ гласныхъ такимъ образомъ, что первый,
искореній звукъ *з*, за который, по причинѣ сокраще-
нія слова за ионцѣ, могло пасть еще и удареніе, взвѣлъ
перекбѣсь надъ другимъ *з* (ѣ), а чѣмъ болѣе первыи
раздвигались и расширялся (въ *о*, *е* и пр.), тѣмъ болѣе
сжимался второй, пока накоаецъ изъ перваго *з* (ѣ) не
вышло чистое *о* (*е*), а другое *з* (ѣ) совсѣмъ исчезло.
Такой процессъ, даваю совершившійся въ русскомъ язы-
кѣ, дїалектически возобновляется въ южно-славянскихъ,
можно сказать, передъ нашими глазами и въ наши дни,
ибо есть края, где у насъ вместо *кре*, *герм* говорится
каре, *тарм* (на иѣкоторыхъ островахъ Далматік), или
керв, *герм* (въ иѣкоторыхъ аѣстпоствхъ Хорватіи, ма-
примѣръ въ Загоры, около Кропиши)» (206).

Такимъ образомъ, Ягичъ принимаетъ форму *языка* за переходную ступень отъ *язка* къ *полкъ*, а весь рядъ принимаемыхъ нынъ формъ (для русск. языка) слѣдующій:

- а) чистый гласный звукъ передъ плавнымъ (*възвъ*);
- б) чистый гласный послѣ плавного (*влѣча*); в) глухой гласный послѣ плавного (*влѣча*); г) плавный между двумя глухими (*вѣгъма*); д) чистый передъ плавнымъ (*волнъ*).

Совсѣмъ иначе представляетъ себѣ это дѣло г. Гейтлеръ. Какъ мы видѣли выше, оны за древнійшія славянскія формы примимпеть мынѣнія русскія съ чистымъ гласнымъ (мертвъ). Затѣмъ написанія, одновременно даныя въ Остроміровомъ Евангеліи, опъ приводить по времени ихъ появленіенія въ тавой порядокъ: а) *въ*, *въ* стоять еще передъ плавнымъ (*жртвъ, исхѣнъ*); б) для устраненія стечепія плавной со слѣдующею согласною (какъ въ плѣвати изъ алкѣти) появляется иторой глухой звукъ послѣ плавного: *мѣзза, сѣмѣръ*; в) затѣмъ, за устраненіенъ первого подугласіаго, *сѣмѣръ* и проч. (Starobnlg. fonolog. § 37—42).

Чтѣдля насъ окажется возможныи удержать изъ этихъ мынѣній, будеть видио изъ слѣдующаго.

Мы различимъ здѣсь два вопроса: одинъ — о распросраненіи такихъ формъ, какъ *въръхъ*, по русской почвѣ и объ отношеніи ихъ къ соответственнѣмъ діалектологическимъ наленіямъ нынѣшнаго Русскаго взыка, другой — объ отношеніи этихъ формъ къ соответственнымъ наленіямъ другихъ славянскихъ языковъ.

1) Для вратности назовемъ квшъ мынѣніе явленіе *доломѣно*, тавъ и древніе *дѣгжѣно* одніимъ именемъ *второго полногласія*, желая пока ѧгимъ только отлічить это явленіе отъ другаго, второе назовемъ *первымъ полногласіемъ: голова=глава*. Кажется, что, пользуясь различными свидѣтельствами о мынѣніемъ состояніи языка, мы въ правѣ сказать: второе подогласіе есть изменіе не только почти исключительно русское, *) и даже почти

*) Такъ рѣдкій случаѣ, можво отыскать въ Псалт. Маргар. *czegerekew, czujekew, czigrekew*, род. *czugrekwe*.

исключительно свойственное съвервовеликорусскимъ говорамъ. Я думаю, слѣдуетъ отѣлить то стремленіе, по которому мыстами говорится *доложенник*, *тврѣдить*, отъ того болѣе распространеннаго, въ склу котораго говорится въ м.-руск. *пог-с-и*, *чов-е-и*, въ польск. *rod-e-n* (руск. литер. поди, чоли). О малорусскихъ словахъ мы говоримъ кавѣрное: что они возникли изъ *човна*, *погна*, такъ какъ если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *ж* (въ родѣ *ягыг*), то *ж* неизмѣнѣлось бы къ *б*; что *е* появилось въ нихъ послѣ *в* лишь тогда, когда кочечное *з* (*пълкъ*, *чылкъ*) исчезло; *е* въ этихъ словахъ должно быть отнесено къ такъ-казываемымъ бѣглымъ гласнымъ, то есть, къ такимъ, коихъ существование и исчезновеніе условлено качествомъ слога. Съ точки исторіи языка слѣдуетъ здѣсь различать во всѣхъ славянскихъ нарѣціяхъ: а) замѣну глухой гласной внутри слога соотвѣтствиѳю чистою, вслѣдствіе отпаденія ковечной глухой и сліянія двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ средній, какъ въ русск. *з-ж* изъ *з-з-ж*, *горекъ* изъ *го ръ къ*; сюда же русск. *полоть*, польск. *rod-б*, чешск. *polet'*, для которыхъ прикинемъ основную форму *по лъ тъ* (три слога, въ второго слоги принадлежитъ къ суффиксу, какъ въ *дегънъ*), пе смотря на то, что по в.-луж. *рошс* и литовск. *paltis* можно бы заключать обѣ основкой формѣ *яг-и-ти*; кажется сомнительнымъ, чтобы въ *ягль-тъма*, пополамъ (Востокъ, Слов. ц. слав.), первое *з* было правильнѣе чѣмъ *о*; б) выкиданіе глухого (иногда и чистаго) гласнаго звука, сопровождающее сліяніемъ двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ прямой, какъ въ русск. *зло*, *з-ло*; в) случай сходный съ а: появленіе неорганической гласной, вслѣдствіе потери гласной въ слѣдующемъ слогѣ къ превращеніе прямого слога съ двумя согласными въ средній, какъ въ русск. *свекоръ*, *въ-теръ*, *ви-хоръ* изъ *све-къръ*, *въ-тръ*, *ви-хръ*; сюда же слѣдуетъ отнести образованіе среднаго слога съ неорганической гласной съ привлечениемъ къ этому слогу конечной согласной предыдущаго слога, какъ въ м.-руск. *по-сенъ* изъ *ягы-и-гъ*. Замѣчу, что съ русскимъ

еъ-тер сокершенно тождественны къ латышскому слу-
чи, какъ *werrats* (съ неорганическимъ *a*) изъ *werts*
(съ потерю гласной передъ *e*), которое изъ *wepris*,
кепрь (Bielenstein, Lett. Spr., 100—'01, § 59, г). Къ
одному разряду съ повен и реден относятся и распро-
страненные въ русскомъ литературномъ языке фразы
по-лон (=пъя-ны), *до лоз* (дъл-гъ, между тѣмъ сущест.
debitum — дѣлъ, съ однимъ *o*). *ве рѣв-ка* (=кър-я-ка),
которыхъ нельзя пріурочить къ какой-нибудь одной ча-
сти велико-русского языка. Можетъ быть, сюда же от-
носится и а. русск. форма *посолонъ* (три слога, по те-
чению солнца, въ по-съ-ль). Но уже форма мо-ло-къ
отмѣчена въ Великорусск. Областномъ Словарѣ, какъ
истрѣченная въ сѣверно-великорусскихъ мѣстностяхъ (въ
губ. Арханг., Волог., Олон., Костр., Пск.), и лишь въ
одной южно-великорусской (Тамб.) — *молонъ*. Форма
мо-лы-вье, отмѣченная у Даля, какъ принадлежащая гу-
барштамъ Каз. и Пер., или совершенно иначе образо-
вана, то-есть, имѣть суффиксъ *ши* (какъ *мыны*, *по-
мыны*), или есть искаженіе, тавъ какъ о ударяемое не-
должно бы измѣниться на *ты*.

Остальные известные слова со вторымъ полигла-
сіемъ къ вынѣнѣмъ русскомъ пріурочиваются къ сѣвер-
но-великорусскимъ мѣстностямъ:

стѣлоб и *столоб*, род. *столба* (Псков.) — столбъ,
столобѣнъка (Псков., Таер.), ударъ по голоаѣ; но тамъ
же *столбѣнь*, *столбѣха*, *столбецъ*.

доложно, *доложникъ*, Псков.

холомы, покрытое кочками иѣсто, *холомокъ*, хол-
минъ, Псков., Твер.

колоб, шаровидный хлѣбецъ въ пр. (Арх., Волог.,
Ниж., Пск., Твер.), *колобокъ* (Арх., Олон., Вят., Влад.,
Нижегор., Костр.), *колобушка* (Нояр., Пск.). *колобанъ*,
толстая зепешка (Твер.), *колобашка* id, (Пск.). Предпо-
лагая основ. форму *кълбъ* (ср. *колбянъ* — отрубокъ, Сар.), *)
мы ожидаемъ южн. и.-русск. формы *колбъ*, *колбокъ*.

*) Въ Сарат. и Ворон. г. всегда слышно: *колбянъ*, *кол-
бичка*.

Ред.

поло́к, полка́, полчокъ дырокт, Влд.

полону́шка, сборъ розныхъ сельскихъ проиааеде-
ний (?), Тв.; сравк. полкъ.

толону́ть=толнуть, толкнуть (Пск., Тверск.).

кором, коромб, коромникъ, Пск., Твер. (=корнь).
челонакъ (Арх., Новгоро.).

беревено, Пск. (сркв. Смол. бервеао, польск. bierwiono, bierzwiorno, biegzto=бървъно; между тѣмъ Кур.
беревко=чешск. břevo=брѣвъно).

веревна книжк (Арх.), пасцоана (върь); верево,
вервь (Вятск.) можетъ сюдѣ неотноситься, такъ какъ
суффиксъ можетъ быть—ево, ккъ варево; иенско -оро въ
воровина, керевна.

верёх, верхá, Новг., Арх., Олок., Пск., Тверск.
звереть, вихорь (зекерть), Пск., Тверск.

дерень, дерна, дернъ, Новг.

жёредь, Пск., Тверск.

жерёнка, жерковка раковка, Пск. Таерск., же-
рённое время, лѣтнее, когда въ рѣкахъ можно пойти
жерновки, Тверск. (=жерьминое).

зареньб, Новгор. заренье, Пск., Тверск., зерновой
хлѣбъ (сравн. Пск., Тверск. зёрко).

сверёбить, -ся, беспокоить, сердить, -ск.

снатереть, Арх., Новг.

смерётушка, Новг., Пск., Тверск. (сравн. смёр-
точка, Арх., смёртушк, Моск., Тамб.).

смерётушка (=смырд—), вестерпимо, певыносимо,
Пск., Тверск.

чёрев, чёрева, червь, Пск., Тверск.

чёренъ, черени? черки? чернолѣсье, Пск., Тверск.

черемнушка, корь, сыпь (=чърм—), Пск., Твер.
четвереть, -рти, Арх.

шерестить, кѣнть шерсть, то-есть,
лошадь ма юшкъ безъ прилкчи, Перм.

шерёшь, молоть, замерзая грязь, Тамб.; шорошь,
-и, разбитый, малкій ледъ въ водѣ, Тверск. (срквк.

шерхиуть, шершавый; вирочень, и въ литературвомъ взыѣ шероховатый) *).

Списокъ етотъ, по всей вѣроятности, очень неполонъ относительпо количества словъ и увеслнія мѣстностей, гдѣ они встрѣчаются. Одно оставется вѣрныиъ, что въ южно великорусскихъ (со включенiemъ белорусскихъ) мѣстностяхъ слова со вторымъ полногласиемъ (какъ мопья, шеренъ — въ Тымбовской губерніи) встречаются, вѣнь исключение. Притомъ на сѣверѣ Тымбовской и Пензенской губерній, кажется, проглядываютъ иѣкоторые сѣверно-великорусские признаки: смотрѣть, у жено.

Подобными словами съ оло, оро, ере, въ другихъ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ соответствуютъ по правилу слова съ гласною о, е передъ р, л со слѣдующою согласною, въ древнемъ языѣ, по основу способу написанія, — слова, заключающія въ себѣ согласную + о, ы, ыр + согласную. Ограниченія этого правила незначительны. Гикъ, Пск., Твер. и литер. судорожъ, дрожь, легкій озвѣбъ, предполагаетъ не дзржъ, држъ, въ общерусскую форму држъ = дрожъ, если только по строенiu корня оно не тождественно съ тавнъ судора-та, которому соотвѣтствовало бы ст.-славянsc *скѣра.

*.) Въ приведенныхъ словахъ исходною точкою втораго полногласія служить глухой звукъ передъ р, л. Отличеніе отъ этого тѣтъ случаѣ, когда передъ р, л стоитъ чистый звукъ, начинаящий слово или слѣдующій за звоническій ѿ. Сюда относятся:

а) Ст.-слав. кльдия, альвати, альтий, альтаръ.

б) Ст.-слав. ёлъха и русск. (Костр.) ёлѣха, (изъ ёлха, откуда фамилія Елишевъ), основная форма алса, въ в.-русск. и пр. оѧха тоже вставное.

Русск. форма ёрши (рыба, речка сегпца, зазубренный гвоздь, строптивый человѣкъ; стать ёршомъ, упереться, какъ ёрши, иетогаго «щѣва невозмѣтъ съ хвоста»; ёрши по тѣлу — обѣ озивѣ и шероховатости кожи, при чемъ отвесительво знач.ср. скр. брш-ји ти и лат. ногго) предполагаетъ основ. форму орса-с; ср. лат. ergz — kots, терровинъ, швовицъ, (собст. «имѣющій твердые шкны», такъ какъ ketas, тверды)

Въ словахъ со втырымъ полногласіемъ второй гласный звукъ обыкновенно рѣкнъ перкому, то есть, онъ есть *о*, если первый есть *о-и* или *о-ы*, послѣ шипящаго; онъ есть *е* или позднѣйшая звѣнья вторг *е*, *ё*, если первый есть *е*. Исключение составить человѣкъ, если первого *е* не следуетъ считать за *о*. Въ *толубецъ*, родъ ливки съ ящикомъ (коинъ), лежанки, деревянная прильвка къ печи съ ходомъ къ подполье, Влад., Костр.; *толубица*—ходъ въ подполье. Тк.; *толубецъ*—деревянника прильвка къ печи, Каз., Костр., Тв., родъ надгробнаго памятника, Орл., Донск., сочетаніе *олу* произошло изъ *о-и* (какъ показываютъ формы *толбецъ*, *толбчикъ*, Арх., Костр., Тв., Орекб., Тобольск., Томск.) черезъ посредство *оло* (Тверск. *толбецъ*), въ коемъ неударяемое *о* перешло, какъ мѣстами часто, въ *у*. Присутствіе формы *толубецъ* въ мѣстностяхъ южн. в.-русскихъ (Орл., Донск.), быть можетъ, слѣдуетъ объяснять не фонетическими путемъ, а ошибочкою этимологіей, сближеніемъ этого этнографически неяснаго слова (къровтино, среднаго съ жалобъ) съ *толубь*.

в Сир. *арш-*, *ршати*, ударять, колоть, *ршти*, испыт. Слѣдующіе формы предполагаютъ посѣй *р-ъ* или *э*: Пск. Тв. *ереш*, род. *ершѣ*; *ерошить* волосы (ершить, слово ставшее литературовызъ, но по своему о посѣй *р*, необщерусское); Тамб. *ерохомиться* (и испорч. *терихомиться*) упражняться, наживлять; Ураль., Сиб. *ероха*; *ербшка*, большие волосы въ пр.; сир. Сибир. *ересь*, *кресливый*, сердитый, Свр. Сиб. *ереститься*, сердиться; Сир. *ерестина*, *ярестина*, Олек. *ерестина*, первая колодак шрѣсть съ овцы; сходство посѣдкаго слова съ *по-яр-окъ* и Серб. *јаретина*, ковъ кожа—случайно.

к) Въ слѣдующихъ двухъ слонахъ о посѣй *я* быть можетъ и не изъ?:

Сир. к Бур., Тамб. *ёлозитъ*, ползать (при очень распространенномъ *елзать*, *ерзать*); Мр. *на-ялозити*, наказать напр. сымы или чѣмъ либо скользинъ. Основ. корни *ярик-* *арѣ*, откуда—*раѣ*. Ср. Лит. *rogез*, *rages* кв. *санки*, садазки (но корни средн. съ *мыжи*) и сир. *ранѣватѣ*, сидѣть, бѣжать.

Въ сопрекениихъ съверно-западорусскихъ говорахъ весьма трудно отыскать, по отпоменю изъ процессу, второе полногласие обѣ бѣглѣ сти гласной, ибо хотя да-левъ не исакие вторая гласная въ разсматриваемыхъ словехъ можетъ быть названа бѣглою, но такое назна-
ние криично, напріябръ, второму о въ столбѣ, род.
столба, если только вги послѣднія формы достоинъ. Второе полногласіе въ иныхъ склоненіяхъ своемъ видѣ можетъ включить въ себѣ два наслоенія и болѣе, почему и трудно опредѣлимъ въ процессуальномъ отношеній.

Если неотносить слишкомъ многого на счетъ не-
точности записывателей, то мы иль приидемъ думать, что
второе полногласіе вездѣ имѣеть характеръ спорадич-

Ср. слозиты: «позвольте, гости ваши»—покушайте, по-
крабуйте; «позволь!»—призвѣтствіе юдащій. Если это
слово заимствовано, то основн. форма верни—аръ или арънъ; *)
отсюда разъ въ лат. *ragantī*, вкушать, пробовать вишну,
ragantī, угощать юдою, собст. дѣлать такъ, чтобы юдою ку-
шать.

г) Если лат. *alvus*, лат. *vīva*, олово, незаимствованы,
то въ ст.-слав. *олово* (Mikl. Lex.) при олово, русск. та-
же, коль. *оловъ* и пр., то основн. форма есть алвам, для
поль. *алвамъ*. Такій образъ въ этомъ словѣ мы бы имѣли
рѣдкій случай въ второго, а первого полногласія (см. выше),
при томъ общеславянскаго.—Быть можетъ другой подобный слу-
чай (перваго, т. е. незаключающаго въ себѣ глухихъ) полно-
гласія представляетъ стар. оловина, хицельной начатокъ (см.
Mikl. Lex. Цыгае. Lovina, оиво), если только это слово не-
заключаетъ въ себѣ краялога о и дѣлается такъ: олов-ина, при-
чина въ объяснялось бы изъ тематического у въ основн. форме
алву- (ст.-слав. *олъ*, лат. *aliu-s*, оиво), есть въ мѣда-ль-
и, мѣда-ля изъ у въ мадну-, и основн. форма была бы *алв-ина*.
Такое объясненіе опровергаетъ сближеніе этого слова съ оль-
и Дали, но при всемъ я затрудняюсь объяснять и говорицумое Да-
ли и въ Иси., Ти. оловина, Ти. оловина, власки гуша,
дрожже.

*) Елизать—быть—слово татарское, или иѣрика чувашикое.
Ред.

скій; тоже: *фори въ той же вѣтности* (възникніется двоюмъ); *Гв. золбец и золбец*. Отсюда о різоті имена въ-
роизгѣбти, чтобы и въ древніхъ памятникахъ можно было
найти второе неологіе, какъ постоянное иранское.

Второе полногласіе въ вышнешнемъ звѣ, то есть,
съ о или е по обѣ стороны звонкаго, наѣбрное: восход-
ить къ XIV—XV вѣкамъ. Въ Новгородскихъ письмахъ
этого времени, рядъ комыкъ находится въ Акт. юриданъ,
110 и олѣд., два слова изъ обычныхъ выраженіяхъ звонкихъ
шотовъ имѣютъ постоянно оло, ере: «свауонъ Н и да
на той земли (столько-то),» въ мѣланенка-корыту (кура;
пузы; искѣ(б)иши ржавой и т. д.), или: «а тутъ (изъ
цѣнѣ) имы (ему) и пополомокъ», «а куне Н сеѣи оде-
рень и своимъ дѣлень». Иарѣдка оба слова наподобие
гласны (кура пополнъка, одернь, 113), или съ з, въ эти
второкъ: «дернь, попомаха, івъ, одерна (или
пропаь, безъ выиува) и гравметы дерновакмы (Собр. го-
суд. грам. I, № 13 и др.)—въ фарт., созрез и отъ обхв-
ажденія отчужденной или приобрѣтавшей земли по земѣ:
сь кускомъ дерну и головъ, Ап. Пост. Воззр. I, 447—9. а
Въ купчей и влагини Феодосіи (послѣ 1389, Срази. Ини-
руссі. имъма, 268), памятникъ, о ковреъ укрывшемся
више. (съ птикою, за Кувымою, на Словѣнскѣ), ико-
нодимъ «свѧто посоломокъ». Восходя изъ болѣе древнегу
времени, въ Новгородскихъ грамотахъ XIII вѣка и начи-
на XIV, находимъ: изъ Торожку, въ Торожку, въ Торож-
ку и тамъ же «свѧ Новоторжской земли» (Собр. го-
суд. грам. I, № 1—11, 1265—1807 *). Отъ такихъ формъ,
какъ напримѣръ, «торыхъ людѣй» (1317, ів. № 13),
гдѣ чистовъ предполагаетъ о наѣ въ, еще нельзя заключать,
что въ другихъ случаихъ (напримеръ, дѣржати,
пояръга, аѣризъ, 1807 ів.) глухія звуки ставились
только по старой памяти.

* Слова *Перемъ* и *Наремъ*, *Головаремъ*; ів., сми вѣ-
дутъ, какъ бѣлье блюзія по второму с, з, икъ первозванный
фори, тѣль *Перимъ*: фикс. Реданка, залогъ, дескай сѣриа,
изъ речі, извади и таа, земля; см. Громъ, Флагодѣт. раз. 260.

Нижегородская 1 в лѣтомись по Синодальному синеку, иносанск., въсъ подлагають, частью въ XIII вѣкѣ (вероятно два мочерка до 1284 года), частью въ XIV, — напомнишь, весьма важный въ россматрихаемомъ отвѣщамъ. Извѣстно, что въ изданіи Археографической комиссіи неесподѣ соблюдаются многія древаи хъ характерныи форми этого памѧтника; что помѣщаются тѣль линіи зъ выносаніемъ, и то, кажется, за асегдѣ, между тѣмъ ханъ въ текстѣ ставятся формы, исправленныи по личному разумѣнію, пачимъ — по вѣсто достагательного за—за; масивныхъ, хъ Смоленска вѣсто нѣхоща, а — Смоленськихъ; вѣю (дат.) амѣто зати; Переяславлю вѣсто Переяслаю, ааконацъ — что для вись важне азъ настоащемъ случаѣ — «по Тѣржыну» амѣто «по Тѣржыну» и т. д. Тѣмъ неменѣе памѧтникъ этотъ и въ томъ аль, въ покомъ издань, мозводяеть замѣтять слѣдующе:

а) Тѣ немногія слово, въ коихъ ср҃вненіе русскаго съ польскимъ и лужицкими указываєтъ ни вѣсто глухаго звука иослѣ *r*, *z*, пашутся въ Нижегородской 1-й лѣтомиси поогоанно оданаабо, съ глухими или его ваминою иослѣ плавныхъ: дрѣза, мрѣкъ, въ брѣнѣ, хѣльжонъ, крестъ х хрѣсть, мрибрѣде, 9 (сразн. ненрѣбрѣдмы, Об. 1073. Бусл. Христом., 261), Грѣцинь и Грѣцькия, просльзаться; разнообразіе написанія — только въ случаяхъ, дахъ коихъ ср҃вненіе часта русскихъ говоренъ съ польскимъ и другима даетъ основную форму съ *z*, въ передѣ *r*, *z*. Здѣсь

б) изрѣда, какъ-бы по-опискѣ, глухой отоить посъ плавнаго: въ Тѣржыну, 33, аи тѣргу, 17, дрѣшаще, 14, црѣты, 21; вѣо, быть можетъ, какжное плавнѣ;

въ) въ большинствѣ случаевъ *z*, *з* или *o*, *е* — передѣ плавными по общерусски: хѣмъ, мѣлами, въ бѣре, по вѣру и пр.;

г) въ ввоочатальному меншинаствѣ — зрѣ, тѣрѣ, тѣрѣ, или тѣрѣ, ере: въ Тѣржыну 23; въ Тѣржыку 31 (однааа вѣсто *tro*); въ Тѣржыку 33; съ Торожьку 33, Морѣдве 3, Ярошъвѣ 24, Симена Стыльника 29, 21, мозоложье 34 (по Зылга); въ надолобомъ 51, мѣлъвити 6,

церенциъ (дат. ии.) 7, къ церенцихъ 45, цренци 49, ма върбнацию 11, 13 а др., веръбаю медыи 24, кършь 5, мъртва 19, мъртваго 30; Церьнигока 24, сънерши 24, дързну 26, държи 75.

Къ этому прибавимъ нѣсколько словъ изъ другихъ Новгород. памятниковъ того же времени и болѣе древнихъ.

Въ Новгородской духовной до 1270 года (Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38)—съ борѣтью, одернь.

Въ Параменникѣ 1271 годомъ (Срезн. Пам. русск. письма и Бул. Христом., 73 и слѣд.) съ замѣтыми сѣверо-вѣлкорусскими кризакими [е вѣсто ѿ на конѣ цѣ]—ааходниъ: веребный аедѣль (Срезн. Пам., 235) въспоизъзинутск (Бул. Христом. 77) рядомъ съ «удрь, житися» и общерусскимъ върху, скорбь и пр.

Въ Мстиславовомъ Евангеліи до 1117 г. (Срезн. Пам. и Бул. Храстом.)—стъл'пъ, ка тѣр'жихъ, съвър'ша, дър'жите, отъвър'костася, изъвър'гоща, аер'хоу, пър'съмъ, пър'вѣнъ, съвърти и рядомъ отвржесѧ и др.

Такимъ образомъ современные сѣверо-вѣлкорусские говоры относительно *должно* и пр. могутъ быть связаны косредствомъ ряда памятниковъ съ древнейшимъ, азбестами памятникомъ Новгородского языка, Остромирскимъ Евангеліемъ. Сходство этого кослѣдааго съ другими Новгородскими не можетъ быть случайно.

а) И въ Остромирскомъ Евангеліи сдоам, отмѣченная ныне кодь *a*, имена кровь=кърнь, пишутся только однимъ способомъ, съ глухими послѣ иллами-го, хотя иногда итотъ глухой зиунъ соответствуетъ требование русского языка: брѣкие, къръ, къль и къль, трѣсть (вместо ожидаемаго трѣсть) скрѣть, пльвати, просльзися, къльяте.

Въ такихъ словахъ, гдѣ *б*, *в* ожидается передъ *p*, *x*, ааходимъ въ Остромирскомъ Евангеліи:

б) написанія общія этому памятнику съ другими, старо-славянскими иеруссаваго письма, безъ соблюданія разниція между *з* и *в*: въѣкъ, мрѣтъ, жрънъвахъ, истрѣгнеть; никогда съ сохраненіемъ въ послѣ *p*: зръко. Эти написанія находились уже въ памятникѣ, съ кото-

раго списываютъ дѣкодъ Григорій или его русскій пред-
шественникъ, таинъ канъ, съ одной стороны, они не
могутъ быть антecedентами изъ русскаго языка, а съ другой—
они находятся въ такихъ памятникахъ, какъ Супрасль-
ская рукопись, Клоціевъ глаголита, Саванна анага и
др. (ср. Срезн. Пим. юсоваго винсъма, 176);

г) написаніе руссковъ съ однимъ глухомъ и съ раз-
личиемъ ероаъ: въвъргуть (sic), върти, върха, държите,
дързжътъ, мъркиеть, мъртвай, испытывъ и проч.;

д) наконецъ, написаніе съ дауня глухими по обе
сторонѣ плаанаго, при чемъ или оба глухіе одинаковы,
согласно съ правиломъ втораго полногласія въ нынѣшихъ
съверно-руссахъ говорахъ (бъръально, въръгать, въръхъ
(=оу), дъръзжътъ, зъръю, изъзъръжетъ), първою,
пърси, съмърти, вълъненію, дълъги, дълъжни,
дълъжниконъ, мълъз, мълъчаше), или второй глахой
остаатся неопределенные (а въвър'гошъ, вър'тоградарь,
вър'тья, вър'хоу, жър'твоу, мър'зость, чър'юризъмъ,
чър'та, гър'личища, вър'та, скър'би, дъл'жнъ, мъл'чъ,
въл'нъ), или на первою нѣтъ я, на второю з (въръто-
градъ, дъръзай, пъръсты), или напонецъ перый глухой
несоотвѣтствуетъ нынѣшней занѣнїи въ русскомъ: вър'-
хоу, пър'внъцъ.

Я несогласенъ съ догадкою г. Колосова, что въ
случаахъ д) лишь первый глухой звука поставляется по
русскому произношенію, второй же изъ подражаний
оригиналу списка (Очеркъ, 59). До тѣхъ поръ, пока
небудетъ доаазана ошибочность сближенія современныхъ
съвѣтскихъ формъ, кавъ доложника, съ формой
Остронірова Евангелія дълъжникъ, эту послѣднюю
должно считать за авденіе, находившееся въ памятникахъ
потону, что оно было въ говорѣ писцовъ.

Затѣмъ спрашивается, находится ли написаніе г) и
д) въ древнихъ памятникахъ, хотя бы и русскихъ, но
не съверныхъ, и если—да, то въ какой мѣрѣ оно имъ
свойственно? Конечно, было бы ошибкой отвѣтить на
этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на помятники
юга-русскіе по происхожденію, по переписанные на

съверѣ, иакъ Ипатьевскыи житийскыи (гдѣ, напримѣръ, твой иболкъ Ил. 24, на серебреницѣ, №. 29), или упоминаючи изъ случаи даъ различныхъ древнихъ памятниковъ со вторымъ тухицъ или чистымъ, принадлежащимъ къ субекту, напримѣръ, отърьши, зълоба, въ Сб. 1073— золобе, сквирно, жърьцы.

Выше было замѣчено, что второе полногласіе въ мѣшанинѣ видѣ есть явлеиіе сложное: оно состоѧть частью въ присутствіи бѣглой гласной оосѣ д, и также, гдѣ въ нѣтъ въ другихъ русскихъ говорахъ (напримеръ, въ южнѣхъ, верхѣ), частью же въ двухъ о, е по обѣ стороны плавнаго, изъ которыхъ ии однѣ неусловлено качествомъ слога. Первоначально второе полногласіе можно состоять только въ этой послѣдней случаѣ, потому что вообще появленіе вліянія качества слога на явлеиіе гласныхъ есть въ славянахъ взыскѣ извѣстительно позднее. Согласно съ втімъ изъ возможныхъ доказательствъ того, что второе полногласіе въ древности (приблизительно до XII вѣка) было свойственено не однѣмъ сѣверно-русскимъ памятникамъ, а въ болѣе удовлетворительный должны бы состоять въ указаній изъ формъ со вторымъ з, или о, е послѣ плавной передъ чистою согласною, послѣ которой стоять чистая гласная, напримѣръ дѣлти. Если бы упомянуты бѣлѣ, напримѣръ, форма дѣлть, longus, то можно было бы спросить, точно ли въ ней—изъ составляютъ слогъ, и не есть ли второе з того же происхожденія, чѣмъ второе о въ литературномъ русскомъ язикѣ, въ коемъ вто о вызвано качествомъ слога и немогло существовать; когда конечновъ з, ини гласная, еще было въ полной силѣ. Если бы было указано слово со вторымъ з, напримѣръ, кърхъ, иоскърьби, то мы спросили бы, действительно ли оно соответствуетъ сѣверно-вѣлако-русскому верѣхъ, и не есть ли второй з ии гласная, и личнѣй звѣнѣ смѣгченія предъидущаго р, ии звѣньи вынѣшающій з въ русск. верхъ (=верхъ) и въ формѣ, предполагаемойпольскимъ Wierzbѣ? Кажется ассоциирующимъ, что ужъ въ оимѣніи Нѣхъ очевь древнѣцъ з южъ гдѣ имеетъ такое виачинie,

наприбръ, въ първъ, Сб. 1076, Бул. Христ. 291.

Въ Святославовъ сборникъ 1073 года находимъ: испъльнь (Среан. Пам. Р. п. 138), испъльнь (Бул. Христ. 261, 270), вълъхвужи (ib. 273), бълъзвъ (Вост. Слов. ц.-сл. въ. и. в.), въ гърънци ib., отъ тяхъ дълъги, мъртва, п Среан. Пам. 145, мъртвъца, тър'шашими, ib.

. Въ Сборнику 1076 годъ: мъртвъца, Среан. Пам. 143, не мърцюа ib., поскърби ib., мъртвъца, Бул. Христ. 295, удъръжа, ib. 296, пърси, ib.

Въ Чудовской всалтыри XI вѣка (Среза. Пам. юсов. письма 172)—възгър'данижъ, отъвър'зъмъ, пър'въца, съмър'тина, сърдъци, въ пърстъ, сър'дъце, дъръжава.

Въ переводе словъ Григорія Богослова XI вѣка (Будиловичъ, Ислѣд. измая 13 ти словъ Григорія Богослова, 11): кър'мити, мъртвъ, одъръжани, сърдъци, съвър'шаф, дър'зъ, иъздър'жанва, тър'ните.

Такимъ образомъ мы видимъ, что есть првиѣри, имълъ удовлетворающіе вышеописанному требованію (дълъги); но остается вопросомъ, ато были писцы втахъ памятникахъ, либо, напримѣръ, ни у нихъ *въ* (оуандраф), ли па оборотъ *въ* изъ *у* (выгодынкъ), ли и изъ *и* (състмы, смотрити) не должны быть рассматриваемы не-премѣнно какъ слѣды южно-русскаго происхожденія писца, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ относительно перевода словъ Григорія Богослова (24): признаки эта могли быть свойственны въ говору съверно-русскаго писца, изъ которыи можетъ указывать и заимка ковечнаго *и* черевъ о въ томъ же памятнику: «свѣтъ жнomo и непоствжено» (ib. 10). Взять во вниманіе, что южно-велико-русскія и мѣдо-руссія фирмы *торъ, волк* — *воак*, а разво дреzinъ русскіз *тарзъ, волкъ*, предполагаемы и съверо-западными славянскими нарѣчіями, отюдь непредполагаютъ формы *тарзъ, волкъ* и полуждаются, въ пахъ для своего объясненія, мы спросимъ себзъ, чѣдѣ вѣроѧтѣ: то ли, что писцы сборникаовъ 1073 и 1076 годівъ, Чудовской писалтыри и перевода словъ Григорія Богослова была съвернаго происхожденія, или если это не такъ, то что формы съ двумя *и*, *и* были

у нихъ не народныи, а дичинии языкомъ, искъ же то, что формы, пакъ дѣльги, били искогди общерускии, по зитѣи въ большей части русскихъ говоръ языка бенсъядно? Я азлагаю, иѣроятнѣе первое, и вѣйтѣ съ тѣмъ иѣроятнѣе другихъ в предположеніе, что формы съ двумя з, въ Остром. Евангелии суть языко только областное и сандѣтельствуютъ объ особности велико-русскихъ говоровъ (иля говора) въ XI столѣтіи.

2) Переходу иль другому вопросу—объ отношеніи тѣихъ формъ, какъ мазга и мзга, къ формамъ въ родѣ мазга и пр. Чѣдѣ иѣшаетъ иныи срѣзать, что въ писаніи мазга аришло къ земѣ оттуда жъ, оттуда и переводи церквиныхъ книгъ, и на русланъ обѣрѣ олучайно сошлось пъ оодобнии туземныхъ языкомъ? Конечно, помѣхой служить недостатокъ или большая рѣдкость тѣихъ формъ въ дрениакъ перескнии церквиакъ церковно-славянскаго языка. Но оставляетъ возможность другого предположенія: мѣсто глухого звука нозади плавнаго (трѣгъ, съмрѣть), быть можетъ, предполагаетъ, что въ тѣхъ говорахъ, иони принадлежатъ таіи формы, искогди мѣсто произношеніе жары, самърѣть, то есть, что второе полногласіе (съ глухими) могло бытъ переходи отъ жары къ жары. Чѣдѣ для этому предположенію большую устойчивость, нужно показать, что другого средства измѣнить зв въ ра и пр., кроме временнаго полногласія, неимѣаетъ, иля что во второй мѣрѣ твоа полногласіе есть наиболѣе обичномъ средствомъ такъ называемой перестановки плененныхъ. Къ атому мы еще воротимся. Предварительно я собару здѣси положенія, которыхъ теперь счтию нужнымъ держаться, отчасти во предѣ иржнимъ ивоимъ иѣніямъ:

и) Различіе словъ съ глухими посадъ плавнаго (брѣзъ, слѣза) отъ словъ съ глухими передъ славными (тѣргъ, иѣлъ, пѣрстъ) дрениакъ безразлачіа этихъ словъ относительно мѣста з, въ, котою бы ни было ато мѣсто.

б) Редиченіе з отъ з пре плавныхъ (пѣрстъ и сѣрстъ, слѣза, вѣликъ и мѣла, бѣлья) дрениакъ бенразличія этихъ аауаоать, будеть ла граfficasки выражаться

это безразличие постоянными, застобленными, именем, какъ въ сербскихъ памятникахъ.

*) За вычетомъ такихъ словъ, какъ бреъ=русы, бреъ=братья, бреъ=пельмъ, бау, во всѣхъ языкахъ се-
да относящихъ русское написаніе жара, жарма дра-
же, восстановленіи глухихъ. Иначе: я считаю менѣе веро-
ятнымъ мнѣніе г. Ягача, что слава названіе прямъ изъ
такой формы, изъ которой частая послевавіанскаягласовая
сталла послѣ измѣнѣй. Держась мнѣнія, что въ, въ, кроме
затѣдомъ позднѣшими глухими въ хорутинскомъ и бел-
гардскомъ и немногихъ другихъ слѣдающій въ другихъ
языкахъ, суть общее достояніе славянскихъ языковъ;
а думая, что уже во возвникновеніи этихъ звуковъ ари
р, и между славянскими нарѣчіями произошло расколъ
относительно иск. языка при р, з; Одна часть нарѣчій
есть общемъ состоялась ери: стяранѣ (таръ, ио бреъ);
Сюда относится русское и сѣверо-западное, ира чень
предполагается, что чешское нарѣчіе отклонилось отъ
этой вѣжи. Въ другой части произошла перестановка
частью таиня, что жара уравнялось съ бреъ, и жарма
съ крестомъ, частью же обратной*), состояща въ превоз-
можнѣ глухаго и тамъ, пѣдь оны прежде склонялись за
измены: хорстъ, жара, салса. Иль кажется вѣроятнѣмъ,
что звукъ, слышанный теперь передъ р въ серб.-хорват-
скомъ и передъ р, з въ хорутинскомъ тинъ, где оны
по иѣсту соединяются съ русскими, есть прямой остатокъ
(относительно иѣсту) общеславянской старинѣ, и гдѣ
отклоняется ать русскаго (карв, кирв), тамъ новѣ.
Г. Ягачъ (Podmlad. vocaliz. 53, 56—7) полагаетъ, что
уже въ сти. Серб. (хорв.) явнѣ а, въ ари р, и пото-
ряли свое фонетическое значеніе въ р, и сами по себѣ,
безъ полуудлиненныхъ стемъ являлись элементомъ слова:

*) Ср. хорут. holbi (русск. блеха=блыха), solza (рус.
слеза=слеза), bersl' (русск. бресть=брѣсть), kerw (русск.
Кровь=крѣвь), kert (русск. крѣсть=крѣты). Ст.-сл. Серб.
(XVI в.) нут (изъ вѣтъ, а это мѣдь вѣтъ), ракыне (XIII в.)
вѣлько же (т. е. именно ее изъ вѣтъ ед.).

Серб. *дуг* (дуга) произошло изъ *оди*: посредствомъ *оди* якобы издано *и* (sic) *въ у*. Далѣе *суммис* *на* формъ XVI—XVII а. Такъ *мугъ* (мугъ) ствой (стъль), *мугъя* (мълки), сънъ врпимаютъ *стуховъ* *уо* за переходъ отъ гласного *и* къ *у*. Но *и* и *уо* въ атихъ и подобныхъ случаяхъ (Давичичъ, Ручник, развѣт) прочно примыкаетъ къ *и* *о* *и* *асымъ* *и* *согласн.*, напр. въ древнихъ серб. формахъ, сохранившихъ въ Византійскихъ памятникахъ видъ *од*, *од*: *Вѣхавът*, *Вѣхос*, *Вѣлѣблах* (Майковъ, Ист. Серб. языка). Когда изъ *и* передъ согласнымъ возникло *о*, то чистая звѣзда ера сначала заселась между *у*, *о*, *а*, даже *е* (кельвено се). Рядомъ съ *уо* изъ *од* (дуг) стоять ствр. *оо*—*о*. (*Вовосанъ* = *Вѣкославъ*, *хомъска* = *хълмики*, *Дапач*, *Речн.*) и *ад* (нынѣшн. *заоза*=*зъдаа*). *Уо*—*од* получило перевѣсь, и *у* въ немъ поглотило *о*. Такъ въ серб. *суга*—въ *сузъ*, а вто изъ *съла*, возникшаго въ серб. почвѣ вм. основного *слыза*. Тоже *у* между согласн. достигнуто другимъ путемъ въ хорут. (*у* изъ *уо*=*ъ*), въ полабскомъ (*lust* изъ *laut*=*тыст*), влуж. (*stup* изъ *stoup*, *stowp*) между тѣмъ какъ въ пр. *оу*, *ов*=*ъ* (стово) неподвергалось стажею. Въ той части языка, где общее правило требуетъ постпозиціи *и*, *ъ*, могло быть всего одно нарѣчіе, именно то, которое сильно поиздѣло на старинную письменность. Образцами этого нарѣчія могутъ служить памятники, изъ которыхъ указываетъ г. Срезаевский, какъ на наиболѣе подходящіе къ такъ называемому имъ чистому славян. языку, именно Туровское Евангелие и Чудоаква *Псалтырь*, оба XI в. (Памятн. юсааго письма, 168 сл.), где читаемъ: отвѣрза, поарьгъ, проръзахъ, одръжалша, милюсьди, испльпши, прискрѣбна, вироченъ, при перѣдкихъ отклоненіяхъ (сырьце и пр.), объясняемыхъ вліяніемъ русского языка. Изъ этихъ памятниковъ видно, что смышеніе *и* и *о* въ старо-славянскомъ невосходить до начала письменности изъ этого языка.

Постпозиція еровъ могла быть внесена въ письменность изъ *какого-либо* болгарского говора. Въ на-

намъвъ болгарскомъ, по словамъ Цавковыхъ, глухой звукъ можетъ становиться и прпдъ влажными, и посль нихъ, притомъ, какъ видно изъ примѣръ, безразлично вѣть въ слухинъ, подобныкъ русскимъ блога, слеза, такъ и въ случаихъ подобныкъ русскимъ торіз, черна: *bîbâ* и *bûlbû*, *slâzâ* и *sûlzâ*; Blügarin и Bûlgarin, бгын и бгын, сглунѣн въ єигнѣн, атгут, а смѣт (Gram. der Bulg. Spr., 4). То же подтверждается и г. Безсововъ. По его словамъ, когда глухой звукъ находится послѣ плавного, то онъ всегда бываетъ з (эръю, оръпъ, чрънъ), но когда является передъ нимъ, то подвергается влиянию предыдущаго согласнаго и потому послѣ плавящихъ и снастннщиковъ (?) является большему частю т: сълаа, сырце, чьрии, жылти (Гл. вопр. яз. и.-болг. 78, Временник общ. жст. и дреем. XXI, 1855 г.). Впрочемъ, сомнительно, чтобы въ сълаа стояло въ силу аллюнія предыдущаго свѣстншаго; если эта форма дѣйствительна существуетъ (у Цавковыхъ сълаа = *sûlzâ*), то и въ качествѣ глухаго звука сиорѣ садѣуетъ видѣть остатокъ старинн. М. С. Дриновъ указалъ мя на одинъ изъ болгир. говоровъ (изъ Ксантийской обл. зав. Орлай болгар. народа. сборника 114—15, 255 сл.), въ коемъ замѣнѣ з, въ пра р, и служить двоегласи. oa (ба=юа, пишутъ исп.):

ар: поардна (пърдн, вор.) боарце (бърдце), са расоардна, помрст (пърсть, пыль); зр: тонргнува; я: воалья съ воадъчети-ви, воадап (ма. ч.), напоалнала; я: иде на длмога поатъ, слоанице. Сомнѣвайтъ тоинъ, произносится ли втотъ дифтоагъ въ данномъ случаѣ передъ влажною, или послѣ нея, бытъ неможеть. Возникъ оевъ изъ звука, близаго къ а (=ъ). На это указываетъ слѣдующее. Тамъ же ьр=ар (варви, аарстомъ карстопинъ), ь=оа (са є соавнулу=съвнжло=свнжло), а=оа (едиоаш); ж (неударяемое?)=а (пунаду=пукнадо) и ж=оа (бонди, розви тѣ, моаду=мждо, здоат=яджть (бдять), глѣдоатъ (=аижть); ь=ба (юа): да му одѣакие кату лѣаку веру, лѣасао (льспо) легко, дошѣаль, оташѣаль.

Что касается врежнаго моего мнѣнія: «вообще въ спаянкихъ ирѣчіакъ перестановка плавныхъ (тори,

(*таг изъ тага*) есть позднейшее отступление отъ правила, что плавная несется отъ последующему согласиюю (Дев. наслѣд., 34), то оно, иначе мысль говорить жется, выведено изъ ошибочныхъ предположений. Иль уравненія «иртатъ: *morthos*=глазъ: *gurzes*», то есть, изъ соответствія по итогу гласной формѣ *мрзъза*. и *глазъ*, отнюдь не следуетъ, что въ парѣчихъ, требующихъ чистой гласной послѣ *r*, а въ *глазъ*, должна бытъ стать и то же иѣсто и глухая аль *мрзъза*. Исключе гармоніи между залогами языка можетъ и забыть столь привычайна. Чѣдже неизбранныго, что при однажды условіяхъ языкъ терпитъ стеченіе плавной со сдѣлывающею согласной, въ пре другихъ аѣтъ? Вся сила и трудность въ томъ, чтобы унанть эти условія.

Мыѣніе, что *блакъ* относительно места глухаго аудиа дрешибѣ, чѣмъ *закъ*, можно бы было поддерживать ссылкою на санскр. *r=r̥i* (арийско-вѣлькъ), иакъ это сдѣланъ въ (Два вѣслѣд., 31—32), лишь въ томъ случаѣ, еслибы эта явленія были не только сходны, но и савезны историческою понемстаеністью, то есть, если бы ближайшемъ основаиеніемъ формъ *блакъ* служило санскритск. *оржи*. Но въ настоящее время неиможить быть соянія, что славянскіе глухіе при *r*, а въ санскр. *r* гансное возникли совершенно независимо другъ отъ други, кась и кое-что другое сходные въ обоихъ языкахъ, наприимѣръ, шипящіе изъ горловыхъ (Jagić Rad., XIV, 203). Санскр. *r*, а напредполагаютъ даже индійскіе парѣчіки, ближайшими родичами языка Ведъ и санскриита; тѣмъ менѣе они могутъ предподаваться какимъ-либо иакъ другихъ индо-европейскихъ языкамъ. Въ надписяхъ цара Ашока (между 263 и 226 г. до Р. Х.), аль пади въ языкахъ прокритицкихъ санскрицкими формами съ *r* соотвѣтствуютъ почти исключительно такія, которыя произошли не изъ *ry* и не изъ ближайшихъ ей нему сочетаній, о которыхъ—ниже, о изъ *ar*, напримѣръ аль въ надписяхъ Ашока кака иакъ коржъ (санскр. *krta*), *катвѣ* изъ *картвѣ* (санскретск. *krteâ*), о чемъ см. Beaufort въ Orient. u. Occ. Ueber § 8).

Традиционное произношение санскритского *r* (гласного) какъ *ri*, едва отличимое отъ согласного *r+a*, оно восходить по времени до VII вѣка нашего счѣслья (Beng. IV., стр. 34). Гдѣ это *ri* возникло изъ *ar* со съдѣющей согласной, твѣмъ произошлою *r=ṛ*, по мнѣнію Вѣбера и Бенфса, основанному на показаніяхъ туземныхъ комментаторовъ Ведъ, предшествовало произношеніе *r* между двумя краткими гласными, близкими къ *a* или неопределенному. Произношеніе *m̥r̥t̥y* (въ Ведахъ) возникло изъ *mārt̥y* посредствомъ вставки второго *a*; *m̥r̥t̥y*, всѣстине усилившагося аллюзіи удвоенія, сдѣлившаго на слогъ, бодынью частью съдѣющей за тѣми, которые включали въ себѣ *r*, остеряло первое *a* и ослабило второе до неопределеннаго *i* (I).

Санскритскому *r* во многихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ звѣдск. брѣ: *k̥er̥ta*=санскр. *kr̥ta* (прич. страдат. отъ *kar-*—делать), *k̥er̥ca*=санскр. *kr̥ca*, худой, тощій, и проч. Это ёрѣ, не смотря на согласіе съ санскр. *r*, возникло во взъ него, а изъ *ar*, затѣмъ со вставлениемъ *a—ṛ*, съ ослабленіемъ второго й до ё—арѣ, и съ упомѣблениемъ первого гласн. агорому ёрѣ (Beng. § 28, Vorr. V. Gr. I, 2—3; относительно происхожденія *i* Beng. § 31).

Слѣдай, когда удвоеніе падаетъ въ санскр. на *r*, должны быть сочтены позднѣйшии (Beng. IV. § 32).

Итакъ кромѣ санскр. *r=ṛ*, явозывающаго слав. *z* при *r*, въ языкахъ Ведъ и Зандѣ есть явленіе, склонное въ русск. *tr̥s* въ *ar*. Впрочемъ это только аналогія, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи, быть можетъ, окажутся болѣе отдаленными, чѣмъ можно думать съ первого взгляда; ибо пока не можетъ считаться доказаннымъ, что ослабленіе первоначальнаго звука въ дославянскомъ времи и затѣмъ превращеніе его въ глухой въ славянскомъ языке могла произойти такъ образованіе *r* въ саваритѣ, только въ слогѣ неудареномъ.

Стало быть, отъ мнѣнія, котораго и держался прежде, о большей древности постпозиціи глухаго (слѣдѣ), остается только фактъ, что въ памятникахъ аесъма древнихъ эта постпозиція уже встрѣчается.

VII.

Дердое полногласію. (Француз и чисто.)

1. При составлении своей статьи о «полногласии» (1865 г.), я немогъ пользоваться весьма важными (УЧР) упомянутыми выше изслѣдованием Бенфая «Шебес I., II und III» (Orient und Occident III, 1—77, 193—256, 1864—1865 г.). Такъ какъ изъ лицъ, писавшихъ посѣмъ міна о полногласіи, одинъ только г. Ягичъ (Rad. XIV, 203) ссылается па упомянутый трудъ, въ гг. Шерциѣ и Гейтлеръ, по видимому, неизвестны яго, то целищнинъ будетъ, неограничившись ссылками, болѣе подробно изложитъ здѣсь некоторыи изъ положеній Бенфая.

По указаніямъ грамматическихъ комментаріевъ къ Ведамъ, *) послѣ *r*, стоящаго передъ согласіемъ и предшествуемаго гласною, хотя не пишется, но слышится весьма короткая гласная. По однімъ, это имѣеть мѣсто передъ нѣкоторыми согласными (*sibil.* и *b*), по другимъ — передъ всѣми. По однімъ, эта гласная есть *a*, по другимъ — гласное *r* (послѣ *a* — *x*), или, чтѣ же, — краткое *i*; по третьимъ — гладкая, подобная той, которой присущестуетъ звуку *r*. Изрѣдка встрѣчаются, хотя и не въ текстахъ Ведъ, и написанія соотвѣтствующій этимъ правиламъ. Напримѣръ, въ обильной архаизмами Бхагавата Пурани «З б літо вд. дар. акхрайдит» (вмѣстѣ съ *акхрайдит*) и болѣе позднѣмъ санскритѣ «врітіа» (вмѣстѣ съ *вріта*, дождь), *корашіт* (изъ *корти*, das Schleppen).

Изъ описаний и обозначеній этихъ вставочныхъ гласныхъ Бенфай выводить, что собственно они имѣли быть выражены ни одною изъ трехъ основныхъ гласныхъ санскрита — *a*, *u*, *y*, но заимали средину между *a* и *u* и были чѣмъ-то въ родѣ, когорасе, нацѣ оправ-

*) Слово *प्रातिषङ्ख्यम्*. *П्रатिष्ठन्म्* — повернутие; афу. *प्रतिषङ्ख्यम्*, für jeden zweig, jede schmie des Veda. Отсюда *प्रतिषङ्ख्यम्*, neutr. bezzeichnend einer klasse grammat. hilfsbücher zu bestimmten vedischen texten, B. B.

дальней гласной, санскрить во всее иеразашь. Эта догадка почти решительно подтверждается языкомъ, лише диалектическихъ отъ изыма Ведъ, зендомъ, икоемъ гласная послѣ *r* передъ согласной необозначаемая въ санскрить, обозначается посредствомъ *b* (Венг., §§ 17—20), напримѣръ, *тарёма* (= скр. *tarma*, жаръ), *дадарёса* (perf. сар. *дадарфа*, отъ дрѣ—*darg*, греч. *бѣрх-о-ма*), *тарёма* (аевъ *тарта*, лат. *szalas*—холодъ), *сторёма* (pl. perf. рвss. скр. *стрма*' простертый) и проч.

Не однъ зендъ, продолжаетъ Бенеф, но и сродные ему языки, болѣе отдаленные отъ нарѣчія Ведъ, имѣютъ подобныя вставки. При сар. *ардже*, ати, то есть собственно (судя по *рджу*, зенд. *брезу*, примой) ати временно, противостоять впередъ, простираясь, стремиться, стоять въ греч. не только при въ *ору-оіа* [ж. р. отъ *ару-о* = скр. *арджу*, (откуда скр. *рджу*) жен. **ардж-ви*], пространство между распростертными руками, сижень, но и со звездными въ, съ *бр-е-у-ш*, *бр-е-у-ши*, иѣм. *recke*, *ог-и-у-фори*, протягиваю, досягаю, доставлю (ih. § 21).

Поѣхоторымъ изъ видѣсаахъ грамматистовъ, вставка гласная послѣ *r* уподобляется прединостающей гласной. Этимъ объясняется между прочими ладьевская форма вричества орош. ар. страд. *брутá* отъ *баар*, исхризать, изъ предполагаемыхъ посредствующихъ формъ *буртá* и *заткъ*. *бур-у та*. Такого рода вставки встречаются и въ другихъ языкахъ (ih. § 22). Здѣсь прибавлю изъ Curtius, Grundz. der Griech. Етум., №. 154, форму *ор-о-у-ша=бр-у-о-а* *). Сюда Бенеф относится и греч. *хол-а-θ-ос*, = *срѣдек*, скр. *кор*, *срѣдк*

*, Ои: такъ же у Куриуса (ih., стр. 656 и слѣд.) трехъ-такъ 'о' тоже же. Вдѣль, кроме упомянутой подобной явленіи и зендскому, османскому, древ.-верх.-немецкому (рвss.-и съ-гот. *hurug*, ини-и-вѣн. *hurg*), собравы случаи и вставки *α*, *η*, *ρια-цъ*; послѣ *r*, *λ* (рѣже *v*, *μ*) въ греческихъ, между прочими *τορ-θ-у-ос=тѣр-у-ос*, *вругъ*; *хол-а-х-ά-ос*, *хол-о-х-ά-ос*, *худощавый*, и *хол-о-х-ос*, большая статук, отъ мор. *харх*, скр.

(стало быть, по Бенфейю, иль *карт*) **); оскаков *arg-a-geti* при латышск. *arg-entam*, в акконец, русское *молчаласіе*. Такиъ образомъ выходила бы, что второе о иль *молоды* (кор. *гадж*), по аго мѣйнію, образовалось точно тикже, какъ, во выннанеженному заглаву, второе э, и по второму позвоглазіи. Что же честнымъ образомъ русская иолногласіе восходить къ формамъ *гадж* и т. п., эъ итому, какъ известно, у насъ давно уже несомнѣвается. Для насть зелчайшую важность предстаетъ вопросъ: должны ли мы принять иеноосредственную связь русского позвоглазія съ формами съ согласною +ар в. *ах+* согласия, или же выводить позвоглазіе изъ атой основной формы лишь посредствомъ формъ съ согласною +ра в. *ах+согласия?* Но этого вопроса Бенфей не решаетъ, пребавля, что *молоды* можетъ основываться и на *млады*, и *млады* въ свою очередь на *мраду* — формѣ выведенной изъ основы аин. сран. степеня отъ скр. *mrdu* — *mrâdîjâm* (ib. § 23). Однако изъ слѣдующаго видно, что есть возможность принять сторону первого Бенфеева мѣйнія противъ второго.

Здѣсь, чтобы имѣть въ одномъ мѣстѣ асѣ наѣст-
ныя намъ аналогіи, гоморгія иль пользу первого мѣй-
нія, то-есть, иеноосредственнаго происхожденія русскаго
полиогласія иль согл.+ар в. *ах+согласия*, и проч.,
зареру изложеіе взглядовъ Бенфея и прибавлю еще
одну аналогію, на которую ссылается и г. Гейтлеръ.

Въ латышскомъ различаютъ два способа произно-
шения двоигласныхъ (и долгихъ гласомъ), напоминаю-
щіе серб. *а* и *а*, по Кариджичу, хотя несомнѣнъ то-
ждастественные съ оими. Имеапо: ила обе элементы двои-
гласной произносятся разнотонно (*ах*), таъ что во от-
хорѣ, хукѣть, кроа, худощавый, толпій; бол-с-х-сс, замокъ,
дер-ѣ-кас. скр. *ârpihas*, долгій, кор. *darah*. Вирозехъ, Куро-
шусъ неотдѣляеть здѣсь и слухъ другого рода вставки по-
редь плавкою, какъ *и-о-лофос*, *plumkam*.

**) Ср. греч. *χαλ-α-ρος*, тростника, *χαλ-ά-μη*, стебель, сѣ-
ят. *calamus* въ сultus, др.-в.-изл. *hai a-m* въ скр. *слами*,
Curt. Grundz. № 29.

дается тонического перевеса ни одному изъ нихъ, или же тонъ (которого неслѣдуетъ смѣшивать съ ударениемъ всего слова) подаетъ на первый элементъ, оставляя второй какъ бы въ тѣни: \acute{a}'_i , \acute{a}'_a (Bielenstein, Let. Spr. §§ 16, 17). Хотя, по видимому, такое различеніе (по Биденштейну *der nicht gestossene und der gestossene Ton*) возможно только въ гласныхъ двойныхъ или долгихъ, однако возможно понять, что оно выражено и въ гласной короткой, если за нею слѣдуетъ длительная со-гласная (*t, r, m, n*, будуть ли они простые или неб-ные), ибо здѣсь звуковую единицу составляетъ не крат-кая гласная сама по себѣ, а ея сочетаніе съ плавною. Первому равномѣрному произношенію двоегласной соот-вѣтствуетъ такое произношеніе краткой съ плавною, которое мы, съ своей точки зрѣнія, назвали бы обыч-нымъ, и которое состоить въ непосредственномъ сочетаніи гласной съ плавною. Второму произношенію долгой (\acute{a}'_a) соотвѣтствуетъ такая акцентуація краткой глас-ной, которая отдѣляетъ ее отъ плавной, образуя между ними небольшой, но замѣтный для привыч-го уха перерывъ. Это Биденштейнъ изображаетъ по-средствомъ апострофа между гласною и плавною:ср. *spalwa*, перо. (*der nicht gestossene Ton*) и *ga'lwa*, какъ-бы *ga'elwa*, голова (опускаю примѣры со слѣду-щимъ *m, n*), ib. § 27. Въ связи съ этимъ послѣднимъ произношеніемъ заходитъ явленіе, по видимому, сход-ное съ русскимъ подногласіемъ, состоящее въ томъ, что въ средней Курляндіи, по словамъ Биденштейна, «крам-кость гласной передъ плавнымъ *r, l*, (въ отличіе отъ другихъ говоровъ, любящихъ удлиненіе первоначальной краткой), сохраняется столь рѣшительно и частойчиво (nachdrücklich), что *еслидѣстїе* этого по другую сторону плавной появляется неорганическое краткое *a*, такъ что *da'rbs*, работа, звучить почти какъ *darḡbs*, *ka'lps*, хо-лонъ, какъ *kalaps*, *ga'lwa*, какъ *galawa*, *mir'dzét*— мерцать, какъ *miradzét*, *Ku'rzeme*, Курляндія, какъ *Kurazeme*. (ib. § 58). Съ этимъ Биденштейнъ, какъ выше Курціусъ, съ подобными явленіями греческаго язы-

ко, сравнивать др.-вн. *аг₂а*, *аг₃а*, *аг₄а*—*аг₅а*, *аг₆а* (§ 143, 2) и находить, что латышское произношение *gal'wa*, извъ *gal₂wa* стойть по серединѣ между латов. *guīwa* и слав. *глаза* (§ 2, стр. 5), при чёмъ удивительно, какъ онъ неуомниуль о русскомъ *глаза*.

На итомъ мѣстѣ я могу остановиться, чтобы обратить внимание читателя на слѣдующее. На случай, если мы, что нѣроятно, принуждены будемъ объяснять русское подногласіе (возникшее уже внутри обособленного син. языка совершенно независимо отъ взыска Ведь, венд., греч., латышеваго), согласно съ вышеупомянутыми аналогіями, замѣтимъ, что эти аналогіи изучаютъ иначе слѣдующему:

а) Хотя первоначально естивной гласный ивуинъ немогъ имѣть на себѣ удареніе, но вслѣдствіи оно можетъ появиться и на немъ (греч. *φροῦμα*). Это впрочемъ для насъ несостоитъ новости, ибо давно приимѣется, что въ русскомъ подногласіи какой-нибудь изъ двухъ гласныхъ есть вставной, а между тѣмъ удареніе, вслѣдствіе вданіе супенсовъ, можетъ падать ни тогъ иль другой: *холод*, *холбдныи*. Поучительно для насъ здѣсь только то, что въ русско-сербской акцентуаціи словъ второго рода мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ исключительно славянскимъ, притомъ болѣе позднимъ, чѣмъ появленіе подногласія, ибо въ противномъ случаѣ удареніе избѣгло бы одного изъ слоговъ. Но тѣкъ наше подногласіе слова на особенное отчетливо отражаютъ свойство русско-сербской иніантутації (ср. *золовъ*, *золосу*, ир. зв. *золово*, им. мн. *зловы*, род. *золовъ*), то въ главномъ, но не во всемъ, по всей нѣроятности, эта акцентуація будетъдвеко отличаться не только отъ списка, но, быть можетъ, и отъ латов.

б) Когда г. Колесовъ (Очеркъ, 29), приводя мои слова: «соотвѣтствіе между разложеніемъ сербск. *ъ* на *ији* и переходомъ *ра* *ъ* *оро* отъ русскому наподобіа» (Два наслѣд. 44), замѣчаетъ: «для инос. почитно разложеніе одожнаго по природѣ звука *ъ* на *ије*, но мы не понимаемъ, почему простой звукъ *ъ* долженъ разложиться на *о*—*о*, притомъ раздѣленіе между собою иловъ и, почему это разложение имѣть място только при

ири а, а не при другихъ обстоянкы; то словицъ не-
могутъ служитъ изображенiemъ ио миине, чго оро и пр.
есть разложение ра; ибо въ этомъ ииийи дѣлѣ идетъ
о разложеніи не простого а, а звуковой единицы ра,
состоящей изъ двухъ элементовъ. Принятое отношеніе
оро:ра=ије:ъ можно было бы его подкрепить и
такъ какъ видознаніе, допустивъ догадку, чиоторая
такъ действительна чужется наилучшюю основаніемъ, чго
съя бывайшиимъ образомъ предполагается не а, таин-
ное всѣкако соединеніе элемента, а је, въ которому
использовалась бы одинъ лебій звукъ съ прекращущимъ
согласицъ. Тогда явно будетъ ехолистъ между вѣти-
ми членами отношеній: ра и је. Вопросъ же, почему
разложение (оро и пр.) ииетъ место только при р, а не при
другими словами, почему только эти плавные, а не жест-
кие не могутъ входить въ способно члену је изъ чи-
гласицъ разрѣшился бы просто признаніемъ факта
инвалидности р, жесткости же которыхъ не сомнѣвается
и то въ своей статьи (Два Исаѣда 49) я уже видѣлъ
необходимость признать, чго чра разлагается въ оро
и при не ѿ силу одной долготы. Руководствуясь
запиривденными аналогіями, можно сказать рѣчицѣльно:
при появленіи двухъ словъ, кнъ оро, и въ одного
(будь это пр. или ф. и т. п.) количествѣ основной гла-
сической звукъ не при чень, ибо если неподѣлить едини-
цю, чго и корене, и долгов ар въ т. п. можетъ пре-
вратиться въ два слова, то причиной такого же пре-
вращенія ир не можетъ быть ни его долгота, ни его кра-
ткость. Ср. М. Лаврецкаго «О Русскомъ позногласіи»
42, тѣи ииике, чго русское позногласіе чмѣжетъ быть
следствиемъ долготы, основано на томъ, чго ему могутъ
сопоставляться кроткіе ра, и въ серб. и чешскогъ,
и на оборотъ на слухъ долготы гласныхъ въ серб.
и чешскогъ (томъ, где въ русскомъ есть позногласіе,
и т. д.). Прежде, сравнивши слова чмѣку и јакъ, мо-
жемъ (чтакже и Неко), и думать, чго въ поэзии
двухъ мы имеемъ доказательство всевобщаго вѣроятія
чтакже устранить стеченіе плавныхъ съ сильнющими

гласными, и что поэтому стечением же гласу есть непременно явление более позднее, чѣмъ *согласие* = *твака*. Однако теперь можно видѣть слѣдующее: и въ языке могутъ существовать явленія, дающія поводъ видѣть къ немъ стремленіе устранить сочетаніе *liquidum + tenuis*, но это отнюдь не обязываетъ заключать, что такое изрѣзленіе въ данный периодъ исобщено, ни даже, что оно стремится выединить себѣ всѣ случаи, какущіеся иначе сходными въ такомъ то, хотя бы самому небольшому этнографическому отдалѣ ареала. Такое сходство можетъ быть именемъ только *минаимъ*, на самомъ же дѣлѣ отдаленіе плювного отъ слѣдующаго согласного можетъ предполагать особынныя условія, въ рѣзкомъ осовбожданіи таъ прелыдущей гласной, какъ въ латышскомъ — *услѣдіе*, при отсутствіи коихъ стеченіе гласныхъ *встречается*. Въ частности, относительно славянского языка, если допускить, согласно съ сказаннымъ выше, что поѣдненіе глаухихъ передъ *r*, и въ такъже случаѣхъ, какъ *ахъ*, *теръ*, дреагъ ихъ востпозиціи (*ахъка*, *теръа*), то имѣстъ съ тѣмъ необходиимо признать, что въ то время, когда первая изъ кievхъ формъ была *общиной*, славянскій языкъ не могъ во всѣхъ случаяхъ руководиться стремленіемъ избѣгать стеченія глаухой съ иѣмою. Наи долю этого послѣднго стремленія остаются олучай русского 1-го полвогласія и *сро* въ *съодружіи* славянскихъ парфіяхъ (*оро*, *оло* = *ро*, *он* = *ра*; *е*; *е* = *ръ*, *э*). Если, какъ мы думаемъ, еще до конца поры, славянскій парфія *помни* ютъ *одного* звука, то должна была существовать *община* славянъ: форма *стиль оро* = *ра* и пр., впритомъ, судя по вышеприведеннымъ аналогіямъ, форма *полвогласия*. Съ другой стороны, рядомъ съ нею существовали въ тѣхъ же корняхъ, или иначе въ другихъ, но такого же строения, и форма *неподвогласия*, въ которой съ большою выразительностью, можно предположить общизлава *бъ, въ*. Какъ *неподвогласные*, такъ и *неподвогласные* формы *въ, въ, бъ* передъ *r*, какъ предполагаютъ основное *ар*, *ал* + *тата*. На этихъ осно- *вахъ* мы можемъ построить такую приближенную

схему измѣнений *ap*, *al*+*тuta* въ славянскомъ языкѣ:

Если гласный звукъ этого комплекса, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, становился глухимъ, то онъ и оставался единственнымъ, а все сочетаніе—неполногласнымъ, такъ какъ полногласіе *гръ* (търъгъ и т. д.) позднѣйшее; если же основное *a* удерживалось въ видѣ чистой гласной, то виѣтъ съ этимъ по другую сторону *r*, *я* появлялась другая неорганическая гласная. Ещѣ въ старо-славянскомъ мы видимъ тотъ порядокъ, при которомъ чистая гласная корня передъ *r*, *я* возможна только тогда, когда за этими плавными слѣдуетъ гласная; между тѣмъ *я* + *r* v. *я*+*согл.*, за немногими исключеніями, даетъ сочетаніе или *гр+**согл.*, *лг+**согл.* (изъ *гр+**согл.* и проч.), или *ра*, *ла*, *ри ль* (изъ полногласія). Напримѣръ, возможна такая форма, какъ серб. *пр-пор* (=пэрпорз), но формы: *порпорз* v. *парпорз* v. *перперз* невозможны и замѣняются такими формами, какъ русское *поропорз*=ст.-слав. *прапорз*, *перепелъ*=ст.-слав. *припелъ*. Ст.-слав. форма *желевъ* была бы невозможна; но была бы возможна (не существующая) *жельевъ*=*жльевъ*; въ дѣйствительности—*желевъ*.

Возвращаясь затѣмъ къ Бенфейю, посмотримъ, какъ, согласно съ его мнѣніемъ, объяснялась бы форма *младзъ* и предполагаемая основная *мраду?*

Рассматривая отношеніе корня *арі* (*ардж*), предполагаемаго въ значеніи быть бѣлымъ, и словъ: скр. *арджуна*, серебряный (собств. бѣлый, свѣтлый), *аргенту*, *арг-uros* къ скр. *радж-ата*, серебро, Бенфей находитъ, что посредствующею формою между *ардж* и *радж* должна была служить *арадж*, образованная подобно *агаг* въ осск. *agagetu*; что *раджата* возникло ближайшимъ образомъ изъ *араджата* посредствомъ потери начального *a*, встрѣчаемой во многихъ другихъ случаяхъ.

Это объясняетъ намъ прежде всего появленіе *ра* вм. *ар* въ санскритѣ, необходимое при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ глаголахъ *сардж*, *дарс* и произвольное въ *тарп* (IV), *дарп* (IV), *сарп*, *марп*,

сваро, парш. Это воццленіе основано на формахъ со-
вставляемъ а: *сарадж*, *дараф*, *тарап* и проч., въ ко-
ихъ исчезаетъ то первоначальное, то вставное а, такъ
что, напримѣръ, изъ *тарап-сјати* можетъ образоваться
по произволу то *тари-сјати*, то *трансјати*.

«Такимъ же точно образомъ объясняются и всѣ
случай, гдѣ аль индо-германскихъ языкахъ при *ар* или
его земѣахъ появляется *ра* или его замѣны, напри-
мѣръ, аль скр. *трабх* при *тарбх* аль *тарбхा*, при чемъ
скр. посредствующую форму со вставнымъ а, именно со-
ответственную зандскую тѣрбна; точно такъ скр. *парч*
при греч. πλέχω; греч. φλέγω при латинск. *fulgeo*, при
чемъ скр. *бхарі* аль *бхарі-ас* аполѣй подходитъ къ лат.
fulig, а скр. *бхрадж*—отвѣтъ къ флну; наконецъ, греч.
трé-ф вмѣсто трас-ш (какъ видно изъ скр. *трас* а
аориста त्रस्यते), при первоначально арчиноиѣ
лат. *terreo* ам. *tersbo...* Сюда относится и *тарасанти*
аь Ригаель, X, 95, 8. Если во времена сложенія этого
стихотворенія вышеупомянутый глаголъ заучалъ не только
то *трас*, но и *тарс* (какъ аль латинск. *terr* ам. *ters*),
то согласно съ найденнымъ общимъ закономъ, а между
р а с аль *тарас* вставное. Если же форма *трас* тогда
была единственная, то амѣстъ съ Бетлингомъ и Ротомъ
нужно будетъ принять и очень рѣдкай случай раздѣле-
нія *тр* (аль *трас*) не *тар*. Однако понятно, что и это
объясненіе неможетъ ослабить аыадеѧть, сдѣланыхъ
ими до сихъ поръ. Напротиаъ, нообще мы будемъ
объяснять сиѣну *ар* и *ра* передъ согласными, напра-
мѣръ, въ скр. *мард* и *мрад* и ао множествѣ другихъ
случаевъ въ древнѣйшихъ формахъ индо-европейскихъ
языкоаъ изъ произношенія *ара* и тѣмъ смины устра-
нили метатезис *r* и *l* во крайней мѣрѣ аль дреасень
періодѣ этихъ языковъ».

Бенфей замѣчаѣтъ даѣ, что измѣненія *ар* аль *ра*
и *рâ* (черезъ *ара*) аль санскратѣ нельзя приписать ни
стечению слѣдующихъ согласныхъ, которыми могла бы
быть объяснены лишь вѣкоторые случаи (напримѣръ,
дракшум, *дракшами* вмѣсто *даршум*, *даркишами*),

но не в якорь ограничительной и превосходной степеней, каковы краефразы отъ моря, море, тропицама отъ моря, ниудреникъ, недающимъ на заѣдающей охогъ. Вообще же это утверждение на санскрите оно не находитъ никакого удовлетворительного объяснения, въ отличие отъ вышеупомянутаго образованія р., объясняемаго тойческими условіями (Bengley SS. 24—26).

Принимавъ это въ замыкающу часъ вопросу, мы видимъ выдѣляющееся: *младъ*. Оно есть, конечно, не форма, а производное слово, на основаніи одного апостолического, возможны два предположенія: а) она напосредственно принаследуетъ къ санскр. *мрад*, и тогда возникновеніе ея изъ полиглосснаго *мрайд* должно быть отнесено ко времени гораздо болѣе раннему, чѣмъ выдѣленіе славянскаго языка. При этомъ *молодъ* было бы по оорядку вторымъ полиглоссамъ, и могло бы возникнуть только изъ *младъ*, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно бы допустить, что единства славянскаго языка никогда не было, а прямо изъ основнаго взыка выдѣлились дѣйстїя: одна русская съ оро, оло и пр., другая, которая уже выдѣлилась изъ единства съ основнымъ языкомъ материю первого, а о переходной форме *мра*. Первѣтность такого предположенія очевидна. Достаточно указать на общепризнанное положеніе, что славянскому *мрадъ* и т. д., а ближайшемъ языке — литовскому, соотвѣтствуетъ *шаграс*. Такихъ славянскихъ формъ, каковы *младъ*, которыхъ уже въ санскрите есть вполнѣ соотвѣтствующіе (*мрад*), мы неможемъ при объясненіи отѣдѣлять отъ такихъ, где слав. *созъ + ра + созъ*, напр.—ср., лит. *созъ + ар + созъ*. Слѣдовательно, первое совпаденіе съ санскритомъ случиво.

б) Остается, стадо быть, только принять, что слав. *младъ* образовалось уже на славянской почвѣ и имѣть съ санскритскимъ *мрад* только отдаленную, посредственную связь, состоящую въ томъ, что обѣ формы сами по себѣ произошли сходными образомъ, послѣдняя изъ *мрад*, а первая — какъ? Здѣсь опять возможно два предположенія: во-первыхъ, *младъ* изъ *молодъ*, въ то-

и въ мѣдѣ, при чьмъ русскія формо́ «окончаніе ю» (арене
съ общечеловѣческою) и гениторыль, а мѣдѣ ли же мѣдѣ
невинно и другъ / отъ другъ и не мѣдѣ / мѣдѣ, при чьмъ
только эти послѣднія въ форме «была бы» (общечеловѣческою)
и то только въ такомъ случаѣ, если бы искаженное имѣло
и то же значение, что и онѣ въ мѣдѣ.

Кажето, что изложенный вѣдѣ въ гл. Бенефіи въ
всегдашнее время можетъ служить напоминаніемъ о недостаткахъ
въ употребленіи въ изслѣдованіи русской
языковеси и о томъ, что въ действительности ему въ дру-
гихъ изложенныхъ изыскахъ Незабудемъ подѣлиться также и
Владимѣромъ. Но первый разъ приходится напомнить, что
свѣтъ въ изложеніи данного изыска, особенно въ тѣхъ, въ
которыхъ разинутое предшествуетъ начину письменности, и
предѣты не съ стороны, а съ другой стороны обнаружитъ
заслуженія. Но упомянутый ученикъ могъ бы въ сторо-
ную «свѣтъ» къ иного предмета, и многихъ частностейъ
второго плана, быть можетъ, и незапомни. Изслѣдователъ
богѣ винармытъ «съ Гекасанск. изысками», соглася. Издѣсь
еще «иного дѣла». Нельзя превращать и тѣль, что донынѣ
сдавно, ибо, благодаря всегдашней цепослѣдовательности
человѣческой мысли, даже ошибочность общаго смысла въ
всѣхъ изысканіяхъ неустраняетъ совершишюя извѣдѣ
на «ходящіи» иего частностіи.

Слѣдуетъ, конечно, не забывать и о томъ, что въ изысканіи
лит. 2, гл. 6, «Шерцъ» (Справк. грамматик. словъ и языка
родств. языкокъ I, Харьковъ, 1871, §§ 104—105) рав-
сматриваются русскіе «полногласіе» и «частный случаѣ»
общаго явленія, которое (онъ) и наываетъ «вотивиою» со-
длинительной или несодлинительной гласной; то есть обор-
щающійся къ тому, что обнаружено и не бывъ основой
всїхъ разинутое. У него въ рядѣ «такіхъ случаѣ»,
какъ «русск. *и-о-е-ю*» (при «оеце»), такъ «изысканная «оффи-
динительная гласная передъ окончаніемъ въопредѣлѣ» (прав.
ти (дѣлати, творити и т. п.) почему только передъ этимъ
окончаніемъ, а не и передъ другими?), хотя въ глас-
ная споособленому своему характеру относится къ си-
стемѣ спряженія, а не привадлежитъ къ явленіямъ исключ.

читаюю «сочетанием»; также случаи, какъ ст.-слав.
вилегъ, ворз-кодиль и, паноаецъ, русск. оро-ра и пр.

Относительно этого послѣдняго думалось бы такъ:
возможимъ, мы вадалии вопросомъ, которав изъ двухъ
глагольныхъ, составляющихъ русское полногласіе, вставки,
п рѣшили, что первая; тогда въясненіе ашего майши
мы приводили бы только таніе случаи изъ другихъ язы-
ковъ, въ которыхъ изъ двухъ глагольныхъ при *r*, *я* вставле-
ни то же первая. Хотеть ли типъ поступать и г. Шерцъ?

«Русскій языкъ», по видимому, проницашеніе сперѣй
согласной, соединенной со слѣдующимъ ии нею плавнouю
r или *я*, находить нѣсколько затруднительнымъ *), и потому онъ старался пособить этому недостатку обык-
новенно въ такихъ случаяхъ вставкою вспомогательной
гласной» (стр. 339 **). Стало быть, напримѣръ, въ
ходе вставлений звукъ есть первое о, что высказано въ
стр. 349, а на предыдущей еще опредѣлительное оказано,
что *я*, *ри* переходитъ въ *еле*, *ере*, *ль* даже въ *олор*.

На одномъ публичномъ диспутѣ намъ пришлось и-
слышать изъ устъ г. Шерцъ, что онъ считаетъ *оро* и
проч. разложеніемъ *ra* и пр.

«Самое лучшее объясненіе этой вставки достопадаетъ
языкъ древне-баатрійский; сравненіе съ дрізне-баатрі-
сими вставками потому особенно еажао, что обнеружи-
ваетъ упомянутое явлеаю въ полномъ аго заачеаии, тог-
ди какъ русскоя полногласіе изобличаетъ только одну
его сторону. Вставка *e* въ древне-баатрійскомъ языке
имѣеть дающее отношение (?), смотря по тому, проис-
ходитъ ли она въ срединѣ слова, или пъ начальѣ; въ
первомъ случаѣ вставка гласной *e* происходитъ не толь-
ко при *r*, но и при другихъ согласныхъ, ас второмъ
же случаѣ къ *r* присоединяется не только *e*, но и дру-
гія гласныя, именно *i*, *u*» (338). Слѣдуютъ примѣры,

*) А *слава*, *трава*, *право*, *брать*, *градъ*, *дробъ*, *тробъ*,
трубъ, *трибъ*, а множество другихъ словъ?

**) Звачитъ ли это, что такихъ вставлений, какъ полногласіе,
въ русскомъ языке много, или только что они обыкновенны изъ
другихъ языкахъ?

всюду прочимъ, *daderēs* и *daderēsi*, изъ которыхъ, по Шерцю, известуетъ только то, что «ставка вспомогательной гласной неограничивается единицей звука *r*» (стр. 389), то есть, что о позади нее при одномъ *r*, между тѣмъ какъ для языка существуетъ, что въ этихъ премѣрахъ вставка появляется между согласной, и непремѣдно ино, такъ же мнѣніе г. Шерца изъ русскому, и что, стало быть, эти примеры съ точки зрения г. Шерця, ни чути недовѣрия объяснять русского полигласія.

«Если *r* стоитъ въ началѣ, то оно можетъ принадлежать передъ себѣ, прѣдъ *a*, аца гласная *i* или *u* (а въ такихъ случаяхъ тоже соответствуетъ санскритскому *a*): *arētha*, *польза*, = *arthā*...; *irīb*, *равить*, *ср.* *tiib*, *гнить*, *плакать* = *ср.* *tiub*...» (стр. 389).

Часть этого мы совсѣмъ откладываемъ понимать: если въ *arētha* первое *a* равно санскритскому *a*, то какъ же образомъ вставка въ можетъ быть помѣщавши въ этомъ словѣ передъ *r*? Это, однако, не описка, ибо другіе примеры позволяютъ намъ прописывать вставки передъ *r*. Отношеніе другихъ премѣровъ къ полигласію (*irīb*, *иротб*), при которыхъ можно бы сдѣлать и на Шлейхера, *Compendium*, § 28, где это явленіе савинено съ другими др.-бактрийскими (§ 26), неподобно, и заслуживало бы объясненія, потому что за характерную черту русского полигласія считалось то, что въ иностр. яр. стоитъ *носовой согласной*, а не въ началѣ оного, такъ какъ юж. языки неотносились.

«Чаще всего (зъ др.-бактр.) передъ *r* ставится въ блоги, правей-шк. *t̄gi* (ражу) и проч.» (стр. 389). Если г. Шерцъ думаетъ, что приставной звукъ есть здѣсь первое *e*, то нужно было показать, почему *е* тѣль думаетъ, тѣль какъ уже за основанія Бонна, V. Gr. I, § 1, стр. 2 и § 44, стр. 74 (не говоря ума о вышенапомянутой взглѣдѣ Бенефа) можно было бы заключить, что дѣйствовать толькъ же законъ, что въ *daderēsa*, то есть, что вре происходитъ изъ основанія *er*, при чёмъ *сторое e* вставное. Изъ этого опять-таки следовало бы, что при томъ *закладъ*, который

той Шерши (иже в чай фу: «шанхай»), быть недолгимъ бы
сравнить: «загородній» есть «тишина», а «какъ» звезды, «брюзги»
— это «мы» древне-бактрийскіиъ: его звукъ «ч» звонъ согласный
поймъ, «дрожь» бытии произносилъ слово, у римлянъ скажемъ
вы «брюзги» болгарскіиъ: «шумъ» плавъ дѣятъ възвѣститъ уже изъ сравненія: древне-персидскіиъ слова
dare, «ратъ» (древне-персидскіиъ фарс) и т. п. при (страница
340.—13 в. 1). «Бактрийское» за юришеты «принѣрѣть» (значитъ
имъ «сынъ», «ребе») имѣютъ предъ въ земельномъ двумъ
личинками, выши «его», «другое» въстрѣчаемъ только въ
шестомъ или седьмомъ торнибрахъ. «Недочтность» (переборъ)
имѣлиши, то характеристическая для бактрийской языковой
литературы, «То же», которое въ усвоенныхъ языкахъ (NB.
— съ аго) садѣуетъ (за соцлаг. т. «совершенно» соединяется)
отъ др. «боагъ»; «нирикиръ», «ретъпа» = «жизнь»; «опирющіеся»
«верблю» «съ вѣнцемъ на головѣ»; «шель» (имѣюща листъ) «рекиши»;
дри бактрийскіиъ термины «террасы». Къ «какъ» «е»; «слѣдъ»
дѣйствующему послѣ «тъ», «приседающіе»; «еще» «другое»; «передъ»
тъ, «отличающіеся» (же); «характеромъ», «жизнь» «перро»; «дѣ-
лаетъ» представляетъ подобіемъ «гравюру» «глухую» «ж.»
Одно полное гласное разъѣздилось вдѣсь (собачий) (8).
Найдено, что чечемъ отдавлены «въ частяхъ тутъ» (тутъ)
различность, которая была себѣстремиа «всеною» языка
и поэтическому языку. Древніи-бактрийскіиъ языки удержали «одинъ» (такъ
такъ) «глухую» плавкую, «дополняющую» возникшіиъ въместѣ съ этимъ
голосодѣстивѣ особенности напиравиша языка, т. д., имену-
емые пятью родами, «дѣлами» (часто называемыи «гласныхъ»).
Противоположность этому является въ языке чешскомъ —
съ (одной) русской и «другой» стороны. Въ чешскомъ
языкѣ стоятъ две «перекрестья»: а) «поставлены» (одинъ) «рай-
зомъ» «другъ» («другъ» «глухой») русской языку; ии «объ-
ратно»: «точка» «глубокими» («глубокими») «извѣстій» («извѣстій»)
заслуживающіи «его» «одинъ» («одинъ»), «другъ» («другъ»), «какъ» («какъ»)

*) Задѣсь же авторъ ставитъ знакъ «краткости» только «одинъ»
«вторымъ» въ «речи»; а не «одинъ» «всю» какъ въ «принѣрѣть»
«согласнѣйший». Хотѣтъ ли «одинъ» выражать «его» «переборъ» или
«его» «подобіе»? Извѣстно, что въ обоихъ случаяхъ изъ

съвонѣніи еще, подобно древне-бактрийскому, передъ я въ рѣмовую гласную, хотя, конечно (почему «конечно?»), новый звукъ ужъ съ самаго начала представлялъ настоящую гласную; *) въ началь прибываочный звукъ есть, степенью соответствовалъ древне-богдирскому ѣ, а только въ дальнѣйшемъ развитіи языка онъ могъ установиться, въ характерѣ подной гласной. Осталось его развѣтіе, усиленіе или ослабленіе зависѣло только отъ ударенія, продолжавшаго гласную удариемъ и сокращающаго неударимъ. Древне-бактрийскій и русскій языки здесь совпадаютъ (стр. 341—342).

Кромѣ имѣвшагося уже выше описаннаго, вѣдь да на происхожденіе звонк. єрѣ, замѣтимъ здѣсь сѣдующее. Производно предположеніе, что изъ этого єрѣѣ произошло глухое, объ этомъ см. Ворр., Vengl. Gr. 2, I, стр. 55: кратчайшая гласница є, какъ ее называетъ Боппъ, несомнѣнно глухая. Выдумано, хасое-то, «спиранные» на р., а въ спро-одиннадцатомъ Глязное же есть томъ, что по г. Шерцлю выходитъ, будто русскому звонк. должно соответствовать ст. словен. зваз и чешск. ѣlva. Онъ, конечно, знаетъ, что это не такъ, во это ему вѣришь въ воду, когда онъ писалъ. Русск. зваза, согласно съ его словами, произошло изъ зваза, откуда—зваза или зваза (хорошо разберу, такъ или иначе). Если же отсюда вышло зваза, то это на перекоръ закону г. Шерцля, по которому отсутствіе ударенія должно бы удержать обе о-и, степени «спиральныхъ».

Такъ, какъ русскій языкъ между др.-болгарскимъ и е-уже несъмѣнно часто наполагаетъ различія (песокъ—пѣсокъ и др.), то, тамъ, где въ др.-болгарскихъ формахъ являются ѹ, ѧ, замѣтно влияніе русскаго подной гласіи (но чѣмъ?): ѹ и ѧ переходятъ въ є, єре (—и даже въ ою), (стр. 343).

*) Стало быть, «не настоящая гласная», «спиральная». Пусть будетъ и это слово, но только и «извѣнъ гласного звука» все-таки настоящій власный звукъ.

Откуда взялось *ръ*, *ль*, объ этомъ неговорится. Что касается остильного, то, но первыхъ, ошибочно будто бы смышеніе *ль* и *е* древнѣе полногласія; но вторыхъ, такое смышеніе свойственно чисти русскихъ на-речій, а полногласіе — всѣмъ; втретихъ, заключеніе, что вслѣдствіе бевразличія *ль* а *е* изъ чръзъ должно выйти по чрезъ или въ этомъ родѣ, а полногласков *черезъ*, кепостижено.

Впрочемъ, по моему мнѣнію, г. Шерцъ сдѣлалъ одно замѣченіе о полногласіи (стр. 344 нъ концѣ и 345 нач.), достойное вниманія, но подтвердилъ его алохвіи примѣрами. Именно, справедливо, что положеніе: «ру-
сскими оро, оло соотвѣтствуетъ аѣ сродныхъ (не славянскихъ) языкахъ аг, al, а русскимъ *ра*, *ла*, *ръ*, *ль* и ироч. въ сродныхъ — га, ла и пр.», въ своей всеобщ-
кости ошибочно. Изъѣстны прамѣры, какъ *дрьматидоміра* и пр. Но положеніе это можетъ быть не устра-
нено, и лишь ивишно въ такимъ образомъ: «Русское полногласіе предполагаетъ въ началѣ славянскаго взы-
на или къ періодѣ, ближайшемъ нъ аознинновенію кого-
го языка, основные формы съ гласною передъ *р*, *л*, а рус-
ское (общеслав.) *ра*, *ла* (ро, ло), *ръ*, *ль* предполага-
етъ формы съ гласною послѣ *р*, *л*.» Другие языка шла
своими путами, а потому могли остаться, напримѣръ,
при аг, ог и пр. и тамъ, где возникли въ славяск.
языкѣ *ра*, *ръ* и пр., канізмъніялся и аѣ русскому.

Предположеніе о томъ, что въ русскомъ полногласіи первое *о*, *е* есть вставное, сдѣлывало бы звѣ-
щать имѣшно тѣми средствами, которыя г. Шерцъ отвергаетъ. Онъ думаетъ, что «мнѣніе Добровскаго,
по которому аѣ полногласіи русскаго языка оказы-
вается алівіе финской отрасли (чего?), вытерпившей
въ началѣ словъ двухъ согласныхъ, опровергается про-
стымъ указаниемъ па драв.-бактрійскій языке, въ ко-
торомъ трудно бы найти финские элементы, въ еще труд-
нѣ доказать» (стр. 342). Но можно было бы разсуж-
дить и совершенно иначе. Если бы какія-либо сообра-
женія сдѣланы для ивсъ a priori вѣроятными, что обще-

славянская форма русскихъ полногласныхъ словъ есть форма съ *ра*, *ла*, *ръ*, *ль* иослѣ согласій, то насколько ненуждаясь въ предоложеніи фінскаго візінія, мы нашли бы въ мадьярскомъ языкѣ готовую аналогію для русского полногласія. Согласно съ этимъ, общерусская черепъ можно было бы выводить изъ цирка вояса и не потому, почему въ угорско-русскомъ ястрѣчаются, напримѣръ, формы *бороцкава* (изъ броскава), *жилип* (изъ жильбѣ) (Mikl. Fremdwörterb.), то есть, не изъ сибу мадьярскаго візінія, а лишь подобно тому, какъ изъ славянскихъ дробъ, *тряка*, *сръмк*, *желба*, *класъ* вышли мадьярскія *darab* (*frustum*), *görgbg*, *szegem*, *zseleb*, *kalasz* (Mikl. ib.). Конечно, и это сходство оказалось бы лишь отдаленнымъ. Нужно было бы изыскивать причину, а въ авторой во многихъ русскихъ словахъ, каоны: братъ, прудъ и р., начальныя сочетанія *muta+liquida*, осталась нетроаутынк.

З. Г. Игич (Rad. Jugosl. Akad. XIV, 20—9) раздѣляетъ, по крѣйней мѣрѣ отчисти, тѣтъ азгладъ ка русское полногласіе, авторому а слѣдовадъ въ своей статьѣ обѣ этомъ предметѣ. Хотя теперь мнѣ кажется, что мы оба ошибались, то цѣль нашего согласія я дѣлаю тѣтъ ободрителій для себѣ вынѣдь, что мои ошибки яе были лишены основаній, авторыа можно назвать относительно-объективными. Ось сопоставляють два рода формы: съ одной стороны, лат. *wilea*, (*alne*), иктий, съ другой—ст.-сл. *вѣца*, (*лань*), *камы*, *квасъ* (изъ предполагаемаго *квасъ*) и вважають, что такъ какъ страмленіе аль метатезѣ есть явленіе доаисторическое, обще-славянское, свойственное и Руссиому языку, то и въ та- зомъ случаѣ, какъ лит. *galwa*, получается ст.-сл. *глаза*. Эта послѣдняя форма должна предполагаться русскою *глаза*, въ которой *сторой* гласный звукъ (ослѣ *к*, *р*) имѣть этимологическое значеніе.

То, что я имѣю нозразить противъ мнѣнія, что постпозиція глухихъ въ *вѣца* есть явленіе доаисторического и общеславянское, было ужъ высказано мною.

д. 159. Отъ тѣхъ случаѣхъ, какъ *растѣ—растѣж*, при коренѣ *ардѣ*, Русскій языкъ дѣйствительно сходенъ со всѣми славянскими относительно иѣста основной гласной; но условия поясленія здѣсь разъ изъ *ар* другія, чѣмъ *град—града* и пр., именемъ: мы послѣдніемъ случаѣ основы *ар* следуемъ за соглашною, тогда какъ въ первомъ опо начинается слово. Отсюда можно вывести, что существованіе въ Русской формѣ *росту* не принуждаетъ признавать въ ней первенство формы *градъ* передъ *городъ*, и, напротивъ, можетъ быть соглашающа съ первенствомъ полногласія, хотя не пепремѣнивъ его русской формѣ! Допустимъ такое первенство въ обояхъ случаяхъ, можно помыть, что въ словахъ корня *ардъ*, а съ полногласіемъ *градъ* или въ второмъ родѣ, первая гласная могла исчезнуть, между тѣмъ какъ въ *городъ* она сохранилась, благодаря начальной согласной.

Я несмыма сожалѣю, что неясностью своего взаимо-
віа дважды помордъ г. Ягичу замѣтить, что онъ не умѣетъ
найти подлежащаго смысла въ томъ, что я говорю о
новодѣ полногласія (Два Изслѣд., 38—45) объ отноше-
ніи сербскихъ удареній къ русскимъ, и заявлять, что
онъ по крайней мѣрѣ не могъ бы отсюда объяснить
русскаго полногласія. Между тѣмъ въ теперъ думаю,
что этотъ вопросъ ни можетъ быть обойденъ при изслѣ-
довании нашего полногласія, такъ какъ изъ русскихъ
словъ только мы полногласныхъ могутъ быть пе-
реднѣи нынѣшина, вполнѣ соответствующиа всѣмъ цитиро-
ваннымъ сербскимъ акцентуациѣ! Въ самомъ дѣлѣ, не по-
разительна ли не мою первымъ (вамъ членомъ) фактъ
соответствія между штокавскимъ *млѧа* (чекавское
глѧа), штокъ же *млѧда* (ча зескъ *млѧда*) и русск. *млѧ-
зовъ*, *млѧода*, между *глѧву* (= *глѧаву*), *млѧад* (*млѧад*)
и *глѧаву*, *млѧодъ*, тогда какъ сербск. *млѧа—млѧава?* И
не принуждены ли мы призывать, что такое сходство
можетъ возникнуть въ языкахъ независимо отъ склон-
ныхъ причинъ, но должно имѣть основаніе въ языко-
лическомъ вхѣ единѣтъ? Прежде изъ соотвѣтствія так-
ра (долгти гласнаго съ удареніемъ на первомъ звукѣ)

тѣ) — и. оро, чак. *raa* (долгий гласик безъ ударенія) — русс. оро (безъ ударенія), чак. *râ* (краткак гласнай) — русск. оро и проч., а выводилъ, что тихъ какъ и въ ма-
ти русско-сербскаго единства эти слоги были речены въ
количественномъ и тоническомъ отношеніяхъ, то они
были равны и въ качественномъ. Этого и держусь къ
теперь; ао тогда, подъ слѣдствіемъ предрасположеній къ
большой древности *ra* сравнительно оъ оро, я не ви-
дѣлъ, что тоническое и количественное сходство русск.
оро и пр. съ сербск. *ra* само по себѣ оставляетъ ноз-
можность заключать ив.-тroe: или оро древище *ra*, или
на оборотъ, или то и другое уже въ Славянскомъ
языкѣ имѣло древнюю общую форму, изъ которой ис-
звѣисамо ревились обѣ первыхъ. Въ этомъ смыслѣ,
конечно, рассматриваемое сходство не объясняетъ рус-
скаго полногласія; но это сходство все-таки прибыва-
етъ иое-что къ нашимъ съѣдѣніямъ о полногласіе. До-
пустивъ третье предположеніе, что оро и *ra* возникли
изъ общаго, напримѣръ, *aara*, мы могли бы объяснить
рассматриваемое сходство такимъ образомъ: серб. *râ* —
рус. оро предполагаетъ *aara*, шток. *râ* = чак. *ra* = рус. оро
(безъ ударенія) предполагаетъ *aara* (съ первымъ *a* долгимъ,
какъ и въ первомъ случаѣ, но безъ ударенія); сербск.
râ = русск. оро предполагаетъ *aara* (первое *a* короткое
удвраeное). Это значило бы, что хотя второе *a* парво-
начально имѣть лишь характеръ феатической, вставки
i, стало быть, кратко, по оставшись одно (въ *ra* и
проч.), оно привело на себя всѣ функции первого, пото-
мъ короткаго звука. Такой процессъ никакъ не можетъ быть
названъ стяженіемъ, ибо стяженіе въ двухъ краткихъ *a*
(*aara* въ *ra*) должно было бы дать къ результату не *râ*,
а долгое *ra*, чего мы не видимъ.

Относительно происхожденія полногласія къ соот-
вѣтственныхъ формъ въ другихъ славянскихъ алфѣїахъ
г. Яличъ считаетъ возможнымъ сдѣлать два предположе-
нія: 1) или изъ *garde* произошло *grado*, отсюда въ
одну сторону — *oro*, въ другую — *raoro* и *zorodik*.
Это предположеніе состоять изъ пониманіи метровъ

строгомъ смыслѣ: это настоящія перестановки *ар* въ *ра* безъ всякихъ посредствующихъ ступеней, при чмъ форма съ *ра*—общеславянская; 2) или лѣтица была тако-ва: *gvrдvв*, откуда *градъ*, то-есть, форма, въ которой послѣ метатезы между согласною беззвучною и плавною остался чѣкоторый мелый звукъ, въ родѣ *з*. Отъ *градъ*—въ пнину стороу *градъ* формъ, свойственная большинству азрѣй, въ кой звукъ въ родѣ въ вовсе исчезъ, въ другую—*городъ*. Отсюда опять въ одну стороу съ потерю *з*—*городъ*, въ другую съ возстановленіемъ чистаго характера первого звука—*городъ*. Здѣсь г. Ягачъ приближается къ взгляду Венефя, при чмъ о метатезѣ можетъ быть рѣчь лишь вкъ о результѣтѣ, а не вкъ о процессѣ. За основную, общеславянскую форму принимается не одна изъ азличаыхъ, а тикая, которой быть ни въ одномъ азрѣ: *градъ*. Здѣсь же замѣчу, что формы какъ *городъ*, принятая г. Ягичемъ въ обоихъ предположеніяхъ, я считаю построеннымъ совершенно теоретически, чмъ нехочу одаако предрѣшать ихъ вѣнужности или ошибочности. Въ русскихъ памятникахъ дѣйствительно встрѣчаются такія формы: *зглосъ* (Владимиръ Хутынскаго монастыря 1192, Среднеѳскій, Чм. русск. письм., 183); сюда же, быть можетъ, относится и *злото* на врестѣ виагина Евфросиніи, 1161 годѣ, (ib. 178) амъсто *злото*; но вто, мнѣ кажется, не дѣйствительное явленіе языка, а лишь ошибочное написаніе. Тавъ можн бы объяснить въ «Ярославе сребро», а формы Остромирова Евангелія: *сребро, сребра, сребролюбимъ, сребреникъ*; но въ формахъ *сыре,—сребру*—глухой звукъ встрѣчается и въ древнихъ юсовыхъ памятникахъ верусскаго насьма, вавъ Супр. рук., въ есть описа. (р. Mikl. Lex. *сребро*. Одако тотъ, кто бы думалъ какъ и о формѣ *зглосъ*, долженъ былъ бы вѣдаться и съ формами, которыя, забудучи приняты зв. описки, ведуть къ противоположному заключенію. Именао въ Грамотѣ 1228—1229 гг. (С. Г. Гр. II, № 1, Среднеѳскій, Мысли, обзъ Ист. Рус. яз., 194. Буслаевъ, Хр., 349): *спрѣмъни* (и *спрѣмънемъ*), *и—*

своего тарда (при «городу»), беръо, беръомъ (и бѣръга), зе золлеу, холлеу, много рааъ серъбра (при се; ребра), но рядомъ и зъмокоу, срамъ. И дѣйствителью, г. Колосоаъ, приходя такія формы, какъ золлеу, спрашиваешь: «Второй гласный звуаъ точно не оарѣцъ еща, не сдѣлалъ еще чистымъ (следовательно, предполагается среаантельно позднѣйшимъ)?» (Очеркъ, 90). Онь не рѣшается вѣрить этому, и не безъ основаніе, ибо слишкомъ многочисленны доказательства того, что уже въ XI вѣкѣ, и если судить по сеесиамъ, то и въ началѣ X, русиоаъ полагасіе состояло наъ двухъ чистыхъ гласныхъ. При томъ же взглѣдѣ, по которому оро вышло изъ ара, это оро и вовсе не предполагаетъ формъ отъ глухою гласною. Необходимость въ предположеніи формъ со звукомъ въ родѣ я при этомъ взглѣдѣ существуетъ только для объясненія формъ градъ (какъ г-радъ) и grod наъ i родѣ.

4. Свершивая себя о причинахъ, расположавшихъ насъ въ пользу большей древности -ра и пр. среаантельно съ оро и пр. и мѣняющихся г. Ягичу рѣшительно стать на сторону его втораго предположеніе, приложу къ тому, что причины эти—съ одной стороны страждение принимать старо-славянскія, или, иакъ говорятъ иначе, старо-болгарскія формы за основанныя по этиошему къ формамъ другихъ нарѣчий, съ другой приычкѣ къ себесобу заключающейся отъ большинства: наер. въ большинствѣ нарѣчій (Ст.-сл., Болг., Сербско-хорватса., Хорут. Чешско-словакц., Польса., Лужаци.) гласная аль градъ, grod—есофъ плавае; следовательно вѣроятнѣе, что въ мѣсто дреанѣе русскаго полногласія, предотвращаемаго только одиць нарѣчіемъ (Русса.) или двумя (Вр. и Мр.) чѣнь на оборотъ. Что до упомянутаго изгледа на Ст.-сл., то онъ имѣть силу, ие смотря на то, что на одиць въ болѣе извѣстныхъ наслѣдователей не ограничено его бѣль ограничений, и асакій удавыналъ то на то, те не другое, въ чемъ другія нарѣчія дреанѣе. Мы старались

показать прежде, что относительно различий в именах имена имена при плаанных Ст.-сл. не древние Русского, Польского, Лужицко-подлабского. Точао такъ имена не древние ч., сочетание шипаш. и и съ нестированными не древние русск. жею, ик а пр. Въ этомъ отношении можно найти и дальше, ае подвергаясь опасности принять русса. творъ за форму, относительно качества о, болѣе дренаю чѣмъ творъ, или ново-болгарскія формы старина, старта, сербск. заран, за болѣе древнія чѣмъ ст.-сл. страна, братъ, заранъ. Что же до заключенія отъ большинства, то (не говоря уже о томъ, что оно, судя а priori, можетъ дать только сомнительный результатъ, такъ какъ ведашео вѣроятности и то, что одновѣрчія сохранило приваавъ, потерянный всѣми остальными), икъ вижется, полезно усвоить себѣ кое-что изъ старинного взгляда русскихъ ученихъ на атотъ предметъ (Макеевовичъ въ 1836 г. и въ Начат. Русск. Филолог. 1848 г., 22 слѣд.). Недумаю, чтобы можно было придавать генетическое значеніе тѣденію Славянского языка на дѣй половины: русскую и западно-славянскую (Максимовичъ), такъ какъ языки относимые дѣй послѣдней врядли именуютъ кавіе либо общіе приданаи (аромъ отсутствіе полногласія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), которые можно бы противопоставать признакамъ русской половины, и такъ икъ въ другихъ отношеніяхъ. Между прочимъ по вѣнтиуациіи, юго-славянскія варѣчія тѣсные связы съ Русскимъ языкомъ, чѣмъ съ сѣверо-западными; но икъ вижется убѣдительнымъ то, что Русского языка, которымъ говорить почти вдвое столько языковъ, сколько всѣми остальными славянскими видаами видастъ, нельзя считать за такую единицу, какъ варѣчіи Лужицкии и Хорутавское.

5. Прежде чѣмъ порейти ко взгляду г. Гейтлера на полногласіе, не мѣняется напомнить о мнѣніяхъ высказанныхъ г. Максимовачемъ гораздо раньше: въ 1839 г. (Ист. Русск. Слов.) и особенно въ 1848 г.

(Начатки Русской Филологии), тѣмъ болѣе, что г. Лин-
ровскій иѣ ствѣтъ о полноглоссіи при обзорѣ мнѣній объ
этомъ предистѣтъ упоминавть только о пирномъ изъ зав-
винныхъ сочиненій.

Конечно, въ наше время можно расположать го-
риздо большую массою сѣдѣній для доказательствъ то-
го или другаго мнѣнія, чѣмъ 20—30 лѣтъ тому ин-
зѣдѣ; именъ можетъ очень дешево достичься возмож-
ноость откоситься самокра съ оближеніемъ Мицко-
вича съ санскритскимъ (*борас* съ ср. *борис* (*vis*),
т. е. *варѣва*; *сорока* съ ср. *сарама*, т. е. *сарама*,
что варочемъ значить антилопы; *морозъ* отъ ср. *нараса*,
т. е. *нардіа*, пыль. Нач. Рус. Филол. § 57); въ его
оближеніемъ съ Литовскимъ (Поль. *бергъ* съ Лит. *beragas*,
морозъ, съ лит. *parakus*—сравненія аѣрима, не не ямѣю-
щія цѣни, такъ какъ въ лitoасії формы заимствова-
ны изъ русскаго: *бороть*=Мр. *обори*, *морозъ*); особенно
же — въ такими, какъ сближеніе Mr. *морока* съ ил-
иологическою Омороюкою у Бероза (ib. прнѣч.), назоми-
няющее Мицаевича объясненіе имени *Вааходоносора*:
не—*bog*—одно—свг. Точно также теперь не трудно уби-
речься отъ иѣнія, что Лит. *wargiav*, *bergai*, Гот *kalde*
суть ісокращенія полноглоссныхъ формъ, кавоны *сорока*,
береза, *холода* (ib. стр 108). яли отъ подтверждения
того, что «первоначальные формы словъ были полновауч-
иѣ и многосложные, а сокращенные являлись послѣ
такою ссылкою на равнѣтіе органической природы: стѣнь
же ходомъ шла и органическая природѣ иѣ образованій
оноихъ родою: сперав они являлись въ полнѣшемъ вы-
раженія, видами совершившими; а подъ конецъ, какъ
бы устала жизнь рода производила менѣе полные, низ-
шие виды (ib. 105—6)». И тенирь люди, никлонные
иѣ больше обширными взведеніемъ, ищутъ не безъ успѣха
иѣ яланіяхъ виѣніей природы аналогій иѣлиніямъ
выка. Отбросивши все это, мы видимъ, что мнѣнія
Мицковича *mutatis mutandis* могутъ возвратиться и
въ иинѣ времѧ. Твако Мицковичео дѣление слов.
назовѣ на двѣ рѣчи, Русскую и Западно-славянскую,

основанное на томъ, что въ первой болѣе полногласія, т. е. обилія гласныхъ звуковъ середи согласныхъ (Нач. § 38). Мнѣніе свое Максимовичъ противопоставляетъ мнѣнію Шафарика, какъ о хваленіи Слав. языка, такъ и о томъ, что въ всѣ первобытныя свойства славянщины, попадающіяся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдельно, по частямъ, словно обломки послѣ бури и наводненія, а въ Церк. славянскомъ или Кирилловскомъ находятся виѣсть и въ цѣлости (Шафарикъ, Слав. народопись. 32, Максимовича Нач. Русск. Филол. § 38), и о томъ, что въ русск. словахъ съ *оро* и пр. «*вставное е* и о между главными *r*, *ж* и нѣмыми согласными» (Народ. 9. Начатки 102; съдовательно, вставное—второе *e* и *o*). Полногласіе главнымъ образомъ, хотя не исключительно, проявляется въ даухъ породахъ словъ при *r*, *ж*: въ одной—Русск. порохъ—прахъ, проch, въ другой—Русск. слеза, перстъ при слеза, оузп, прст (Нач. 114). «Не бывъ ни вѣнціемъ чуденіемъ (Добровск.), ни произведеніемъ сѣвера (Восток.), полногласіе Русской рѣчи составляетъ ея первобытное свойство, и если бы оно не было родоначальникомъ, искональникомъ, то его и совсѣмъ бы не было въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской и другихъ родственныхъ рѣчей» (ib. § 48). «Исклонность къ сокращенію всего болѣе въ слав. рѣчи (въ томъ числѣ и въ русской) обнаружилась въ окончаніяхъ словъ (о чёмъ § 49).» «Церковные формы (съ *з* и *ъ*) *мъчь*, *день* произошли изъ полногласныхъ *мечь*, *день*; *пероть*, *торгъ* перешли въ *тргъ*, *прст* и Церков. слав. *трзъ*, *пърстъ* (выше мы это видѣли у Гейтлера). «Принимать обратное значить противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи и господствующему выговору приведенныхъ словъ не только въ русскихъ, но и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индо-европейскихъ» (§§ 52—2). «Западно-славянскія формы *мрокъ*, *брозъ*, *древо* въ такомъ же отношеніи входятъ въ перво-славянскимъ, сохранившис-

шися на Руси слова *морохъ, ворихъ*, *) дерево, кое къ нимъ самимъ имѣютъ истощенные формы — *мркъ, брзъ, брво*; въ якомъ чешскія слова *блкъ, сржъ* находятся къ общеславянскому *волжъ, сержъ*. Сначала ста-ли обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, а потомъ стали опускать и оба» (§ 58). «Можать быть здесь сперва было только уточненіе первого гласного звука въ полугласный, т. е. вместо *челохъ, юлова, юродъ, дерево*, было сперва *члохъ, юлова, юродъ* и пр., и уже послѣ стало *члохъ, юлова* и пр.» (§ 59).

Слова, авѣтъ *слава*, «сокращены выйскомъ первого гласного звука» (§ 61). «Въ Кашубскомъ нарѣчи и въ языѣ Полабскомъ изъ даухъ гласныхъ заувозвъ, у насъ простойныхъ, удерживается не второй, какъ бы следоватъ по общему западнославянскому обычая, но первый, по обычая литовскому. Нашубы напр. вместо *норогъ* и пр. говорятъ *паргъ, варна, сарка*. Полабцы говорили: *ворна, корва, мора, ворта*» (§ 63). Обстановка звуковъ *r* и *l* въ думѣ гласными ведется азъ русской рѣчи издревле и убавившись въ ней уже послѣ, такъ какъ слова этого рода вытеснились церковно-славянскимъ *власть* и пр. (§ 55).

Въ самой рѣчи западнославянской встрѣчается изрѣдка полигласіе какъ изжадный слѣдъ старины первобытной. Такъ имя кустарника *деренъ*, сокращенное западными Славянами въ *дренъ, дрѣна*, — по пельсви *дерень*. Слово *черешня* (*cerasus*) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращеній въ *чрешия* или *трешня*. Въ старочешскомъ языке встрѣчаются слова *перепель*, *чрево*, *черспъ*?; въ старопольскомъ *чреда*, *чресна*. Имя *норогъ* или *норовъ* понынѣ вѣдется въ Южной и Сѣверной Руси, хотя у насъ прижалась и дѣржится форма *кравъ*. У Чеховъ также дѣржится еще древняя полигласная форма *норувъ* или *норувъ*; у Хорватовъ и Сербовъ *наровъ* (§ 56).

*) Максимовичъ, какъ видно, ясно знаетъ русского *бородъ* — Mr. оборѣ дѣйствительно соответствующаго Польскому *борзъ*.

Эти послѣднія доказательства не вѣй однозначного достовѣрства. Такъ въ Польскаго словаря можно бы привести не одно слово въ томъ же родѣ (*chołodziec = chłodnik*, *modojec*, *czeremcha*, *czerep, czerepacha*: «*zupa kroktawa, którą Rusnicy zowią czerepachą*») столь же несомнѣнно русское по происхожденію, какъ *a deren* («*krzew Ruski wbo Podolski*»), *czerede* («*kozieckie czeredy*», *czereda sług*, какъ по Мелор. «*саа наю хлопців череди*»), между тѣмъ какъ тузенное *truskoda* — только стало въ собственномъ ееоченіи, какъ и *czerednia* при туземномъ *truskawia*. Хотя, какъ видно изъ Линде, одинъ и тотъ же писатель (Крниеръ) безразлично употребляеть и *nogow* и *narow*, но мнѣ кажется возможнымъ разсѣльть эти формы такъ, что лишь послѣднюю съ а считать туземною, а съ лаумъ о — замѣстителемъ въ Русскаго: «*Mówi Kub: exi horod to nogow*».

Если устранить мнѣніе о происхожденіи *тари*, *яреть* изъ *тары*, *перстъ*, гдѣ, по вешему мнѣнію, противъ Максимовече, рѣшно какъ противъ Гейтлеръ вся древняя русская письменность, и если рассматривать только мнѣніе о происхожденіи *ра* и пр. изъ *оро* и пр., то оказывается, что и вто мнѣніе доказывается только свидѣтельствами отъ общаго, которое въ свою очередь требуетъ доказательствъ, да деумя-трѣмъ словами. Но справедливость требуетъ признанія, что и противоположное мнѣніе, въ рѣвно и попытавъ объяснить *оро* и пр. при помощи славянской взаимности были поставлены не прочіе.

6. Г. Гейтлеръ тоже доказываетъ, что *ръ*, *ло* возникли изъ Русск. *ere*, *ele*, а *ра* *ла*, аль *оро*, *оло*, съ тою особенностью, что въ Ст.-сл. сочетаніяхъ этого рода возвидало изъ *стяженія* двухъ *е*, въ *а* — мѣжду ними двухъ *о*.

Объ отвѣщевіи *оро*, *оло* къ *ра*, *ла* г. Гейтлеръ говорить слѣдующее.

«До сих поръ при обсуждении русск. оного вро, оно не обращалось вниманія даже на ту простую истину, что они возили лишь тогда, когда Славянскому языку стало нужно освободиться отъ ненаклонныхъ сочетній, начинающихся съ *r*, *л*» (Лат. *galwà*—голова и пр.). И то, сколько мѣй известно, осталось нерѣшаеннымъ, слѣдуетъ ли считать болѣе древними Русск. оро, оло или ст. Болгарск. лл, рз, хотя чуть было не взято первъ менѣеѣроятное изъ обоихъ предположеній такъ, какъ ст.-болг. формы обыкновенно принимаются за болѣе древнія» (*Fonologie* § 82).

Чтобы изогораживаться въ нему, поже, идѣсь уже можемъ замѣтить, что почва, на которую стуваестъ г. Гейтлеръ, не такъ дѣственна, какъ савъ полагаестъ. Вопросъ, за который онъ берется, уже до него рѣшился и въ томъ же смыслѣ, и «простая истиня» о инвестиціи, возникшій въ Слав. языкѣ въ сочетнайамъ пливпой съ пѣмою, тоже принималась въ соображеніе, но, какъ я старался показать, оказалась на соасѣмъ про-стою, если не вовсе мнимою.

Г. Гейтлеръ надѣется, что дѣло это выведется изъ сомнѣнія такими соображеніями:

1) «Всѣ дославянскія á (за исключеніемъ южнокото-
рыхъ въ началѣ словъ: *азъ*, *акати*, *ахдю*, *олимп*)
перешли на славянской почвѣ въ о и лишь тѣ á остал-
лись, которая стояли передъ сочетаніемъ гласной и со-
гласной. Если взять во вниманіе частую посѣданітель-
ность я въ переходѣ основнаго á въ славянское о внутри
слова, то возникаетъ вопросъ, почему именно въ этихъ
случаяхъ краткое а (á) остается ненизменнымъ (вѣтка
— *брада*?»

2) «Мы изъали перестановку ассилиації посѣт р., т.». Если изъ съмъть вышло съмъть, аль илкъ тъкъ, изъ Литоаси. *dērwā*—дерево, то что могло раздѣлиться на славянской почвѣ изъ *gālwā*? Въ силу необходимости перехода ё въ о—олко, ассилиаціей посѣт я—олко, а стяженіемъ—глава; а есть вознагражденіе за дни кратнія о, какъ ѿ за даа е въ дръво. Имѣто

другъ иначиихъ о мышицай долгъ о, житорѣо одноко отъ Болгарскій яз. не зовутъ; изъ вѣхъ чиновихъ «наибоаѣе годилось бытъ вознаграждениенъ» (зи два о).

«Московское произношеніе слога оло или есть позднійшее слѣдствіе удваренія, и слѣдовательно не кѣ-
ищеть нашему объясненію, или дѣйствительно сохраняетъ
слѣды ала, и въ такомъ случаѣ изъ глаwa развилось
примо гаlawa, глаwa, какъ изъ мерти и мертвти—мрь-
ти» (Fonol. § 70, 1, 2. прим.). Здѣсь замѣчу отъ се-
бя, что Русскіе памятники разрѣшиютъ эта сомнікія,
показывая, что южно-востокорусск. произношеніе о из-
ударяемаго за о восходитъ лишь къ концу XIV и нач.
XV в. (Два изслѣдов. о Зв. Рус. яз. № 60. Колесовъ.
Очеркъ 131). Слѣдовательно, г. Гейтлеру остается воз-
никновеніе а въ глава изъ двухъ о въ золова.

3) «Ст. болгорск. из. никогда не разлагаетъ ла, ре-
въ оро, оло, но наоборотъ ставливаетъ умнительно-бо-
льшое древнєе оро, оло въ ра, ла» (Fonol. § 82, стр. 57);
«Уже безъ сравненія съ русскимъ никто не сомнѣвается,
что ст.-болг. пладніе возникло изъ полодніи (tagi-
dies). Примѣръ этотъ привѣнъ потому, что тѣ же оло
не возникло посредствомъ вспомилліїи пооль л; полу-
отъ полъ (polidim) прямо доказываетъ возможность ста-
женія сочетанія оло въ ла (какъ четвере—четверѣ).
«Слатина (sblisugo, араб. salza)—безъ сомнѣнія отъ
соли; суфф. есть отина (ср. бѣль-отинав, хрин-о-тиза);
основная форма есть солотина». «Блато (Лит. balâ)
изъ болото (ср. тои-ото), которое до сихъ поръ въ
Русской; блатина изъ болотина, книга слатина, ср.
Лит. balaté, болотце». «Слама, по единогласному сви-
дѣтельству оставшихъ языковъ, звучло нѣкогда kalam—
(Греч. καλαρος, Лат. calvus, Древнѣм. καλαμ, Cort.
Grandz. № 29), откуда, поѣтъ перехода къ с., пра-
вильное могло возникнуть только солом—какъ въ Русск.;
Ср. Др.-иѣн. walih, Русск. золото, съ золотъ; Лат.
затвѣсиз, сорточина, срацининъ» (Fonol. § 70, 3).

4) Первый слогъ удвоенныхъ словъ бываетъ кра-
торъ: хохотати, потоготати, деңж (изъ деде по-

§ 160); мръмрък изъ мермер, мръмр, мръмръ, мръмр; откуда же въ удвоеніи въ *глаголата* при а удвоеніи основнаго слога? а можетъ быть здѣсь лишь неорганическое; основное *тѣло* невозможно; правильное удвоеніе ворня *зъл* есть *тѣлѣлъ*, отсюда *толъзъ*, *городъ* (совершенство какъ *плътълъца* § 66; на концѣ). Русская *глаголати* есть или заимствованіе изъ Ст.-болг. или стаженіе» (авторъ признаетъ, что въ Русск. языке стаженіе оно въ ла и пр., напр. *златъ*, или появляется между основными формами въ стаженіи, напр. *хоромъ*, *зрамъ* (§ 82, стр. 57).

«Такимъ же образомъ и *глаголати*, Чешск. *člán*, *cholití*, *krágoratí*» (§ 70, 4).

Къ объясненію формъ Польскихъ и Кашубскихъ (Вопр. стр. 57) воротимся послѣ; теперь же переходимъ къ синтаксису изложенныхъ мнѣній.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что въ теперь пришедшемъ случаѣ аналогіи указанныхъ Бенфесъ и др. и что, стало-быть, я не стану противорѣчить съдѣдующему утвержденію, взятыму изъ его непредѣленной фориѣ: «между древнейшими дославянскими сочетаніями какъ *сога-е-р* въ *я-сога-* и сочетаніями *ра*, *ла* послѣ согласной среднюю временекъ и переходную степень занимаетъ подвогласіе, т. е. *сога-гласн.-р* въ *я-гасн.*».

Для подсеченія удобства этого положенія, нужно выразить его съдѣдующимъ образомъ: основные формы *тард-е* (*тиѣвъ*) и *трад-ас* (*гандъ*) перестаютъ качественно различаться по звукамъ въ Ст.-сл. *традъ* и можетъ различаться разѣтъ тонально и количествомъ киринской гласной; но въ Русск. и Польск. эти слова различаются и качествомъ гласныхъ: съ одной стороны *тардъ*, *грофъ*; съ другой *традъ*. Это различие, совпадающее съ тѣмъ различиемъ, которое мы признаемъ за относительно первообразное, трудаще будеть объяснить, приниавши, что *тардас*, *традас* сначала сошлись въ общеславянской фориѣ *траасъ*, а цѣтомъ *акновъ* въ Русск. и Польск. стали различаться, чѣмъ предположили, что

въ стихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ кидоизмъ венія основныхъ формъ зордъ въ градъ никогда недостигали сходства и по качеству своихъ гласныхъ.

Итакъ мои замѣчанія будуть относиться къ болѣе честнымъ вопросамъ.

Форма *глава* ближайшимъ образомъ вовинка къ многогласію, но изъ какого именно, того ли, что въ Русскомъ, и какимъ образомъ? Мы видѣли выше отвѣтъ: *ла* изъ *оло*, а изъ стажекія даухъ *о*, ам. ожидаемаго долгаго *о*, котораго ст.-Болг. языкъ не *зналъ*. Это *нелакше* есть такое предположеніе, которому авторъ не позабылся присказать основаній. О долготѣ и краткости гласныхъ вообще, равно какъ и объ удареніи въ Ст.-сл. мы положительнымъ образомъ называемъ *ничего* *) и можемъ заключать объ этомъ лишь по тѣмъ арѣчіямъ, въ коихъ есть и теперь долгота и краткость гласныхъ къ подвижности ударенія. Притомъ, такъ какъ долгота гласныхъ въ Серск. (*хлѣд*=Рус. *холод*, иѣстн. *над*, *у хлѣду*=Русск. въ *холоду*) можетъ имѣть при себѣ краткость въ Чешск. (*chlѣd*), о чёмъ смотр. Два изслѣд. 45—6, то еще вопросъ, можно ли отъ этихъ нарѣчій завлечь къ Ст.-Славянскому, и если да, то отъ какого именно въ данномъ случаѣ. Если различныя начертанія *о* въ Ст. Слав. meanъютъ никакого отношенія къ долготѣ и краткости этого звука, то отсюда слишкомъ поспѣшило было бы заключать, что количественнаго различія этого звука и небыло и что о всегда было кратко. Во многихъ случаяхъ нарѣчія Сербокое, Хорутаиск., Малорусск., Чешск., Польск. предполагаютъ кмевио долгое *о*, которое или остается (Серб. *ибј*, т. е. *ибој*), или переходитъ въ дифтонги, которые по-тому частью остаются, частью сливаются въ единичныхъ гласныхъ: Mr. *иуй*, *иүй*, *иуй*, *ий*, *ий*, Ст.-Чешск. *иょј*, Нов.-Чешск. *иўј*, Польск. *ибј*, (см. другие примѣры въ V. Gr. Mikl. I 356, срв. въ моихъ Замѣч. о Mr. нар.

*) Только г. Гейтлеру известно «всеобщее правило, что въ Ст.-Болг. есть долгота гласныхъ» (Koepologie § 66—2).

23—34). Хотя въ этомъ прізѣрѣ долгота, изъ смѣши на сходство иночихъ нарѣчій, и есть, кѣрастно, искавіе болѣе позднѣе, чѣмъ утраты аонечныхъ глухихъ, но по- добныи удлиненія о могли быть мѣсто и раньше. Ор. напр. въ памятникѣ XI в. *вразомъ*. (Колос. Очар. 62.) Допустивши это, мы не изъ состоянія будемъ понять, почему стаженіе двухъ о (оро, оло), совершающееся, по прини- нию Гейтгера, уже на почвѣ отдаленныхъ славянскихъ на- рѣчій, Чешскаго, Ст.-Болгарскаго (Fonol. § 82 въ анч.), доло въ Чешсв. не форму brôd, а brâd (=городъ), въ Сербск. trâd (=град), а не trôd. Если бы о было текущо естественною замѣною двухъ о, то было бы стрично, почему ии одно изъ тѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ ковхъ *ra*, да вм. оро, оло, при встрѣчѣ аонечнаго та- матического о съ начальнымъ въ сложныхъ словахъ (бого—отъць, Серб. ярд—ок и т. п.), никогда необ- мѣняется и на сольеть этихъ звуковъ яи о? Риздѣль- ность сочетываемыхъ словъ здѣсь ничего низначить, ибо немѣшаетъ же она встрѣчаемому аѣ ст.-русск. памятникахъ сліянію а+и въ э, а+и въ и. *) Пра- зиниши виадогю между именемъ изъ именъ и имен- ми голода, мы спрашиваемъ себя, почему и въ пар- зомъ случаѣ не видимъ результатовъ конденсаций по- чезу въ въ не вышелъ болѣе полнонѣсный наукъ? На это мы оставимся бѣзъ отвѣта.

Итакъ возможность стаженія двухъ о въ а можетъ быть отнесена развѣ къ совсѣмъ другому звуконому строю, чѣмъ тотъ, какой находимъ въ славянск. язы- кахъ въ историческое время. Единственное, на что, не

*) Въ Жит. Феод. XII в. (Чт. общ. Ист. в др. 1858, 3) ука-карахуты и, любляхуты и, имляхуты и, оболачашети и, видягомы и; въ Смол. Грам. послѣ 230 г. (Среви, Паз. Р. п. 224): а егхочети и казнити; въ Синод. си. Русск. Правды и Вараш. Юриковъхъ XII в. (Рус. Достоп. I.) по- пнати и 34, творити ю (=ть ю, жену) прелюбы дѣти 192; Въ Ев. 1307 (Буслаева Хрест. 100) молахуты и; въ Волын. Ев. XIV в. вѣпрамахуты (ви. ти и); Буслаева Гр. § 84, пр. 6. Колосова, Очаревъ 75.

видимому, можно бы сослаться въ подтверждение этого предполагаемаго явленія, и чѣмъ что однажды не ссылаются Гейтлеръ, по причинамъ, о которыхъ ниже, есть съ въ *иррабаса* (З.-л. мн. вор. *Assent*) при *бесты*, съ чѣмъ параллельно и *вѣсда* (З.-л. мн. вор.) при *весты*. Оба эти случая называются вознагражденіемъ за претерю со-гласной. Сходныя съ этимъ налажія; *бесты*—*пробадати*, *месты*—*замѣтати* отаются къ тѣмъ называемому усиленію гласныхъ.

Въ слѣдующей главѣ собы усиленіяхъ, я постараюсь показать, что вопросъ: произошло ли съ въ *пробадати* изъ о (въ *бести*), или изъ основнаго ә, принадлежитъ къ числу такихъ, которые покончиться разрешеніемъ на-даое.

Въ интересахъ того, что съ въ *брада* произошло изъ даухъ о, было бы доказывать, что и съ *пробадати* произошло изъ удлиненія о; но г. Гейтлеръ утверждаетъ противное. Мнѣ кажется, что если съ въ *бадати* дѣйствительно изъ о, а не изъ основнаго ә, то изъ этого еще иссльдуетъ, чтобы и съ въ *брада* было изъ о. Форма *брада* образовалась безъ сомнѣнія на славянской почвѣ; но есть прочныя основанія, думать, что и самое о возникло на той-же почвѣ и что уже во времена особности Слав. языка на мѣстѣ поздрѣшаго о еще въ авторое время стояло ә.

7. Почему непредположить, что *ра*, *ла* (=Русск. оро, оло) возникли не изъ Русск. оро, оло, а изъ более древней формы *тра*, *ала*? Такое предположеніе было бы проще, такъ какъ опо а) "ненуждалось бы въ предположеніи, что первое о, переходя на другую сторону плавной, дасть *oo=a*, чѣму, какъ мы видѣли, иѣтъ аналогіи; б) неиздставляло бы принимать непремѣнной первоначальной долготы а" въ *ра* изъ *роо* и пр., а позбило бы думать, что первое а, исчезая передаетъ свое количественное значеніе второму; в) избавляло бы отъ лишней гипотетической формы

архва. бурда" и "позволяло бы возводить гольда", прямо къ гольд, т. е. Для Гентгра невозможность такого предположения вытекаетъ изъ мненія, что вское краткое *d*, промѣнъ начального въ некоторыхъ случаяхъ, перешло на славянской почвѣ въ *o*, стало быть *тада* въ *гольд*; по, мѣрѣ какъ та, повѣрка показываетъ, что это мнѣніе предполагаетъ ради объясненія между прочимъ *главо* изъ *гольда*, и ошибочное, что именно при плавныхъ въ славянскомъ удержались такія *a*, которыя по всейѣ вероятности между прочимъ предполагаются и до славянскаго *đ*, а не *đ*.

Сюда прежде всего

относятся слова, имѣющія въ однихъ словахъ на речіяхъ (большую частью, хотя не исключительно въ Юго-Зап.) *лѣ*, *ра* другихъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ, но преиущественно въ Русскомъ и Сѣв. Зап., *ле*, *ло*, *ро* въ началь.

Сербск. *лѣбѣд*, Чешск. *lѣbut*, *lѣbud*, Полск. *lѣbedz*, Хорут. *lѣbod*, *lobod*, *lebei*. Ст.-гр. *лѣбѣдь*, болг. *лѣбед*, Русск. лебедь (что предполагается *ле-лѣдъ*, откуда лебяжий). См. Микл. *Lex* и Curt. *Grundz.* № 309. Основное значеніе бѣлизны *albus*. Основная фор. корня, судя по Греч. *алф*, должна быть *алб*. Перестановка (черезъ посредство *алаб*) могла совершиваться уже въ дославянское время, какъ можно доказываться по Литовск. *lѣbas*, добрый, значение которого могло также развиться изъ *блѣмы* = свѣтлый, какъ и въ Литовск. *balbas*, блѣмый, добрый, ласковый и Зап. Русскомъ *блѣт* молодецъ = добрый молодецъ; или, быть можетъ, *хупауз*, *купауз* молодецъ.

Хорут. *laboda*, *loboda*, *lebeda*, Вр. лебеда, Mr. *лобода*, болгрск. *лободѣ* (*lobodij*), Чешск. *lebeda*, Поль. *loboda*, *lebioda*, Ш.-л. *loboda*, *loboda*, *woboda*, собств. *chenopodium album*, отъ бѣдоватой окраски листьевъ, одного происхожденія съ предыдущимъ. Сюда же Чеш. *Lѣbě*, Н.-л. *Lobio* (ср.), Полабск. *Labi*, *Lobi* (по Шлейхеру *Lѣbѣ*, т. е. конечное *i* изъ *o*, Pol. Spr. 70).

Mr. *лобода* — юк, мальчикъ попрошайка, нищий, —

зековати, проскть, стараться войти въ ивость: Вулканъ «прилабузившись до Киркы, якъ до просителя пишесца» Котл. Энеида; Дон. лубунитъся, подливватъ лестью подъ ноги; лабизить (Пск., Та.), листкть, угохдатъ; Каз. лабла, потачка, баловстао; Перм. Пск. Таерск. лабга,—уна, кто подлаживается къ кому, листиный угодникъ, лабзиться кому и—ться къ кому, листить, подлаживаться; лебезить (Вр.)=лабзить, лебезина,—нье (Волог. Сиб.) лакомство; Хорут. лебдити — нѣжать, баловать; Сербск. лѣбдити—иѣ: «лебди око ѿнега, въо мати око ѿетета», лебезигъ; Чешск. labzitи, лакомиться, labzikа—лакомка; можетъ быть, сюда же, а не къ «lieper goziš относится II. Л. liebgoziš, lebgodny, wäblisch, Materna, niedlich, günstig. Трудно думать, чтобы лабза, лебезить и пр. могли быть заменствованіями, какъ Польск. labowaš—laben, или Н. Л. labowaš, жить, leben, или какъ лобзати, которое выводить изъ Готскаго.

Ст.-слав. алгдия—ладия, Хорут. ladja, Сербск. ладја, Русск. лодынъ, Чешск. lod, Польск. lódz, В. Луж. lódz, Н. Л. lóz, Литовск. eldija.

Ст.-слав. локтъ, Хорут. laket, Серб. лакат, ст.-русск. локть, нокъ, локотъ, Польск. łokieb, В. Л. лобé, Н. Л. локé, Чешск. loket, Литовск. alk—инé, elk—инé, olek—tis. Латышск. elkáns.

Ст.-слав. лини, въ прошломъ году, —Хорут. lani, Сербск. ланк, лини, Русск. лони, Чешск. loni, Польск. loni, В. Л. loni, woni. По вораю (ар) ср. скр. r—tu, пора, время года. Съ латов. régnai, въ прошломъ году (Beiträge VIII, 117), неавжу сходстая.

Хорут. lapotati, plaudern, Сербск. лапотливъ, Русск. лапотать, лопотать, лепетать. Относительно лапухъ, лопухъ, лепень, и пр., которыхъ я не считаю заключенными изъ Латишск., см. мою ст. О алланіи иѣкорахъ предстааленій 25—7 (Филолог. Зап. 1864, III).

Н. Л. laskosíš, laskosóíš, laskosis, Польск. lasko-
tač=łechtać, лоскотать, Мр. лоскотъ, шкотъ

Ст.-слав. рабъ, Хорут. rab, Сербск. robъ, Русск.

робъ (рабъ—занимствовано), робя, ребя, Скр. अर्ब्बा—
риег., Инд. अर्ब्जा, haeres, Mikl. Lex.

Хорут. rabiti—оригини, Русск. работи, Польск. go-
bić, и др. Готск. arbaith, Латин. labor. Греч. ἀλφάνω,
приобрѣтаю, ἀλφ-ῆμα—заработка. Вѣроятнѣе, что слав.
а-о-а въ Греч. и Лат. словахъ, чѣмъ долгому о (о)
въ Литовск. лоба—работа, ибо въ послѣднемъ случаѣ
можно бы ожидать постоянного о въ Слав.; Curt Gr.²
№ 398.

Ст.-слав. *ровна*, Ноа.-болг. *раман*, Хорут. raven,
Серб. *разан*, Рус. оси. *ровень*, Чешск. *rovny*, Польск.
równy. Н. Л. *гоуни*, В. Л. *гуни* (=równy), Лит. *gaun-*
nas можетъ быть занимствовано азъ Русскаго.

Ст.-слав. *радити* и *неродити*, curare, negligere,
Хорут. neroditi, Чешск. neroditi, В. Л. *rodnы*—sollici-
tus. Mikl. Lex.

Ст.-слав. *разжинъ*, stimulus, Хорут. *ražen*, razenj;
Серб. *разинъ*, Рус. *роженъ* (=рожинъ), Польск. *rožen*;
Чешск. *rožen*, В. Л. *rožen*, Н. Л. *rožon*.

Ст.-слав. *разждіє*—*рожденіе*, Хорут. *rožje*—*roždž-je*, Н. Л. *rozdzé*, ср.

Ст.-слав. *раз*. Хорут. raz, Болг. раз, Серб. раз,
Рус. *раз*, разно (раз иъ значеніи предлога быть можетъ
занимствовано, по разѣ?), Польск., Луж., Чешск. *roz*.

Ракита, Болг. ракита (а=ъ), Серб. *rakita*, Хор.
rakita, Чеш. *rakyta*, rokyta. Польск. *rokita*, Н. Луж. *ro-
kit* (м. р.), *rekita*, *rokos'ina*, *rekita*, Мр. *rokita*, Вр.
ракита (а изъ о неудиржимаго?) и *рокита*.

Ст.-слав. *ралъна*, Хорут. *ral ж.*, Русск. *ролья*
(Мр., *рідня*), Польск. *rola*, Луж. *rola*, Чешск. *role*.

Ст.-слав. *расты*, Хорут. *rosti*, Болг. *растниъ*, Серб.
расты, Русск. *роси*, Польск. *rosę*, Чешск. *rosti*, *růsti*,
Луж. *rosć*. Корень въ Скр. apdh (рѣдѣнти) рости. Сла-
вянскій, глаголъ образованъ такъ, какъ латовскіе глаго-
лы, начинаящіе съ суф. t: *giratu*, *girsti* (смыть, изъ
gird—*du*, Schl. Lit. Gr. § 117.); срѣв. *ямету* при-
хлѣхш., Сир. *иръ*—изъ пары;

б) Сюда же отнесемъ и такие слова, ико во асѣть

словянскихъ) нарѣчіахъ «охраниютъ» *a* при *p*, *t*, но въ которыхъ пачто *ае* доказываетъ *кофоты* этого и.

Ладъ, ровный (см. Mikl. Lex.) и четный «слышаже, яко мадь кусюю за ушокъ *въ ма сѣцомъ подбайстъ зажищма бати, иши обичъ, хдикъ колико хотиче ладно; а за здрадо є илл Г—б» (Вираш. Кир. Калитъ Пам. 180). Отсюда можно заключить что *Ладъ* (Ф. в. П. Игор.; Вр. пѣни, Хор. пѣни) — собственно *ровня*, позиция (какъ въ Мазорукскомъ ровня въ супружествѣ выражается проредетасъ «до пары»). Ср. также Вр. *ладъ*, *лана* на спичечнѣ двухъ досокъ, пазъ между дауми-досками; *ладъ* попечечные корожки на ручей балалайки или гитары. Всѣ эти значенія удобно возвести къ зааченію Лит. *ardau*—*ardyt*, раздѣлять, пороть шовъ, разбирать вязь, ломать дома и пр. Вз. Скр. ср. *rād*—*ati*, *findere*, *separare*, или *ārdati*, *ānatī*, in bewegung der theile geraufen. Впрочемъ весьма возможно, что другія слова *ладъ* (ладить, лавить) относятся къ спартск. *radh*—*идути*, *radh*—.*

Ст. *сдавъ*, *алкать*, *лакати*, *лакнъти*—*esugigē*, Хорут. *laknoti*, Польск. *laknać*; *лакомъ* во всѣхъ слав.-нарѣчіахъ съ *a*; Лит. *ālkēti*, *ākti* (съ долг. *ā*), Латыш. *ālkstu*, *āk'ti* съ короткимъ, эльчинъ, —дачиль, Лит. *ālkanas*. Между тѣмъ литовскому *lākū*, *lakti*, Латышскому *lakki*, *lakt*, лизать, соотвѣтствуетъ словацкое *лакати*, Хорут. *lokať*, Сербск. (Босн. Дубр.) *локати*, Русск. ложатъ, Польск. *łoszycę*, *łokacę*.

Ланъ, лань, Латыш. *ainē*, *eine*, между тѣмъ, некъ *лонѣ* можетъ быть заимствовано изъ Русскаго.

Рандъ, Гонск. *агия*, Лат. *armis*, Фръч. *ar*+*raus*—*gefüge*, *passend*, Скр. *ар*—*ам*, *нар*, *аа* *поматъ*, сподручна, ладно, соответстваао, Литовск. *arti*, *блъзко*. Miklos. Lex.

Радо, *радко*, не изъ ералю отъ *ерати*, а отъ той формы *корни*, авторая въ Лизоа: неопр.. *тика*, *ти*, *ти*; *га*—*dō*, относительное суффикса и формы *корни*—Санскритскому *ар*—*и*—*тра*, прил., приводящий въ, дѣлаетъ, гдящій (и есть специальная санскритская *астав-*

ка) и Литовско-Латышскому *arkīns*—плугъ и *arklys*—вопль. *Rataj* не изъ *orataj*, а буквально съ Литовскимъ *artoūk*—id.

Raka, агса.

Г. Гейтлеръ дважды упоминаетъ о слояхъ съ *al-* *la*. Въ § 4 (Фон.) онъ говоритъ, что начальное *a* въ *алката*, *алнини*, *алдини* кознико изъ дославянского краткаго *и*; въ § 81 прим. находится, что «отношение словъ *алнини* и *ланы* дославянское»; т. е., что аль *ланы* перестановка имѣла мѣсто еще до выдѣленія Олав. яз. Не говоря уже о томъ, что дѣлаемое имъ сближаеіе *ланы* съ Лет. юонѣ подозрительно, такъ какъ это Литов. имѣеть видъ заимствованаго, сравнительно съ алшѣ, два другие приводимые имъ примѣра *алката* и *лаката* и *алдини*—*ладини*, имѣющіе при себѣ въ Литовск. только слова съ *al*, *el* (танъ какъ Лит. *likti*, а не *lakoti*, какъ у Гейтлерк.,—не славянскому *лакати*, а славян. *локати*, не смотря ни то, что въ Лит. *ā*), тѣнъ самымъ доказываютъ, что перестановка совершилась уже въ Слак. періодѣ.

По мнѣ, изъ выше приведенныхъ иною словъ видно слѣдующее: 1) Если мы согласимся, что не *a* въ *laboda* объясняется изъ *o*, *e*, а наоборотъ, то слова подъ *a*) поназываются, что было такое славянское (а не дославянское) *a*, которое уже на почвѣ отдельныхъ нарѣчий перешло въ *o* и *e*. 2) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ (лабудь, *laboda*, ланати, лакть, рыбъ, ралиш, раста) и нѣсколько словъ подъ *b*) показываютъ, что именно тамъ, гдѣ слак. *ra*, *la*=дослкв. *ar*, нѣ славянскомъ удерживается *a*. 3) Если не кѣ, то нѣкоторыя изъ этихъ славянскихъ *a* предполагаютъ дославянское *ā*. Покрайней мѣрѣ нѣть никакого основанія къ противоположному заключенію, если считать славянскую (т. е. или Чешскую, или Сербскую) долготу за позднѣйшую и если принять, что Славянско-Литовскому *ā*=Литовское *e*.

Такъ при *ralo* (Чешск. *rádlo*, но *rálí*, *rálce*, Сѣрб. (гора) Литовское *ärklas*; тоже въ Сербса. *rataj*, Чешск. *rátvј*, Литовск. *ärtojis*. Если судить по Литовскому, то также кратко осмысливое *a* въ *ладини*, *лакть*, *ланы*.

Сюда слѣдуетъ присоединять и *камы*, Серб. *ками*,
вѣжеи (по вѣ Чешсв. *кашеп*, род. *каш-еи*) Литовск.
кѣй и предлогъ *ира*, *про*—Лит. *рга*; *дамъ*—Скр. *дѣмас*.

Итакъ, если даже допустить, что тѣ *ар*, *а*, изъ
монхъ—*оро*, *оло*—*ра*, *ла*, имѣли только короткоа *а*, то
и вѣ тѣкому случаюѣмъ, что оно сохранилось вѣ
ни славянской почвѣ, такъ что изъ *зала* могло выйти
слав. *зала*, откуда съ одной стороны *голова*, съ дру-
гой *зала*, при чёмъ нѣть никакой надобности вѣ пред-
положеніи переходной формы *зала*.

8. Это же вавлюченія (о вѣроатномъ сохраненіи
основнаго краткаго *а* вѣ славянскомъ *а*) можетъ быть
повторено по новоду того, что Гейтлеръ (§ 70, 4.)
говорить объ удвоеніяхъ, вѣбо если основная форма
слова *зала* есть дѣйствительно *зал-зал-*, то вѣ
выше-
сказанныаго о словахъ *задица* и проч. слѣдуетъ, что вѣ-
ровѣта происхожденія формы *зла* нѣть *зал*, *зала*, чѣмъ
нѣть *зол*, *золо*.

Утвержденіе, что «первый слогъ слова удвоеніяхъ
бываетъ кратокъ», вѣ своеї всеобщности ошибочное.
Авторъ или упустилъ вѣвѣ удвоеніе вѣ санскритск.
иятенсивныхъ глаголахъ, требующее гузы *и* вѣ *у* вѣ
иѣкоторыхъ случаевъ врѣдѣи *а* (бѣбнилѣ отъ бѣнд, *bi-
dere*, бѣбнуша отъ бѣнш, *ognegе*, *rafšakja* отъ *çak*,
posse, *valere*. Ворр. К. Skr. Gr. § 498), или полагалъ
само по себѣ понятнымъ, что ничего подобнаго вѣ Сла-
виансномъ нѣть, что однако далѣо вѣ есть аксиома. На-
сколько иѣжется мнѣ сараедлиемъ вышеупомянутое
утверждавіе, и постараюсь новавать вѣ слѣдующемъ.

Представителемъ удвоенія характеризующаго тему
настовщаго времени остались вѣ Славянскомъ лишь два
глагола: *дамъ* (дѣд-мъ), *да-ти* (=Скр. 3 кл.) вѣ *дѣждѣ*,
Ст.-русск. *дѣжю*—*дѣти*, вѣ 1-й темѣ привѣшій харвѣ-
теръ *je*=Спр. *ja*, 4 кл.

Гораздо болѣе осталось слѣдовъ удвоеніи, зонедша-

го и въ составѣ относительного корня, хотя всѣ-таки ятакъ сайдовъ не особенно много. Устранивъ рудиментарныя заукоидражательныя удаоенія, какъ Русск. *тай-тайкать*, мы можемъ подавести остальныя, но формѣ, подъ слѣдующіе разряды.

1) Удвоеніе состоять изъ первої согласной удвоенного корня и аратой гласной, которая въ Слав. яз. является съ видомъ *o*, *e* (можетъ быть и другихъ: *m* и *u?*), напр. въ *пепель*, *попель* (Mikl. Lex. a. *planum*); Вр. *тетера*, тюра (собственно вѣчно растертое, хлѣбъ аарошонный съ яоду), налачъ (второго постоянный эпитетъ «тертый»), корень тотъ, что и въ *тереть*; Вр. *ме-мель*, *вздоръ*, ср. «молотъ вздоръ».

2) Удвоеніе тоже состоитъ изъ одной согласной и гласной, но послѣдняя есть *a*, и оказывается или качественно сильнѣе коренней, или равною ей, напр. *папрать*—*папорть*, *filix*, *pteris*, Хорут. *praprat*, *praprat*, *praprot*, id. Что здѣсь въ *на* и *тра* мы имѣемъ изъ предлоговъ *на* и *тра*, а удвоенія, это становится вѣроятнымъ послѣ сравненія съ *трольель*=*перепелъ* (Mikl. Lex. «a volitando», Болг. *преперуга*—мотылекъ), Сѣв. вр. *перепело*, переполовъ и крыльяхъ аоживъ, *перепелокъ*, пленава. Сюда же относится въ Вр. *попорть*, *папортомъ*, аторой суставъ птичьаго крыла, перепояса между перстиями во-даныхъ птицъ. О связи *папорти* съ первомъ и врыломъ, частью основающею на непосредственномъ апччтѣніи, частью возникшей въ тааго впечатлѣнія мкнической см. у Куна, Die Hegelk. des feuerъ etc. и въ моей статьѣ «О саези яѣаст-рыкъ предстѣніевъ» (Филолог. Записки 1864. III). Замѣтимъ, что первое *a* кратко въ Чешск. *kaprad*, Себск. *пѣпрат*; такооже оно и въ Литовск. *praprtis*. Если бы можно было увѣренными, что послѣднее независимо изъ Русск., (въ заимствованіе здѣсь я считаю возможнымъ *), то мы имѣли бы здѣсь съ

*) Вотъ, какъ вѣдь кажется, подходящій прикѣръ недоблаго замѣткованія. Лит. *débeaylas*, *inula helenium*, *кумрутиум officinale*, Шнейхеръ (Lit. Gr. 113) производить отъ *déba-*

З-хъ сторонъ подтверждены того, что вратки а можетъ оставаться и въ Славянскомъ. *Ra-ro-iz* (такъ по Миклошчу Лем. подъ *ro-roz*), родъ сокола, отъ звука. Сербск. *аволити*, ватать что-либо въ пальцахъ, *аволак*, шарикъ. Ср. *валить*, Лат. *velli.* *)

3) Корень начинается съ и иной и оканчивается плюю съ и въ срединѣ. Объ согласный повторяются въ удвоеніи, при чемъ гласная въ Слав. язвется и) или въ видѣ глухой, или б) чистой.

в) Сербск. *p̄por*, *coitus piscium*, «видъ се риба бије», ср. *прати* въ винч. бить. Сюда же Сербск. *p̄plo Rak*, *p̄plo lak*, «одрезана лоза виновы», черенокъ, подобно тому винъ и *чръна*, *чрена*, нѣроятно, вначать тоже отрывокъ, отрубокъ; ср. скр. *krpati*, *prpsti*, чри-*пти*, прич. *чрѣв*, *scissus* и сдан. *krzna*.

sis. образо, конечно по языческимъ свойствамъ; помнится, что-то думалъ, что Русск. *девясилъ*, *девесиль* *inula* и др. заимствованы изъ Литовскаго. Это совершенно невѣроятно и въ иду Сербск. *девеcиль*, раст. Въ Польск. *dziwiosił*, *dziwiebiś*, *cham-leon*, *inula belenium*. Всакое сомнѣніе въ томъ что первая тема есть *дева-* и что въ сложныхъ словахъ действительно является такая тема=основному *наван*, устраиваетъ сущдующее: а) Девятогорск., Ил. 30 (т. е. Девятогорск); Польск. *dziwicisł*, впитать великаны (*Boggaeus*, *Aegaeon*); б) «держать доны туть *девесилной* корешокъ и травку отъ язгъзды» (1680. Акт. Юр. 77); о томъ же самомъ растеніи у того же лица: «нѣрешашко именуєти *девятыни*, отъ сердечнъи скрѣбіи держать» (ib. 79). Я думаю проще предположить, что Литовск. *debesylas*, *inula helep*, есть заимствованное этиологически язвое *девясилъ* ид., измѣненное влияниемъ народной этиологии, чѣмъ то, что одно и тоже название получило названіе въ Слав. и Литовск. столь сходныя по звукамъ и различны этиологически. Къ тому же суффиксъ-уїв Шлейхеръ знаетъ, кроме *debesylas*, лишь въ одномъ праѣрѣ *akylas* винательный (бачный) отъ (*at)okli*, открыть глаза.

*) Неясно мое отношение Литовск. *wowere*, Латышск. *wāweris*, бѣзка (которое можно бы считать удвоеніемъ отъ того *var*, откуда и Сербск. *верати* се, скрываться, промѣзывать,

Сербс. *чрор* и *чрва* (послѣднее повидимому по-терило передъ окончніемъ корекное *r*), горячая вола и пр.; кор. *чар*, Mikl. Lex. *планѣти, пепель*.

Можетъ быть сюда же Вр. *хорхоры* (*хэр-хор-?*), отребья, мохры, Сир. *срннати*, прош. *срнцарк*, *disfringere*, *dirumpere*; Вр. *варворка* (т. е. *вокорка*=*върк-р-*) вереква, ва которую приказываютъ собави, иор. *вар*, ср. *врѣти* и *вър-сь*.

6) Переходя къ слuchкамъ сотркневія чистой глас-вой ори плавной къ удвоені, иъ слuchкамъ, которые одни только имѣютъ отношеніе къ полногласію, замѣтимъ, что въ санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ та форма удвоенія иъ ингесивныхъ глаголахъ, которыи состоятъ въ повтореніи корня цѣликомъ, съ сохраненіемъ конеч-ваго соглакннаго плавнаго и кореннаго *a*, при чемъ кто сохраневіе *a* рвнняется гуїъ другихъ гласныхъ: отъ *чар*, идти, двигаться—*intens.* *et iterat.* *чар чар-*; *a* въ корнѣ можетъ при этомъ измѣниться въ *u* и *û* (*джартур*, отъ *гар*, звучать), а плавник согласная къ удвоеніи—въ ассовую согласную того органа, ккого требуетъ слѣдующая соглакнка: отъ *чар* (идти)—*чанчу,* отъ *чаз*, колебаться,—*чанчал*, отъ *чнал*—*чанчул*—(Beng. Ueb. f aad 1, 53). Кажется, что и это измѣненіе *r*, я въ по-сновую не есть исключительника ос-бенностъ санскрита. Такъ, руководствуясь однимъ соотвѣтствіемъ звуковъ и оставляя лока въ сторонѣ разность значеній, можно бы сблизить *жжколъ*, *kgrostemma* *githago*, *lolium tremulen-tum*, и съ Литовск. *кѣкѣлѣс*, *id*, которое легко можетъ быть заимствованнмъ, а съ Литовск. *кѣкѣлѣв*, звон-

Zeitschr. f. v. Spr. VI, 189), изъ славянскому *въ-рица* и Литовск. *waiwaras* (санецъ бѣлки и тхоря, вуны, лани и др. макотк.). Я въ нахъ-жу аналогіи для такого у-пленія, какъ *ви-вир*, *ви—вар*. Между тѣмъ ср. Скр. *вивара*, дыра, нора, пещера (изъ предлож. *ви*—разъ въ *вар—а*; сглг.). Откуда *вивара* звачило бы происходящий изъ норы, лазящий оти-ш въ и-й, «ворка-зкѣрь». Конечно Литовск. *ви* предполагаетъ *ам*, съ иерог-нимъ *a*, и не *ai*.

ночь, колотушка, приставивши въ шея рогатаго скота, т. е. со словомъ, которое весьма близко подходитъ къ Санскр. прилагат. *чанчала*, подвижной, отъ инсп. отъ *чал*, колебаться, такъ что Литоаса. слово значило бы соб. быстро и часто позвачивающійся, отъ движения языка или всего бубенчика. Очевидно, что *чанчала* предполагаетъ *чалчал* и *калкал*, а съ этою послѣднею формою удвоенів сраа. *клаколз*—*колоколз*. Что до слова *кжалъ*, то въ немъ врядъ ли можно предполагать значение колокольчика (по формѣ цѣптика или сѣмивой коробочки кукла), а сворѣе слѣдуетъ думать, что здѣсь «колебавію» придано активное звучевіе, по ядоакту, одурившему, опьянившему свойству сѣміни (*Lolium tremuleum*). Само слово *loliuム* и соответственные славянскія версіи *лукъ*, *мокъ* приблизительно звачать тоже. Сюда ли и *чучело*, *кукла*? Слѣдуетъ вспомнить огородныя пугала, вертящіяся отъ вѣтру. Впрочемъ Скр. *кал-а-тѣ* значить и заучать, такъ что *колоколъ* можетъ звачить възвучашій. Мнѣвіе Миклоша (Fresdwbർterb.), по второму вто слово заимствовано изъ Готск. *kelikn*, *turris*, миъ кожетъ съ миѣю удовлетворительныи. Таже образованны *ла-толъ* (ср. *ласъ*—голосъ и *талкъ*), Иск. *толотолить*, баласничать; Чешск. *plárop* (плати); Сербск. *прапорацъ*, звонокъ (рати аѣ знач. бѣть, ср. било); Ст.-Слав. *припора*=Чешск. *prárog*, грарог. Польса. *proporzec*, Русск. (потер.) *поропоръ* («сидымався поропоръ.... падымаляво вадный говоръ?» Сл. Востов., между тѣмъ какъ Русск. *прапора* есть заимствованное)—отъ кивного то *пар*; Чешск. *chlachobiliti* ухаживвть (*холитъ?*), гладить; Чешск. *krokorati*=Польск. *krokogas* (=Мр. «урочка сокорить»); Пев. *моломонз* (изъ *моломоль?*), колокольный взынь (Арх. *молотъ*—хвостомъ вертѣть). Въ этихъ и вмъ подобныхъ случаахъ я охотно признаю, что удвоеніе первоначально заключало аѣ себѣ ирвтию гласную, изъ въ сир. *чарчар*; но только невывожу отсюда необходимости перехода формъ, какъ *калкал* въ *колоколъ*. Напротивъ, въ думлю, что ослабленіе гласной въ удвоенів скорѣе дало бы намъ форму съ ѣ, какъ *прпоръ*.

Быть можетъ, для подтверждения того, что *ла* (= *о-ло*) въ *глаголе* и пр. произошло изъ *ала*, *ара* (отвуд и *оро*, *оло*), могутъ пригодаться тѣ давнини Вел.-руссия, слова, въ коихъ удвоеніе имѣеть не *оро*, *оло*, и *ара*, *ала*. Конечно, можно бы думать, что здѣсь *а*—по Юар. *ы*гоаору изъ *о*, но *а* слышится здѣсь *а*ственіе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно діалектически изъ *о*: *бара́блиць*—первый брить пальца, конатися, Польск. *babieb*, *stegab*, вырять; *балаболить*=Чешск. *blaboliti* и *brblati*, болтать, говорить пустяки (ср. *бала*—*к*—*атъ*); *тараторить*, Словнцк. *trátoriť*, Чеш. *trátoriti*, балавтъ (ср. Слоавця. *tarať*, id, Литовск. *tariš*—*tarti*, говорить, быть нааѣстнаго мнѣнія.

Если принять форму, какъ *кала́-кал* (со слѣдующею гласною суффикса) за общую и для руссавго полвогласія и для Ст.-сл. *ра*, *ла*, то, миѣ кажется, будеть вѣроятно, что предполагаемое таини образомъ вачественное и водичественное (но не топничаское) раванство всѣхъ трехъ гласныхъ варушилось сначала (быть можетъ подъ вліяніемъ ударенія) измѣненіемъ послѣдней, стоящей азъ ворѣй, азъ *о*. Отсюда могло пронойти равниство этой гласной во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*пра-поръ*, Польск. *prorog*, Русск. *поро-поръ* и даже Себесв. *пр пор*). Тѣмъ арененемъ первая даѣ гласные могли оставаться азъ прежнемъ видѣ, такъ что, какъ Русск. *коло-колъ*, такъ и Ст.-сл. *кла-клъ* имѣли аще ту форму удаенія, кавую находимъ въ *тара-тор-* (*и-ть*).

9. Какъ объяснить заленіе занѣчаамоа иъ слѣдующихъ словахъ?

При Ст.-сл. *нравъ*, Хорут. *ngrav*, Чешск. *ngav*, Русск. *нѣровъ*, словахъ, которыхъ мы по общему правилу можемъ разложить только на воревъ *нар* (что въ Литовск. *nogeti*, *velle*, *Mikl.*) и суф.-*овъ* (а не-*овъ* или *авъ*), кавъ иъ *дера-в-о*, *чере-в-о*, мы находимъ: Сарбск. *нѣрас*, Хорут. *nagáv* и жев. *nagava*, Польск.

пагбв, паговіб, нарописты, Вр. нароеz, наропистый, нароп'тий (Пск. Та.), наропов (Арх.). Мр. тоже предполагает наропов, такъ какъ есть производные слова наропъячко (нар. пѣсн.), наропистий. Никакъ нельзя думать ни того, что въ формахъ съ нар а вставлео втносительно поздно, ибо такихъ аставокъ не бываетъ, ни того, что а удержано для избѣжанія стечанія нр, ибо для избѣжанія его Славянскія нарѣчія поступили бы или какъ ать Чашск. тгров, Сербск. пријаст, или какъ въ Вр. произношениі заимствованного ндревъ. Если, какъ мы предположили, общеславянская форма словъ съ оро=ра есть ора, то отчего въ Хорутанскомъ пгав не есть единственная форма, а имѣеть при себѣ пагав? И вотъ я дѣлаю еще одно предположеніе, что для образованія русскаго полногласія, состоящаго въ одинаковости обѣихъ гласныхъ и для образованія ра въ Ст. сл. и проч. требуется, чтобы въ предполагаемой ними формѣ ора разницство гласныхъ пичъмъ не было нарушено. Изъ наропов могло выйти Русск. нароп; но если почаму либо паредъ этимъ изъ нароп образовалась фор. нароп, то вта послѣдняя должна была остатъс. При такой догадкѣ второе а въ Сербск., Хорутанск. нароп или есть позднѣшее, такъ что эта форма—изъ нароп (Ср. Хорут. takav и теков, при чамъ эта гласная не есть бѣглая, вакова она есть въ Сербск. такав, таква=такгав), или это второе а, хотя и древнѣе, но неизвѣстнымъ кинъ образомъ отличалось отъ первого.

Какъ Русск. Польск. нароп относится къ Хорут. пагау, такъ Вр. (Пск.) наростъ (Литовск. парсзтас, т. е. не изъ на и ростъ, см. ниже), относится къ Хорут. нарѣsl, bagaitung, narasac=неросес, кабавъ некладенный; Ср. Хорут. nerесес, тегесес, тегјасес, id; между тѣмъ Полабск. nerѣsatz, некладенный боровъ, слѣдуать читать, какъ ато и дѣластъ Шлейхаръ (Polab. Spr. 179), съ з: Вр. нерѣзъ, нерѣзанный боровъ.

Какъ наростъ (=Литовск. парсзтас) относится къ Русск. нароп и Сербск. пријест=Русск. нерестъ (стар. —тъ), такъ Тв. нарата и нарата (вѣрнѣа кажется

нарота), Нижегор. нарота, Разанса. нарёта, относится къ норота (Моск.) и нерето, верша; норень тогъ же что въ Литовск. пеги, пегти, Славян. нрети; нерето—по тому признаку, что погружается: «смѣвалась верша болоту и сама въ болотъ».

Ожередъ (Юар.; у Дади ошибочно ожереть), длинный стогъ хлѣба, сѣла, (относительно начального о ср. Mr. ожеледица, Замѣтки о Mr. нарѣча 22—3) и Вологод. зородъ, id, суть слова полногласныя—Литоа. žardas, подиостки, особеніо для сушки гороха и пр., Чатышск. za'rdi, zárdi (множ. ч.) тоже. Рядомъ съ этимъ Бр. Сѣ.-Вост. зародъ, озародъ, длинный стогъ, остожье съ городьбой, сушido для сплошать.

Во всѣхъ этихъ словахъ съ двумя гласными по обѣ стороны р обѣ ати гласные принадлежать корню въ томъ смыслѣ, что или и вторая изъ нихъ стоитъ передъ согласной, относимой къ корню (какъ въ Русси. нарое—то, Хорут. нараст, пагоя-ес), или хотя передъ согласною суффикса, но свиа къ суффиксу не относится: какъ дѣлится нерето, нерети, таъ слѣдуетъ дѣлить и нарота, нарета.

При случаяхъ, какъ нарое, аѣкоихъ удерживаетъ въ болѣе древнемъ видѣ первая гласная, миѣ кажется, есть такие, аѣкоихъ, обратно, автораа гласнаа остается въ видѣ a, а пераня, быашаа иѣкогда тикимъ же a, ослабляется. И такое неравенство можетъ мѣшать, хотя и небезусловно, стяженю аѣ ra, ro аѣ тѣхъ нарѣчіяхъ, которые требуютъ стяженія. Такоао миѣ кажется жеравль. Это слово Curtius, Grundz.⁴, № 129, дѣлать такъ: эсер-а-оль; Mikl. Lex. считаетъ за корень ыру, эсру, зопит edere, стало-быть допускаетъ растиженіе корня: эсера-оль. Сравниаая Славянское слово съ Литовск. gérwë, а считаю аѣрными, что корень есть gag, и аѣроатными, что и аѣ славянскомъ въ первона-чально примыкало къ r и лишь затѣмъ отдѣлено отъ него, какъ съ нарое. Такимъ образомъ предполагаемые формы были бы гаре—гарав, эсерае съ суффиксомъ ja. Въ Хорут. ѡегјау ja можетъ тоже принадлежать ие

суффиксу, тааъ какъ такое *ја* астрѣчается аѣ *шерјас-е* — *шерјес*, *пегес*, *пагас*, *аабанъ* (Mikl. Lex. иерестъ). Потеря гласной передъ *r* въ Сербса. ждро кажется несравненно новѣе формъ съ *ра* (—Рус. *оро*) обѣихъ нѣсколькоимъ иврѣйскимъ и можетъ быть сроанеааъ Русск. *жлуди*— масть трефоввѣ (жлуди); *у* въ Рус. *журавль* аознико изъ *о*, а это изъ *е*; тоже и б въ Польси *žbraw'*.

Формы: *мрасиј*, Сербск. *мрас*, Хорут. *шгав*, *шгвља* (ж.), Чешв. *шгавес*, Польсв. *шгѡка*, В. л. *шговја*, Н. л. *шгоја* требоали бы аѣ Русса. формы *моров*: *моровиј*. Такая форма и была аѣ Ст.-Русск. (собствен. Моровіескъ въ Ип. Л.). Въ нынѣшненъ Русск. *муравей*, *муравѣль* и *у*, и *а* могутъ быть довольно дреани, такъ какъ раскорострапены по аѣмъ Русск. гоаорамъ. Тѣмъ ве мевѣе срааненіе съ *журавль* показываетъ, что *у* аѣ *муравей* могло воаникнуть уже изъ *о* (слѣдоевтельн., линь случайно соапвдаєть съ *о* въ *шбрї-тѣ*) и что *а* послѣ *r* дреанѣетъ атого *у*. Такимъ образомъ изъ *мар-в* возвикло *мираа-*, а отсюда съ одвой сторовы Русса. *морав-*, *мурав-*, въ другой независимо другъ отъ друга Ст. сл. *мрас-* и Рус. *моров-*.

Остаална маогое, сказанное аѣ атомъ §, подъ со-
мѣніемъ, а исе таки думаю, что слова *нараа* и *на-
ровъ*, *пагаст* и *пагост*, *нарома*, *зародъ* болѣе гоаорять
въ пользу предположенія, что *мраса* и пр. прямо вѣ-
злаза, чѣмъ аѣ подъау мѣнів г. Гейтлера, что Русск.
оло, *оро* есть общеслававская форма.

10. Миклошичъ гоаорить: «замѣчательво Сербск. *пладне*, которое такъ относится (*gegenübersteht*) къ ожидаемому *полодне* (изъ *полъ* и *днь*, откуда Ст.-слав. *полоднине*), иакъ въ другихъ случаахъ *ла*, *ра* аѣ Русскому *оро*, *оло* (слама—солома). Обратный случай въ Сербск. *нелена* относительно Ст.-слав. *плѣница*, вм. аот-
рвго однаао Ст.-слав. и *нелена*» (V. Gr. I. 298). Въ
слоаарѣ иромъ формы *пладне*, *пладнине*, дѣйстаатель-

ло находившихъ аль др. Ст.-сл. памятникахъ, онъ изъ данныхъ въ памятникахъ формъ *скоро-луна*, *скоро-луна*, *скоро-луна*, дѣлаетъ формы *скра-луна*, *скра-луна*, *cortex* и ставитъ ихъ на красную строку. При этомъ онъ руководится аналогией съ упомянутыми и нынѣ Хорутанскимъ *skralub*, *skralub*—*слемор*, *skreljub*, *skreljup*—*superficies densior ut in lacte*, *skraljup* id, Чешск. *skraloup*, *skraloup*—*crusta*.

Мы видѣли (6, 3), что Гейтлеръ ставить *пладьниче* изъ *полодьниче* доказательствомъ того, что вообще *ла*, *ра* (глава и пр.) изъ *оло*—*оро*, на что замѣчу слѣдующее.

Случай *пладне*, а равно и *skraljup* изъ *скоро-луп* и нынѣ важутся весьма засѣчательными, но не канъ уединя на правило, а навѣтъ исключения. Ни—изъ ряда воинъ потому, что въ нихъ превращены аль *ла*, *ра* тааie *оро*, *оло*, въ конихъ второе о есть тематическая гласная, стало быть принадлежитъ къ суффиксу. Тоже я думаю о *рѣ* изъ *ере* въ четверыногъ. Во всѣхъ нарѣчіяхъ амбіущихъ *ра*, *ла*, или *ро*, *ло*, гдѣ въ Русск. *оро*, *оло*, не смотря на вто свойство нарѣчій амбіующихъ полногласія, правило составляютъ случаи, каковы въ Ст.-Слава. *колоратъ*, *второзаконіе*, *скоротечнъ*, *скорость*, *скорота*, Серск. *голозав*, *голотина* и т. п., т. е. тааie, аль воинъ *оро*, *оло* остаются.

Разматриваемая нами страженія *ра* и пр., соотвѣтствующія Русскимъ *оро*, *оло*, характеризуются именно тѣмъ, что имѣютъ иѣсто только въ иориѣ. Это положеніе можетъ бить выражено и иначе. Только тѣмъ Русскимъ *оро*, *оло* и пр. соотвѣтствуютъ по правилу въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ *ра* и пр., въ асихъ ато-ре о возникло изъ исорганической гласной, а не изъ этиологически знаменательной. Такая неорганическая гласная могла появиться послѣ плааной лишь тогда, когда за этою плааною первоначально слѣдовала согласная. Я несогласенъ съ г. Гейтлеронъ, который утверждаетъ, что Ст.-сл. *слатина* *raius*, *salsugo*, изъ *сол-тина*, а *блато* изъ *бол-то*. Изъ того, что дѣстви-

тельно есть суффикс-ота (сухота), -от-ина (бальтина), -ото, -ето (тен-ето), находится миъ слишкомъ смыслимъ заключить, чтобы были только такие суффиксы. Какъ въ золо-то=злато суффиксъ есть только -то. (Готск. *gul-th*), такъ и въ боло-то=бла-то, предполагающемъ бол-та, бла-та, и въ слат-ина, предполагающемъ сал-та (Ср. Готск. *sal-ta*, соль) сала-та.

Есл., тѣмъ не менее, мы встрѣчаемъ въ видѣ исключенія формы какъ пладниче, skraljipr, то это потому, что понятія корня и суффикса все-таки намѣчиваы, таъ что соединеніе говорящаго можетъ подъ конецъ исполнить въ корень то, что ему первоначально непривадлежало (напр. ид—у, пд—у). Такое смыщеніе видно въ перестановкѣ согласныхъ въ Сербск. *пландиште*, мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ подень, *пландовати*, о скотѣ: отдыхать въ полуденный жаръ; въ пощенихъ существенныхъ звуковъ въ Сербск. *скоруп*=славки (собств. иѣника).

11. Здѣсь кнжется умѣстнымъ спросить, въ какой мѣрѣ сильна заключеніе отъ способа возникновенія *пла* и изъ Русск. *оро*=*оло* въ относительно позднее время изъ способу первоначального происхожденія стихъ сочетаний въ Слав. нарѣчіяхъ? Не служить ли все эти *пладне* изъ *полодьне*, при всей своей исключительности, указаниемъ на то, что и *мава*=изъ *голова*? Безъ сомнѣнія справедливо въ разыахъ отошеніяхъ, между прочимъ и въ психологическомъ, что вуда тезди вода, туда и опять потечеть; но наблюденія частныхъ случаевъ этой наклонности въ прорытымъ русламъ и проторейнымъ путями въ изыѣ приводятъ въ весьма различныи заключеніи. Такъ напр. признано, что сочетанія вѣ, аг+согласная въ Литовскомъ *galwa* древнѣе соответственныхъ сочетаний въ Слав. нарѣчіяхъ (*мава*=*голова*); но для Литовскаго языка навинишии сочетанія и имъ подобныи служатъ не только исходною точкою; они

составляютъ аго привычку, которой подчинаются, иходя въ Литовскій, и болѣе позднія валанія Русскаго полногласія, и риано и такія сочетанія, которыя имѣютъ то общее съ полногласіемъ въ тѣскомъ смыслѣ, что состоять изъ пленной, окружной гласныни: изъ Русскихъ коровай, соромота, черепъ—черепица, черемуха, переходъ выходить въ Литовскому кагвоjas, загшата, szagre (кахъ, изразецъ) и szegricszja, szagtmukaznis, parkadas; изъ коляды, колымага, каламарь (kalamarz), баламутъ—Латонсая kaldos (им. ч. пилостыни, собстн. сборъ коладниковъ, волочабниковъ), kalmogas, kalmorins, balmutaa. Рядомъ съ этимъ Русскаго формъ можетъ и слегка лишь видоизменяться (кагайнз, Kalédos), и полногласія можетъ явиться изъ Литовск. альянѣ га: скоморохъ—skombrakas (прозанща), Skambrákai (=Скоморохи, назавидѣа иѣскольникъ даревень), сковорода—skaugradä, skargradä, skarwada. Если бы кто вздумалъ, осноываясь на этомъ, выводить Литонск. kartas разъ, кратъ изъ коротъ въ Литовск. platús, широкій или колотъ, тотъ попадъ бы въ просакъ. Тоже сплоша вообще съ Литовскимъ альянѣ замѣтноизмѣненныхъ словахъ, изъ Слав. о.

Такимъ образомъ, если въ Слав. парѣчіяхъ, имѣющихъ *ra*, *-la*=Русс. оро, оло, вознинать плоднѣ изъ молоднѣ, то это служить доказательствомъ лишь того, что въ этихъ марѣчіяхъ есть иззыкъ къ сочетанію *ra*—*la*. Привода соотвѣтствія дран. walah и Вологдъ—влахъ, Saracensis, Саракентъ и Сорочининъ, Сращининъ, г. Гейтларъ считаетъ ихъ подтвержданіемъ того, что *ла*, *ра* изъ оло, оро; между тѣмъ а могъ бы поварнуть эту воду въ свою скрыню и на свое коласо (*ра* изъ *ара*), но не дѣлаю этого потому, что таой предцадантъ могъ бы пренудить въ послѣдствіи и къ прямо противоположному заключенію, и къ тому, что Русск. оро, оло изъ *ra*, *la* (чаго вообще а тапаръ недонускаю имѣсть съ Гейтлеромъ), а въ тому, что Русск. оро прямо изъ ор, чего я тоже надумаю.

а) Есть случаи, когда Русск. полногласие возникло прямо изъ *ra* и *ar*. Тековы:

коромыслъ, *коромысло* предполагаетъ ближайшую форму изъ *кра*, однозначно возникло изъ Греч. *хραστρον* (соб. *вънвло*, *χρέ-μα-μα*, *вишу*, Латыш. *kāgū*—*karū*. Curt. Grandz⁴ № 75.) или *хренастъ* (Павловъ, Фл. Набл.).

Волосъ (Игуманъ, Ноар. I Лѣт. 19 аодъ 1187 г.) — Власій.

б) Въ славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ *ra*, *ла-*
оро, *оло*, вина зависимости слова съ *ра*, *ла* не-
дугъ быть объясняемы изъ аеносредственой перестав-
вѣ *аг*, *al*, *et* подъ доказаніемъ аналогіи, не въ интересѣ
существовавшиу въкогда процессу, какъ *акарашит* изъ
акарашт. Квкъ Дуж. *шко*, границъ, край, страва—
изъ *шагча*; такъ Сербск. *клак* (*свих*, Дрвн. *свих*),
Ст.-сл. *крамола* (*сигмале*), *Поликрапъ* (*Полѣхаркос*),
крапъ (Ср. Лат. *сагра*, Дрвн. *charpho*), *брады* (Дрвн.
barta), *мраморъ* (*шагшог*, *μάρμαρος*), *сракл.-чица*
(Ср. Лат. *звгса*, но и *загвса*, *зегікв*), Сербск. *славуља*
(*залвіјв*), *крабий* (*corbis*), *скрапий* (быть можетъ пря-
мо изъ *скорпій* (*скорпій*, Изб. 1073,) и лишь по-
средствено изъ *скорпіос*, *зогріо*). Впрочемъ въ иныхъ
словахъ можно допустить посредство Дрвн. *аг*, *ala*,
какъ въ *кракъ*—*charab*, *Влахъ*—*walach* (Mikl. Fremd-
wört.).

Полногласие аль соотвѣтственныхъ Русскихъ сло-
вахъ можетъ быть объясняемо различно: или арамо изъ
аг, *al*, *et*, или изъ *га*, *la*, смотря потому, взято ли оно изъ
первыхъ русъ отъ Грековъ, Нѣмцевъ, или черезъ по-
средство южныхъ Славянъ или Словаковъ въ Чеховъ.
Разумѣвтса, этого безъ особыхъ взысканий рѣ-
шить невозможно. Ноин судъ да дѣло, можно зайти:
вѣроатѣ, что *король* изъ *кракъ* (иѣ Угріи, черезъ
Словаковъ и Галич), чѣмъ прямо отъ собственнико имѣ-
ніи; напротивъ *оро* въ «*кърстъ мороморна*» можетъ
быть изъ *ар*, отъ Черноморскихъ Грековъ; тоже изъ *ар*

одногласіе въ Тымуторокань и Асторожань (Восточ.; поздаѣ, быть можетъ погъ вліаіенъ Цервонаго язы-на—Астрахань); азъ *хартыя* или *хартыя* (хáртъс, хáртю, charta) зышло одаао Ст.-рус. *хартья*; змѣя *скоропая*, можетъ быть изъ *скорепим* обычнаго въ цераонныхъ каагихъ.

а) Замѣчательно: «в изъ руаъ изъ ногъ *короват-ку* смошу» (народ. обсна), где нийемъ растяженіе *ро* (кровать—хрѣбтос) въ оро. Подобный единичный слу-чай представляетъ В.л. *wudzik*, Н.л. *zudzik*, *wułzik* (иѣроатно изъ *wolowik*, второе изъ *skowik*). Можно сравнить: «въ Литовснхъ словахъ, азъ *krasztas*, ирай, *greitas* саорый, Нѣмцу, по метаому звиѣчаню Куршата, слышатся такъ бы *kaguszta*, *gagaizta*.» Schlaich. Lit. Gr. 18.

12. Къ одобной же категоріи позднѣйшаго ра-
стяженія сочетанія *mota*—*liquida* и бы отнесъ тѣ слу-
чии азъ Польбсномъ, въ которыхъ Шлейхеръ считаетъ
гласную (*a*, *e*), поазлюющуюся передъ *r*, за замѣну од-
ного изъ ероѣ: *karbí* (вры—кровь), *tarbí*, *tari* (твѣ),
загаѣ, зегаѣ (врю), загат (срать), *träre* (мрѣть), *täre*
(треть), *paraneisca* (принцъ, т. е. праникъ, валекъ),
roged (предъ, прежде), *wakarst*, *wakörst* (окрѣсть),
Schleich. Polab. Spr. 30. Всѣ эти случаи наружутся со-
першенно однородными съ *karoī*, *taroi*; но такъ наѣль
въ крѣ, крѣве и неаниже никавого основаша допускать
когда либо въ древнєе врема з передъ *r*, наѣль въ Рус-
скомъ, твѣкъ и ао асѣхъ Сѣв.-Зап. нарѣчіяхъ, разно какъ
и азъ *три*, *трое*; то во всѣхъ атихъ полабскихъ фор-
махъ можно сиорѣ видѣть слѣдствіе позднѣйшей рас-
пущенности органовъ (въ родѣ той, какая свойственна
Мадьярскому а какую мы ирежде предоолингала въ Рус-
скомъ, выводя всѣ *оро*, *оло*, *ере* изъ *ra*, *la* и пр.),
чѣмъ остатокъ старины. Мнѣніе ато подтверждается са-
дующими:

1) Между кореавою согласовою и *л* суффикса прич. на *лъ* аль Полабсаомъ тоже является *a* (по транскрипции Шлейхера *å*): *krodal* (*kradl*), *jedal* (*jedl*), *eidal* (= *idl*, т. е. *шель*), *wad'äl* (или *wiadial* = *wiadl* — *аяль*), въродѣ того, какъ въ Слоавцк. *kradol*. Сюда же и Полабское *wuzalené v. wuzalena* (ажельяны). Schleich. Polab. Spr. 37.

2) Въ Полабсаомъ спорадически появляется неорганичесное *e*, і между нѣмъ и плавающими *л*, *м*, *н* аль тѣхъ слuchаяхъ, гдѣ, по наўнію Шлейхера, эти гласа ѿ лишь чудились нѣмецкимъ зиписываателамъ, тогда какъ на дѣль быль лишь непривычный для нѣмецкаго уха сильный и опредѣленный (*stark und bestimmt*) славянскій выговоръ согласныхъ. Шлейхеръ (I. с. 39) даѣтъ только дай возможности: или эти гласные (*e*, *i*) суть замѣны *з*, *и*, и *аъ* тааомъ случай оаи должны бы звучать ааиъ *å*, *ia* (*ä*), или оаи суть слѣдстае иллюзіи зиписываателей. Но мы, слыша у Русскихъ дѣтей, наогла даже у взрослыхъ: *нахеница*, *нашенница* (пшеница) «за рѣштнама зв жалѣзными» (аль *стенѣ*), разаѣ не могли бы, по этому способу, отаергаутъ дѣйствительность существованія этихъ звуковъ (*a*, *u*), сказавши, что если бы эти звуки были замѣнами ероаъ, то было бы: пшеница (пышевица), рѣштоканн, желѣзеави? Я аижу болѣе чѣнь иллюзію аль Полабскихъ: *radeli* (v. *rodeli* = *radlo*), *weideli* (*sziddo*), *sartjodela* (зеркало), *möliweidele* (*shotowidlo*) (ib. 182), *sodeli* (*sadlo*, ib. 39); *krôdene* (*kradnie*), *wa-*, *wit-*, *zo-**makenut* (мъважта), *weikene* (выкинетъ), *wastakenut* (вѣстъни-ти), *swigene* (*swiganie*, стегаетъ), *wirgene*, *wirgenut* (вьргнеть, вьргнити), *dwaigenut* (дангнити) ib. 281—3; *biliwe* (+бълаатъ), *dilon* (длань), *tjinaz*, *cenaz* (киձь), *giniozda*, *geniozda* (гнѣзда), *chimil*—*szemil* (хѣль), ib. 39.

Тѣмъ ае менѣе я признаю, что эти аестванные звуки были аастолько слабы, что схватывались не ао асѣхъ слuchаяхъ и не асѣми.

Относительно Кашубскихъ формъ, какъ *persa*, по-

рося. г. Гейтлеръ (Фоп. р. 57) утверждаетъ, что по дреаности оаи не уступаютъ Литоаскому аг аль parszas. Русскому читателю известно, что такое мнѣніе у насъ высказано было П. Лаароаскимъ (О полнога.). Я же и теперь остаюсь при своемъ мнѣніи (Даа Изслѣдоаанія 27—9), но высказываю его болѣе рѣшительно, пользуясь относительно Полабскаго нарѣчія многократно упомянутымъ выше сочиненіемъ Шлейхера. Днины, изложеніи аль этомъ трудѣ, мнѣ кажется, могутъ только подтвердить прежнее мнѣніе о величайшей близости Полабскаго нарѣчія къ Польскому. Нарѣчія: Лужицкія, Полабскове, съ образующими переходъ къ Польскому Сланицкимъ и Кашубскимъ, и Польское племеніи образуютъ одну группу. Родство Польского съ Полабскимъ ближе чѣмъ Польского съ Лужицкими, въ послѣднихъ ближе, чѣмъ Польского съ Чешскими; явленія, приближающія Польское къ Чешскому, какъ гз—г, заѣдно съ позднѣйшаго происхожденія, точно также, какъ и икотія явленія удаляющія Полабскій языкъ отъ Польского. Эти послѣдніе языки между собою родные, между тѣмъ какъ съ Чешскими двоюродные.

Такой взглядъ могъ бы быть опровергнутъ только одиникъ способомъ, имѣко, если бы можно было доказать, что Полабск. *rogz*, не предполагаетъ Польско-Полабской формы съгласную послѣ *r*, а прямо асходить къ аг (не ог, какъ можно бы думать, соглашаясь съ Гейтлеромъ). Въ сної статьѣ о Полногласіи (Даа изслѣдоаанія 27) я упоминалъ уже о прямомъ послѣстіи этого. Если во времія едкістіаа Польского яз. съ Полабскимъ и Кашубскимъ аль этихъ нарѣчіяхъ стояло аг аль *rogz*=Пол. *rosie*, то, значитъ, асе то, что связываетъ между собою нарѣчія Польскіе и Лужицкія и эти съ Чешско-Словацкимъ, возникло аль нихъ независимо другъ отъ друга, отъ причинъ, которыя мы, избѣгая ихъ разчененія, должны бы называть неопределеными именемъ географической смежности или сосѣдства. Конечно, аль научныхъ вопросахъ менѣе асего слѣдуетъ бояться ереси, по не слѣдуетъ становиться диссидентомъ

безъ достаточныхъ оснований, которыхъ въ настоящемъ случаѣ, сколько иной извѣстно, никто не показалъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

До сихъ порь мы были убѣждены, что явленія *оро* (=*ro*) и *оло*=*ло* (=*la*) приблизительно одного порядка въ насленіи, точно такъ какъ и явленія съ *ере*=*rъ* и *еле*=*ль*. Мы не видѣли ничего, чтобъ бы въсъ заставляло думать, что напр. въ то время, когда въ Русскомъ было оло, сочетанія *оро* еще не было, а на его мѣстѣ стояло *ар*, или: въ то время какъ было уже въ Русск. *ере*, *еле*, сочетаніе *оро* еще несуществовало, а было *ар*. Нѣкоторыя ограничевія, говорящія въ пользу первенства *охо*, *оро*=*ла*, *ра* передъ *ере*, *еле*=*ръ*, *ль*, будуть приведены ниже. Я паговорю, чтобы все это было навѣки нерушимо, но вѣдь нельзя же намъ думать такъ, какъ наши ожидаемые потомки. И вотъ мы строимъ силлогизмъ:

а) Замѣта ѿ въ *rъ* (=Русск. *ере*) стоитъ въ Полаб. (и Кашубск. Слова.) на томъ же мѣстѣ, что въ Польскому: *sriberna* (=пу) 190; *brig* (брѣгъ), *prid* (прѣдъ), *prizemior* (=Вел.-Поль. *przezmiory*; Н.-л. *p̄es*, *p̄e*, *b̄lez*=безъ, квѣтъ въ Мазов. *p̄ez* *corki*=безъ *czapki*) безмѣрный или безмѣрно; *zrib* (v.—bią? жрѣбъ), *criv* (чрѣвъ—чрѣвий), *crewa* (чрѣва мн. v. род. ед.) *sr̄eda* v. *sr̄eda*, *breza* (Sebl. Pol. Spr. 93).

б) Гласная стоитъ въ *mlaka*, *mlauka* (род. молока), *mlacenn* (-пу^е, молочный) ib. 39; *plawai* (по Шлейхеру *plawāi*, множ. ч. половы); *wlace* (er eggt) ib. 89; по Шлейхеру здѣсь *a* изъ *ъ*, какъ въ «по swate»=по *swiatē* 89; но *la* здѣсь также можетъ изображать *ло*=*оло*, ср. *slawak*, *czlawak*, Польск. *człowiek* ib., и въ такомъ случаѣ Полаб. формы соответствовали бы не Ст.-Сл. съ *ль*, а Русск. съ *оло*: молоко,-чный, половы, водочеть.

в) Полабскія слова, гдѣ ѿ въ Польскомъ и Лужицк. *ло* (=Русск. *оло*), дошли до настъ съ *la*, *lā*, *loo*, *loa*, что все Шлейхерь изображаетъ черезъ *å*: *wlak*, *wlook*, *wloak* (волокъ, аеводъ), *glawa*—*glown*, *chlad*—*chload*,

slana (=пъ^е. соловый), dlān—dlān, slama, wlas, mla-de (=у^е, młody). glād—glād, klatjel, klatjel, klāneūl (по Шлейхеру klākūl, колоколь), ib. 70. Возможность предполагать здесь ближайшую основную форму такую же, какъ и въ Польск.-Лужицк., т. е. *do*, идна въ того, что и основное о является не только въ видѣ *oa*, *oo*, но и въ видѣ *a*, *ah* (ib. 61).

г) Припомнимъ упомянутое выше стренленіе Полабского раздѣлять сочетанія *sогл.+r+гласн.* посредствомъ ясноавгро *a*, *o* (по Шлейхеру *á*). Въ числѣ примѣровъ танъ было и *pared=prędz*. Если признаеть, па основаніи свидѣтельства Польскаго и Русскаго, что въ окрѣсть гласной стоять послѣ *r*, то въ Полабск. *wakarst*, *wakorst* мы увидимъ процессъ состоящей въ тонъ, что послѣ появленія ясноаной гласной передъ *r*, основная гласная позади *r* исчезаетъ. Если Шлейхерь врвально прочелъ *piordz* (=прѣжде) вм. *bors*, *borsc̄b* *eher* (Polab. Spr. Словарь), то мы имѣли бы въ итому словѣ примѣръ, подобный предыдущему, по съ *rъ=Русск. ere* (переже). Сюда же относится предлогъ *rōg* (во правопис. Шлейхера), дошедшій до насъ въ видѣ *rog*, *ryg* (*perjedz*, *durchfressen*, пояслит.), *rōg*, (*rōstrelit*), *pir* (*pirdon*, *pirš*, *darum*), который предполагаетъ отають не *про* (Шлейх. ib. 154), а *прѣ*—Польса. *prze* (какъ въ *przeto=darum*, *prze bōg* и т. д.).

д) Полабск. *sworkō*, сорока, ясноинъ объясняется ве «volks-etymologisch» (Schl. ib. 151), а фонетически, ямено: если Полабское нар. предполагаетъ основную форму начального сочетанія *иго* (или *iga*, что въ наставшемъ случаѣ для ииъ безразлично), то *w* есть такая же эвфоническая ястанка, какъ и въ Чешск. *sírka* и въ Сербск. *seraka*.

И такъ: случаи *a*, *b*, *c* заставляютъ насъ ожидать, что и въ случаяхъ, где Польск. *го=Русск. оро*, въ Полабскомъ будетъ гласина послѣ *r*; случаи *t*, *d*, показываютъ, что основные сочетанія *согл.+r+гласн.* въ Полабскомъ являются въ видѣ *согл.+гласн.+r*; следовательно Полабское (и Кашубск.) *przga* относительно

иг неесть тоже, что Латышск. *paršķas*, и предполагать уже славя́сскую форму съ гласною послѣ *r* Подаб. *pared=pręd* даетъ основаиie думать, что ходъ возникновенія формы *paršķ* изъ *prędą* (для меня это гораздо вероятнѣе, чмъ изъ *prędą*) прямо противоположенъ тому, какъ мы предполагали для *праст*. Имено въ послѣднемъ изъ *ar—ara*, а въ первомъ изъ *го—аго, аг.*

Для заключеній о качествѣ гласной въ Польск. словахъ, какъ *paršķ*, имются такія данныя:

a) *or*: *mōrz* (мразь), *mōrwa* (мрвий или мравъ?) *kōrwō* (крава), *bōrdzia* (бразда), *chōrpa* (Серб. храна-пишъ), *wōrnō*, *wornō* (врана), *goreh* (грахъ), *gord* (градъ), *worta* (врита) и *pōrsķ* (праст). Schl. 154.

б) *ar*: *starna* (страна), *garch* (грахъ), *ih.*; можетъ быть сюда же: *nī jā ko woigarninjā* (ist nicht aus zu sprechen!) ib. 97, при воемъ Н. Л. groniš говорить. Шлейхерь во всѣхъ этихъ словахъ, кромѣ *starna*, пишетъ *o*. Такимъ образомъ, заключая отъ большинства случаевъ, мы пріймемъ за ближайшую основную форму *го*=Польск. и Дужицкому. Если мы спросимъ, почему же въ словахъ съ основ. *Io* (=Русск. оло) мы не находимъ *of u.* *ad*, то во 1) нужно будуть сослаться на особенность природы звука *r*, вслѣдствіе которой и въ Болгарскомъ вставная гласная появляется спорадически имено передъ *r* въ тѣхъ же случаяхъ: *старна*, Безсон. I, 177, варта-та Ним. и Обр. I, 339, *) хотя и *palaski*, *paliske*, *plاشim* (Mikl. плаось); во 2 хъ можно будетъ указать, что и группы съ *x*, хотя въ гораздо меньшей мѣрѣ, подчинены тому же: Ср. выше *dīlan* и пр., къ чему приведимъ: *teiwyka* (молока род.), Schl. 89, и *sali* (соло-вей, т. е. по Шлейхеру *sālū*, съ конечнымъ *ū* изъ *o*, основн. фор. *slow*), ми. ч. *saliwa* (*a=y*), ib. 225, при которомъ однако *sloweikia* (ib. 36 =*slowika?*). Почему въ формахъ съ основнымъ *ra* (=*epe*) лишь изрѣлка

*) Ср. въ перестановку *r* черезъ согласную въ гарваиъ (=гааранъ) и Н. Л. *karwona*, *karona* (=*kawrons*), Мазов. *tsioda* (=*sroda*).

вставная гласная передъ *r* (pared, но prid и пр. см. выше), ни это отвѣтомъ могло бы служить предположеніе, что палатализація *r* аліяніемъ слѣдующей за нимъ замѣны звука *ъ* облегчаетъ произношеніе группы *sor+r* и дѣлаетъ въ значительной степени излишнею вставку гласной передъ *r*. Затѣмъ все-таки осталось бы вопросъ, почему во многихъ словахъ съ общеславянскимъ сочетаніемъ *sor+r+гласн.* *твердая* (Полибск. *brot*, *grod*=*grando*, *prai*=*pri* и пр.), сочетаніе ато остается неизмѣннымъ?

Относительно того, возникло ли Полабско-Лужицко-Польское *đo*, то (=Русск. *olo*, *oro*) изъ формы =Чеш. *la*, *ga*, какъ я думалъ прежде (Два изслѣдов. 48), или же Чешская и Польско-Луж. формы возникли независимо другъ отъ другъ (первая изъ *ala*, *ara*, вторая изъ *oro*, *olo*), я склоняюсь теперь къ послѣднему мнѣнію. При этомъ слѣдуетъ считать Польскія формы, какъ *đaz*—*подозъ*, заимствованными, каково В. Луж. *kral?*

13. Что *rl*, *lt*, возникло изъ *sre*, *sle* вслѣдствіе стяженія двухъ *e* въ *lt*, это г. Гейтлеръ (Fonol, § 66) доказываетъ такимъ образомъ:

1) Слив. *lt* возникло или изъ *ai*, еще сохраненное въ Литовскомъ языке (*žwaigždė*=*звѣзда*, § 64), или основнаго долгаго *ā*, иль котораго и въ Литовскомъ произошло є: *sēslī*=*сѣсти* (§ 65).

2) Но въ словахъ съ *rl*, *lt* (=Русск. *erø*, *ele*) звукъ *l* соотвѣтствуетъ основное *ā* краткое: Скр. *zárbnaś*, Греческ. *ρέφος*, кромѣ суф.=*жрица*; Сир. *կարպար*=*քրլուզ*; Скр. *bhāriman*=*бръмъ*, *variman* (*weite*, *umfang*)=*бръмъ* (извѣстно, говорить г. Гейтлеръ, что изъ понятія пространства разиняется понятіе времени); *sre*, которое Гейтлеръ *предполагаетъ*, *) ка атотъ разъ и

*) безъ нужды, такъ какъ извѣстны Русскія формы *беремъ*, *серемъ*.

Русский языкъ стянулся въ бремя, время. О краткости этого основнаго звука и свидѣтельствуетъ и Рус. *жерло*, изъ котораго развилось *жерегъ* и Литовск. *е* въ *gerklė*, и равно и Литовское *kèrdžus*—настухъ (отъ *kerda*) при *чръда*, Литовск. *pèlnas* (*lucrum*)—*плынъ* (*spolia, praeda*), Рус. *полонъ* изъ *пеленъ*; Лит. *skërs ai* (нар. поперекъ)—*чръса*, Литовск. *teterwas*—тетеревъ; Литовское *а* кратко въ *šalma* (*# šelmenis*)—*сльма*; *šalnà* (ней) — *српнъ* (*nibus*).

«Совершенно непостижимо было бы въ брѣза при вратной гласной Литовскаго *béržas*, *) если бы Русск. береза непокинило наимъ, какимъ образомъ развилось это *и*; первое въ Русскаго слова, вѣроятно, дославянскаго происхождения».

Словъ съ *ръ*, неимѣющихъ въ Русскомъ яз. полно-гансія и по формѣ общеславянскихъ, г. Гейтлеръ неотдѣлять отъ вышеприведенныхъ и аркводить ихъ въ перемежку съ этикъ послѣдними, въ довазательство того же, т. е., происхожденія *ръ*, мѣ непосредственно изъ *ере*, *еле*, посредственно изъ *р* съ предъидущею кратвою: брѣзъ, Готск. *bairbts*, Скр. *бварас* (*splendor*); «прѣмъ (*rectus*) Миклошичъ сравниваетъ съ Греч. *прόρος* (см. также *Curt. Grundz.** 266.), Литовск. *рітmas*; Рус. *прямъ* на этотъ разъ согласно со Ст.-бол.; *трѣбъ*, Готск. *tbärbs* (*necessarius*); *трѣскати* (*strepitum edere*), Лит. *tarskëti*; *дрѣмати*, Лат. *dormire*; блѣскъ возникло изъ белескъ (ср. блѣсъ и брѣзъ) (§ 66).

3) «Есть и много другихъ словъ въ самомъ Ст.-Болгарскомъ, прямо ведущихъ къ возникновенію *и* изъ краткой гласной: *Мрж*, а это (какъ вообще по мнѣнію г. Гейтлера (§ 14) *и* изъ *е*)—изъ *мерж*. Корень есть *мер*, сохранившійся вполнѣ, хотя подъ акциною, въ не-определенномъ *мрѣти* изъ *мерети*. Чѣмъ же можно

*) которая однако, замѣтимъ, въ действительности долгъ, хотя бы и въ сайдѣствіе ударенія.

оправдать (кажущуюся) разность темы неопределенного и настоащаго? При томъ краткость коренаой гласной темы неопределенного есть требование срвнительного метода; Литовск. языъ, сандѣтельство которое въ здѣсь важиѣ всего, представляетъ намъ неопределено тѣти (изъ *terti*). Такимъ образомъ намъ не нужно искусственно создавать ни одной ступени въ разитія неопределенного *мрѣти*: 1) *терти* (Литоаск. древнѣйш.); 2) *мерти*, 3) *мрѣти*. Бышее вѣкогда е аѣ *мрѣти* относится къ мрѣ, какъ *клѣти* (кленти) ко *кльнѣ*, речъ къ рѣци; вѣкогда безъ сомнѣнія стояло *мерти* при *мерѣ*, какъ *нести* при *несѣ*.... «При неопредел. *мрѣти* и аор. *мрѣ* является также и *мрѣти*, *мрѣ* (Остр., Supr.). Копечно, это противорѣчило бы мнѣнію о возникновеніи изъ стяженія даухъ е стоявшихъ по обѣ стороны плавнаго, або здѣсь имѣемъ двѣ гласныя, стало быть отсутствіе стяженія, и тѣмъ не менѣе на второмъ мѣстѣ н. Противъ этого употребляло г. Гейтлеромъ то средство, что возникновеніе формъ *мрѣти* и *мрѣ* объяснено подчиненіемъ ихъ аналогіи съ глаголами на *ть-ти* (*ib.*), что, замѣти, совершенно ошибочно. Теперь нѣть нужды отдельно доказывать, что *стѣти* относится къ стѣрѣ, какъ *мрѣти* къ мрѣ и что н. въ *стѣти* возникло не въ слѣдствіе какого-то «усилея коренной гласной», а стиженіемъ изъ *«ере»*. Точно также *пѣрж*, *прѣти* (*fulcire*) — изъ *перети*, и изъ старшей ступени, которая въ Литовскомъ *spirti* (изъ *sperli*). Точно такъ и *пѣрж* — *прѣти* (*contendere*, Рис. переть), *пѣрж* — *трѣти*, *жѣрж* — *жрѣти* (*immolare*) = Литоаск. *gerti* (изъ *gerti*, *laudare*), свидѣтельствуютъ о краткости коренной гласной; равно и *жерѣти* (*deglutire*) при Лит. *gerti* (*bibere*), при чёмъ «нѣть разницы между *жерѣти* и *gerti*»; *врїж* — *врѣти* (*concludere*) = Литовск. *werti* (оттворять, затворять, вѣзвать итпн); *врїж* — *врѣти* (*bullicire* = Литовск. *wirti* изъ *werli*; *нѣрж* — *нрѣти* (*immettere*), Литоаск. *nerti* (при чёмъ долгое е въ Литовскомъ, которое мы видимъ и въ *gerti*, а еще выше и въ *béržas*, объяснено тѣмъ, что оно есть слѣдствіе ударенія); *ме-*

мъж—*мътьти* изъ *мелети*, *мелти*, Литовск. *málti*; но *мъльхъ*, какъ *мърты*, т. е. по аналогіи съ гл. *тьти* (§ 67).

4) «Чередуются также и формы съ *и* и *и*: при *жерти* ввходимъ и *жрьти* (или *жрьти*); то и другое различается лишь несущественно. Основная форма есть *жерти*, откуда съ одной стороны *жерти*, *жрьти*, а съ другой *жрти*, *жърти* у. *жърти*, откуда *жрьти* или *жрьти*. Нѣкоторые формы полюбили *и*, другіе *и* (напр. отъ *стрѣти*—прич. *стрѣта*, безъ видимой причины «съѣдѣствіе извѣстиго своею лягушко языка»; *срѣтъ*, *сесо*=Литовск. *kertù*, в *чрѣсти*=Литовск. *kirsti* изъ *kersti*). Такимъ образомъ не только приведены въ согласіе тема неопр. *чрѣти* съ темою част. врем. *чрѣтъ*, но и разница между Литовск. неопредѣлен. *wilkti*, *milztì*, *kirsti*, *nërti* и Ст.-Болг. *влѣти*, *мътьти*, *чрѣти*, *нрити*, на первый взглядъ большая, оказалась мно-
мою». (§ 68).

5) «Нельзя намъ здѣсь прейти молчаниемъ норази-
тельного сходства въ развѣтіи такъ называемой славян-
ской перестановки плавныхъ согласныхъ съ возник-
шемъ *и* изъ краткаго *e*. Сравнивая формы какъ *съмѣрть*—*съмѣрть*, *плѣнъ*—*плѣнъ*, *плѣна*, Литовск. *mirti*—*ме-
реть*—*мрѣти*, мы видимъ, что та же гласная, которая
стояла передъ *r*, *и*, развилась и послѣ нихъ, въ силу
ненависти Славянскаго языка къ сочетанію *rt*, *и* и *и* пр.; что весь этотъ процессъ мы могли бы назвать
«ассимиляціей послѣ *r*, *и*»; что *и* въ *съмѣрть*, *и* въ
плѣнъ возникло по тѣмъ же причинамъ, какъ *и* въ *мрѣ-
ти*. Можно также *и*, возникшее изъ *ere*, *еле*, назвать
вознагражденіемъ за долгое *ē*, которое необходимо дол-
жно было бы возникнуть изъ стяженія двухъ *e*, по ко-
тораго Ст.-Болг. языкъ незнаетъ, такъ какъ имѣть
лишь краткое *e*. *) Гласн. *и* болѣе всего годилась бы

*) Мы замѣтили обѣ втомъ утверждевіи тоже, что выше
(въ этой главѣ § 6) обѣ утверждѣнія, выдаваемомъ Г. Гейтле-
ремъ за аксиону, что въ Славяневомъ вѣ было долгаго *o*.

возмѣщениемъ за долгое ē и, ч. по звуку (*eā*) не много гимъ отличалась отъ долгаго *e*, а въ Новословин. дѣйствительно перешла въ ё». (§ 70).

6) ъ въ слав. *чрѣда* лишь по видимому равняется готскому *ai* въ *hairda* (*grex*) изъ *kairda*; готская двоегласная возникла независимо отъ славянского ъ, аа почвѣ Готского языка, по известному закону, изъ і передъ г: *hairda* изъ *hirda*, *herda*, при чёмъ послѣдняя древнѣйшая ступень сохранилась въ Литовск. *kērdžus*; подобное отношеніе между *брѣдъ* и Гот. *bairgan* (Нѣм. *bergen*), *врѣдъ* (*Mikl. Lex.*) и *vairths* изъ *verths* (§ 66).

7) Что *рѣ*, *ль* возникли изъ *ере*, *еле* (въ конкѣ 2-е *e* неограниченное, появившееся въ силу первого *e* изъ *er*, *el*, а следствіе *нелюбви* Слав. яз. къ сочтанію *r*, а со слѣд. согласною, это видно изъ Ст.-слав. *пелесъ* (*pullus*, Русск. *перепелесый, полоса*) изъ *pelis* при Латышск. *pālszas* (sic). *) «Если же мы незахотѣла бы удовольствоваться словомъ *пелесъ* (оно известно лишь по позднѣйшимъ памятникамъ), то неопровержимо убѣдимся въ возникновеніи тѣкого *e* (т. е. 2-го, неограниченного) сравненіемъ Литовск. *ēlinis* съ *желень*, гдѣ ненавидимое сочетаніе *eli* такъ измѣнилось въ *еленъ*, какъ *жербъ* въ Русск. *жеребъ*. «Исный примѣръ стяженія *ере* въ *рѣ* имѣмъ въ Греческ. *térepon*—Русск. *теремъ*, Ст.-Болг. *тръмъ*; *чрѣна*—Русск. *черешня*, Греческ. *хѣрасосъ*. Важность четверенога при четверногѣ—въ томъ, что *ере* здѣсь рѣшительно стврше *рѣ* и что сочетаніе *ере* на сей разъ невозникло изъ *er* передъ согласною посредствомъ вставки втораго *e*, такъ что наше слово «скратко и прямо свидѣтельствуетъ о переходѣ *ере* въ *рѣ*». Тоже случилось и въ *прѣ* при Свиск. *pari*: посредствомъ ослабленія и въ *e* возникло *perē*, а со стяженіемъ—*прѣ* (§ 66).

*) Но Лат. *pālszas* есть заимствованное Нѣм. *falsch*, а Слав. *пелесъ*=Лат. *pālszas*, съ долгимъ *a*.

14. Мои замѣчанія объ атомѣ слѣдующіхъ.

Мы видѣмъ, что г. Гейтлеръ дѣлаетъ дающее сравненіе формъ съ *рѣ*, *ль*—Русск. *ере*, *еле*. Во-первыхъ онъ указываетъ на тождество ихъ съ такими Саинскріическими и Литовскими, въ которыхъ передъ плавнымъ стоитъ *й*; во-вторыхъ, съ такими Латовскими, въ коихъ передъ *г*, *І* стоитъ *е* у. і. Оба сближенія были дѣлана и прежде (напр. Дааровск. О полногл. 48—9), и вопросъ лежитъ въ томъ, какъ ихъ понимать.

Противъ первого, понятаго въ томъ смыслѣ, что *рѣ*—*ере* и пр. копечными образомъ восходятъ къ формамъ *ар*, *ал*, у меня вообще нѣть возраженій. Замѣчу только, что *брѣмъ*, *врѣмъ* могутъ предполагать только формы съ *р* передъ согласною, а отнюдь не формы со вставнымъ *и* передъ суп., какъ *вар-и-ман*, *бнар-и-ман*.

Второе сближеніе можно понимать двояко, и во-первыхъ такъ, что вообще существуетъ совпаденіе между ослабленіемъ осноанаго *аг*, *ал* въ Литовскомъ и Славянскомъ, но самая форма ослабленія возникла въ обоихъ языкахъ самостоятельно. Такъ выше мы въ общемъ признавали сходство между *wilkas* и *волка*, утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что ик Литов. *il*, ни предполагаемое на его мѣстѣ г. Гейтлеромъ *el* неопредѣляютъ, въ какую сторону направится ослабленіе основнаго *вг* въ Славянскомъ. По такому способу пониманія Литовск. *шай*—несколько непоказываетъ, будеть ли въ Слав. *малъ*, или *мелез-*, *мль-*. Во-вторыхъ можно думать, что Литовскія ослабленія *el*, ег исторически связаны со Славянскими и прямо предполагаются ими. Я позволю себѣ высказать некоторыя сомнія въѣности положенія г. Гейтлеръ, что первое *е* въ *ере*, *еле*—дославянскаго, Славянолитовскаго прохожденія.

Спрашивается, есть ли такое утвержденіе правильный выводъ изъ обоихъ изысковъ, фактъ способный направить теорію, или онъ только требуется известной теоріей и ей обязанъ существованиемъ?

Что до вѣчественнаго отношенія Славянскаго къ Литовскому, то ужь выше по поводу начального Русскаго

о==Ст.-Слав. ю я старался показать, что есть случаи, когда сходство между Литовскимъ *e*, ё и Славянскимъ *e*, ё возникло въ обоихъ языкахъ независимо, твкъ кикъ само Литовск. *e* возникло аль атихъ случаяхъ и въ ятваской почвѣ, ибо имѣть при себѣ болѣе древнія формы съ *a*. Тоже относится къ нѣкоторымъ *e* внутри словъ.

Можно бы думать, что второе *e* въ Литовск. еже-гия исторически связано со вторымъ *e* въ іезеро; однако это оказывается сомнительнымъ въ виду Латышского *a* въ езвѣ. Тоже можно звѣтъ и относительно гласной при *r* между двумя другими согласными. Гейтлеръ выводить формы *дерево* и *дрѣво* съ одной стороны и *дѣрево*, *дѣрѣво*, *дрѣво*, *дѣрѣво*, *дрѣво* съ другой отъ древнейшей формы съ *e*, которую ивходить въ Литовскомъ *derwā*—лучинъ (§68); однако аль свомъ Литовскомъ есть и *darws*.

Въ словахъ *власти—владѣти—володѣти* Славян-скій языкъ воисе не звѣтъ формы съ *ль*—*ле*; по-атому соответствующая послѣдней, по предположенію, ослабленная форма съ *e* (Литовск. *weldu*, *weld*. ёї) относительно глагольного характера болѣе близкая къ *во-лодѣти*, чѣмъ Литовск. *waldau*-*dyli*, и, кажется, не-встрѣчаемая даже въ Латышск., должна считаться специально Литовскою.

Подобнымъ образомъ *лань—долонь*, Литов. *delna*.

Быть можетъ *клами—колоть* ближайшимъ образомъ должно быть сравниваемо ие съ Литовск. *kálti*, ковѣть, въ со *skelti*, колоть, при чемъ въ славянскомъ словѣ начальное съ потеряно, квкъ во многихъ случаяхъ (*skrzydło*—*крыло* и пр.).

Воробей (=и)—*орабій*, *wróbel*—Лит. *žwirblis*, Латышск. *zwirbulis* (Mikl. Lex.).

Сѣв. Вр. *скоросмыѣ*, сердитый, Лит. *kersziti* и *kerszinti*, гнѣваться, грозить, мстить, *kersztas*, гнѣвъ, месть, *kerszinti*, побуждать ко гнѣву. Лит. ег-здѣсь неимѣеть соответствія въ Славянскомъ.

Ср. Литовское *e* въ другихъ случаяхъ, не при *r*:

Литовск. gés-tu, gësti; Латыш. dzëstu, dzist, гаснуть; Лит. gessau-, syti, Лат. dzissel, гасить, при болѣе древнемъ *a* аль Слав. *zac-*; Слав. о предполагаетъ Литов. *a*, а потому Литов. *é* въ tékinti, по знач.=точить (иожъ и проч.), образовано независимо отъ Славянского.

На оборотъ, въ нѣсколькоихъ словахъ въ Славянскомъ находимъ только ослабленную форму съ *ъ*, между тѣмъ какъ въ Литовскомъ основвя (*á*) или усиленная (*á*): *meréia*, рѣдкое вязанье и шитье (Оренб.), *meréja*, сѣть,-ка, родъ вышиванья, и отсюда—пестрота, рябь на ткани и пр., Ст. Сл. *mrъžja* (*n* предполагается и Сербск. Хорут., а равно и Чешск. *mříže*), Литовск. *márszka*, родъ сѣти, *marszkinnai*, им. мн. бѣлье, платье, сорочки, *marszkopas*, лынициой. Что касается до Литов. *margas*—пестрый, то оно врядъ ли можетъ бытъ связано съ *мережить*, пестрить, такъ къѣъ неслѣднее есть производное отъ *мережа*, въ произаенности Литов. *margas* отъ слова со значенiemъ сѣти, плетенья, невидно. Это *margas* могло бы быть сближено съ Скр. прѣши (Curt. № 359), такъ чтобы корень предполагался не *парк*, а *спар-*=*парг* (Ср. *spergo*)=*марг*. И въ *mrъžja*—*marszka* *n*=скр. *n* аль *парк*, грианти (См. Curt. № 103), при которомъ въ Санскр. *пардж* (основ. форма *пар*). Чередование *n* и *m*, *n*, *a* и *m* непринадлежитъ къ рѣкимъ явлениямъ.

Срѣмъ (предполагаемое въ значеніи имена, гололдицы на основаніи Русскаго *серенъ*, Поль. *srzon*, Чеш. *srin*, *střin* и пр.)—при Литов. *szarmà*, Латыш. *za'gma*, именъ, между тѣмъ именъ Ст. Слав. *срѣмъ*, Русск. *серемъ*, бѣлый, синий=Литовск. *szirmas*, Жиуд. *szirwas*, а Ст. слав. *слана* именъ=Лит. *szalna*, Латыш. *salma*.

Прѣ, пере=Лит. *rég*, но Жиудск. *par* (Schl. Lit. Gr. 32), Латыш. *par*.

15. На основаніи Русскихъ и Литовскихъ формъ г. Гейтлеръ заключаетъ, что Славянская форма словъ

жеребя—жеръба есть *garb* съ дославянскимъ *e*. Мнѣ кажется, что это еще вопросъ, притомъ связанный съ другимъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не всѣ Слав. нарѣчія имѣютъ *ль*—*еле* и *ръ*—*ере*, въ одни *ль*, другія *ла*, то при Русскомъ *оло*, *еле* и *ръ* при Русскомъ *оро*, слѣдуетъ ли вездѣ предполагать форму съ *ль*—*еле*, *ръ*—*ере*, или есть возможность думать къ иначе? Если форма *длato* непредполагаетъ формы *дльто*, ни формъ *долото* формы *делето*; если полногласная форма ближайшимъ образомъ предшествующая формѣ съ *ль* не есть общеславянская, п. лишь свойственная пѣкоторымъ иврѣчіямъ; если общеславянскою въ этихъ случаяхъ окажется форма съ *a* передъ плавною; то будетъ къролтино, что во многихъ случаяхъ ослабленіе корениной гласной *a* произошло лишь въ Славянской почвѣ и что напр. совпаденіе гласныхъ въ Греч. *Bréfros* и *жеребя*, въ Лнт. *рег* и *пере* лишь случаино, какъ и сходство въ окончаніи 2-го л. мн. ч.—*сте*—*ете*.

Во всякомъ случаѣ полезно ближе присмотрѣться къ распределенію по иврѣчіямъ формъ съ *ра*—*ро*—*оро*, *ла*—*ло*—*оло* съ одной и формъ *ръ*—*ере*, *ль*—*еле* съ другой стороны и ко взаимному отношенію этихъ *еле* и *оло*, *ль* и *ла*.

П. Ловроискій (о Русск. полногласії 25) подавалъ, что «только звѣйно *и* посредствомъ *a* и должно объяснить Русское *оло* выѣсто *ль*» (молоко—мѣко), что «еще въ доисторическую пору большая часть корней такихъ словъ измѣнила *ль* въ *ла* и уже отсюда образовало полногласное *оло*» (ib. 26). Это миѳіе, котораго и я держался въ ской сттьѣ о полногласії, теперь, при предположеніи большей древности полногласія, чѣмъ сочетанія *ръ*—*ль*, принадло бы тѣкой видъ, что въ случаяхъ, гдѣ слова совершенно однокровного образованія и значенія имѣютъ по оарѣчіямъ *ль*—*еле* и *ла*—*ло*—*оло*, *оло* воникло изъ *еле*. Таково дѣйствительно утверждение Гейтлера: «иногда Русские слоги *оро*, *оло* возникли изъ болѣе древнихъ *ере*, *еле* посредствомъ изъ именія съ *о*, какъ въ *тонкій*, при Чешск. *tenký*, *тѣнкъ* изъ

тенько, пра чемъ Литовск. *тепувъ* сандѣтельствуетъ о бѣлої драности гласной *е*. Такъ *полонъ* ори Ст.-Болг. *млънъ* изъ *пеленъ* и Литовскомъ *рѣловъ* (*lucrum*); молоко при *млъко* изъ *мелеко*. Ж въ *желобъ* само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ, что слово это возвѣкло изъ *желебъ* (*желобъ*), такъ какъ *ж* изъ *и* можетъ возникнуть только передъ мягкою гласною. Ср. *жильба* изъ *желебъ*, между тѣмъ какъ Чешн. *žlab* тяготѣть къ *желобъ*, и къ еще болѣе дреаниему *желебъ*, *желебъ* (*Fonol.* 57. § 82).

Строго говоря, начальная шипящая въ *желобъ* и *жильба*, въ равно въ тамъ, где въ Русск. *ере* (*жеръба* *чръпъ*, *чръсъ* и др.), свидѣтельствуетъ только о томъ, что до возникновенія формы *жильба* и пр. между начальною гортанью и слѣдующею плавною стояла гласная при помощи которой возникла *ј* ори гортаний, оттуда *ж*, *ч*, *ш*. Если бы этого не было и гортання съ самаго начала прымывала иль олавнай, то она не могла бы оревратиться въ шипящую отъ вліянія *и*, ибо иибѣмъ же *гръхъ*, а зе *жеръхъ* и пр.. Это одно изъ сильнейшихъ доказательствъ того, что уже на Славянской почвѣ формамъ, какъ *жильба*, предшествовали формы съ гласною передъ плавною. Но ж въ *желобъ*—*жильба* и пр. свидѣтельствуетъ, что втою гласною оослѣ гортаний было именно то самое *е*, которое мы звѣстимъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ историческую оору. Покамѣсть миъ некажется нѣвѣроятнымъ, что при гортаний передъ основнымъ *а* могло возникнуть неорганическое *ј*, позднѣвшее за ату гортаний, но не измѣнившее *а* въ *е*, икъ напр. въ *жаба* (отъ *табѣ*), или въ чостицѣ *-ча* при *-ка*.

Еслан спросинъ себя, наинъ еле напр. въ оредполагаемомъ *мелеко*, могло перейти въ *молоко*, то удовлетворительную аналогію для этого перехода будеть очевь трудно найти. Скорѣе можно бы допустить, что, хотя не вообще, но въ отдельныхъ случаахъ, на оборотъ, *еле*—*ере* могло образоввться изъ *оло*—*оро*, напр. Бѣлор. *пелескацъ*=*полоскать*. Случая этого я вѣобобщаю, такъ

шань съ другой стороны, вѣроятно, что параллельность формъ какъ *пелевъ* (*пелы*, *макина*) и *молева* восходитъ къ доисторическому времени и единство ихъ находится въ третьей потерянной формѣ. Та аналогія, на которую указываетъ Гитлеръ положительно негодится. М.р. *тонкий* неизмѣнностью своего о иъ и., и, у и пр. указываетъ на осноаную общерусскую форму *тманакъ*, которую дѣйствительно находимъ въ весьма древнихъ памятникахъ (См. Вост. Словарь и др.), между тѣмъ кнѣ Польск. *cienki*, В. Л. *бенкі*, Н. Л. *банкі* указываютъ на *тьманакъ* (Ст. Слан.). Сербск. *танакъ* могло одинаково возникнуть и изъ той и изъ другой. Русск. *тманакъ* не могло возникнуть изъ *тьманакъ*, и скорѣе всего обѣ формы предполагаютъ болѣе древнюю и общую съ чистыми гласными. Этой аналогіи нельзя искать и иль позднѣйшемъ Русскомъ ё и о послѣ шипящихъ изъ е, тань какъ здѣсь необходима йотація е, или, точнѣе, вѣбность предъидущей согласной, чего очевидно нѣтъ ни въ *молоко*, ни въ Польск. *шлакон* и т. п., въ коихъ согласные въ Русск., Польск. и Луж. рѣшительно тверды. *) Предположить же для этихъ нарѣчий большую древность того проиниошенія *молѣко* и т. п., какое мы слышимъ у разныхъ иностранцевъ, и тѣмъ паче большую древность неслыханнаго произношенія *мѣлѣко* насы ничего не уполномачиваетъ. Точно такъ и о назъ е—ль и въ Польск. *brzoza* при *brzezіївъ* предполагаетъ йотацію е, оставившую послѣ себя гз., и въ этомъ отношеніи сходно съ Вр. ё иль *берѣза* (гдѣ однѣко кромѣ этого дѣйствуетъ и удвоеніе) и вонсе несходно съ ѿ въ *шлакосъ*. Что до предположенія о изъ е въ оленѣ и пр., то оно, какъ мы видѣли, свмо сильно нуждается въ доказательствахъ,

*) Случай, какъ В. Л. *skorje* (скорѣе), *dole* (памъ, долѣ), *delijoInjiski* (долѣно-), *derje* (добрѣ), *krepka* (крепка, каша), *teriс* (топить петь) и пр. говорить въ пользу вѣзаів обратнаго искумому, то есть въ пользу е взъ о, во въ прочемъ имѣютъ слишкомъ частный, специально-Лужицкій характеръ.

при чемъ во всякомъ случаѣ такое начальное о отлич-
но по обстановкѣ отъ двухъ о изъ двухъ е внутри пол-
ногласныхъ словъ. Чертогованіе же е и о въ случаяхъ
какъ *собо* и *себѣ* (Geitl. Fon. § 8) онѣ таки, какъ и
а— въ *тънакъ* и *тънекъ*, можетъ быть понимаемо не
какъ возникновеніе о изъ е, а какъ возникновеніе обо-
ихъ изъ третьаго болѣе древняго звука.

Гейтлеру кажется логичнѣй объяснить изъ предпо-
лагаемаго *велькъ* (=Лит. *velkù*) съ одной стороны *вль-
къ* чрезъ *велькъ*, а съ другой *влькъ*—чрезъ *влькъ-*
влькъ—(*волокъ* и пр.) (Fonolog. § 68). Но если при-
знаемъ, что Ст.-Русск. формы съ *зл-* непредполагаютъ
формъ съ *лъ*, ни формъ съ *ль*, и что въ никоимъ обра-
зомъ неможетъ быть выведено изъ основнаго Славяно-
Литов. *е*, то увидимъ, что формы съ *зл-* при Ст.-Слав.
съ *лъ-* сойдутся съ послѣдними не въ предполагаемомъ
елъ, въ разій въ *алъ*. Такъ въ слѣдующихъ примѣрахъ,
къ коихъ въ одиомъ и томъ же спрженіи, иногда въ
той же формѣ находимъ и *ль*, и *лъ*; къ Русское оло:

Ст. Слав. *вльсти*, *влькъ*, Хорут. *vleći*, *vlećem*,
Чеш. *vleci* v. *vléci*, *vlekü*, *vleči*, Польск. *wlec*, *wlokę*,
Н. Л. *lac*, *laku*, *lakъ*; но Серб. только *вући*, вучем (оси.
формы *влькъ*), Русск. *волочи* (*волочь*, Вост. М.р. *во-
локти*, *волочёш*, *волік*, *волокла*) и Ст.-Рус. *обълечи*:
«самъ же въ худыя пѣры *обълкъся*, тако *хожише*»,
Жит. Феод. XII в. (Чт. 1858, III, б.); «изволка пожъ
свои и ять.... Глѣбъ за.... главау (Жит. Бор. и Глѣб., Чт.
1859, I, 11) *).

тльшти (и *тольшти*), *тлькъ*, Хорут. *tléci*
и *toldci*, *toldem*, Хорв. *tlidi-telćem*; въ Серб., Чешск.,

* Танъ какъ Гейтлеръ считаетъ фор. *младъ*, *златъ*, по-
падающиися въ Вр. нар. пѣсняхъ, за стяженія, возникшія ва
Русской почвѣ (Fon. стр. 57), то онъ могъ бы прічислить и
здѣсь въ Русскихъ формамъ—*влечъ*, явивъ явное доказательство
того, что *волочь* изъ *велькъ*; но у насъ съ давнишъ поръ съ
целымъ основавшися принятъ считать такія формы заимствован-
ными изъ Ст.-Слав. и выжившими путемъ.

Польск., Лужицк. тольоа формы въ осноуныи въ при *ж*: Сербск. туви, Чешск. *Touci* — *Tukci*, Польск. *Muc*, *Muka*, В. Л. *towku*. Въ Н. Л. нѣроятно было бы *Muc* (*Muk*; *б*). Бр. *толочь* (толочи) и *толчи*, *толку*; М.р. *толкти* предполагающее *толчи*. Иль Литовскаго Миклошичъ (*Lax.*) срааниваетъ *tilka*, которому Нессельмнъ приписываетъ значение «*zahm werden*»: «*aptilkes žtognis*», *einer der sich die hörner abgelanfen hat*. Съ *толк-* несомнѣнно сродно Лит. *talka sutelkti*, толоку (помочь) спрашивать, *sutelkti* собраться на толоку; по самое *talka* толка аль значеніи общественной помощи (откудн гл. *telkti* можетъ быть образованъ, несмотря на свою интуитивную первообразность), можетъ быть слоюмъ замѣстившимъ изъ Руссааго. Если въ духѣ Гейтлера предположить осноуную форму *толк-*, то она не объяснять ни *толк-*, ни *толок-* (*толак*).

Млости, *мъзж*, Хорут. *mlésti* и *molsti*, Сербск. только *мусти*, *мусем* (= *мъзж*), Лит. *milsztii*, *milža* — *melža*. Русск. форма неизвѣстна, но на основаіи *молози-во* и, впрочемъ болѣе отдаленного, *моласть*, *сосать* (внѣр. *кость*) = Чешск. *mlsati* облизывать, знакомиться, *mlsa*, *mlzpice* лаюомка (и аль Сар. при нор. *мардж* стоитъ *марф*), можно ожидать Русск. *молости* в. *мо-лости*. По Гейтлеру зауѣтъ е здѣсь дославвасай: *мелъ* перешло съ одной стороны въ *мелъ-*, *мъзж*, *мъзэ*, а частью въ *мелез-*, Русск. *молози-во* (*Fonol.* § 68). Но мы неимѣемъ на одной аналогіи для предположенія Русск. формы *мъзж*; Русская же *мъзж* непредполагаетъ *мелъ-*. Ни Лат. *melz*, ни фрѣлѣш недоказываютъ, что *е* — досланянское. Русск. *молози-во* (Ст.-Слав. *мъзинъ*, Хорут. *mlezivo*, Чешск. *mlezivo*) ав Русской почавъ азѣжно аль весьма древнихъ памятникахъ: «*и молозива, рече, лахо не годно бы ясти сго, яко съ аровью есть; да быша съ три дни телати давли, а потомъ чистое са-инъ ъзи.*» (Впраш. Кюр. Калвід. Нам. Русск. Сл. XII в. 191). Форма предполагаемая формами *молоз-и мъз-* можетъ быть съ *а* передъ *ж*. Точно тоже можно думать и объ отношеніи *молоко* и Польск. *mlokos* (къ *мло-*

koss), молокосось, къ *мълко* и формамъ всѣхъ останныхъ Слаа, парѣчій, аъ томъ числѣ Польск. *mleko* и Луж. *mloko* (изъ *mlebo*). Мнѣніе Гейтлера—что а здѣсь *о-го* изъ еле, что Русск. форма лишь незначительно отличается отъ предполагаемой *мелеко* и что будто атою послѣдию освѣщается неясное до сихъ поръ отношеніе гласныхъ аъ Гот: *miluks* (по Гейтлеру изъ *meloks*) къ *мълко* изъ *мелеко* (§ 66 стр. 47); но общею между *мълк* и *молок*, *мѣлк* могла бы быть, по другому мнѣнію, лишь форма въ родѣ Лит.-вск. *malkas*, глотокъ жидкости, хлебокъ, слбаа, которое и по происхожденію быть можетъ относится туда же. Ср. относительно значенія Сербск. *млаz*, струя молока *за râz* извлекаемая изъ соска.

Въ Русскомъ аль формамъ *молоз* и *молос* слѣдуетъ отнести и Пр. *молостөвъ*, горшокъ или корчага обвата берестой, дойница, молочный горшокъ, горшокъ для мѣшанья русск. масла; *молостюка*, *молостикъ*, горшокъ для молока—Польск. *młost*: «*dopadłszy warzęchy i młostu nawali w brzuch smietany*» (Linde). Суффиксы *-та* и *-тва* (Ср. *верс-та* и *верс-тва*).

Мъл-ти, *мельж*, Хорут. *mleti*, *mlejem*, Серб. *mle-ти*, *мельем*, Чешск. *mli-ti*, *mlel*, *meli*, В. Луж. *mleć* и, по аналогіи съ этимъ, *mli-ju*, Н. Луж. *mlaś*, *mle-jot* и *mleom*, *m'elach* и *mlejach*, *mlaty*, *mlaše* (молотье); Поль. *mleć*, *mieleć*, по *mioł(1)*, *mioła* (мъл-), *męły* (осноан. форма мъл), *męcie*; Русск. молоть (-ти), молотъ, молотый, мелю. Литов. *mälū*, *mälti* и Латыш. *maļu*, *malt* рѣшительна противорѣчать тому, что Славянская форма съ *е* есть дославянская. Лит. *mėlynyczia*, *melninkaa*—изъ Русск. *мельница*, *мельникъ*. За тѣмъ ослабленіе основной гласной является лишь аль *miltai* (множ. ч.) муха; асъ же остальные слова этого происхожденія имѣютъ аль корнѣ *ā* и *ā*. Послѣднему соответствуетъ въ нѣ предполагаемомъ *мъл-тиз*, на осноаніи Польск., В. Луж. *m'lu*, Русск. *мълчи*, Лит. *mal-čias*, между тѣмъ какъ Ст. Сл. *мънъ*, *placenta* (и Хорут., Болг. см. *Mikl. Lex.*)—Русск. *мънъ* и *блинъ*. Задистаованіе этого по-

съдняго съ Нѣм. *blins* (Mikl. ib.) мело вѣроятно. Въ Русскомъ съ *еле-зъ* только *мел-и-зъ*, рукоять жернова=Польск. *młon*, Литовское *mal-inis*, id. образовано соасбъмъ иначе. Нѣ Вр. *мел-енка* 2-е е изъ в (мельница), а *мел-ево* не есть форма=Сербск. *мљево*, а произошла изъ *мел-иво*, какъ *круж-ево,-иво*, обл. *мозаз-ево,-иво*.

Пльти, пльвж, Хорут. *plēti* *plējēm* и *plēvem*, Серб. *пљети* цдијевем, Чешск. *pleti* *pleji*, В. Л. *pleć* *plejo*, Н. Л. *plaś*—*pleś*, *pleji*; Польск. *pleb*, *pielę* и *plewię*, *pielony*, но *piął*, *piąty*; Русск. *полоть*, Стар. *полову* («исполоевемъ» Галицк. Еа. 1142 г., Буслав. Хр. 45), соар. Вр. и Мр. *полю*. *Пльвелл, пльва*, Хорут. *plevel*, *plēva*, Чешск. *plevel*, *pleve*, Сербск. *пљева*, Н. Л. *plōwa* (=*ple-*), *plōwnia*, но Польск. *plōwa*, Русск. стар. *половел* (Гал. Ев. ib.), совр. *полова*, однако *пльевна* (Ноаг., Таэр., Тамб.)=Луж. *plownia*, ярецкимъ, гдѣ е можетъ быть случайнымъ сопадениемъ съ Латыш. *pelawas* (ин.) *полова*.

Хорут. *dlēto*, Сербск. *длјето*, но Ст.-Славянск. *длато*, Чеш. *dlatō*, Польск. *dłoto*, Н. Л. *bwodko* (т. а. *dotko*), Русск. *долгото*. Такимъ образомъ яль только азъ меньшинствѣ нарѣчий.

Пльнз, Ст.-Слав. Хорут., Сербск., Чешск.—*ль*, Польск. *plōn*—*plenič* (=*ль*) и *plōn*, Русск. *полонъ*. По вышесказанному достаточно бы одной послѣдней формы, чтобы помѣшать предположенію, что общеславянскій языкъ имѣлъ форму съ *е* (Лит. *pelnas*).

Ст.-Слав. *слъма* и *слама*. Въ Хорут., Сербск., Чешск., Польск.=*ль*; по въ Н. Луж. *slomieć*—имя мѣстности, В. Л. *slomio* (lo? lo?), Ст. Русск. *соломенá* (ин.) (Mikl. Lex.), соар. *шоломъ*, накладной жадобъ на дому, повѣть, *шеломъ*, утесь, повѣть. Въ Лит. форма съ *а* (*szalma*) можетъ указывать на то, что форма съ *е* (*szelmenis*) мѣстного происхожденія.

Жлѣбъ. Въ Хорут., Сербск. *žlēb*, жлиебъ, но въ Чешск. *žlab* и *žleb*, В. и Н. Л. *žlob*, Польск. *žlob*, Русск. *жлобъ*. Это слово азъ Рускомъ, какъ и *шо-*

лова должно бы писаться *желобъ*, *шеломъ*, какъ в *ше-ломъ*, но первое *e* есть здѣсь из основного дославянского *e*, которов могло бы указывать здѣсь на происхожденіе оло изъ еле, в стоять лишь вслѣдствіе того, что въ Древн.-Русск. какъ и въ Ст.-Слов. о не можетъ стоять послѣ шипящихъ въ другихъ мягкихъ: ср. Русск. *голыбать*—*желыбать* и т. п. Хотя *желобъ* можетъ не имѣть отношенія къ Скр. *garbhā-s*, утроби (какъ воспринимающа), откуда русло *рѣи*, выступившей изъ береговъ, по Б. Р., аакъ бы беременное, *жеребое* ру-слово, плодъ (какъ зачатый, воспринятый=жеребя); но основная форма должна быть весьма сходна съ *garbhās*; ср. слова съ *ла-ра*: *γλάφω*, долблю (Curt. № 134) и *γλάφω*=гребу (ib. 138).

Ст.-Слав. *члѣнъ* (и *чѣльно*), *чланъ* (и *чѣланъ*), *articulus*, Хорут. *člén*, *člének*, *člink* и *član*, Серб. *члѣнъ*, ручка, рукоять (черенокъ?) и чайн, члѣнак, *члѣнъ*, *шклѣнъ*, Чешск. *člen* и *článek*, Польск. *członek*, Н. Л. *člónk*, Миклошичъ сравниваетъ Скр. *kr̥-vertegē* (?), указывая на аналогію съ *vertebra* въ Греч. *χθλονъ*. Можно бы думать о сродствѣ съ *коло* и *колено*.

Иногда форма, соотвѣтствующая Русской оро, оло, сохранилась только въ одномъ изъ Слов. нарѣчій.

Желза, Хорут. *žlezb*, Сербск. жлијада, Русск. *желза*, но Чешск. *žleza* и *žlaza*; Польск. и Лужицк. съ основн. *z*: Польск. *żożw*, Н. Л. *żożdż*, *żowż*, В. Л. *zawza*.

Ст.-Слав. *жельсти*, *желдъ*, *сопрѣзвгѣ*, *роенамъ* *lnere*, *mleciwri* и *желости*, *solvore*, *exsolvore*, *жельдьба* и *жладьба*, *multa*.

жльдица, МР. *ожеледѣ*, *ожелѣдица*, Польск. *żłodź*, *żłodz*, *deszcz złodowcіwy*.

сль-ена-ина, *селеzenка*, Н. Луж. *słozyna*.

смръчъ, Сербск. *сирјека*, Хорут. *smrěka*, Болг. прилаг. *смрековъ*, МР. *смрекъ*, Польск. *swierk* (=ор), *smrek* и *smrok*, ВЛ. *smrok*, Н.Л. *šmrjok* и *škrjok*.

Въ слѣдующемъ случаѣ одно МР. нарѣчіе имѣть

форму съ еле: *Влатъ, gigbs, Русск. Волотъ, Велетъ*. Миклошичъ сближаетъ это слово съ Серб. *vlāt*, Хорут. *vlt* (lvt., и.р.) колось, Литовск. *váltis*, ж. овсяный колось, кудь отпосится и Бр. *вѣлотъ*, верхняя оконечность снопа, противоположная огузку, Mr. «ой про- со золотъ! (иврод. пѣсни). *) Основзвій этого сближе- нія кромѣ звуковыхъ показываетъ невидно.

Вообще: гдѣ въ области Литовско-Латышского язы- ка *el*, *er*, стоять въ тѣхъ же формахъ при болѣе древ- немъ *vl*, *ar*; гдѣ въ Литовск. только одни послѣднія сочетанія; гдѣ въ Слав. языкахъ является діалектиче- скав смысли *rп, лъ* (=ере, еле) и *ra, la* (=оро, ого), тамъ не вижу основанія выставлять предполагаемую общеславянск. и Славяно-Литовскую форму съ *el*, *er*.

Скорѣе можно бы думать, что уже въ дославян- ское время было е передъ *r* въ тѣхъ случаяхъ съ *rъ=ere*, при которыхъ въ тѣхъ же формахъ діалектически стоять формы съ *ър* (вавовы и пр. *жерло*, *жерело* при *жирло*; Mr. *мерти*, *перти*, *терти*, *стерти*, *дерти* (т. е. мъти и пр.) при *жръти* = *мерети* и пр.), и въ тѣхъ, въ коихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ вижемъ толь- ко *ере=rъ* (чуть ли не въ одномъ случае «селезень» *)

*) У Даля *золотъ* смыщано съ *золѣть*, воленію, прядь ко- венія = *зладъ*, *сата*: «Несторъ... густою золѣть, густобрадъ... Мириловисъ—добробрадъ... будрявъ, густою зладью... Авдрума- хъ... кудрява, дѣлькою зладью... Касандра русою зладью... Полу- кееви чериомласа, кудрява, велию зладью» (0 разор. Тром по си. XV в., Балайд. Йоз. Экз. Бол. 182, 3). Если, какъ кажется, сбли-женіе Миклошича съ *вардѣ*, *crescere*, *вѣро*, то въ томъ же корю Русск. *золѣть* и Ст.-Слав. *врѣдъ*, Русск. *вередъ*, Поль. *wrzodz*, В. Л. *brjod*, въ которомъ сѣдуетъ предположить первоначальное заачевіе нарости, варыка, и за тѣмъ уже значеніе раны, уязвленія, уязвленнаго юста и пр.

*) Mr. *селехъ* (изъ *селехъ?*) *селезень*, самецъ утки, мо- жетъ первоначально значить вообще *самецъ* и въ этомъ смыслѣ можетъ быть объяснено сближеніемъ съ Скр. *сардж* (основн. *сарп*), *effundere*, *emittere*, *creare*. Основная форма была бы *сарп-a-s*, *сарп-an*, kannъ пошеп *agentis*.

Русск. *еле*), какъ въ *бръза*--*береза*, Литовск. *béržas*, Латыш. *bērzs*; однаво и здѣсь возможны сомнѣнія и на-вѣрное необходимы иѣкоторыя ограничепія. Такъ, иѣтъ передъ собою Слав. формы *жерело*=*жрѣло*, *жъро* и *иурло*, и зипа, что ихъ единство было возможно только при существованиіи формы *тар·тра·ж*, не удобнѣе ли предположить, что все расподѣленіе втой послѣдающей произошло на славянской почвѣ (приблизительно тѣкнъ образомъ: изъ *тар*, съ одной стороны *тар*, съ другой *жар*, откуда *жир* и *жара*, *жере-*), чѣмъ прибѣгать къ Литовскому *ger* въ *gerklė*, которое, безразлично со-ответствуя вѣсмъ четыремъ Славянскимъ формамъ, не-объясняетъ въ частности на одной.

Что до ограничепій, то они могутъ быть такого рода. Если обратить вниманіе на то, что слову *сыть* по значенію противоподагается *гладынь*, *голодынь*, кото-рое собственно значить на иѣшній или ющій, а жив-ный (осн. форма *таръ-и-на*, ср. Свр. *grdñiū*, *avidus*), то будетъ вѣроятно, что *трѣзва*, Русск. *терезъ* *терез*, противополагаемое слову *пьянь*, значить тоже не непившій, а жаждущій напитка. Съ этииъ ср. Скр. *tr̥shū*, *avidus*, при *тарш*, *трѣзжати*, чувствовать жажду, жаждать че-го. Было кѣмъ-то высылзвно сомнѣніе относительно воз-можности соотвѣтствія Скр. *ш* и Слав. *з*, кажется по новоду *derz* при Литовск. *drasus* и Скр. *dharsh*, *audere* (сближеніе Боппа). Безъ сомнѣнія эти звуки не пред-полагаютъ другъ друга, но между ними можетъ быть третій общій. Твкъ Слав. *з* можетъ быть въ иѣсколь-кихъ рѣдкихъ случаяхъ измѣненнымъ *с*. Точно такъ мы остаамся въ иѣвѣдѣніи, какимъ образомъ является въ Латыш. *ksz*, *szk* тамъ, гдѣ мы ожидаемъ *з* и лишь пред-полагаемъ участіе въ этойъ суф. *-ск* (*inchoat.*); тѣмъ не ианиѣ ироично стоять сближеніе Скр. *тарш* и Литовск. *troksztu* v. *troszku*, *trokszti* жаждать, желать. Между тѣмъ какъ *трѣзва* основано на *тарс*, Литовскія формы предполагаютъ уже перестновову *ар*: въ *ra*: *tr̥aszk*. Та-кимъ образомъ, если Слав. *трѣзва* предполагаетъ ближай-шимъ образомъ форму *терезъ*, то первое е въ этой формѣ

ветолько поввидось уже на Слав. почвѣ, но даже не инѣсть себѣ ничего соотвѣтствующаго въ Литовскомъ.

И такъ вообще безопаснѣе смотрѣть на Литов. *e*, напр. въ *gerti*, какъ на явленіе вналогичное съ первымъ *e* сочетанія *ere*, *ele*, чѣмъ какъ на исторически предшествующее вну.

16. О первомъ съ *ere—ele* въ количественномъ отношеніи можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. Древнійшиа основныя формы этихъ сочетаній *ar—al* имѣла краткую гласную; но не пріобрѣло ли это *a* въ отдѣльныхъ случаяхъ долготу до своего ослабленія (какъ въ Лит. *mâlū—mâlti*, мѣлж—мѣлти), или ужъ измѣнившись въ *e*, этого пока мы извѣстимъ.

Положеніе: «всакое Слав. *e* кратко»,ничѣмъ не доказано. Относительно Литовскаго ванъ извѣстно, что въ немъ *e* подъ удареніемъ, но не подъ каждымъ, не измѣняясь качественно въ *e*—Слав. *u*, можетъ пріобрѣсти долготу (Schl. Lit. Gr. 15). Прежде чѣмъ утверждать, что полногласіе *ere—ele* обязано своимъ происхожденіемъ пменно сочетаніемъ *é—é* съ краткимъ *e*, нужно доказать, что это *e* ни въ какомъ случаѣ небыло удлинено на Литовскій наперъ. Намъ не нужно особенно напирать на вѣту краткость, такъ какъ, несмотря на вышеприведенную аналогію Литышскаго языка (въ этой главѣ § 1), есть возможность новять возникновеніе полногласія и изъ основной краткой, и изъ основной долгой гласной (въ этой главѣ § 3: *mlâd*=молодъ изъ предполагаемаго *mâ'lâd*, *malâd*).

17. Въ Хорутансконъ ширѣчіи мы встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ съ его вм. гѣ: *bereg*, берегъ, болото при *bêg*, холмъ, берегъ; *smrekъ* при *smrekъ*, ель; *žerelo*, очко въ ульѣ, челюсть печи, при *žrelo*, пасть (ср. Сербск. *žedrijelo*, *ždrolo*, узкій проходъ, тѣсница).

ив); dereze (множ. ч.) Schuhleisen и dreze steigeisen; бегез и брез, черезъ. При этомъ, сколько известно, ни одного случая съ оро—ою. *) Если взять во внимание, что въ этомъ языкѣ попадаются случаи перестановки г, которые можно рассматривать, какъ спорадическое стремление раздѣлять гласную сочетаніе вѣмой и р (bernk—brenk (Польск. brzék), звукъ струны; dersklja—dristlja, брызгалка, кистарня трубка, ср. дристать; рег—ри); то скорѣе можно считать бегез и пр. за явленіе позднѣйшее, неимѣющее никакой связи съ Русск. берегъ, чѣмъ за остатокъ старины. Тоже можно думать о Болг. чирен, чиресло. Отсюда, кажется, нельзѣ дѣлать никакихъ заключеній къ Русскому полногласію въ промежутии ръ—ль=ере—еле вообще.

Миклошичъ говорить (Lex. s. v.), что по видимому и Ст. Слав., пелена изъ пльна—мѣниe, котораго и, а прежде держался; но быть можетъ слѣдуетъ здесь стать на сторону Гейтлера и считать формы: Ст. Слав. пелена при цѣбна, Сербск. пелена, Болг. леленъ, Хор. pelenica, darinfell, darmhaut, за равно древніе съ Русск. пелена, между тѣмъ какъ Хорут. peliv, pelnicv при plens—за диалектическую перестановку.

18. Допускава гадательно возможность происхождения ръ изъ ере·, лъ изъ еле, мы остаемся въ невѣдѣніи относительно причины и способа происхожденія второго и стало·быть оставляемъ мѣсто для другой догадки: какъ ра, ла могутъ, по выше показанному, предполагать не русскую форму полногласій, а ора, ала, такъ и ръ—ль не основаны ли на полногласной формѣ такої, какъ Русская?

Мы видѣли, что, по Гейтлеру, лъ есть здесь вознагражденіе за дви е, которыхъ по предположенію возник-

*) Странная форма mološenja, милостыня, сюда не относится.

ли изъ стаженія *ере*, *еле*; ао во-первыхъ, аналогоіа съ съмртъ изъ *самртъ, если ее принять, поизываетъ, что страженіе можетъ быть простымъ опущеніемъ первого звука, безъ всякаго вознаграждeіa. Во-вторыхъ, хотя маѣніе Миклошича (Lex. s. v.), что *ерѣтено* есть лишь ошибочная форма имѣсто *ерѣтено*, аожеть быть и нeвѣро, такъ что къ древнему языку и нельзя отнести процесса въ родѣ Хорут. бшег изъ бетег, и пельза сказать, что *ерѣтено* (съ *е*)—изъ перетено; ао быть можетъ слѣдуетъ придать аѣкоторое значеніе тѣмъ случавшмъ, иль которыѣ вѣсто ожидаeааго *ль*, *ръ* или *еле*, *ере* встрѣчаемъ во второмъ мѣстѣ и безъ потери перваго звуко: *ерѣ*, *елъ*. Если принять сдѣланное выше (§ 9 этой гл.) предположеніе, что *жеравъ* и *муравей* предполагаютъ осаованныя формы *зар-* и *мар-*, то не-жду *ера*, *ора* (жеравъ, *моравій) и *ерѣ*, *елъ*, буде изъ втихъ послѣднихъ и не относится къ суффиксу, ока-жется сходство:

Желѣдь, *желѣдьба*—*желѣдьба*, *шпіца*. Миклошичъ считаетъ *желѣсти*—*желости* заимствованымъ иль Готск. *gildan* (Fremdwort); но форма *желад* весьма да-леки отъ *gild*.

Чернь, жароянъ=цирнъ. Форма съ *еръ* предполагается Русскиаъ, Сербск., Чешск., Польскимъ: Mr. че-рень, мѣсто въ печи, иуда ударяетъ пламя и надъ печью: «сісти аа череаї, де гараченько», «зліти на чернъ»: Вр. *черенъ* и, что быть можетъ заимствовано, *цирнъ*, родъ большой сиовороды для выпарки соли; Сербск. *черенъ*. 1, выше вятре, гдѣ удара сила одъ ѿе («како орак?»—иѣть, ие очагъ); 2, како плитан кош, у којему се суши жито выше вятре. Какая связь съ Хорут. *бегенап-фels*, *steinklippe*? Ср. поль. о-рок-а, скали, Русск. соб-ственно опочла, при пеку. Чеш. *боген*, родъ сѣти, ящикъ, гдѣ давить иноградъ, пеjerхастъ горы, мѣсто авѣдъ печью, гдѣ спать; Польск. *сієгжоніес*, вак на губу; ио сзегун, сподъ печи, на которомъ огоаль, заимствовано изъ Mr. *чернъ*, по западному—*чернъ*.

Хорут. *terēsec*, *terjēsec*, Хораат. *terist* кабанъ, предполагаютъ *нёрсъ*. Если эти слова имѣютъ въ основаніи значеніе **литъя, иелінія сѣменів, какъ Слав.** *веръ* (кор. *van*, *spargere*, *seminare*) и какъ Скр. *сріша* — быкъ (*varsh*, *irrigare*) и въкоторыя другія, то, по связи жидкости и нечистоты, оскверненія, насомпѣній въ иѣсколькихъ слогахъ, сюда же можно бы отнести и Чешск. *пёгес*, нечистота и пр., В. Л. *nieroch*, *unflath*, пагубну *hæslich*, отдѣля эти слова отъ Н. Л. *nierēd*, В. Л. *njerjad* (отъ *не* и *яд-*), что тоже значитъ *unflath*. Видоизмѣненія корня въ этомъ семействѣ весьма разнообразны: а) формы: Русск. (Перм.) *нёрсъ*, время петанія акры, Н.Луж. *nerch*, *nerk*, *jerk*, рыбья икра, губа *nerknio*, *lnicht*, указываютъ на осн. слав. *нърсъ*; аналогично съ этими Лит. *nergzti*, *nergzeti*, метать акру, *nergz-las*, *нёрсъ*; б) В. Русск. (Псков.) *наростъ*, течка жиаотныхъ, *наростоваться* (Теер.), о рыбахъ, метать икру, замѣчательно совпаденіе съ Хорут. *narast*, соокупленіе птицъ, *narastili*, *narasčiti*, совокупляться, о птицахъ, аорень тотъ же, а отюдь не *на* и *ростъ*; в) Русск. (Арх.) *ніросъ*, рыбья и лягушечья икра, *ніроситься*, совокупляться, о лягушкахъ, Волог. *нірос-ть*, тоже что *нёрсъ*, Поль. *trąskać się* («szkoda w ten czas gub» (т. е. есть), «gdy eię trązać trąszać», Linde s. v.), аль Церк. Слав. было бы ирис- у. *ирас-*, въ Лит. ср. *nārskas* = Рус. *ниросъ*, Латыш. *na'rste* = ніростъ, паг'атії, метать наружу; г) Рус. *нірестъ* (ав. Палей 1494 г. Вост. Слова. е. в.), Серб. *mrѣst* = мријест, рыбье икра; наконецъ д) упомянутое выше Хорут. *тергъ-ес* = осн. *нёрсъ*. Если кореаль здѣсь *марс* = *смарс*, то въ *нёрсъ* и пр. находамъ замѣчательный случай сродства начальнико *м и н*.

Темно для меня Ст.-Слив. *терасъкъ* (по си. XV в. съ Рукоп. 1047), *терльскъ* (Сб. 1073), *тармынъкъ* ренеинъ (валигачъ?). Востоковъ и Миклошичъ совершили проиневольно пихнуть *трльскъ* къ сближению съ Польск. *trzoe*, Mr. *чересъ*, которое авечно сродно съ *чръза* — *черезъ*.

Ст.-Слав. *сверньзъ*, *ferus*, *севгизъ*, *agrestis*, Русск. свирѣпый, свирибый (Тв.), саиущій, Чешск. *свѣрхъ*, *bromos*, *cc.-ice* жеребецъ, кобыла, Польск. *swierzopa*, *swierzopa*, кобыла, матка; Хоруг. *srѣp* (вм. *сугѣр*) огромный и *срѣp* (*згрѣp*): *срѣp gledati*. На основании последней формы, а равно и «ожинтеся жепами *съвернами*» (Нал. 1494), Миклошичъ выставляетъ Ст.-слав. форму *сереньзъ*. Опь же сравниваетъ съ Литовск. *szurpsii*—*szurpti*, ногогеге (Lex. s. v.), къ чему Гейтлеръ (Fon. § 69) прибавляетъ, что *szurpti* должно быть изъ *szwerpti*, какъ *dugys* изъ *dwersys*.

Эти четыре или пять случаевъ имѣютъ то общее, что при *ль*, *ръ* въ нихъ находимъ *елъ*, *еръ* со второю гласною принадлежащею корню, при чмъ въ трѣхъ *еръ* свойственно не однѣмъ задунайскимъ парѣціямъ. Вредли сюда можно прибавить частицу *елъ* въ *елъ жимъ* при *ль* въ *лжимъ*, *лтепла*. Быть можетъ *елъ*, а не *еле* слѣдуетъ писать и въ Русскомъ. *ль* свойственно кромѣ Ст.-Слав. и Чешскаго (*leda*), Польскому (*lada*) и Мр. въ *ледающо*, *лтепло*.

Болѣе похоже на случайную неправильность встрѣченное въ нѣкоторыхъ не особенно дреаникъ памятникахъ *четвертьдненънъ*, *четверънотъ* при *четверъ* и при рѣшительно неправильномъ *четверъ* (Mikl. Lex.). О фонѣ *четверъ* слѣдуетъ повторить сказанное выше о формѣ *пладне*, именно, что эти формы обазаны своимъ происхожденiemъ неправильному подчиненiuю аналогіи съ *ере=ръ*, *оро=ла* въ ворѣ, и что правило состоять въ неизмѣнности такого общеславянскаго *еле*, въ второмъ второе *е* есть тематическая гласная или принадлежить болѣе полновѣсному суффиксу: *зех-енъ*, *зеле-рачнъ*, и никогда *зънъ*, *зъръчнъ*.

Слѣдующія формы отличаются отъ выше приведенныхъ тѣмъ, что, сколько известно, ни въ одномъ напрѣкіи неимѣютъ при себѣ формъ съ *ль*:

пельсь, пестрый или скорѣе полосатый. Таково написаніе въ обоихъ случаяхъ, известныхъ Востокову изъ нам. XV а., такъ что форма *зелесъ* выставлена

Миклошичъ гидательно. Весьма замѣчательно Бр. *peljasmy*—*peljemy*, полоспѣтый, въ которомъ я удареніе неможетъ быть объяснено ни изъ *e* ни изъ *ъ* (Ср. Хорут. *terjasec*). Милюшичъ срываиваетъ *peljza* съ *полоса*, *перепелесый* и Литовск. *pâlszas*, половой. Ср. также Латыш. *raiwas*—*plasz*, половой.

Жельзо, общеслав. форма, такъ какъ *a* въ Mr. замѣzo легко можетъ быть поздѣйшимъ и въ сомонѣ Mr. вмѣеть при себѣ *же-*. Если сравнивать съ Латыш. *dzelze* и Жм. *gelžis* (Mikl. Geitl.), то слѣдуетъ дѣлить не *жельзо* (Cirf.), а *жель-зо* или *жель-о*, при чёмъ однако стринно второе *e* въ Литовска. *gelezis*.

Во всѣхъ этихъ формахъ за исходиыя мы принимаемъ *елъ*, *еръ*, откуда въ иѣкоторыхъ—*ль*, *ръ*. Это было бы неудобно для теоріи Гейтлеръ, а потому онъ правимаетъ, что *елъ*—*еръ* здѣсь образовалось уже изъ *ръ*—*ль* посредствомъ новой вставки въ передъ плавной (будто бы по аналогіи съ *несемы!*); на примѣръ изъ предполагаемаго *сверлъ* съ одной стороны *сверльг*, откуда *сверльг*, а съ другой предполагаемое *сверлъ*, *сверлъ* и *сверлъ* (Fonol. § 69). Неговоря уже о предположеніи, что *и* изъ *e*, миѣ кажется, я имѣю основаніе несмѣнчивать въ объясненіи такихъ формъ, какъ выше упомянутое исключительно Хорутаисаое *relna* и *veleg*, съ такими болѣе общими, какъ *чернь*.

19. Выше было упомянуто, что Гейтлеръ недѣляетъ различія между тѣми *ръ*, *ль*, при которыхъ состоять Русское полногласіе, и такими, въ которыхъ всеѣ слав. нарѣчія имѣютъ только одну гласную посль плавной. Это заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія и составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ разграничениемъ обоихъ случаевъ, какое сдѣлано въ общемъ вѣрою П. Лавровскимъ (О Подаога. 49—51). Гейтлеръ (§ 66) говорить только о случаяхъ съ *ръ*—*ль*, (общеслав.). и однозначно съ *я* (*прямъ*); но мы можемъ сказать, что, для кого нѣть различія относительно *ръ* въ *брѣзъ* и *брѣзъ*—*бе-*

ресь, тоиу должны квваться тождественныи и случаа
плакаться (*flere*) и плакати, полокать, полоскать;
градъ (*grando*) и градъ—городъ. Между тѣмъ ровница
между аими прежде всего во времени происхождени.

Случай, въ коихъ во асѣхъ Слав. нарѣчіяхъ *соя+r*, *я+гласна* могутъ быть разделены на дѣлъ катего-
горіи.

Въ одной или вообще ин одии изъ сродныхъ язы-
ковъ неуполамачиваетъ приимать другое болѣе древ-
нее расположение звуковъ, али же есть указаія на то,
что сочетаніе *соя+r*, *я+гласна* хотя и аѣбыло перво-
начальныи, но существовало за долго до слаалио-Ли-
товскаго періода. Такъ, хотя Слав. братръ и аозво-
дится обыкновеао къ ворнию *бвар*, но въ самомъ етомъ
вмени форма ворни *бѣра* дана или предполагается въ
языкахъ Санскр. и Зеадск., Греч., Латапск., Кельтск..
Герм., Слаалио-Литовскомъ, слѣдовательно, по обще-
приятому способу завлючаіа, относится къ глубочай-
шей дреааости. Если и допустить, что это *бѣра*—изъ
бвара, то необходимо вмѣстъ съ тѣмъ приять, что весь
строй того языка, аъ коемъ вовинко вто *бѣра*, суще-
ствено отлаааѣтъ отъ того, при второмъ въ аѣкото-
рыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ аозаиво *брада*. Такъ
расположеніе звузовъ въ *градъ*, *grando*, одинавово аъ
Слав. и Латииск. (гдѣ *grand* изъ *grad+*-п- глагольнаго
характера) и вѣроятно въ Скр. и Зеандск.; въ пол-
ногласномъ Греческ. *χάλαξα*, по Курциусу, тоже встав-
ное *α* асть ие второе, а первое, такъ что здѣсь основ-
ная форма *χλαδ*.

Въ другомъ отдельъ словъ этого рода сочатааіе
соя+r, *я+гласн.*, хотя и болѣе поздааго проасхожде-
ній, но однако такъ дреаа, что возникновеаіе Русскаго
полаогласія застаетъ его уже готовымъ. Сюда отаосят-
ся Слав. брѣзз, разсвѣть, и блѣскъ—блѣстъти. Сло-
ва эти близайшии образомъ сродны съ Лит. *bréksz-ta*
(3. л. един. ч. безанч.), брезжетъ саѣть, разсвѣта-
еть, *prabréksko*, пробрезжило, *blaiksz-tau-s*, *blaiksz-*
t-u-tis, выясняться, о пебѣ, *blizg-u*, *blizgēti*, блестѣть,

откуда видно, что ближайшев осноаная форма есть *брзис-*
блиск, въ воей *и*, *ск*, какъ и часто, предполагаетъ *и*, *к*,
такъ что *блъскъ* отмѣть иа изъ *блескъ*, какъ думаетъ
Гейтлеръ. *Бризъ* относительно своего и можетъ предполагать *бѣрдѣ* (Скр. *бѣрдѣжъ* свѣтить, блестѣть, Греческ.
φλέγω) подобно частой въ Скр. *смѣнѣ* *а* и *й*: при кор-
нѣ *пѣ—пѣ-бами*, *пѣ-тѣ́*; при *стѣнѣ*—*ти-штѣнами*, *стѣн-*
ти, *status*. Само это *бѣрдѣ* (Латинск. flag во флагша и
пр.) въ свою очередь могло возникнуть изъ *бнаргъ*: Скр.
бнаргас блескъ, Латинск. *fulgeo*.

Брзъ не даетъ однозначно права думать, что вездѣ
въ подобныхъ случаяхъ мы должны предполагать *и*; въ
иныхъ словахъ для нась всно только то, что *рѣ* не
происходитъ изъ *ере*, но предполагаетъ уже въ дославин-
ское время *соя+р+иаси*. *Трѣске* во искомъ случаѣ
блаже къ Литовск. *traszkѣti*, *treszkѣti*, чѣмъ къ Литов.
tarszkѣti трещать. Съ Латин. *dormi* аѣ *dormio* и Греч.
бар- въ *бар-фѣ-у*, сплю, можетъ быть, сравниваемо толь-
ко *дѣрмъ* или *дѣрмъ* въ Сербск. *дрмати*, «кво намроћен
иуьти», кунить, дремать насупиашись; между тѣмъ
общеславянское *дрѣмати* предполагаетъ въ досла-
винское время такое расположение, какъ въ є-брадоч.
Миклошичъ (Lex.) *дрѣмати* сближаетъ съ *треਮати*,
tremere и указываетъ на Хорутанск. *dramiti*, *expre-*
gesacere. Такими образомъ *dramiti* относилось бы къ
дрѣмати, какъ *разити* къ *рѣзати*; однако *dramiti*,
накъ причинное при *дрѣмати* могло бы значить лишь
заставлять спать, а не будить, а кавъ болѣе длитель-
ное значило бы опять таки дремать. Повтору лучше
сблизить Хорут. *dramiti* (предположивши въ немъ соб-
ственное значение астрахнаать или заставлять встрих-
нуться) съ Сербск. *дрмати*, страсти, считая возможную
развѣ очень отдаленную, посредственную связь съ *дрѣ-
мати*.

Въ Сир. для значенія *вазаге*, *frigere*, сощеге на-
ходимъ двоякую форму корня: *бнардже* (*бѣрдже*) и
бѣраджедже (*бѣрджедже*). Форма *ар* предполагается Серб-

свимъ *пражати* жарить, Ст.-Слан. *пъра* и пр. (см. Mikl. Lek. *праза*, *пражина*; въ *пера* слѣдуетъ предположить основковъ значеніе *поджаренной* крупы или муки, какъ дѣлаютъ для каши и лемѣшки, Польск. *prajuchä*, а за тѣмъ уже—цѣточной пыли, собираемой пчелами) и Литовскій *sprigas*, вышварокъ, *virginti*, поджаривать сало, жиръ. Между тѣмъ слова *пражити* и Лит. *spraginti* и *sproginti* предполагаютъ дославянскую форму съ *ra*.

Допускя вмѣстѣ съ Гейтлеромъ родство между *чръзъ*—*черезъ* и *скроузъ*—*сквозъ*, *крозъ* (Сербск.), *skrz* (Чешск.), я думаю, что разстояніе между этими формами токъ велико, чѣмъ всѣ они измогутъ быть выведены ни изъ Литовскаго *skerai*, поперекъ, ни изъ *хартосъ*, *obliquus*. Чръзъ и *черезъ* дѣйствительно предполагаютъ *карасъ*—*скарасъ*; но въ то время, какъ изъ этихъ послѣднихъ формъ азовишиа съ одной стороны *скэрзъ*, съ другой полногласная форма, вторая, но мовиу мнѣнію, отнюдь небыла равна М.-руссской *керезъ*, а скорѣе качинадась съ *ча*, въ то время уже существовала другая форма *скрасъ*, давшевъ вачало форманъ: *скроузъ*, *крозъ* и *сквозъ*— (скважина, скважина), *сквозъ* (*сквозъ*, *скозъ*, *сквозъ*), гдѣ *въ*, по мовму мнѣнію, изъ *r* *червъзъ* *л*, *) п по Гейтлеру—*аставиовъ* (*скроузъ*), вытѣспившее потомъ корениое *r*, чаго однако нѣть въ *скеръти* и пр. Въ то время, когда положено было основніе форманъ *сквозъ*—*скроузъ*, о вѣроятно вѣще несуществовало, такъ что я не могу согласиться съ Гейтлеромъ (Кон. § 66), что *скроузъ* изъ *скорозъ*.

*) Ср. наоборотъ *r* изъ *e* въ В.-Л. *jałorc=jadowc*, можжевельникъ.

VIII.

Этимологическим различием коренныхъ гласныхъ
въ глаголахъ.

1. Г. Гейтлеръ отрицаєетъ существование усиленій въ Славянскомъ языке: «съ исторической точки зрения—я другой мы не знаемъ—есть только падежіе, а не усиление (*stuprōveni*) гласныхъ»; если же омы говорить объ усиленіяхъ, то дѣлеетъ это, по его словесамъ, лишь потому, что «Славянская гласная на сеої степени освобождения» бывають «отраженіями преживыхъ усиленій» (Fonol. § 85). Отсюда бы слѣдовало, по видимому, что нестационарнія, епокиѣ достойныя этого имени усиленія должны быть отнесены въ недавній дѣль времень, такъ какъ уже и въ Сапсириѣ ё, Ѹ (губы отъ и, у) суть стаженія сачетаній *ai*, *au*, слѣдовательно—результатъ недавнія звуковъ. Не это можно замѣтить, что несправедливо видѣть разрушение еездѣ, кроме акта зерожденія являемой, большую частью недоступного наблюденію. Теорія, относившая творчество въ языкѣ къ доисторическимъ временамъ, страдала именно тѣмъ, что немогла объяснить, илъ языкъ можетъ преуспѣвать, кинь ор-гень мысли, подлежа въ историческая времена лишь дѣйствію разрушительныхъ силъ, обрещающихъ даже ее на одно тѣло языка—звукы, что со спиритуалистической точки зрения было бы еще понятно, по на его душу: грамматический строй. Пынѣ эта теорія нѣдетъ мало сознательныхъ послѣдователей. Это вообще, а въ частности: какъ, если не усиленіями, мезовсемъ мы специально-славянскія усложненія коренной гласной, которая, будучи отлична отъ губы и вридги по способу возникновенія, что я подѣюсь показать, служить грамматическимъ цѣлямъ? Что-такое, если не усиленіе, напр. ??

въ надымати по отношению къ з въ дамж? *);

Подъ этимологическими измѣненіями гласной корня мы разумѣемъ тѣкіи, которые должны разсматриваться лишь въ связи съ грамматическимъ содержаніемъ тѣхъ формъ, въ иныхъ встречаются. Разсматривши ихъ съ чисто-фонетической точки зрения, мы, во-первыхъ, лишаемъ себя важнаго подспорья для опредѣленія ихъ исторической послѣдовательности, представлявшаго намъ значеніемъ формъ; между тѣмъ убѣдишись, напр. что такое явленіе синтаксиса, какъ степени длительности, относится къ такому-то періоду, мы отсюда можемъ заключить съ некоторою вѣроятностью, что и измѣненія коренной гласной, сопровождающая только степени длительности, относятся къ тому же періоду. Во-вторыхъ, съ чисто фонетической точки даже новое не-различимо понятіе вътимологическомъ измѣненіи гласной, изъ чистоты—усилія. Такъ, если въ оj глагола поимть (т. е. поj-и-ти) мы увидимъ усиленіе только въ смыслѣ некотораго наращенія звука и, необходимаго въ им-ти, то ничто ивломѣшитъ намъ отнести къ той же категоріи исключѣніе усложненія коренной гласной, хотя бы они происходили отъ звѣдомо-мѣх-

*) Если бы кто и держался мнѣнія, что гузы, нѣ смыслъ усложненія основной гласной предпоставленіемъ ей звука *a*, никогда не было и что отношеніе *ар*: *р* вполнѣ равно отношеніямъ *au*: *u*, *ai*: *i*, что, кань *dhar-â-mi*, держу, есть основная форма по отношенію къ *dbr-tâ* (прч. пр. страд.), такъ и *sras-â-mi*, теку, *naj-â-mi*, иду, во усиленіи по отношенію къ прч. страд. тѣхъ же глаголовъ *gru-ta*, *nî-ta*, не икъ оборотъ послѣдніи формы по коренинѣ гласныхъ суть ослабленія первыхъ (Leo Meyer, Ueber vocalsteigerung, Z. f. V. Spr. XXI, 343); если бы, говорю, кто и держался такого мнѣнія, то ему слѣдовало бы трижды подумать: слѣдуетъ ли изъ этого, что и з въ надымати есть звукъ болѣе первообразный, чѣмъ з въ дамж? Вирочектъ вышеупомянутое мнѣніе Мейера не можетъ счи-таться доказаннымъ, и я считаю возможнымъ, пока судъ да дѣло, остатися при старой терминологии т. е. напр. говорить, что *au* есть гулкъ звука *u*.

ническихъ причинъ: отъ вліянія ударенія, отъ позиції, отъ качества слога, т. е. его прамоты или обратности, отъ качества слѣдующей согласной, отъ ся опущенія. На обратъ, если принять *ли* за осадченіе дифтонга *ai* (= *oj* въ *поити*), то съ фонетической точки одно роднымъ съ этимъ окажется и Mr. *i* (*vil*), произшедшее изъ дифтонга. Такое обобщеніе неблагопріятно анализу. Нѣкоторыя усложненія гласной подлежать вы дѣлію единой фонетики, потому что неимѣли и неимѣютъ никакой частной функции, никакого видимаго отношенія къ отдѣльнымъ формамъ, въ коихъ встрѣчаются, и знаменательны лишь по отношенію къ очень общимъ, трудноопредѣлимъ цѣлямъ языка. Такъ напр. для формальнаго и лексического значенія слова *волз* безразлично качество стоящей въ немъ гласной или двоегласной: *o*, *uo*, *uz*, *u*, *i*, *ia*, по парѣчіямъ. *) Не таково *oj* въ *поити*. Весьма возможно, что и усиленія, подобныя этому, произошли отъ причинъ, подобныхъ упомянутымъ выше, напр. отъ ударенія, въ свою очередь условленного не тѣмъ, или другимъ значеніемъ слова, а лишь удобствомъ его произношенія; что и они никогда не имѣли непосредственной изобразительности. Однако съ другой стороныѣ вѣро, что съ дивинъ порь эти усиленія уже независимы отъ меманическихъ причинъ. Возможно, что языкъ для раз личенія значеній воспользовался здѣсь звуковымъ явле ниемъ, нѣкогда безсмысленнымъ, чemu можно найти и другіе примѣры. Такъ, хотя вѣроятно, что именные термины *a* и *u* нѣкогда различались по значенію, но ихъ различіе исчезло за долго до того, когда нѣкоторыя сдавин скія парѣчія вновь придали знаменательность двойкимъ

*) Этимъ вовсе неутверждается, что слово, извѣняющееся по парѣчіямъ, остается одниимъ словомъ, тождественнымъ по значенію, а признается лишь такая отдаленность связи звука и значенія, которая называется «сущайностю». Случайнѣ напр. то, что стихъ поэта въ родѣ Лермонтова или Тютчева, произнесен ный на областной яз., покажется намъ пародіей.

падежанъ, кікъ дӯха и дӯхӯ, въ дӯхл и на дӯхӯ, въ дӯхӯ.

Выдѣляя понятіе обѣ этимологическихъ измѣненіяхъ коренной гласной, мы неизицываемъ частной знаменательности всѣмъ такимъ измѣненіямъ во всѣ періоды ихъ существованія, и говоримъ только: это тѣ измѣненія, которыя переходять къ знаменательности, при чёмъ остается открытъ вопросомъ, которая изъ нихъ, получивши знаменательность, сохраняютъ ее; которая ее имѣли, но потеряли; которая, извонецъ, будучи по звуконому составу тождественны или однородны съ первыми двумя, потеряли, подобно имъ связь со своими механическими причинами, но непріобрѣли знаменательности. Это равносильно признанію, что понятіе обѣ этимологическихъ измѣненіяхъ довольно неопредѣленно, посѣть на себѣ явные слѣды недостаточности нашихъ знаній; но это понятіе есть попытка ради временнаго удобства ограничить кругъ изслѣдованія. Хуже было бы все валить въ кучу.

Этимологическое измѣненіе гласныхъ предполагаетъ одновременное существование а) сродныхъ словъ а) или основной гласной и ея усиления (усиленія, поднятія); б) или основной гласной (которая могла замѣниться въ другую, ей равносильную), именуемой при себѣ съ одной стороны ослабленіе, съ другой усиленіе; в) или, извонецъ основной гласной, являющейся усиленіемъ по отношенію къ одновременному съ нею ослабленію, какъ напр. въ Санскр., гдѣ, какъ принято думать, *ар-*, будучи основнымъ, играетъ по отношенію ко своему ослабленію рѣтульную роль, какую гуна отъ *и*, *у* (*é=a*, *ö=au*), по отношенію къ основнымъ звукамъ *и*, *у*. Невиниканіе въ атому послѣднему случаю ведетъ къ заблужденіямъ, въ рожь слѣдующаго мінѣя: «Въ половинѣ, даже въ большей части Латышскихъ глаголовъ съ характеромъ *=aja* аль настоящемъ и съ характеромъ *a* въ неопредѣленномъ, сохранилась первоначальная коренная гласная первѣдо даже аль болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ аль соотвѣтственныхъ глаголовъ односложныхъ, такъ называемыхъ, перкообразныхъ, напр.

wbddat, водить, при west, вести, walkat, волочить, при wilkt, волочь. Отсюда можно заключить, что эти frequentativa должны быть образованы прямо от корня и собственно немогут считаться производными» (Bielefeldt, Lettische Spr. I, 381). Изъ состоянія коренной гласной въ такихъ глаголахъ, какъ wbddat, слѣдуетъ отнюдь не то, что они первообразны ниравнѣ съ west, а лишь то что они образованы отъ этихъ, или иныхъ подобныхъ первообразныхъ, когда въ послѣднихъ вѣще пѣбыло того ослабленія коренной гласной, никакое въ нихъ теперь. Прямой преемникъ основнаго *a*, корня *eazh* есть *e* въ Латыш. *wezt*, везти; удержаніе *a* въ *wazat*, возить, потребовало иѣкотораго сопротивленія механическимъ стремлѣніямъ рѣчи, такъ называемому ипденію звуковъ, и въ этомъ смыслѣ есть усиленіе. Какъ скоро возникло стремлѣніе различать извѣстные формальные оттѣнки посредствомъ символизма гласныхъ, то болѣе-менѣе все равно, становѣтъ ли усиленія гласная при основной, напр. *ē* при *u*, или основная сама, или въ видѣ своей замѣнѣ—при ослабленной, напр. *ar* при *r*, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ разстояніе между гласными двухъ видовъ корня (напр. —вид въ вид, *mar-* и *mr*) оставается тоже.

Символичность итимологическихъ изицепій гласныхъ не есть иѣчто непосредственное. Измѣненія эти вовсе не безусловно необходимы для выраженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій и большую частью лишь сопровождаются другія обозначенія этихъ категорій. Такъ глаголы причинные въ Литовско-латыш. и Славянскомъ могутъ имѣть усиленіе, но могутъ по гласовой корни къ неотличаться отъ глаголовъ первообразныхъ, имѣющихъ ослабленіе, напр. Лит. *wirdinti* и *wirinti*, причип. при *wirli*, кипѣть. Бываютъ даже случаи, когда обычное значеніе усиленія прямо извращается, напр. когда въ Скр. причинность оттѣняется удержаніемъ основной гласной при усиленіи въ глаголѣ непричинномъ, какъ *tamaja-*, *uchage* (Сл. *томи-*) при *tâmjv*, *confici* тоегоге, *languescere*.

Рассмотриваемая здесь усиление коренной гласной а Славяномъ дѣлается во способу и времеи образа на дао разряда: а) на драентѣйшія, соотвѣтствія Санскритской гунѣ, а быть можетъ и аридги, и состоящія (иromъ *ar*) а постановкѣ *a* передъ усиливаемой гласной и б) на усиленія позднѣйшія, не находящія никакаго соотвѣтствія въ Санскритѣ, о способѣ образования коихъ см. ниже. Перамъ раздѣлимъ тоже на два отѣла, изъ коихъ а первомъ древнѣйшемъ знаменательность усиленій проблематична, въ другомъ—неочевидна. Начнемъ съ перваго отѣла.

А. Извѣстно глаголасть, состоялающа въ Скр. 2-й кл., въ Славянскомъ остался одинъ съ язвенникою гуною, именно *вѣль* (извѣстно *вид-ми*, кор. *вид*), но аѣ немъ, въ отличие отъ Санскрита, усиление не зависитъ отъ вѣса окончаний (какъ въ Скр. *вѣдми*, *вид-мас*), но распространяется на всѣ формы спряженія и стало быть въ самомъ спряженіи лишилось знаменательности, если ее когда либо имѣло. Послѣ этого знаменательность усиленія можетъ здѣсь состоять лишь въ различіи формъ *вѣд* и *вид* по вещественному ихъ значенію: знать и видѣть.

Б. Гуна распознается въ глаголахъ съ корнями на *u*, *и*, съ характеромъ *e* (=Скр. *a* въ глаг. 1-го кл.) въ первомъ темѣ (т. е. темѣ настоящаго въ Слав. и специальныхъ временахъ въ Санскритѣ) и базъ характера во 2-й темѣ (темѣ неопред. въ Слав.): *плов-е-ть* (Скр. *пла-а-тѣ*) *плути*, *рео-е-ть* (Скр. *раа-а-тѣ*) *рюти*, *ль-ј-е-ть* (Скр. *ли*, *liquefacere*, *лај-а-ти*) *лити*, *ти-ј-е-ши* («изгѣбѣть», Даар. Л. 35)- *ин-ти*. Въ *льтеши*, *ти-тиши* же не принадлежитъ къ глагольному характеру, но есть лишь необходима звонкастическая ассоциация между конечнью гласною корня и характерною гласною. Быть можетъ уже въ дославянское время нечасто заимствовалось надобности удерживать различие въ строении коренного слога двухъ темъ, какъ *льтеши*-*ли-ти*. Отъ

глаголовъ этого образца замѣчается движение къ глаголамъ частью образца *смыєши*—*смѣти*, частью образца *мыеши*—*лити*. Въ первыхъ усиленіе корня первой темы (Скр. *smij-a-tb*) перешло и во вторую, *) какъ и въ Литовскомъ *lējv*, *lēti*, лить. Во вторыхъ въ той и другой темѣ исчезло усиленіе. Причина сохраненія об- основ. *am* (=гупѣ отъ *u*) въ *noj e shi*—*pl̄ti*, рѣдомъ съ превращеніемъ основнаго *am* въ *smij* въ *смыєши*—*смѣти* можетъ заключаться въ томъ, что нѣкогда чувствовалось различіе въ строеніи этихъ глаголовъ: послѣдній, быть можетъ, слѣдуетъ дѣлить такъ: *смѣ-е-ши*; относя въ неинъ къ глагольному характеру и признавши, что втотъ глаголъ перешелъ изъ класса—Скр. 1-му въ классъ съ характеромъ *je*=Скр. *je* 4-го класса.

Съ Литовскимъ *leji*—*lēti* построены весьма сходно Лит. *krauji*—*krauti*, а послѣдній весьма близокъ ко сходному съ нимъ по значенію *krzyj*—*крыти*. Взявши во вниманіе вышеупомянутый переходъ формъ *лѣж*—*лити* въ *лѣж*—*лити* и весьма вѣроятный аналогичный съ нимъ переходъ отъ *кроеж*—*крыти*, *коеж*—*кути* ко *крыж*—*крыти*, *куж*—*кути*, (Поль. *kuć*, форма болѣе древняя, чѣмъ *ковати*), можно прійти къ догадкѣ: не есть ли разница между Литовскимъ *krauji*—*krauti*, *kaui*—*kauti*, *tauja*—*tauti* и слав. *крыж*, *куж*, *мыж* лишь повидѣнія въ не вовинкли-и *и* и *у* въ Славянскомъ изъ дифтонга? Нѣвѣсть ли стало быть разница въ строеніи темъ глаголовъ, какъ *плов-ж*—*плут-ти* съ одной стороны и единственного въ своемъ родѣ глагода *поиж* (т. е. *поj-ж*)—*плуть* съ другой лишь поздѣнія? Если бы это было тѣкъ, т. е. если бы *плут-ти* возникло изъ *плутти*, то о внимательности различія между *плов-* *плов-ши* и *плу-* въ *плутти* въ славянское время не могло бы быть и рѣчи; но утверждать этого я не могу, такъ какъ несчитаю весомѣтнымъ что славян-

*) *Смыєши*—*смѣти* и *смѣ-е-шв-са*—*смѣ-и-ти-са* несомнѣнно одного происхожденія, причемъ 2-й глаголь, болѣе ясный по формѣ, сохранилъ болѣе древнее значеніе.

ское *у* (изображеное посредством *ay*) можетъ быть равно не первоначальному *у*, а лишь его усиленію.

В. Гуна видна и въ зов-е-ти (кор. *thy* или *tu*, скр. *tv-*), глаголъ тожестаенномъ по первой темѣ съ плов-е-ти, но во второй темѣ превращающемъ чистую корен-ную гласную въ глухую и затѣмъ опускающемъ ее и принимающемъ характеръ *a*: зов-а-ти—зов-а-ти. .

Судя потому, что въ Санскритѣ удержанія основав-го *er* равносильно усиленію основныхъ *u*, *u* въ *ai*, *ay*, можно бы думать что Слав. *er* (= Скр. *er*), а въ бер-е-ть (скр. *bhār-a-ti*, изъ *bhār a-ti*), сер-е-ть (скр. *sār-a-ti*, теметь). *дер-е-ть*, *пер-е-ть* имѣю характеръ усиленія. Однако замѣтимъ слѣдующее. Вторая тема этихъ глаго-ловъ (*брати*, *срати*, *драти*, *прати*), равно какъ и ато-рая тема глаголовъ отлачныхъ отъ названийъ по темѣ настоащаго (*стел-е-ть*, *сы-е-ть*), именно *стя-ти*, *сла-ти*,—позднѣйшаго, специально славянскаго происхожде-ния, какъ и *зевати*. Написаніе *брати*, *избрата* и т. п. и тождество этихъ формъ въ Ст.-Слав. и Русскомъ показываетъ, что въ *стя-ла*, *бра* и проч. мы имѣемъ не усиленія корня, и не формы равныя относительно усиленія съ санскритскими инфинитивами *стар-тум*, *сар-тум*, *bhār-тум*, какъ думалъ Милюшинъ (Vergl. Gr. I, 141), ибо въ такомъ случаѣ въ Русскомъ было бы *столоти*, *бороти*, *дороти*, или *дерети*, а сочетанія позднѣйшаго вида корней съ характеромъ *a*: *стя-а-ти*, *бър-а-ти*, *пер-а-ти*, какъ зев-а-ти. Сравнивая *прати* съ Лит. *per-ti*, признаю послѣднюю форму за первообразъ пер-вой не во всѣхъ отношеніяхъ (не относительно проис-хожденія въ изъ *e*), а въ томъ, что и въ Славянскомъ или дославянскомъ нѣкогда здѣсь стояла во 2-й темѣ тоже гласная, что и въ 1-й, при ченъ первая тема не могла казаться усиленіемъ.

Слѣдующіе глаголы отличаются отъ зовж—зов-а-ти, берж—бр-а-ти лишь присутствиемъ глухаго звука въ корней обѣихъ темъ: *рвеж*—р-е-а-ти, *лыту*—лы-а-ти, *сесж*—с-е-а-ти, *твкж*—тк-а-ти, *звѣжд*—ж-е-а-ти, Врусс. *вру*—вратъ (вър-), *жру*—жратъ (жър), Новгор.

запру—*запрать* (=зепереть). Ничто не даетъ повода искать въ нихъ усиленія. Напротивъ, своимъ формаль-нымъ равенствомъ съ *беру*—*брати* они заставляютъ думать, что въ послѣднемъ различіе въ коренной глас-ной двухъ темъ небыло знаменательно.

Г. Сравнительно съ *беру*—*брати* и *жеру*—*жрати* слѣдующіе глаголы съ корнями на *r* очевидно болѣе первообразны, по отсутствию во второй темѣ характер-паго *-a*, влекущему за собою большую устойчивость заимствъ коренного гласнаго звука передъ суффиксами па-чинающимися съ согласныхъ: Мр. *деру*—*дѣрти* (т. е. *дѣр-ти*: «ноги задерга»), *мру*—*мерти* (=мърти) и по послѣднему образцу въ обѣихъ темахъ—*перти* (подни-рать и пр.), *перти* (соорить, тягаться спорить: «тебе неинтересно»), Гулакъ), *жерти* («занзи пожерла»), *мерти*, Галиц. *мерти* («шонёр»); Врусс. а частью, быть можетъ, общѣ-русскіе, съ особымъ видоизмененіемъ гласнаго въ плавнаго элемента въ корня (*ере*=Ст.-Слав. *ry*), *мереть*, *переть*, *занереть* (напр. запоть, начинить), *тереть*, *простереть*=*мърти* и пр. *прѣти*, *скрѣти*. Врядли можно сомнѣваться, что формы какъ *мру*=*мърж*, равно какъ соответственные литовскія, какъ *wegi* и *gёgi*, предполагаютъ формы съ основными *ar* (=мар-ами и т. п.), которое въ Сапскрите стало равносильно съ гуною отъ *u*, *y*. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ то время, когда въ дославянскомъ взыкѣ *мърж* имѣло въ корнѣ чистое *a*, въ этомъ языке немогло быть ослабленій *ar*, вродѣ славянскихъ *эр*, *yr*, или ли-тонскаго *ir*, или санскритскаго *r* (*bhr̥tā* при *bhr̥atati*); то и основное *ar* никогда въ ятомъ языкѣ нечувствова-валось вавъ усиленіе. Подобно этому въ глаголахъ съ основными *a* при согласныхъ кромѣ плавныхъ (*вег-е-ть* =Скр. *váh a-ti*, *вести*) это *a* (=оозднѣйшему *e*) не-могло считаться усиленіемъ при отсутствіи ослабленной формы корня, какая появилась лишь въ Сапскрите. При этомъ остается вопросомъ, что произвело звуковое раз-личіе между *мърж*=*марами* и *берж*=*бхарами*?

Спрашивается, въ какомъ отношеніи находятся фор-

ны, какъ *мрѣти* — *мереть*, къ формамъ *мѣрти* и *мѣрж* и, что на тоже выйдетъ, въ какомъ отношеніи въ корпахъ на юную согласную съ р, а внутри находятся старо-славянскія формы *брѣсти*, *тѣшти* къ *врѣхъ*, *тѣзжъ*? При этомъ можно устроить вопросъ о томъ, происходитъ ли *мрѣти* изъ *мерети*, и ограничиться признаніемъ факта, что обѣ формы, равносильныя между собою, въ концѣ концовъ произошли изъ одной формы, что въ обѣихъ мы имѣемъ только видоизмѣненіе корня и суффиксъ неопред. паклон. и что, стало быть, иѣпіе о вставочности и согласное съ нимъ дѣланіе *мрѣти* (Schleich Formanl 298—300) ошибочно.

Въ своей статьѣ о полногласіи (Два изслѣд. 35—6) я съ одной стороны признавалъ, что въ основаніи формъ *мрѣти* и *млѣти* лежать формы съ *ар*, *а*, но съ другой смотрѣть на *рѣ—ль* какъ на усиленіе по отношению къ *рѣ* (*рѣ*) *ль* и на знаменитѣльные ослабленія основнаго сочлененія по отношенію къ усиленіямъ *ра*, *ла*, (resp. *оро*, *оло*). При этомъ мнѣ можно было сослаться на Миклошика V. Gr. III, §§ 176—7, 180, въ такжѣ I, стр. 141, гдѣ вирочамъ паудачна попытка объяснять *рѣ* различно, смотря по залогу глагола: какъ усиленія керемной гласной въ глаголахъ дѣйствительныхъ (*брѣни*, *жрѣти*) и вакъ слѣдствіе характера *я* (ср. 4 го класса и глаг. страдат.) въ среднихъ (*мрѣти*). Тапарь я, хотя и несмогу подписатьсь подъ выраженіемъ Гейтлера, что разница между темою неопред. (*мрѣти*) и настоащ. (*мѣрж*) только кважущаяся, и подъ иѣпніемъ, что «краткость гласной темы неопределеннаго паклоненія есть требование сравнительнаго метода» (Fonol. § 67 въ нач.) и скорѣе готовъ думать, что вто требуетъ только самого Гейтлера, который ссылается на краткость і въ Лит. иїгї, но умалчиваетъ о долготѣ є въ *дёги*, *дáгї*; однако согласенъ съ нимъ, что *мрѣти*, *млѣти* не суть усиленія при *мѣрж*, *млѣзж* (Fon. 89—2) и считаю нужнымъ такъ называть свое прежнее иѣпніе: формы съ *рѣ*, *ль* (какъ *мрѣти*, *прѣти*, такъ *влѣшти*, *тѣшти*) по отношенію ко всѣмъ известнымъ имъ квагоріямъ

означают решительно тоже, что и параллельная имъ формы съ глухимъ при *r*, *λ* (*мърти*, *пърти*=*Мр.* *мерти*, *перти*, Поль. област. *рвг-б*). Невидно ни одного случая, въ которомъ бы можно было отнести форму съ *rъ*, *λъ* (сре, сле) къ категории знаменательного усиления. Поэтому слѣдуетъ думать, что *мърти* и *мрти* этимологически равносильны какъ замѣны одной и той же основной формы, которая въ Славянской никогда не имѣла характера знаменательного усиленія. Безъ сомнѣнія эти замѣны возникли подъ вліяніемъ различныхъ звуковыхъ стремленийъ, но какихъ именно, въ этомъ вопросѣ. Въ глаголахъ съ корнемъ на *r* (*мръти*—*мертъ*) фонетическая условія неопределеннаго наклоненій, или, если угодно, именной формы, лежащей въ основаніи его, по видимому, особенно благоприятны появленію *rъ*. По крайней мѣрѣ о Русскомъ языке можно сказать, что въ немъ *сре=rъ* держится исключительно этой формы. Въ Брусс. отъ этихъ глаголовъ никогда необразуется прач. прошед. времени страд. иначе, какъ по образцу *заперта* (т. е. *пърть*) и никогда *заперетъ* (=запрѣтъ); дѣверич. прошед. времени вообще предполагаютъ прич. съ суф.—*з*, *ши* (*запръ-ь*, *запръ-ши*), а не съ—*зъ*, *-ши*, и лишь какъ рѣдкость *«заперевъ»* (никогда—*заперевши*). Тоже и прич. на *λъ* (*умыръ* и т. п.). Мы кажется, что въ старинныхъ памятникахъ русского происхожденія въ отличіе отъ задуинскихъ, мы найдемъ и аористы только въ родѣ *затроша* (Лавров. 21), *задроша* (Новг. I, 64; отъ *дърти* или *дерети*, и не отъ *дѣрти*, откуда *одѣрата* и. 29), *умерта* (аор. 3 ед.) Ил. 172, а не *запереша*, *умере*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кроме аориста (гдѣ при *опроша* стоитъ *умръши*, Mikl. V. gr. III § 177), древніе старославянскіе памятники согласны съ русскими: форма *прострѣль* (и. § 180) весьма поздня; формы *жерль*, которую I. с. усматрѣлъ Гейтлеръ (§ 68), тамъ вовсю нѣть; форма *стрѣль* (прич. стр.), говорить Гейтлеръ, «была бы тоже возможна» (и. § 68), однако ея нѣть. Если взять во вниманіе столь явственное въ Нижне-Луж. стремле-

під уподоблять альти глаголахъ всѣ формы, неисключая настоящего, темѣ неопределеннаго (*tréju* и проч. Mikl. V. Gr. III § 1036), стремлениѳ отчасти существующее въ другихъ глаголахъ и въ В.-Луж. (рою, кдою отъ рбѣ ib. § 950) и въ Поль. (рбю—рбѣ), то стаетъ вероятнымъ, что Чеш. *imřel*, *zavřel* суть позднія слѣдствія того же стремленія къ ассимиляціи.

Нѣчто подобное замѣчается и въ Ст.-Слав. глаголахъ съ *rъ*, *ль* въ кориѣ на нѣмую согласную. Правда, здѣсь форма *стры* является во всемъ спряженіи, *възк* только въ причастіяхъ 2-й темы и аористѣ при *влк*, между тѣмъ какъ послѣдняя фор. исключительно въ неопр. накл., настоящемъ, повелит. и прич. настоящихъ. Но въ остальныхъ глаголахъ этого рода *ль*, *rъ* держится или одного неопределенного со достигательными (*тлашти*—*тлахъ*, *врьшти*—*врьхъ*, *врьшти* *врьхъ*), или неопред. и аориста (*врьсти*, *врьхъ*) (Mikl. V. Gr. §§ 139, 141, 150).

Д. Особый немногочисленный разрядъ составляютъ глаголы съ кориами на *r*, *a*, съ характеромъ *не*-скр. я (Скр. 4 час.) въ первой темѣ и безъ характера во 2-й: *мел-е-ши*—*млѣти* (молоть), *кол-е-ши*—*клати* (колоТЬ), *пол-е-ши*—*плѣти* (подоть), *бор-е-ши*—*братьи* (броть), *пор-е-ши*—*прати* (пороть).

Миклошичъ, а за нимъ Шлейхеръ относятъ *млѣти* иъ одному разряду съ *мрѣти*, чemu однако противорѣчить различіе первой темы, а *клати*, *братьи*, *прати*—къ одному разряду со *стѣл-ати*, *пис-ати*, съ чѣмъ несовѣстно отсутствіе въ *клати* характернаго *a*, доказываемое формами какъ *коло-ти*.

Если бы братъ во вниманіе только наиболѣе подходящія сюда літоаско-латышскія формы: *māliu*, *mālti* (Лат. *maliu* (1 пебное) *malt*), *kālu*, *kālti* (Лат. *kaliu* *kalt*), *bāgi*—*bārti* (бранить), то сдѣдовало бы во всѣхъ вышеприведенныхъ формахъ видѣть только усиленія. Однако формы *млѣти*, *плѣти*, Поль. *pleb*, равны формамъ *мрѣти*, а *мелъ* и Поль. *piele*, относительно *el*—берж. Сходство съ *мрѣти* увеличивается тѣмъ, что оба рассматриваемые глагола (*млѣти*, *плѣти*) въ причастіяхъ

обнаруживаются форму корня съ *в*, *в*: «жито саонма ру-
кана измалг» (прич. прош.), Жит. Феод. XII в. (Чт.
1858, III, 1 об., тоже 9 об.). Поль. *mięć* (=мълъ)
mięta, *mięty*, *mięcie*, *pięć*, *rebić*.

Такъ какъ *мелж*—*мълти* формально неотличается
отъ *колиж*—*клати*, *бориж*—*брати*, *пориж*—*прати*, то
возникаетъ вопросъ: не иимѣмъ ли мы въ послѣднихъ
глаголахъ лишь замѣны основной формы, неполучившей
смысла знаменательного усиленія? Мы имѣмъ формы съ
ох и *ла*=*оло*, *ор*—*ра* (оро), въ якихъ признаемъ дѣй-
ствительныя усиленія, но въ тоже время знаемъ, что эти
усиленія стали таковыми не въ силу новой прибавки,
(какъ *ay*, *ai* изъ *u*, *a*), а только въ силу пониженія
другихъ подобныхъ формъ. Не возможно ли, что въ из-
вѣстныхъ случаяхъ такого пониженія на славянской поч-
вѣ небыло, такъ что тамъ, где мы ожидаемъ астрѣить
ослабленную форму, мы встрѣчаемъ основную въ томъ
самомъ видѣ, въ какомъ она является въ несомнѣнныхъ
усиленіяхъ? Я полагаю, что есть случаи, въ томъ числѣ
упомянутые глаголы, на которые слѣдуетъ смотрѣть имен-
но такимъ образомъ. Когда Гейтлеръ говоритьъ, что
слав. *влак*—*волок*, или *млад* (=скр. *mrdu*-*с*) немо-
жеть быть слѣдствиемъ усиленія, точно гуиронки (*stup-
novanij*), то въ доказательство онъ приводить свое же
утвержденіе, что дославянское *вѣлк* невозможно, что
стало быть основная норма есть *вѣлк* (§ 89—2). Но,
согласно ст. вышесказаннымъ, это не доказательство. И
принавши *млад*, *мѣрд* за основную форму корня въ
младъ, я все таки остаюсь при вопросѣ: было-ли при-
дано этой формѣ значение усиленія? Отрицательный от-
вѣтъ на это можетъ быть основанъ не на зауковой фор-
мѣ слова, а на томъ, что невидно здѣсь цѣли усиленія,
его знаменательности. Санскритъ даетъ здѣсь форму съ
ослабленіемъ: *mrdu*-*с*. Кажется и въ самомъ Славянскомъ
слѣдуетъ сюда прибавить семейство словъ со сходнымъ
значеніемъ, но съ *ль*=*ехе* въ корнѣ, именно слѣдую-
щее: скр. *mrdu*-*с*—не только мягкий, пѣжный, слабый,
но (Ворр. Gloss.) и медленный, на чёмъ, кроме звуковъ,

основно его общепризнанное сближеаіа съ греч. φραδός, медленный (Бошъ, Curt. Grundz. № 255). Съ этимъ сравнимъ а) Врусс. *меледá*, мѣшкотное дѣло, длительная забава, и въ послѣднемъ смыслѣ—кедровые орѣшки, коими забавляются въ бесѣдѣ, *меледить*, медлить, мѣшкать, заниматься пустяками; б) Хорутанское *mleden*, слабый, безсильный, Серб. *млѣдан*, худощавый. *Млѣд-* и *млад-* здѣсь не только возводятся къ основной формѣ *мѣрд*, сопѣгого, но кажутся этнологически равносильными. Этимъ я нехочу сказать, чтобы я въ литовскихъ словахъ того же корня *мард* (относительно значенія коихъ ср. *молить*, собств. умягчать, Скр. *мар* *mrnati* растирять), въкъ *malda*, просьба, *молигаа*, *al* небыло усиленіемъ по отношению къ *meldžiu*, *melsti*, молить, просить. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, звуковая разница и осмысlena. Я думаю только, что во многихъ другихъ случаяхъ слав. *ра*, *ла* и русс. *оро*, *оло* не суть зименительны усиление, къ чаму будемъ ниѣть еще случай воротиться.

3. Изъ древнѣйшихъ усиленій (соответствующихъ гумѣ и вридги) тѣ, которые имѣютъ мѣсто въ болѣе позднихъ формацияхъ языка, вѣтѣ съ тѣмъ болѣе ясны по значенію. Въ глаголахъ они встречаются въ двухъ славинскихъ разрядахъ, соответствующихъ Санскр. итскамъ X кл. (куда по характеру 1-ї темы *-аја-* относятся и причинные и отъименія), именно въ глаголахъ *и* (*и-ши*, *и-ти* в. *и-ти*, а послѣ шипящихъ *-я-ти*) и *и* (*и-ши*, *и-ти*), при чемъ огромное большинство глаголовъ со знаменательнымъ усиленіемъ сосредоточено въ послѣднемъ разрядѣ. Первый разрядъ (*и-иа*), хотя и заключаетъ я въ себѣ глаголы съ усиленіемъ (какъ **бојати*, *боши* т. е. *boj-a-ja-si*, причинный глаголь со значеніемъ заставлять бояться, отъ потерянаго аѣ Слав. средниго съ корнеиъ *bni*; среднее значеніе *бојатися* зависитъ отъ возратнаго мѣстонименія), но столь немногое, что я общеиь этотъ разрядъ прямо противо-

полагается разряду **й** по значению и строению корней. Въ разрядѣ **й** а соответствующихъ ему разрядовъ въ Литовскомъ и Латышскомъ глаголы съ усиленіемъ корня суть или отъименные, въ коихъ усиление стоять по тому, что находилось уже въ имени (напр. *роиться* отъ *рой*, кор. *ри*), или отглагольные. Обыкновено при глаголѣ **й** съ усиленіемъ стоять имя съ такимъ же усиленіемъ, но ошибочно думать, что во всѣхъ случаяхъ имя служить посредникомъ между первообразнымъ глаголомъ и производнымъ (Mikl. V. Gr. I, 134; IV 273). Вероятно такъ было нѣкогда, но въ историческое время языкъ дѣлаетъ различіе между глаголами отъименными и фактическими (дѣлать самому то, что означено именемъ) и причинными (быть причиной того, чтобы другое лицо совершило дѣйствіе, означенное первообразнымъ глаголомъ, какъ *поить* при *пить*). Между этими глаголами однако все-таки большие сходства, чѣмъ между первыми изъ нихъ и глаголами не причинными, а болѣе длительными, какъ *возить*, которые рѣшительно не нуждаются въ посредствѣ имени (*воза*) для того, чтобы примкнуть къ первообразному глаголу, какъ *везти*.

Глаголы отглагольные **й** по значению распадаются на Слав. на причинные и болѣе длительные. Категорія причинности свойственна глаголамъ соответственныхъ разрядовъ не только въ Латышско-Литовскомъ, но и въ Санскритскомъ и другихъ индоаро-євр. языкахъ, а потому по происхожденію должна быть отнесена къ болѣе древнему времени, чѣмъ степени длительности. Славянскіе языки рѣдко образуютъ причинные глаголы своими средствами, какъ Латовскій и Латышскій, но подобно германскимъ нарѣчіямъ большую частію лишь сохраняютъ ихъ, какъ остатокъ старины.

Глаголы причинные **й** (*вѣситъ*, *морить*) отѣняются тѣмъ, что въ видахъ имъ противопоставлены глаголы частью средніе безъ всякаго другаго замѣтнаго грамматического отѣнка (*мереть*, по характеру 1-й темы — Скр. 1-му или 6-му кл.), частью средніе начинаяльные, означающіе переходъ въ извѣстное此刻 состояніе,

(но не отъименные, какъ *быть*), съ нѣ въ хирктерѣ, какъ *виснетъ*, *виснутъ*, *позигъ*, частью средніе же, означающіе пребываніе въ извѣстномъ состояніи, съ характеромъ *въ*: *висѣть*—*висинѣть*.

Неподлежитъ сомнѣнію, что выраженіе оттѣковъ длительности во въ одной какой либо формѣ спряженія напр. въ переходящемъ времени, а равно и прош., таъ что одна и та же степень длительности лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ, составляющихъ спряженіе и лишь видоизменяется нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напр. аористомъ и переходящемъ, что такое выраженіе есть явленіе довольно позднѣе. Я немогу здѣсь заниматься подробными опроверженіемъ мнѣнія Гильфердинга, что степень длительности иѣть въ Литовсконъ и ограничусь слѣдующими утвержденіемъ. Сравненіе Славянскаго съ Литовскимъ и Латышскимъ показываетъ, что начало образованія степеней длительности относится или ко времени полнаго единства этихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, ко времени несравненно большаго ихъ сходства, чѣмъ то, которое мы можемъ предположить въ историческое время. Славянскіе одногратные глаголы суть продуктъ отдельной жизни слов. племени. Кроме нихъ въ Славянскихъ языкахъ слѣдуетъ различать ае менѣе (въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ болѣе) 3-хъ степеней длительности, изъ коихъ послѣдняя наибольшая опять специально славянская, и лишь первыя двѣ отчасти совпадаютъ съ соответственными образованіями въ Латышскомъ и Литовскомъ. Есть въ рассматриваемомъ отношеніи и другія сходства между этими языками и Славянскими, но они не такого свойства чтобы немогли возникнуть и самостоителльно. Двѣ упомянутыя степени назовемъ: первую и основную (*нести*, Лит. *нести*)—просто длительную или конкретно-длительную, вторую (*носити*), по крайней мѣрѣ въ Слав., болѣе длительную или отдалено-длительную.

Небольшое число слав. глаголовъ 2-й степени длительности (однако не менѣе 10, изъ коихъ 7 съ о въ корне): *носить*, *возить*, *водить*, *ходить*, *бродить*,

социть (zeqdī), зонить, блудить, трустить, газить) показываетъ, что въ начальѣ, при возникновеніи этой категоріи, языкъ воспользовался для ея выраженія тѣмъ же глагольнымъ характеромъ къ тѣмъ же усиленіемъ, какимъ оно пользовалось для выраженія причинности. Здѣсь Славянскій и Литовско-Латышскій въ значительной степени согласны между собою, но затѣмъ они расходятся, такъ что Славянскій въ глаголахъ длительныхъ другаго характера создаетъ свои особыя усиленія, а Литовско-Латышскій большую частію, хотя, какъ увидимъ, не исключительно, продолжаетъ пользоваться тѣмъ же родомъ усилекія (при Lit. *pinti* — болѣе длительный *painioti*).

Затѣмъ переходу къ обзору формъ разматриваемого усиленія, уже необращая вниманія на различіе его функций въ случаяхъ, какъ *мести*, *носить* и *тешитъ*. Такъ какъ это усиленіе въ Слав. взыѣ относится ко временемъ дославянскимъ, когда еще небыло свойственныхъ позднѣйшему языку ослабленій звуковъ, то общее правило вытекающее отсюда то, что слав. усиленія этого рода должны быть разматриваемы какъ усилекія не ослабленыхъ специально славянскихъ звуковъ, а тѣхъ, которые лежатъ въ нихъ основаниемъ. Правило это, которымъ руководится и Гейтлеръ, несоставляетъ новости, кбо кто уравниваетъ *у* въ *будить* съ *ö* (= *у*), въ скр. *bodhaati* (Schleicher Formenl. 79), тотъ тѣмъ самымъ призываетъ, что *у* не могло возникнуть изъ *z* въ *bodzhti* и что стало-быть выражение: «усиливается есть *у*» и т. п. ошибочно.

Наиболѣе ясственно тождество способа этого усиленія съ санскритскою постановкою *a* предъ усиленнымъ звукомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усиляемая гласная есть *i*, *u*, стало быть рѣзко отличается отъ усиляющей (*v*). Поэтому я и вчнду съ этихъ случаевъ и отъ нихъ перейду къ болѣе труднымъ съ основнымъ *a*.

А. Основное *i* (позднѣйшою замѣпою которого въ корняхъ на согласные бываетъ и *z*) въ Славянскомъ языѣ даетъ въ разматриваемыхъ здѣсь случаяхъ уси-

денія: ој предъ гласными (*пти*—*поти*, т. е. *по-и-ти*) и ѿ предъ согласными: *вис-пти* в. *вис пти*—*въс-ти*, *ль(н)кти* в. *лнкти* у. *лнпти*—*хлпти*. Этимъ ої, ѿ соответствуетъ постепенно лит. *ai* (т. е. не только *ái*, но и *āi*, *ai*, причемъ долгота *a*, обратно литовского происхождения), Латыш. *ai* и *ái*. Проверивъ глаголы съ атими *ai* у Шлейхерв (Lit. Gr. 48—54) и Билештейна (die Lett. Spr. 130—3), можно убѣдиться, что Литоацы и Латыши употребляютъ это усиление столько же въ глаголахъ причинныхъ (Лит. *bai-d-yti*, Лат. *bai-d-it*, пугать, при Лит. *bi-j-o-tis* Лит. *bi tī-s*, бояться; Лит. *naik-inti*, уничтожать, при *пук-ti*, *пинку*, искнуть, исчезать), сколько и въ болѣе длительныхъ и учащательныхъ: Лит. *lý-ti*, Лат. *lit*, лить—Лит. *lai st-y-ti*, Лат. *láistit*, поливать; Лит. *lēžti*, (кор. *лигъ*) лизать—*laiž-yti*; *pinti*, пласти—*rbap-i-oti* запутывать; *výti vejú* гваться—*vaj-o-ti*, преслѣдовать. Если въ *vejá* есть тоже что ѿ въ Слав. *лых* при *лти*, то отсюда слѣдуетъ: или то что *ai* въ *вајоти* и ој въ *поти* есть новое усиление сравнительно съ этимъ *e*—*о* и рано не основному *ai*, а основному *ái* (ср. Скр. прич. *појајати* побить, *бнјајати*, стрвнить), или же, что первоначально въ обоихъ случаяхъ стояло *ái*, но въ первомъ (*веји*, *лых*) ослабѣло (какъ *мард*—въ *млад*), во 2-мъ осталось (иакъ *мард*—въ *млад*). Сравненіе съ санскритскимъ здѣсь дѣлъ рѣшить невозможно, такъ какъ еще вопросъ, не есть ли вриадги въ *сајајати* (facere ut *ja-seat*, deponere, кор. *сї*, сѣтѣ лежить) специально санскритское явленіе. Во всякомъ случаѣ если даже въ основаніи слав. *коити* (классъ: «авто зкоидось»—складлось, «что він поіть»—дѣлаетъ, затѣваетъ) лежить *кој*—скр. *çai*, то функция этого усиления совершина однакова съ ѿ въ *въсить*. Объ отношеніи *коити* къ *пнјајати* см. мнѣніе Боппа V. Gr. III 91. Шмидтъ (Zur Gesch. der indogerm. Vol. 12) относитъ *у-край*, *кроити* къ слав. корню *кри*, въ *коемъ и изъ а*, предполагаемаго формами *кргнъ*, *кора*. По его мнѣнію *край*, *кроити*: *крайти*—*пой*, *поити*; *каняти*. Сравненіе

невѣро, такъ какъ *крайти*, *крайши* относится къ одному разряду *бакти*, *басши*, т. е съ *ю*, въ которомъ усиленія и въ *ої*, тѣ небывающіе. Слѣдуетъ принять, что *кро-ji-ти* предполагаетъ *край*, а *край*, *крайти* — *край*: то и другое сродно съ *кар* (*крыти*), *скар* (*Др. Врх. зсёган, рѣзать*); такимъ образомъ *кронти* сюда не относится.

Б. Основное *у* (котораго позднѣйшіе славянскіе замѣны суть *и* и *ю*), по аналогіи съ усиленіями *и* и въ *ої*, должно бы давать въ причинныхъ глаголахъ двѣ формы усиленія: одну соответственную съ *ю* передъ согласными, и другую соответственную *ої*, передъ гласными. По той же аналогіи обѣимъ формамъ въ Лит. и Латышск. должны соответствовать *ви* (руск. *ву*) съ долгимъ или краткимъ *а*.

Въ дѣйствительности мы находимъ здѣсь больше двухъ формъ, о чёмъ ниже. Начинавъ съ того, что соответствуетъ здѣсь звукамъ *ю* и *ої*, мы видимъ

а) Что и въ мѣстѣ *ої* (передъ гласными) стоять *ов*. Въ этомъ вркѣ ли можно сомнѣваться, хотя вполнѣ подходящихъ примѣровъ почти что не найдено, тикъ какъ пашь нужны не имечь, и причинные глаголы: *слюсти* есть глаголь отъименій. Скорѣе похожъ на причинный *ловити*, хотя и въ немъ значеніе: искать случая напр. поймать, убить (Ип. лѣт.), хватать, могутъ быть выведены изъ отъименій: ловъ ловити, ловы дѣяті. Если корень есть *лу* (ср. скр. *лû*, *лунати*; русск. лунь хищная птица и *лютъ*), то ловъ образовано какъ *ров-о*, *кров-о*; если же это слово сродно съ ст.-слав. *ланати* (=ловити, *insidiari*, Скр. лâ, *вссиреге*, Mikl. *Лех*), то скорѣе можно бы ожидать *лай-о*, *лав-о*, а не *лов-о*.

б) Дѣлѣа видимъ, что и въ мѣстѣ *ю* передъ согласными здѣсь *у* (ст.-слав. *оу* считаю только написаніемъ, заимствованнѣмъ изъ Греческаго, хотя въ доисторич. время и въ мѣстѣ этого звука въ Слав. дѣйствительно, какъ оказывается, должна была въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоять двоегласная) напр.:

вык-нжти, привыкать, учиться, И.л. *vuknīš*, учиться, по формѣ корня и по среднему начинательному значенію=лит. *junk-st-i*, *junkti*, привыкать; причинное *уч-ити*=лит. *jauskinti*, лвт. *jáuscēt*, приучать. Относительно корня ср. Скр. *уч-я-ti*, находить въ чёмъ удовольствіе, охотно что дѣлать, ииѣть привычку; *учитá*-привычный; *јатв-очитам*, какъ повелось, «по поиндинъ» (Новг. Л. 7, 3), приданнымъ образомъ; *ðkas* сред. удовольствіе, привычное мѣсто, мѣсто жительства=(кромѣ суп.) лвт. *йк-ја*, усадьба, жилой домъ (срб. завичј) Сближеніе съ *вак*, *вакти*, ѿчѣ говорить, прич. *вâčđati*, между прочимъ—читать (*facere ut litterae dicantur*), хотя и подходитъ по значенію къ Срб. «книгу учн», читаетъ, но для *привыкнуть*, *приу-ить* неудовлетворительно.

На основаніи *учити=jvukinti* слѣдує предположить у влз. *au* въ *студити* при *стычути* и *губити* (собст. звставлять склоняться и падѣть) при *тыбнжти* (соб. склоняться, какъ Латыш. *gubstu*, *gubt*).

Сушити, Лит. *sausinti*, Скр. *сôшајати*, сушить, при *сах-нжти*, скр. *сушјати*, сохнеть; однако въ Лит. и въ среднемъ глаголѣ *ai*: *sausi*.

Крушити, Лит. *krâusēt*, толочь въ ступѣ, при *крз-шити*, *крохній*.

Тушить при *тх* въ *затхлый*, *тхоръ*. Отлично отъ этого Поль. *tuszyb* коми, внушать кому надежду, увѣренность,—*sobie*, ожидать, надѣваться=скр. *тôsh-aja-*, успокоить, удовлетворить, удовольствовать при *туш-јати* быть спокойнымъ, довольнымъ.

Сюда же *рудить*, *будить*, *мудить*, *глушить*, *душить*, *нурить* и др.

Въ Литовск. и Латыш. тоже усиленіе, подобно тому, какъ въ *ai*, является или остается и въ глаголахъ болѣе длительныхъ: лит. *daužytis*, колотиться, склоняться, при *daužti*, колотить, съ чѣмъ ср. латыш. *дѣств.* *dauzit*, разбивать, при среднемъ *zaduzit* разбиваться; латыш. болѣе длит. (по Биленишт. frequent.) *lämpit*, лупить, *lauzit*, ломать, при *lupt*, *schälen*, *läzt*, ломаться; *brvukāt*, єздить, при *brukt*, *sich scbieben*.

Кромъ этихъ аѣ Слаа, есть еще два видовізмѣненія усклениія *у*, по видимому, указывающія на основное *ду*, но функцию чисто равносильная съ вышеразсмотрѣнныи, почему, пока, невидно основанія считать ихъ за 2-ю степень усиленія аѣ смыслъ позднѣйшей, сравнительно съ *au*.

в) Передъ гласной—*ав*. При бы-ти (скр. *bhû*, *bhāati*) причинное *бавити*, собств. звѣтывать быть, дѣлать таъ, чтобы нечто было (какъ и скр. прич. *bhāe-aja-ti*), откуда Водъ. *bwib się gdzie*, Серб. *благитисе*, пребывать; избавить вого отъ чего (древнѣ—чего, какъ Mr. *вінця*, *життя збавити*, лишить), соб. сдѣлать такъ, чтобы въ иомъ чего-либо небыла, и жинъ въ этомъ смыслѣ—спастi. Такъ какъ съ появленіемъ бытія и жизни твѣтъ связывается мысль объ удовольствіяхъ, что и впр. Mr. *изнебутися*, нечто и въ родѣ лишиться счастья, потеряться иук (жена мужу: «я же з'тобою тай ве пижкался, тілько зв' тобою тай изнебуда я». Метл. 360), то *бавити*—доставлять удовольствіе, забавлять. Я не понимаю, почему это Гейтлеръ по поводу того, что будь-то «шибочно производить *бавити* отъ быти», возникшаго изъ *bûti*», думаетъ, что «*и vsbk u av se nestupiye* (Fon. § 92. 1).

Давить есть первонач. причинный глаголь, съ ко-
нимъ ср. не скр. *дундти*, горѣть апуренникъ огнемъ,
мучиться, печалиться, в скр. *dhû-nôti*, трасти, быстро
двигтъ, откуда причин. *дваајати*. Относительно связи
быстраго движенія и давленія ср. *тиснуть* к Поль.
ciskeć, бросать; Лит. *dowitis*, *dowijūs* есть, кажется,
звиметаование аѣ Русскаго.

Плавить, собств. застнадать влыть (*плу*), по фор-
мѣ, но не по значенію—Лит. *plowitzi* вымывать, очищать,
болѣе длит. при *plauji*, *plauti*, мыть, подоскаль. Точно
такъ отлично по значенію Скр. причн. *плâвајати*,
inundare, *fluctuantem*, *усcillantem reddere*, при *плаватѣ*,
patare, *fluctuare*.

Травити собств. застивлять ёсть, при *тру-ти*.

Въ Чеш. ср. *upaviti*, утомить, причин., при военъ

ныть; *z-o-taviti*, укрепить, ср. скр. *tu tāyti*, съез-
сего. *Славить*—отыменное, какъ, быть можетъ, и *пра-
вить*. *) Съ *нимъ аа* сходно и литов. *ow: džovinti* су-
шить; но здѣсь *ow* имѣть для литов. особую причину,
именно ту, что усиление *ai* уже было употреблено для
дѣйствия. глагола *džanti*, положить сушиться, стоящаго
при виннательномъ сред. глаголѣ *džustu*, *džuti* сохнуть.

г) Передъ согласными—*ea*. *Квасити* собст. мо-
чить, какъ въ Серб., отчасти въ Русск. явр. рвскав-
сить ность, разбить твкъ, чтобы кровь потекла; *квасъ* собст. жидкость, питье, откуда Лужицкое значеніе пира
(ни-ръ, питье) именно свадебного, затѣмъ уже—брди-
ло, иѣчто кислое; Латыш. *káuset liquefacere*, при *квас-
къти*, соб. мокнуть (какъ и въ Русск., ср. Серб. *киша*
дождь), Лит. *kus-tu*, *kust*, *liquefascere*. Это сравненіе по-
казываетъ, что здѣсь отнюдь невозникло «изъ 1-го
уследія ау» (Geitl. Fon. § 92. 2). Суффиксъ латыш-
ского глагола начинательного средняго другой, чѣмъ въ
кынжти, но строеніе корня одинаково. Въ *кынжти* значение броженія и кислоты производное, почему и иѣть
основнія сближать его съ Скр. *kup* (*in bewegung, wal-
lung gerathen*) и Слав. *кынти* черезъ посредство де-
здеративнаго *кунс* (Geitl. Fon. стр. 65 прик.). Если
даже и допустить (1. с.), что оса (Гейтлеръ считаетъ
основною формою *воса*) изъ формы—Лит. *warsa* (что
сомнительно), то и при этомъ *кунс* должно бы остаться
въ томъ же видѣ въ Латышскомъ, а не въ формѣ *kus*.

Тотъ-же процессъ, что въ *квасити* можно пред-
положить въ *хвастити* (быть можетъ первоначально—

*) Иль имѣть, въ дополненіе къ упомянутому выше *лоси-
ти*, упомяну: *об-лаза*, родъ большой сѣти для осачиваній зѣ-
ря иль лѣсу и иль волѣ (Поль.), родъ загороды для ловли ко-
зуль (Собир.), охота облавою (осоюю), скруженія, родъ военни-
го построенія (полумругомъ) (Поль.), толпа, ивожестно, *лаза*,
казачье построеніе полумругомъ. Послѣднее ошибочно отнесеніе
Далемъ къ *лаза* скажу, которое впрочемъ тоже тиасъ къ пор-
ту *лу* въ зваченіи рѣзать, волоть.

болѣе длительный при *xum-*), *хвалити*, *квапити* (Поль. и др. торопить), *кварити* и некоторыхъ именахъ.

Что касается до именія, что и въ Лит. *ea* возникло изъ двоегласной *dwásē* дыханіе, *Geitl. ib.*), то можно допустить и яи оборотъ, что какъ въ Синскр. *ea* (изпр. въ *tvařatē*, спышитъ, *свати*, спить) считается болѣе дреанимъ, чѣмъ представляемое его стаженіемъ *u* (*třjratē*, *su jatē*), и какъ болѣе дреанимъ *ea* въ Скр. *deār*, ж..и *deāra-* ср., дверь, является въ Лит. въ видѣ *u* (*durus* ми ж.); такъ точно и Лит. *dwěsti*, дышать, *dwásé*, дыханіе, быть можетъ Жмуд. *dwokti*, волить, возникли непосредственно изъ *ea*, откуда и стаженіе *u*: *dusli*, тяжело дышать, *dusas* вздохъ. Это стаженіе *u*, принятное за основаціе, даетъ усиленіе *au* (*ai*) въ Лит. *dauza*, воздухъ. Слав. *душа* ближе всего подходить къ этому посдѣднему.

Въ доказательство того, что Слав. *ea* въ *квасъ* и пр. возникло именно изъ двоегласной *äu* (или *āu*?) можно указать на то, что гдѣ, на оборотъ, есть основа *nia* предполагать болѣе дреанимъ *ea* или *ea*, твмъ на его иѣсть и въ Славянскомъ застаемъ или *во*, *ве*, *въ* (дворъ, дверь, венръ (скр. *vápmati*, сѣять, осѣмнѣть, родить), прилаг. четверъ (при скр. количеств. *chatvār*), четвъртъ, или стаженія *u*, *y* (*четвърие*). Такъ глаголь *журити* (Мр. началить, Врусс. журить — бранить, Чеш. *zuríti*, яриться, сапрѣистовать, Серб. журитисе, торопиться) есть первоначально причинный отъ корня съ *ea*; ср. Скр. *džewál-ati* пылить, *džewar-ati*, страдать лихорадкою (быть въ жару? или по обычной связи «горѣть — болѣть»?), при коихъ *džeuríti*, ж. пламя, пыль, поспешность. *Турити* (русск. гиати: «протурить», серб. бросать) собста. заставлять спышить, торопить, тоже что скр. причин. *teārajati*, отъ *teāratē* — *tumbrti*, спинить. *Хэмити* (Мр. Поль. клонить) есть причин. отъ корня *swar*, который между прочимъ въ Лит. *swerti*, вѣсить на вѣсахъ, *swerdöti*, качаться, колебаться. Усыпнити, скр. причин. *swapažati* при слав. *сп-ати*, гдѣ *a* изъ *u*; въ Санскритскомъ *свати*, *свати*, *супјатē*.

Впрочемъ есть случаи, относительно якихъ можно сомнѣваться, произошли ли въ нихъ слав. *ва* изъ слав. *почвъ* изъ *ay*, а это изъ *у*, которое въ свою очередь было смягчено *ва*, или же слав. *ва* непосредственно соотносится Скр. *वा*: Поль. *сва*, Mr. *чвалати*, яти, бѣжать, Скр. *வால a ti*, бѣжть.

Спрашивая себя о способѣ возникновенія *ва* изъ *квасъ* изъ *ay*, мы видимъ здѣсь двѣ возможности: или принимать непосредственную перестановку, явкъ это дѣжалось прежде относительно *ар=слав. ра* между двумя согласными; или же, по аналогии съ предполагаемымъ рядомъ сочетаний: *ар=ара=ра*, допустить и здѣсь *ае=ае=ва*. Въ духѣ Гейтлерв можно бы разсудить и такъ: если *ра* (въ *градъ*) изъ оро, то и *ва* въ *квасъ* изъ *во*; но здѣсь предполагаемое *ово* нигдѣ неяходитъ той поддержки, которую имѣть оро въ Русскомъ. По возможности оставляя въ сторонѣ все сомнительное, согласимся понимать подъ перестановкою въ *квасъ*, *градъ* только результатъ (а не процессъ), и въ этомъ смыслѣ допустимъ сходство обѣихъ формъ. Тогда отъ преувеличенія сходства этихъ формъ должно настъ предсторечь то обстоятельство, что 1-я есть общеславянскав, слѣдовательно, по принятому способу заключенія болѣе древняя, 2-я свойственна только пѣкоторымъ нарѣчіямъ, слѣдовательно новѣе; разница во времени заставляетъ предполагать иѣкоторое различие въ качествѣ процесса.

В. Корни съ основнымъ *а* различаются въ дальнѣйшей своей судьбѣ, смотря потому, слѣдуетъ ли въ нихъ за вѣтимъ звукомъ *р*, *л*, или же другая согласная. Въ этомъ § буду говорить о первыхъ, которые въ свою очередь распределяются в) на корни, кончавшіеся на *р*, *л*, и б) на такіе, въ коихъ послѣ этихъ плавныхъ слѣдуетъ иѣмая согласная.

а) Выше упомянуто, что уже основное *а* могло явиться успѣшніемъ (гува), какъ скоро въ языкѣ сопоставлена съ нимъ форма съ ослабленіемъ того же звука. Быть можетъ въ тоже время, а быть можетъ и въ другое, но для тѣхъ же грамматическихъ цѣлей явилось

и удлиненіе основного *a*, которое въ разматриваемъ случаѣ (передъ *r*,) а въ санскритской грамматикѣ восить наименіе аридги отъ *r*. Въ Славянскомъ языкѣ, а въ случаѣхъ, когда имѣется или предполагается ослабленіе основнаго *ar*, *al*, состоящее въ измѣненіи *a* въ *e*, *z*, *o*, или въ опущеніи одного изъ послѣднихъ звуковъ, замѣною гуна служитъ *or*, *ol*, а замѣною аридги—*ar*, *al*. Выше было упомянуто о возможности того, что *or*, *ol* а въ извѣстныхъ случаѣахъ, когда не имѣли при себѣ ослабленій, никогда не были усиленіемъ. Здѣсь прибавимъ, что въ другихъ случаѣахъ они могли перестать функционировать какъ усиленія и лишь въ третьихъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, остались при своемъ символизмѣ. Напомню, что разматриваются здѣсь лишь относительно позднѣйшіе изъ древникъ усиленій, т. е., неговоря объ именахъ, тѣ которыхъ сопровождаются образованіемъ глаголовъ съ характеромъ *ii*. Такимъ образомъ отнесенія *a* и *ar* умаряти (о которому ниже) къ о а въ *морити* сюдѣ не входятъ, какъ еще болѣе позднія. Развлія а въ грамматическихъ функцияхъ между *or*, *ol* и *ar*, *al* мы неизымаляемъ, по крайней мѣрѣ въ глаголахъ, и пока эти различія не будуть понятны, считаемъ усиленія рарапосильными, какъ равносильны между собою и ослабленіемъ. Употребленіе терминовъ гуна и аридги не должно вести къ ожидавшему, что въ Славянскомъ всегда на мѣстѣ гуна мы встрѣтимъ *or*, *ol*, на мѣстѣ аридги—*ar*, *al*. Можетъ быть и наоборотъ, тѣлько какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ образованіями не тождественными въ отдѣльности съ санскритскими, а лишь въ общемъ сходными по цѣли и средствамъ. Въ самомъ Скр. причинные глаголы отъ корней не *ar* не слѣдуютъ одному общему правилу, но не рѣдко отъ одного и того же корня имѣютъ то гуно (т. е. основное *ar*), то аридги *ar*.

ав) *Морити*, собственно причинять смерть, но въ Скр. причинное *мар-аја-*, убивать, съ *ar*; Лит. *шаринти*, находиться при чьей смерти, закрывать глаза умершему, безъ сомнѣнія тоже предполагаетъ причиняющее

значеніе, такъ какъ ухаживать за умирающими или мертвыми звичить дѣлать такъ, чтобы умеръ (съ добрымъ умысломъ), помогать умирать — услуга важная и по взгляду русскаго простолюдина. Ослабленныя формы — *мирж*, *мру* (= Вод. *мирани*), *мирти*, *мерети* (Новг. I), *мртви*; Лит. *шег въ тирд ти*, *ёти*, быть при смерти, кончиться, ії въ тірій, мереть.

Молити, *молеге* (Ст.-Слав.) и *precari* (соб. смягчать), быть можетъ есть только болѣе длительное при мелкѣ (ослаблен.), или отъиненное. Во всякомъ случаѣ усиленіе *мал* здесь сказано съ разграничениемъ значеній. Впрочемъ, если *д* въ *молити* (ст. Хорут., Чеш., Поль.) неесть вставка, то и репѣ въ *молити*, *precari*, другой;ср. Гот. *mathl-jan*, говорить.

Волити, избирать (какъ аль Ст.-Русск.), хотѣть, тоже вѣроятно никогда небыло причиннымъ, но должно было и по грамматическому значенію отличаться не только отъ *доволити*, но и отъ *всѧти*, хотѣть (ст.-Слав.). Замѣчательно, что втотъ послѣдній глаголъ и безъ измѣненія вѣшией формы приближается къ причинному значенію: призываѣть здесь значитъ, быть можетъ, дѣлать такъ чтобы другой хотѣлъ. *Воити* = скр. *вараја-*, выбирать, въ коемъ нѣтъ рѣзкаго разли-чия значеній съ скр. *варати*, *срноти*, *срнati*.

Зазорити (Новг.), засвѣтить, напр. свѣчу, причинное при предполагаемомъ звученіи свѣтить (средн.) въ *зэр-п-ти* или *зэр п-ти*, *зэр-и-ши*. Связь представ-лениія зреінія и сїтта известна.

Зорити (Русск.), дѣлать зреімъ, причинный глаг. при *з(ъ)в. з)р-п-ти*, *зр-п-и-ши*, спѣть.

Раз-ор-ити, Серб. *об-орити*, ст.-Слав., Серб. *ори-ти*, рушить, валить (Серб. «али грми, ал'се земља хо-ри» Чуб. Чојк. пјев. 9), есть причин. отъ потерянного глагола съ ослабленіемъ основанаго *ар* и значеніемъ пад-дать. Написаніе раззоритьничѣмъ неоправдывается.

66) Нѣтъ сомнѣнія, что отъ того же *мар* мереть, отъ иного *морити*, образуются и формы со слав. *ар*, при томъ такъ, что различію между *ор*—основ. *ар* и

ap=осиеному *ap* нельзя теперь найти объяснения. Въ инеологической названіи смерти: Поль., Чеш. *marzena*, *marzana*, *marzena*, *Mr. marzena*, Чеш. *marzena* находимъ и *a* и *o* (даже *u*), между тѣмъ какъ въ Скр. *marana*-*m*, смерть, стонть, а. Сюда же чеш. глаголъ, *marit* именуемый видъ причиняаго: уничтожать, портить.

Но есть и другой корень *mar* неотождествимый съ первымъ, невстрѣчаемый въ Санскритѣ, но предполагаемый на основаніи производныхъ, именно *mar*, мерцать, мелькать, блестѣть: см. Böhling-Roth, V, 570, подъ *marum*, Curt Grundz⁴, 574—497, где къ нему отнесено между прочимъ греч. *μαρράρειν* блестѣть (*schimmelegn*) и *μαρρός*, темный, послѣднее черезъ посредство предполагаемаго *μαρρός*. Въ Славянскомъ языке сенейство словъ этого корня довольно многочислено. Изъ отдѣла, въ коемъ *u* чередуется съ *o* (указание на основ. *a*) замѣтимъ только Врусс. *murz*, трава, дернъ—Лит. *maugai*, ми. отъ *maugas*, ряска, *lempa*, отъ зеленаго цвѣта, Лат. *maugis* дернъ. Изъ другаго отдѣла съ *a* здесь важно Врусс. (и др.) *marить*, о явленіяхъ мирижа, быть можетъ причиняа, во всякомъ случаѣ усиленіи форма ари ослабленной *mrъ-ata*, *Mr. mrije* (*mrity?*), мелькать, видѣться.

Вр. *залить* а) о лѣтѣхъ: пускать изо рта слону, слизь; б) тошнить: «его галить»; в) о проигравшемъ: подавать мячъ или мячъ тому, кто бѣть—Поль. *galib ridać*; г) лагаться, о лошади и пр. Всѣ эти значенія легко понимаются какъ причинные: заставлять течь, заставлять мячъ летѣть или падать. Подобно этому *бросить* и Лит. *blaszkyti* (нар. *i szali*—отодвинуть въ стороou,—žemup, бросить повалить на землю) есть причинное—(кромѣ характера и въ аориѣ) скр. *bhrāñçati*, *dejicere*, при болѣе первообразныхъ *bhrāñçati*, *bhrāñçatē*, *decidere*, *elahi*. Относительно связи бросания и лаганьяср. Поль. *wierzgad* (т. е. въргати) въ знач. лагаться. Но всему этому *залить*=Скр. *zalaјati*, заставлять течь, выливать, которое есть причин. отъ *zalati*, а) отпадать, опадать; (б) капть, течь. Сюда же Греч. *βάλλω*, Curt. Grundz.

№ 637, въ коемъ *рал*—изъ *гвал* съ неорганическимъ въ послѣ *г*; такое же антонимъціе корня именно *гвал* изъ *гал*, можно бы предположить въ Русскомъ *залить* (*гвал* изъ *гвал*, какъ *хвал* изъ *свар*)=галить, подавать мячъ.

Причины: *парить* изъ *прѣть*, *варити* при ст.-Слав. *врѣти* (Лит. *virli*), *скварити* (Мр. Поль.) при предполагаемомъ Ст.-Слав. *скерѣти* (Серб. *церјети*, *шарити*), *валити* при *вѣльти*, горѣть (*пел* въ пельнь, *не-пелъ*), *валити* при *вѣл* во *взлахъся* и др. Напротивъ *парити* есть болѣе длительный при формахъ какъ «и *всперѣть* въ кораблихъ икономѣнникъ» (полетать) Ис. 11, 14, Быбл. 14:9, Бусл. Матер. 47.

Различіе между коренной гласной а въ *морити* и *марити* можно по-видимому объяснить тѣмъ, что первая форма предполагаетъ *är*, вторая *ar*. Было ли такое различіе явленіемъ славяно-литовскимъ? Если смотрѣть на Лит. *o*, какъ на единственную замѣну осноанаго славяно-Литовскаго *ä* и на единственный звукъ, соотвѣтствующій славянскому *a*, то можно бы думать, что вышеупомянутое различіе есть особенность Слав. языка. По крайней мѣрѣ не видно литаоскихъ причинныхъ или болѣе длительныхъ на *iti*, *inti* съ усиленіемъ ог, а имѣются лишь такія квкъ *marinti*. Но сколько мнѣ известно, нѣтъ подобности а въ вышеприведенномъ взглядѣ. Какъ въ другихъ случаяхъ (напр. въ оконѣ именит. ед. ж.) основное *ä*=и Лит. *a*, и Слав. *a*, такъ и здесь, быть можетъ, Литовское *ar* предполагаетъ не только основную форму *är*=*гунѣ*, но врядли *är*, такъ что напр. а въ Латыш. *varit* варить (при *virt*) можетъ быть общею принадлежностью Славянскаго и Литовско-Латышскаго языковъ.

б) Корни съ осноанымъ *ar* передъ согласною, исключеною или первоначально принадлежащую къ суффиксу, въ Слав. язкѣ могутъ имѣть по отношенію къ качеству гласной только одну замѣну усиленія, именно *ra=o*, *ia=o*, при ослабленіи основной формы съ глухими звуками при *r*, *l*, или а въ якоторыхъ парѣчіяхъ съ *rъ*,

ль, равносильными съ русск. *вре*, *сле*: *вратити*, *вротить* ира *вартати*, *врътено*—*сертено*. Въ Лит. здѣсь всегда *a* и никогда *o*: markytⁱ, намачивать, болѣе длит. при merktⁱ; skaldyti, раскальвать, болѣе длит. при skeltⁱ; kälđintⁱ, заставлять ковать, прич. при kalū kälđti, ковать. Что можетъ это значить? То ли, что стечіе согласныхъ въ корняхъ квкъ *варт* уже въ незапомятое время неблагопріятствовало появленію ариадги аль причин. (и въ Санскритѣ причинное —*вартажа-*), такъ что ти долготы, которая можетъ имѣть здѣсь мѣсто въ Литов. и Славянскомъ (врѣт) — поздѣйшаго, діадектическаго происхожденія (Лит. skaldyti=Латыш. skäldit)? Или то, что аль корняхъ построенныхъ, какъ *варт* (*p*, *л* передъ иѣмою), могло стоять ю (какъ оно есть въ Скр. *мэрджаја-*, X кл., abstergere), но на поздѣйшихъ замѣнѣніяхъ сочетаній *ар+сомъ*, *ар+сомъ*, въ Слав. и Лит. это разнaczie качественно неотразилось, подобно тому какъ въ Литве. неотразилось качественно различіе между *ар*=Слав. *ор*, *ол* и *ар*=Слав. *ар*, *ал* аль корняхъ аль плавную? Когда Гейтлеръ этимъ доказываетъ, что Слав. *влак* несТЬ усиленіе (такъ какъ=Лит. walk, а не wôlk) (Фон. § 89), то онъ, во-первыхъ, не признаетъ того, что и осноаная форма (ар въ скр.) или ея замѣна можетъ быть усиленіемъ, если имѣть при себѣ ослабленіе, что на самомъ дѣлѣ и есть во *вльсти и влечити* *) (между тѣмъ квкъ *волочь* и *волочить*, по качеству коренныхъ гласныхъ перекликаются), во-вторыхъ, онъ невидѣтъ авторомъ изъ выше приведеныхъ возможностей.

*) Ср. *слѣпъ* въ *слѣпати*, *-плѣж* («источникъ воды альсѣйшилѣйтамъ» (Остр. истѣкающаимъ) въ животъ вѣчный, Бат. Ев., Гл. нац. 65), *слѣпати* (*слѣпати*, *слѣпати*), *-плѣж* и *-аѣж*, *salire*, *igre* (Mikl.) и Mr. *высолопитъ* напр. языкъ (высунуть, первонач.—превивное). Ср. также Ст.-Слав. *слапъ*, Хорут. *slâp*, волна, водопадъ, *slap*, паръ, испареніе, Серб. *слап*, морской приливъ, Лит. *salpa*, заливъ (Mikl.), кор. *саp*.

Г. *Корни съ а переда согласною и плавною.* Какъ выше въ глаголахъ мы видѣли оғь у усиленія *ов* и *ав* (ловити, блавити), отъ *ār—ər* и *ar* (морити, марити), такъ здѣсь отъ а мы имѣемъ въ Славянск. 1) о (замѣнѣ основной гласной *a*, стажшай усиленіемъ) и 2) *a* (=ā). При этихъ усиленіяхъ ослабленія въ Слав. языкахъ являются *e*, *ɛ*, и, въ немногихъ словахъ, ю. Гейтлеръ и здѣсь, справедливо утверждая, что мы не въ правѣ сказать: «въ *нести* — *носити* съ усиляется нѣ *о*», такъ какъ то въ другое возникло позѣ й, въ тоже время держится слишкомъ узкаго взгляда на разсмотриненное явленіе, говоря: «передование *e* и *o* въ слав. формахъ собственно несль усиленій (*střípnované*), но придаетъ этимъ формамъ особенный колоритъ; экономія языка различеніемъ гласныхъ *o* и *e* и въ некоторыхъ образцахъ возвышила за проблемы, возникшіе вслѣдствіе неправильного паденія *«střípnovaných»* (*усиленыхъ?* усиленіи?) гласныхъ» (Гоп. § 86). Усиленіе можетъ именно и состоять въ томъ, что усиливаемая гласная остается неизмѣнною, въ то время какъ въ другой формѣ она ослабѣваетъ. И какіе такие проблемы и неправильности возникли, когда въ Скр. при *ar* въ случаяхъ требующихъ усиленія (напр. *джараја* — *сопсоциеге*) стоять ослабленія того же *ar* (*джрнати*, *джирватѣ*)? Или когда въ Слав. и Лат. при *носити* = *neszinti* стало ослабленіе того же осп. *a* — *e*: *нести* — *neszti*?

Стремленіе къ удержанію основной гласной на мѣстѣ усиленія должно было существовать еще на общеиндоевропейской почѣ; ослабленіе *a* въ *e* во многихъ случаяхъ возникло въ славяно-литовскій періодѣ; ослабленіе въ *ɛ*, *ɔ* — исключительно славянское. Лишь въ одномъ случаѣ можемъ указать па относительную правость усиленія *o*, именно: если, какъ полагаютъ, *томез-* есть заимствованіе съ Готскаго *ganispi*, то отношение формы *гонести*, *гонезижти*, *гонъижти* (*servati*) къ *гонозити*, *salvare*, обрзовалось уже не удержаніемъ основнаго *a* и за тѣмъ превращеніемъ его въ *o*, а по готовому образцу *лешти* — *лохжти* и т. п.

1. а) Къ примѣрань какъ *нести-носити* (у Миклош. V. Gr. I, 134) можемъ прибавить лишь немногіе: *тотить* (заставлять нагрѣваться, таѣть) при Словен. *tenut'* и *теп* въ *тепль*; *трощить* при *трещать* (ср. Латов. *subraszkinti* и *treszkiu*, *trekszti*, давать, мять), при чёмъ форма *тръск-* осталась бы въ сторонѣ; *соочити* (осочить и пр.) при *сек* (Латыш. *sekku*, *sekt* напр. *wilkę* волка, Латов. *sekt*, сѣдоватъ за кѣмъ, *sequi*, Скр. *сан-а-тѣ*); *просить* при предполагаемомъ *прос*. (осн. *праф* въ Скр. съ основой *-ск-*=*учи*: *прѣчната*, причин. *прѣчнаꙗ*); *томити*, причин. при предполагаемомъ *тэм* (въ Скр. съ *â*; *тѣмјати confici moegore, languescere*).

б) Въ ослабленной формѣ глухой звукъ. Въ однѣмъ случаѣ въ при^ѣ: *женж*, *ян-а-ти*—*ю-нити*; пъ Латов. болѣе даит. *ganyti*, беречь, хранить, насти стадо, при ослабл. *geni* v. *ginu*, *gini*, стеречь, защищать; быть можетъ сюда и Латов. *genu*, *geni*, быть, стегать, обрубить вѣтан, скр. *нанти*, бьетъ; основ. форма *нан-*. Въ нѣсколькихъ въ: *ходити*—*шѣд*; *тодити*—*эльдати*; *лощить* (русс.) *льштатися*, поль. *lsknac się*; *закозить*—*њез*; *звонити*—*звѣнѣти*; *громити*—*г҃римѣти*; *застрѣмить* (Мр. дѣйста. значеніе заткнуть)—поль. (з) *trzmić* сред. торчать.

Формы корениной гласной въ Скр. частью соответствуютъ славянскимъ, какъ въ *прѣчнаꙗ*, *тѣмјати*, *ланшаꙗ-* (видѣть, замѣтить, знач. находящееся со славянскимъ *льск*—*лоск* лишь въ отдаленной связи), частью отличны: *вадїа* (причин. заставлять везти), *тѣмјати* (жечь, жарить), *сѣдаꙗ-* (ходить).

2. Усиление *a* сохранилось лишь въ немногихъ остаткахъ: а) *вадити*, проводить, протягивать время («въ вадить день за день, а работа пейдетъ»), проводить, обманывать обѣщаніями; Ст.-Слав. *вадити* на *кого*, *accusare*, *calunpiare* можетъ быть объяснено выраженіемъ «вводить на *кого* напр. небылицы; Поль. *wada* порокъ—себѣв. возвѣденное на человѣка. Вирочень *вадити*, *accusare*, можетъ относиться и не къ кор. *вадї*.

(вести), а къ *вѣд*, говорить, куда Лит. *wedinti*, звать и Русс. *вадить*, приманивать. Къ другому *вѣдь*, бить, относится Русс. *вадить*, въ игрѣ въ чушки бросать свою палку въ знакъ начала игры.

Поль. *ganię* (Чеш. Луж.) порицать Отношение этого слова, а равно и гейѣ *kemę dawać*, и Мр. запад. *dżana*, порицаніе, позоръ, къ *żesieni* — знать объясняется русск. «давать *языкъ*, давать *занку*».

Въ обоихъ случаяхъ я считалъ бы ошибочными объяснять двойственность усиленій *вод* и *вѣд*, *гон* и *ган* тѣмъ, что послѣднія есть *а* суть непремѣнно вторичная усиленія отъ первыхъ; *так* точно также отъ основнаго *а* какъ и *гон*.

б) Въ *садити*, Лит. *sodinti*, Скр. причин. *sadaja*-*id*, а несомнѣнно тогоже происхожденія что и въ *вадити*, т. е. изъ *й* отъ основнаго *й*; по *сѣсти*, *сѣдѣти*, Лит. *sēdinti*, *sēdēti* могутъ ли быть рассматриваемы какъ формы равносильныя по основному звуку съ *вести*? Можно бы думать, что въ *сѣсти* сходно съ такимъ усиленіемъ *и*, какое находимъ въ *вѣмъ*, *вѣдѣти*. Форма корня *сѣд*, *сид* находитъ аналогію въ Скр. *सिद्-ा-ति* (въ специальныхъ) отъ *сад*. Но съ другой стороны (и это лучшее) можно видѣть въ сближеніи Лит. *sēdmi* и Вед. *садми* (Бонпъ) почти полное равенство, такъ что Лит. *е*, Слов. *и* въ *сѣд-* изъ *а* краткаго черезъ *ai*. Возникновеніе *и* (=ai) изъ *а* долгаго черезъ постѣнатуру во многихъ случаяхъ несомнѣнно. Таково же отношеніе между *лѣзти* и болѣе длительнымъ *лазити*, между *рѣзати*, Литов. *rēžti*, и *разити*, т. е. при предполагаемыхъ корняхъ *лаз*, *раз* врядъ ли слѣдуетъ принимать побочные формы съ *й*, отъ коихъ пошли формы *лѣз*, *рѣз*. Ж. *гоўдзі* = *разити* можетъ быть заимствованымъ. *Лѣзу* сравниваютъ съ Скр. *लामि* или (отличимъ отъ *ланги*, *salire*, откуда *лѣга*, *лнугла* = *скакуха*), разумѣется, предполагая, какъ и слѣдуетъ, форму *лаз* болѣе древнюю, чѣмъ санскритская *лони*.

Д. А и Ж. Гейтлеръ говорятъ: «отношеніе гласныхъ *е* и *о* подобно отношенію пасовыхъ *а* и *ж*, кото-

рые этимологически суть не что иное, какъ *e+и*, *e+и* и *o+и*, *o+и*: гра^жти и гра^жги, *) литов. *grēmsti* и *gramzdýti*. (Фон. § 88). Проводя далѣе сравненіе, мы должны бы сказать, что какъ *o* въ *носити* возникло не изъ *e* въ *пестъ*, а оба звука изъ *a*, такъ и *Ж* не изъ *a*, а такъ что *A* есть ослабленіе того основнаго сочетанія *am*, *an*, заимств. котораго есть *Ж*.

Справшивается, до какой степени точно сравненіе *e: o=a: Ж?* Начать съ того, что сравненіе *гра^жти* съ *gremsti* ошибочно въ томъ отношеніи, что литов. *гра^жть* есть дѣйствительный *и*, какъ такой, выть форму корвя, которая является усиленіемъ по отношенію къ среднему начинательному *grimsti=гра^жти*. Для полнаго сходства этихъ послѣднихъ слѣдуетъ только, но аналогіи со многими другими словами, поставить вм. *гра^жти—гра^{стъ}*. Отношеніе *grimsti* (сред.) ко *gremsti* (дѣйств.), одинаковое съ *killi* (подниматься) и *kelti* (поднимать), *birti* (высыпаться, о зернахъ изъ волоса) и *berti* (разсыпать), сколько известно, не заходитъ себѣ въчего соответственнаго въ Славянскомъ.

Такимъ образомъ изъ *em* въ *gremsti* не слѣдуетъ, что *A* въ *гра^{стъ}* заключало въ себѣ *e*, звучало какъ *e*; но въ оборотъ, въ виду случевъ, какъ *szwentas=свадь*, нельзя заключать отъ *grimsti=гра^{стъ}*, что *A=j* (им.). Вѣрою лишь то, что славянскому *A* соответствуютъ

*) По Гейтлеру (Фон. § 49) *гра^жти* изъ *гра^ждитъ*, стало быть *гра^жти* изъ *гра^ждитъ?* Такое мнѣніе, странное потому что предполагаетъ опущеніе *d* въ *зд*, между прочимъ предъ гласнымъ (погрѣз), основано вѣроятно въ томъ, что Шлейхеръ (Lit. Gr. 41) для лат. *gramzdýti* прививаетъ за корень *gromd*, согласно съ чѣмъ и о востовѣщемъ *gremz̄i* (а не *-zdu*) догадывается, что это діалектическая форма вм. *gremkd̄i*; во можно думать на основавъ литов. *gremza* и слав. *гра^з*, *тру^жа* совсѣмъ на оборотъ, что *d* въ *gramzdýti* есть такая же приставка какъ въ *yésdinti* (ved) *guldýti* (*gul*).

въ Лит. и сочетанія ет, еп и іт, іп; каково же было дѣйствительное произношеніе **а**, это можно решить лишь на основаніи свидѣтельствъ самого Славянскаго языка.

Хотя **а** есть начертаніе звука того Слав. парѣчія, которое ближайшимъ образомъ имѣли въ виду изобрѣтатели письменъ, но разница между **А** и **Ж** предполагается всѣми Слав. парѣчіями и въ этомъ смыслѣ эти звуки суть принадлежность Слав. языка во время его единства.

Квѣвъ звучали общеславянскію **а** и **ж**?

Отложивши пока свидѣтельство Польскаго языка, а разсуждаю такъ:

Если о свойствѣ зв. **а** заключать сть южн. Слав. нѣрѣчій, где оно частью = єн (ѣ), какъ въ древнемъ, а иѣстами въ пыншинемъ Хорут. (Mikl. V. Gr. I, 233—4), иѣстами въ Болг. (Hattala, O bugarskih пъзалих, Knj. жевник II, 463), частью = е (Болг., Серб., Хорут.); то въ общеславянскомъ **а** слышно было е. Къ тому же ведеть и ион.-Ниж.-Лужицкое прѣчіе. Но если заключать отъ Полабскаго (Schl. Pelab. Spr. 115—6), Верхне-Лужицк., Ст.-Чеш. Словен. и всѣхъ Русскихъ, то общеслав. **а** имѣло въ себѣ а (ѧ). Одно согласие Русскихъ пар. съ ивиболѣ удаленними отъ нихъ по звуковому строю западными, даже безъ Польскаго, склоняетъ вѣсы на пользу предположенія, что общеслав. **а** = приближительна аї, яї.

Къ этому присоединяется вѣсъ Польскаго языка. Знакъ є (= єн) впервые замѣчается въ Поль. письменности лишь въ XVI в. (Mał. Gr. § 13). Въ XV в. авукъ **а** вырважается или посредствомъ **ан** (напр. аѣ Статут. 1449. vrzandziez, w klanthwe, dzeszanckupa, janth, wjancej и мн. др.), или посредствомъ **а**, которое не можетъ быть принимаемо ни за что другое, кроме аї: xandz ib. и мн. др. Отъ такого произношенія **а** мы заключаемъ къ произношенію болѣе древнаго начертанія є = а, какъ аї, яї: въ Псалт. Marг. kszođz,

ksószą, знато и пр. Тоже подтверждают и некоторые польские говоры. Въ однихъ и теперь слышится іа̄=ѧ внутри слова: świątymi wykłanty, Małec. ib. Въ Опольскомъ (въ Верхней Силезии) іа̄п, а̄п=ѧ удержалось на концѣ въ именит. ед. именъ ср. на а̄ (=ант), какъ б̄lā, Iw'ą, а также въ преса̄ (=przed sią, литер. П. przecie; между тѣмъ въ другихъ случаяхъ а̄=ѧ (jezik) въ ą (б̄и): świąt, род. мн. См. Lucian Malinowski, Beiträge zur slav. dialectologie. I, Ueber die Oppelnsche Mundart, Leipzig. 1873, 22—4. Авторъ этого сочиненія, не обращая вниманія на свидѣтельство стар.-Поль. письменности, части вышеупомянутыхъ говоровъ и Полаб. (diwangt = девять), съдуя рутинѣ, что Ст.-Слав. а̄=ѧ, говорить, что въ случаяхъ belāп=тела Опольскій говоръ несогласенъ со Ст.-Славянск. (23) и что въ древнѣйшемъ періодѣ Польского яз., непосредственно примыкающемъ къ Лашскому (Польско-Полабскому), Ст.-Славянскому а соотвѣтствовало Поль. е. Между тѣмъ найти аналогіи для перехода іе въ іа̄ въ области исторически извѣстнаго Славянскаго языка гораздо труднѣе, если только возможно, чѣмъ наоборотъ, для перехода ы въ єи, є. По моему, Ополь. род. ед. studnię — изъ studnię, а это — изъ studnią. Подобнымъ образомъ въ древ.-Русс. а̄=ѧ (а) вездѣ, неисключая род. ед. ж. именъ и мѣстоимен. (которое (ыя) земля) и вин. мн. муж. (своя земля). Отсюда въ XIII—XIV произошло то (которое земля, свое коне), что въ прилагательн. и мѣстоимен. донынѣ сохранилось въ некоторыхъ Зап. Мр. и Бр. говорахъ. Что въ Русскомъ произошло въ этомъ частномъ случаѣ, то въ Нижне-Луж. (гдѣ е, є — изъ я, а̄=ѧ) вообще.

Обращаюсь къ ж. Нѣть спору, что у изл. ж. (Русс., Серб., Чеш., Слов., Верх. и Ниж. Луж.) предполагается, какъ посредственную ступень ып, которое дѣйствительно находимъ въ Полаб. prānt, chlund=хлѣбъ, хлѣбъ (Schl. Polab. Spr. 118), и что Хорут. о=ж ближайшимъ образомъ возникло изъ ып, существовавшаго въ другихъ нарѣчіяхъ. Но откуда же увѣренность, что

общеслав. значение **ж** было **й** (Jagić, Rad. XVII, 175)? Востоковъ въ 1820 г. заключая отъ пов. Поль. лите., что каждый изъ юсовъ имѣлъ *верноначально* въ Кириловской азбукѣ по два звука: **Ж**=**о** и **е**, а **и**=**ио** и **иे**, такъ что юсы различались по качествомъгласной, а пръ-существиемъ или отсутствиемъ йоты, разсуждалъ совер-шенно правильно, согласно со своими данными. (Разсужд. о Слав. языке, перепечатанное въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ т. II, в. 1, 8—9). Намъ же слѣдуетъ взвѣстить от-носительно **ж** слѣдующее. Въ Мадярскихъ заимствова-нияхъ изъ парфії во всякомъ случаѣ ближайшаго къ Болгарской группѣ говоровъ **ж** передается не только черезъ **он**, **ом**, но и черезъ **ан**, **ам**, (*galamb*, *pisztrang* = пытргъ, Mikl. V. Gr. I, 46). Въ пышшемъ Хорутъ встрѣчается, впрочемъ какъ рѣдкость **ан** (*obrank*=+об-ржъ, т. е. обржъ) Mikl. ib. 234. Тоже произноше-ние юса большого, по некоторымъ свѣдѣніямъ, есть мѣ-стами въ Болгарскомъ. Въ Полабѣ. **ж** не только=**уи**, но и **ан**: *poiank*=+пайжъ, *graust*=хржеть, хржъ, Schl. I. с. 119. Это согласно со стар. Польскимъ. Встрѣчаютъся русскія транскрипціи Польскихъ словъ, какъ *bandzie*, нынѣ *będzie*), воеводу Ланчицкого (*Łęczyca*, нынѣ *Łęczycя*), воеводу Ленчицкого (*Lanckicinem*), въ памятн. 1501—5, по спискамъ нач. XVI, Ак. З. Р. I, 224, 275, 277, *) подкрепляющія положительное свѣдѣтельство Статорія (1568 г.), что въ его время Поль. **а** (=между прочими и **ж**) произносилось, какъ французское **ан** (Mадес. Gr. 5). Само пышшее изачертаніе **а** для **й**, какъ случаѣ переживанья, подобный нашему упорному сохраненію **ровъ**, говорицъ о большей древ-ности произношенія **ан** (ib.). Въ памятн. XV в., ра-домъ съ **а** и **ан** для **ж** постоянно употребляется **вп**, **аш** (Statut. 1449; *sand*, *samperz*=сжпърь) Въ болѣе древ-немъ Псалт. Марг. при **о=ж** и **и**, употребляемомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, есть и **ап=ж**: за-

*) Провозведеніе тогда уже колебалось, потому такъ же и хищники (223), допускаючи (224), вѣнцей (225) ви. **и=ан**, **иав**.

tant, zamantek (Nehring, O Państwach Floriańskich, Poznan, 1871. Словкъ). Въ пынѣшнемъ Поль. литерат. оствлось, лишь какъ орханизмъ, Sandomierz = Русс. Су-домиръ; но въ Опольскомъ говорѣ почти всякое ж, за-мѣнившееся въ Поль. литер. черезъ ć, произносится еще какъ ā̄, ā̄, съ явственнымъ ə: 1) внутри словъ послѣ твердыхъ: kās, taka, gąba; 2) на концѣ, къ винит. ед. именъ сущ. и иѣстомен. ж. р. (stronga, sziją, na ū, swoja) и въ 1-мъ а. ед. наст. вр. (moga, bija), Malinow, I. c.

Въ пынѣшномъ Поль. литературномъ и ближайшихъ иѣ нему нокрдныхъ говорахъ, имѣющихъ только двѣ по-совой гласныя ő (=ō, ô) и ę, качество чистаго глас-наго элемента этихъ звуковъ, неимѣя отношенія къ раз-личию ж и д, находится къ зависимости отъ тѣхъ усло-вий, которыя немогли существовать въ древнее время.

Именно, ć внутри склонъ относится къ ć приблизитель-но такъ, какъ Поль. ó и ô къ о и o. Подобно тому какъ Поль. ô (изъ уо) образуетъ своимъ различиемъ съ o противопоставленію слоговъ среднихъ прямымъ, языникшему лишь въ силу постепенного ослабленія и икконецъ исчезновенія ко-вечнаго глухаго звука (woł, wól—wo-ł); и различе-ніе ő и ę въ dőb—dębb немогло существовать при двусложности слова ęж-бъ. Сродній слогъ первона-чально вызывалъ не качественное измѣненіе ą (=ж я ą), къ лишь его долготу, какъ, противоположность крат-кости того же звука въ прямомъ слогѣ. Изв это есть ука-занія въ грѳническомъ удкоеніи носовой буквы: ſđđđ (Пс. Марг. Mał. Gr. 22), cielofft (50-й Пс. по порг. листку Свидзинскаго, болѣе дровиому, чѣмъ Пс. Марг. Nehring, I. c. 41). Изъ удлиненій нос. главной ą воз-никло о черезъ посредство пѣкого дифтонга, иакъ Ка-шобское въ Мазовецкое о изъ долгаго ę и иакъ 6 (=y) изъ o черезъ уо. *) Въ этихъ случаяхъ Поль.-лит.

*) Ср. Латыш. õ (=o^a, źo^a) изъ ав и Лит. ū (=y^a) изъ ав, аи. Bielenstein, Lett. Sprache 170.

сходится съ Опольскимъ говоромъ: аъ обоихъ дѣ, cielot. Носовой зв. въ прямомъ слогѣ сначала въ обоихъ оставлялся въ качественномъ отношеніи неизмѣннымъ, иа что указывается и нынѣ Ополь. говоръ своимъ ә въ дѣва, cielot; потомъ въ Поль. ослабѣлъ до ө. Отношеннія эти въ действительности не такъ просты, какъ изображены здѣсь; усложненія ихъ отъ мало известныхъ причинъ, между прочимъ отъ качества следующихъ согласныхъ асимилируютъ однако намѣненныхъ выше очертній авленія.

Еще очевиднѣе возникновеніе ө изъ долгаго звука твмъ, гдѣ произошло не образованіе одного средняго слога изъ двухъ првыхъ, а стаженіе двухъ слоговъ аъ одинъ прямой. Между тѣмъ какъ въ окончаніи вин. ед. жен., гдѣ въ Ополь. ә (*swoja loska*), въ Поль. стоить ө (*swoje laske*); въ томъ же пад. при страженіи м въ ти. ед. жен.—Поль. օ; то, twø, swø, swojø lasko (изъ *своєж ласкою*). Это между прочимъ заставляетъ меня держаться мнѣнія, отъ коего теперь отказался Миклошичъ, что въ Ст.-Слав. пам. твор. ед. ж. *своєж ржкою*, *древнле*, чѣмъ сходное съ вин. *свој ржкј* (Ср. Mikl. *Altslavenische Formenlebore in paradigm.* Wien, 1874, XXXII, 10—13).

Итакъ, я думю, было время аъ Польскомъ (еще въ XV, нач. XVI), когда въ звѣниахъ и Ж, и ѧ одинаково звучало օ. Въ этомъ причина того, что аъ древнѣйшихъ Поль. пам. оба юса изображаются однимъ знакомъ օ, а вѣроятно и того, что переписчикъ русск. перевода Судебника нор. Казимира, копечко полякъ, иа иѣстѣ Ж ставилъ одпо ѧ: бѣдетъ, праедаѣтъ, сдѣлъ—судъ (Вост. Разс. 10—11) Въ памятникахъ Цер.-Слав. Болгарского характера, происходящихъ до XI в., то оба юса звѣняются однимъ большинъ (жзыкъ и т. п.), то однимъ малымъ (нагь вм. пжть), то употребляются оба, но несогласно съ првиломъ, изложеннымъ изъ срвненія яз. Остром. Еванг. и т. п. съ живыми нарѣчіями (Средн. Пам. юс. письм. 155—6 et passim). Такое смѣщеніе юсовъ можетъ объясняться не только ихъ по-

совимъ характеромъ, какъ думалъ Востоковъ (Разс. 10), по и тождествомъ или величинѣ сходствомъ ихъ гласного элемента, именно *a*. Если бы въ языкѣ писцовъ этихъ пянятниковъ разстояніе гласныхъ элементовъ *ж* и *я* было таково, какъ между *у* и *я*, *у* и *е*, *о* и *е*, то същепѣкъ юсова можно бы ожидать лишь какъ относительно-рѣдкой, личной ошибки.

Въ чёмъ же состояло различіе юсовъ до начала этого сиѣшнія?

Нерѣшаясь предположить, что *я* было всегда кратко, въ *ж* всегда долго, и ограничиваюсь призваниемъ очевидной разницы, состоящей въ томъ, что лишь первое изъ нихъ и замѣняло предшествующіе гортаные въ пянятціе. Въ этомъ отношеніи *я*: *ж* =: *ъ* = *о*. Въ Польскомъ познѣйшія дифференцированія чистаго гласнаго элемента юсовыхъ покыли ихъ древнѣйшее значеніе новымъ слоемъ, но неуничтожили того къ различію, въ силу коего лишь замѣны идаго юспа измѣняютъ *г* въ *гз*, палatalизируютъ *я*, *б*, *п*, *и*, *в*, *з*, *с*, такъ что напр. по различію, въ родѣ *riēgo*—*rię̄go* и *rēto*, можно безошибочно возставлять древніе юсы. Согласно съ вѣкѣ мы можемъ принять, что и въ древнѣйшемъ, то есть въ всѣ согласные.

Строго говоря, звуковыя единицы подлежащія изслѣдованию въ градстѣ—гражданіи суть не *я*, *ж*, а *р*, *рж.* *) Рѣзница состояла здѣсь первоначально лишь въ качествѣ согласной, именно мебнаго *r* (отличнаго отъ сочетанія *rj*) въ первомъ случаѣ и твердаго во второмъ. Палавлизациія предыдущей согласной лишь въ послѣдствіи, при раздѣленіи Слав. языка повліяла и на качественное измѣненіе гласной стихіи юсв. Въ этомъ отношеніи Лит. *im* въ *grimuski* новѣе Слав. *am* въ градстѣ.

*) Въ другихъ случаяхъ мы рассматриваемъ палatalизованную согласную везависимо отъ ея связей, напр. *гз* въ Поль. *Kazimierz*, *Włodzimierz*, т. е.—*миръ*=*миръ* не въ смыслѣ прил. врятательнаго, а въ томъ же значеніи, что и—*миръ*.

Грдти и *grimstī* будучи различны по гласаой, аналогичвы въ тоиъ отношениі, что въ обоахъ первоначально *средствомъ ослабленія фор. корня* была *паратематизация согласной*. Такая ослабленная форма противопоставлена основной аль *грж-и-ти*, *gramz-d yti*, давнейшій мѣсто усиливія. *Гржз*, по качеству чистой гласной стихіи (въ *ām*) разво, стало быть, не съ о въ *едити*, а съ болѣе древнею несохранищею въ памятникахъ формою, заключившею въ себѣ *а*. Такимъ образомъ равенство исс: *нос=грдз*: гржз далено не позже. Таковы же отношениія между *мисми* (Скр. *мантъ* а то, З. я. ед. и., болѣе древнее—матн-нѣ-ти, мынаетъ жидкость, сбиваетъ масло) и *мжтими* (между прочимъ—о пахтическихъ маслах), между *трудти* и *тржстти*. *)

Правимая тикой взглѣдъ въ первоначальное различіе юсость, мы спрашиваемъ себя, какъ же различались она тогда, когда слѣдовали за *ј*, какъ самостоятельныи согласный аудиенъ, напр. въ *би-ј-д* и *бвј-ж*, *свое-ј-д* и *свое-ј-ж*, *ј-азыкъ* (Ст.-Поль. *janzyk*) въ *+па-ј-жъ* (Ст.-Поль. *rajanpk*), *до-ј-жду* (Пс. Марг. *odjōd*, *dojōd*)? Слѣдуетъ предположить, что и здѣсь разница состояла въ свойствѣ предыдущей согласной, т. е. *ј*, ибо я этотъ звукъ, различія коаго, взятаго отдельно, трудноуловимы, видоизмѣняется, подаиглясь отъ передней части аеба, ближайшей къ основанию зубовъ, ио направлению къ задней. Различіе двухъ *ј* сказывается

*) Идеонѣроятно ижѣніе Гейтлера о происхожденіи *трас* отъ корня *трак* (Лит. *trimti* дромать) черезъ *desideralium* (Fon. § 49, 1). Бѣ Лит. *trim-ti* стасится Слав. *треп-еть* и Ир. *трек-т-и-ти*; ср. Лит. *trémoti*, тонать и Вр. *тропать*, id. Между тѣмъ со временемъ Боппа крѣпко стоять сближеніе *трас* съ Сар. *трас-а-ти*, *трас-я-ти*, дромать (черезъ *тре-и-с* изъ *+трас-на* v. *трас-нѣ*, робкій) съ Греч. *τρέ(σ)ω* и Лат. *treg-eo* (изъ *тарс-ајакъ*).

ихъ вліяніемъ а въ слу чаахъ, какъ къндаъ и кънджъ.
Замѣчательно, что въ дреашихъ Цера.-Слав. памитникахъ
ни одно слово не начиняется съ нейотироааниаго я.

Признаю первоначальное ж за а̄, а̄м, предпола-
гаю, что въ слу чаахъ, гдѣ ж корня изъ у, уп. полу чи-
налось вналогіи съ большинствомъ слу чааель и перенесло
а̄, а̄м. Такъ а въ бждж (Ст.-Поль. *bądż*) —изъ
бну-и д-, въ это изъ бну-ва д, бну-д ие, вор. ббу.

Подобныиъ образъ тамъ, гдѣ сравненіе показы-
ваетъ а въ корнѣ не а, а і, а перенесло къ своему звуку
(а̄, а̄м съ предыдущею небиою) отъ іи, ии. Такъ
быть можетъ а въ саккжти (Русск. сякнуть, собст.
начинать течь, азать, оскудѣвать: «jako woda siaknie
w ziemię, tak niszczęje ludzkie plemię», Kochau.). Въ
Лит. вкчинательность выражена посредствомъ и а въ те-
мѣ наст. кр. зепки, sekli, стекать, мельчать, сохнуть;
а въ Латыш. также (sīki изъ sāki), а равно и посред. суп.
t: sīk stu, sīkt id. Въ Скр. сиц (изъ сик), си-и-ч-ати,
окровлять, уложить. Ср. безъ восоюй въ корнѣ Вр.
саккнуть, валить и общеслаа. съцати, Лит. sziki,
scheissen. Если а въ основаніи сак лежитъ сик, то сак
возникло изъ сик по образцу Франц. еп—ап изъ іп.
Тогда сак въ сжчили могло бы произойти възъ сак
лишь а въ силу готовыхъ аналогій, аакъ наг—ијт. Это
противорѣчіа правилу, что ж есть сочетаніе болѣе
первообразное, чымъ я, заставляетъ предположить, что
сак—сжк имѣютъ а въ основаніи не сик, а сак, сак,
аирочамъ сродное съ сик.

Здѣсь считаю умѣстными слѣдующее замѣчаніе.
Многіе, а въ томъ числѣ и Гейтлеръ (Фон. § 52), до-
сихъ поръ считаютъ загадочными чередование а въ кор-
ниахъ частой гласной съ носовой (гэр. съ ин, аи и
т. п.), между прочимъ въ садж—сѣсти, лаж—лешти,
обржатж—обрѣсти. Нѣкоторые считаютъ эти аосовыѣ
звуки усиленіемъ въ родѣ гуны. Я держусь того убѣ-
денія, что путь къ разрѣшенію этой загадки найденъ
длано, именно, что указаніе на него заключено въ томъ
взглядѣ Боппа по происхожденію скр. глаголаъ 7 клас-

са, по которому *чи-на-д-ми* (кор. скид) изъ *чи-д-на-ми*, а *чи-над-лас* (*scinditiv*) изъ *чи-надм-ас*, которое изъ *чи-д-на-лас*. По этому пути успѣшио шоль Кунъ (*Zeitschr. f. V. Spr. II*); сомнійя въ его вѣрности относительно объясненій ринезма именъ въ Греч. (*Curt. Grandz.*³ 53—4) весьма слабы. Я немогу здѣсь приводить доказательства вѣрности этого пути и ограничусь исключениемъ положеніями, открытое коахъ въ общемъ приписываю вышеупомянутымъ ученымъ Бонну и Куну. Сравненіе глаголовъ съ иносовыми характеромъ внутри или апѣи иория аѣ скр. съ подобными глаголами въ Литов., Лат. и Слав. доказываетъ: а) что если ик всѣ, то очень ивогіе глаголы въ этихъ языкахъ съ иносовою согласною внутрь иория на другую согласную произошли изъ глаголовъ: съ иносовыми характеромъ специальныхъ временъ, стоявшихъ виѣ корня; б) что этою способностью глаголовъ въ вѣрскихъ языкахъ внѣдрять глагольный характеръ *на* (и *ну?*), бывшій сначала наружнымъ, объяснения иносовья согласившись внутри корня множества именъ; в) что переходъ аосового глаголичаго характера аиутрь иория начавшись до раздѣлевія обще Арийскаго вѣ., продолжался въ разныхъ языкахъ долгое время послѣ ихъ выдѣленія, такъ что аапр. въ Литовско-Латышскомъ можно насчитать болѣе 50 глаголовъ поглотившихъ этотъ характеръ уже послѣ обрвзовааів этихъ языковъ, такъ какъ и въ Слаа. этии глаголамъ первѣко соответствуютъ глаголы съ такимъ же характеромъ виѣ корня: литов. *li-t-ri* (неоар. *lipti*)—*линиж*. Замѣтимъ, что значеніе этого виутревнаго характера аѣ Литов. Латыш. и аиышавго въ Слав. тоже: средний залогъ и начинательность. Слду и *ляту* значили нѣкогда сажусь а ложусь. Есть случаи, гдѣ поглощеніе иносового характера есть введеніе специально скандинавское. *)

Итакъ, повторю, если глаголы съ *и* и *ж* предполагаютъ чистое *а* въ кориѣ, то на *ж* мы можемъ

*) Есть изрѣка *и* и виутри чисто-фонетического происхождекія, какъ въ Нель. *mīdzu* язъ *mīdzu*.

сматрѣть, какъ ав андоизмѣненіе основанаго спочатку *an*, *at*, а на дѣнь на ослабленіе этого сочетанія, посредствомъ падевелизациіа предыдущей согласной, а лишь затѣмъ—посредствомъ яачестаованаго измѣненія гласной стихіи юса.

4. Позднѣйшія усиленія, по способу и времени возникновенія отличныя отъ вышеупомянутыхъ. Усиливія эта мы раздѣлимъ на общеславянскія и специальнѣ русскія; послѣдняя позднѣе первыхъ. Назначеніе тѣхъ и другихъ—сопровождать значенія большей длительности глаголовъ, или, если угодно, симолически изображать эту большую длительность, вмѣстѣ съ присвоенными ей характерами. Всѣ имена, заявляющія въ себѣ усиленія, исключительно отглагольны, таинъ что можно сказать, что этого рода усиленія никакой другой функции кроме вышеупомянутой не имѣютъ.

Относительно наиболѣе первообразованный разрядъ глаголоя, въ коемъ впервые появляются рассматриваемыя здѣсь общеславянскія усиленія, есть разрадъ, имѣющій въ темѣ част. врем. характеръ *je*—Слвр. *ja* (4 кл. по счету индійскихъ грамматикоў), а въ темѣ неопред. икак.—Слва. *a* и *я*: *наричени*, *нарицати*. Отсюда глаголы, сохранившія усиленіе яорна, переходять въ другой разрядъ, тождественный съ первымъ по характеру 2-й темы, но въ темѣ настоящаго времени имѣющій характеръ Слва. *аје*: *нарицајеши*. Обратнаго перехода допустить нельзя. Характеръ *аје* сближенъ Воннои (V. Gr. § 504, II) съ характеромъ X кл. *оја* (канъ *a* + *и*, *ъе* *и*); по срапеніс *рыдаја*—Лит. *гандоји*—Скр. *ро- дојамъ*, нѣговаря уже о различін значеній (Скр. глаг. причасный, а Слва и Лт. нѣтъ), сградаетъ тѣмъ, что вовсе необъясняетъ происхожденія изъ основанаго *аја* трехъ славянскихъ характеровъ (*и-и*, *ъе-и*, *ај-и*) и нѣсколькихъ ліговско-латышніхъ. Поэтому гораздо лучше, какъ уже отчастіи думалъ и Шлейхеръ, ядѣть характеръ *аја* только въ Слва. глаголахъ *и*, *й* и сраз-

нианть $\frac{a}{e}$ и $\frac{ae}{e}$ лишь съ Скр. отыменными ве $\hat{a}ja$. Изъ втнхъ послѣднихъ одни, спрягаемые по Атманѣпиаи, уже въ Синисриѣ ииютъ гнечеи соавшенно склоненіемъ со слов, глаголами ии \hat{ye} , или весьма близко подходя-щее къ звученію послѣднихъ, именно: становиться тѣмъ, или такимъ, какъ то, что означено первообразнымъ именемъ, вести себя какъ то, что означено именемъ *) Другие, чистью Атманѣп. (гр. мед.), частью ирасмайпвим (= греч. пагив.), менѣе удобно опредѣлимые по зву-чению, подходить ии отыменными слав. на $a\bar{e}$; напр. *голодать*—испытывать голодъ изъ Скр. *карунджа*, быть въ жаждѣ состояевіи. Минуя трудный вопросъ о проис-хожденіи $\hat{a}ja$, мы можемъ склонять, что если первона-чально этотъ характеръ и разложамъ на \hat{a} , принадлеж-щее къ именной темѣ, или составляющее видоизиѣ-ніе ея окончия, и ии глагольный характеръ ja (Ворр. Krit. Gr. d. Sanscr. Spr. § 520); то въ Славянскомъ карватары \hat{ye} въ $a\bar{e}$ (и соответственные въ Лит. и Латыш.) уже представляются совершенно цѣльными и не-разложимыми, при чемъ въ Славянскомъ передъ $a\bar{e}$ мы можемъ въ маѣстныхъ случаихъ распознавать смягченіе, принадлежащіе именной темѣ: *кашлю*, *вечерлю*. Глаго-лы $\frac{a}{e}$, промѣ очнь немногихъ сомнительныхъ случаевъ, остались и въ Славянскомъ отыменными; въ разрѣ $\frac{a}{e}$ есть отыменные, по большинство, между прочими всѣ тѣ, въ коихъ есть позднѣйшія усиленія, отлаголь-ны; лишь асаѣствіе втой отлагольности аи глаголы означаютъ большую степень длительности.

Всѣдствіе тѣсной связи и сходства глаг. $\frac{a}{e}$ и $\frac{ae}{e}$ мы побудемъ здѣсь дѣлать между ними различія, при-водя тѣ и другіе въ ихъ общей формѣ, въ чистью гово-ра только обѣ $\frac{a}{e}$.

*) «Въ конѣ (чики тѣлѣ) разспрываются (какъ отрывается глазъ, или распускается цвѣтокъ) добродѣтель драмайшак всего иира, тому огонь становится водою (джалдјатѣ во-деваетъ т. е. не жжетъ, а прохладаѣтъ), Мору (гора) стако-вится насыпью пакышкомъ (санапасидјатѣ), царь акѣрай

При образованіи втихъ глаголовъ отъ тѣхъ, вато-
рые принимаются по отношению къ иниъ зв. первооб-
разные, между прочимъ отъ я, остаются неизменными
въ качественномъ отношеніи коренные гласные: а, и,
у, ю, и, я, ж, зв. нѣвторыки, быть можетъ, и первыми
исключениими ю, и за нѣкоторыми же исключениими въ
въ корняхъ состоящихъ болѣе чѣмъ изъ двухъ соглас-
ныхъ съ конечной пѣмью: мѣрк-и-е-, смеркаться и т. д.
Можно думать, что отсутствіе качественныхъ измѣнений
замѣнилось количественными, но заключеніе обѣ аточъ
отъ нынѣшихъ Слав. нарѣчий къ общеславянскому язы-
ку по меньшей мѣрѣ трудны. Качественно измѣняются
при этомъ только гласные я, ю, е и о, которые мы раз-
сматриваемъ порознь.

1) А. я усиливается въ ты: дѣм(е-ша)- дѣма-; сѧп
(ср. Серб. засути, заспем=сѧп и Русск. сѧп въ слу-
чаяхъ какъ приста, Пересопница и др.) сѧпа-; тѣб
(гынжти)- тѣба; дѣх-и-я дѣха-; сѧх-и-я сѧха, мѣк-
нжти- мѣка (замыкать, claudere и умыкать, умычка;
для г. Южикова (Записи 1873 г. I) замѣчу, что это
послѣднее слово съ корнемъ мук неимѣеть прямой эти-
мологической связи съ мѣка, кор. ман, по другимъ
мак); тѣкнъ тѣка.; тѣхнъ тѣха (Поль. одрусаф и
пр. между тѣмъ такъ Русск. тиха- предполагаетъ тѣх-);
хз(а) лз(а) (прилигать), *) зз(а) зз(а), сал(а)- сѧла,
сѧп (съпиши) сѧпа-. Что смыкатися, серпуге относит-
ся кавъ усиленіе къ мѣкнжти и должно бы писаться
самыкати (Mikl. V. Gr. I, 144), ато ошибка, кото-
рую Милюшичъ поправилъ относши смыкъ въ своемъ

(левъ) игноренно становится антилонко (курангѣјатѣ, т. е.
стаюится кротекъ), акъя принашаетъ свойства вѣна (маля-
гунгѣјатѣ), ядовитый союзъ становится дождемъ авросік (пију-
шваршѣјатѣ). Бнатраћари, Benf. Chrest. 165. Ср. так-
же отъ прылагательныхъ нилѣјате, червѣть, сиять и пр.

*) Облагати (Mikl. V. Gr. I, 139) могло появиться
только подъ влияніемъ нарѣчій, потерявшихъ различіе между ты
и и. Теже походити при гаѣт (ib.).

словарь въ одновѣкъ корню съ Лит. *smunki*, *smukli*, скользить (*iszszmukt* — *wyszmuknęć* *sie*). Изъ этого однѣко еще неслѣдуетъ, чтобы мы должны были отказаться отъ взгляда на *и* въ *смыка*, какъ на усиленіе *и*. Прѣвда, и *смыкнуть*, *smuklać* имѣть уже *и*, но мы должны обратить вниманіе на то, что глаголы на *и* многократно подновлялись, что первѣко они являются не первообразными по отношенію къ *и*, а производными, напр. *дыхнуть* отъ *дыхать*, между тѣмъ какъ послѣднее отъ *дышнти*. Точно такъ мы должны предположить общеслав. глаг. *смѣкнij* (въ коемъ *и* изъ *у*) и т же отсюда — *смыка*, отъ коего въ свою очередь *смыкну*. Прѣположеніе основное не только на аналогіи, что было бы недостаточно, но и на Хорут. *presmeknoli*, *permeknise* (Mikl. Lex. *смыкати*; *е=ъ*) и Вр. (Новг. Иск. Тв.) *смокнуть* (съ опущеніемъ горловиной, какъ въ *динуть*), шаркать ногами по полу, чесать напр. тѣло (съ, париться въ банѣ *вѣниами*), счищать пальцами или ладонью. Такой глаголъ *смѣкни* и по несовершенности, и по начинательности = Лаг. *smunki*.

Такъ какъ я непрѣзираю гласности *r*, *я*, то не могу согласиться съ Маклошичемъ, чтобы слѣдовало отѣлить случаи усиленія *и* въ *и* (*зывати*) отъ случаевъ усиленія «гласныхъ *я*, *р* въ *и*, *ир*, *ры* *салати*—*сглати*, *ирѣти*—*понарати*, *брзижти обримати*» (У. Gr. I, 142). Это случаи совершенно тождественные съ *зыва*. О *поняромти*, а равно и о Mr. *порин'ти* (перестановка вм. *поняроти*), откуда *пурнити* (и по ошибочному предположенію, что иоренъ *пур-*, — *пурнути*, *пірнути*), *виримати*, Вр. *нырять*, котораго цеслѣдуетъ смѣшивать съ Польскимъ *виглас сie* (послѣднее и въ Русск. было бы *пуряться*), замѣчу: форма усиленія *ир*, подтверждаемая Брусскою, свидѣтельствуетъ, что *ир* предполагаетъ не *ирж*, какъ это нужно Гейтлеру, чтобы доказать, что Литов. форма *веги* *verti* предполагается славянской, въ коей изъ *и* — (Еоп. § 68, стр. 44), а *ирж*, въ коемъ *и* и въ *у*, какъ и видно изъ усиленія *пурити* (Поль., Русск.). Видѣть съ тѣмъ

полирати, встѣчющееся только въ памятникахъ или поздайшихъ Сербскихъ, или довольно древнихъ, но южныхъ (Лавр. Опк. 32), должно быть признано поздайшимъ. Тванимъ образованіе и Врусс. *пырать*, *нырять*, *стыкатъ*, *вонзать*, предполагаетъ не *пърх*, что было бы полезно для большей блазостк къ Лит. *spīri*, *spīti* (и Гейтлеру Фон. р. 43 изъ *sperti*), которое значить и то-пать ногами, брыкать, и *пърх*. *Брысати* есть случай рѣкій, выходящій изъ подъ правила, что *и*, *и*, стоящіе въ иорнахъ болѣе чѣмъ изъ 2-хъ согласныхъ, при образованіи глаголовъ *о-ти* остаются неизменными. Тоже и о *лобзати* при *лобзати*. Наоборотъ, есть случаи, когда *и* въ иорнѣ изъ 2-хъ согласныхъ остается здесь *измененнымъ*. Сюдѣ, вожатев, Mr. «*керовай бзати*», если изъ *гбати*, ии что указываютъ выражая: Серб. «*гбати гибаницу*» (родъ пирога) и Врусс. «*загибать парогъ, обл.* Вр. *гибень*, *загибень*, *затибеня*, *пирогъ*, потому что раскатывое тѣсто загибается въ начину».

Мнѣ кажется очевиднымъ, что способъ образованія этого усиленія состоять въ появленіе *послѣ* усиленіемаго звука *и*. Это появление могло быть вызвано потребностью удлинять *и*, о которомъ, если не ошибаюсь, общее мнѣніе таково, что атотъ звукъ кратокъ и воспособаъ удвоиться, панзимѣнившись при этомъ качественно. Съ этимъ *и* отъ *и*, иаъ и съ ниже рассматриваемымъ и отъ *и*, считаю аналогичными нестолько тѣ случаи, когда *и* происходитъ изъ *и-и*, давныхъ при сложеніи въ семиетапіи произношевіи словъ (добрыи = добруи, видѣхомъ-я = видѣхомъ-ji), и нестолько случаи постепенности основнаго *о*, *е* въ Малорусскихъ говорахъ, еще аенѣтной мѣстами (*ауа*) и давней въ результатѣ Вост. Mr. *и* изъ *о*, *е*, сколько слѣдующій случай. Храктеръ наиболѣе позднаго, по времени образованія, разрядъ глаголовъ *и-ва* возникъ непосредствено изъ *ово* (иаъ изъ *ева*), при томъ спачала — во 2 й темѣ, иакъ показываютъ глаголы, какъ Сербск. *потписывать* — *потпису-јем*, Поль. *подписьывать* — *подпись-је* (формула *је*), и по-

тому, отъ второй темы, и изъ первої, какъ въ Бр. гд. на *изаешь*, *изать* (*изаешь*—*изать*), Поль. *увах*, *увас* (*ивис*). Образование этого глагольного характера, кажется, несомнѣально съ мнѣніемъ, будто исто-рия языковъ, по еркайи мѣрѣ въ позднѣйшихъ икрѣч-ихъ, есть только изложеніе механическихъ послѣдствій стремлений иъ единою менѣшой третій силъ при про-изношеніе. Тутъ нѣкогда ничего механическаго, о на-противъ занятно стремленіе разграничить въ раерадѣ *увахъ*, *ува* глаголы отглагольные, отличные отъ своихъ первообразныхъ по степени длительности, переходящіе въ Бр. въ *извое*, *извое*, отъ глаголовъ отмытыхъ, во-торые въ большинствѣ Брусс. говоровъ одни остаются при прежнемъ характерѣ. Въ Ир. *иlassъ ова, ова об-нимаетъ* еще оби рода глаголы. Для образованія *ыса*, *ыва* употреблено иѣсколькими икрѣчіями тоже средство, что я дакъ усважаю з., въ ти, и въ корѣ, то есть пост-позиціи *и*.

В. въ усиливается въ *и*: *жъсъ(ж)–жима* (жинать), *жъдъ–жидъ*, *жъд–жид*, *льп* (льнуть), *лима*, *мънж–мна*, *мъз–маз*, *чътж–чита*, *жънж–жима*, *жънж–жина*, *чънж–чина*, *мънж–мина*, *мънж–ми-ла*, *тънж–тина*, *клиж* (З согд. въ кор.)—*клина*; на этомъ основаніи *има* предполагаетъ *јимж*, нѣсто-вого ефоническаго *имж*.

Конъ выше мы неотдѣляли случаеній *сама* отъ *зыса* и т. п., такъ и здѣсь считаемъ тождественными случаи какъ *жидъ*, съ такими кикъ мира. Формы уси-леній *мимра*, *имра* (*claudere*), *стира*, *тира*— предпо-лагаютъ общеслав. формы *мерж*, *сърж*, *терж*, *стърж*, *тырж*, которые стояли бы прочно, даже если бы и во-все неподтверждалось Стар.-слав. памятниками. Я счи-тиль бы ошибочнымъ производить *иез* мира отъ 1-го въ *мереть*, или отъ звука предполагаемаго времъ въ *мерж*. *Измилати* предполагаетъ не *мел* въ *мелж*, а *мыл*, взятое изъ одной изъ тѣхъ формъ, въ ковѣ Шольскій изыскъ указываетъ на присутствіе глухого *и*ну-

ка: *тио̄л*, *тиӣв.* — *дира-*, *нира-*, *бира-*, *стила-*. Имъ-
ютъ основвиемъ не ту форму ворня, которая въ на-
стоящемъ *держ*, *перж*, *берж*, *стелж*, а ту, которую
мы должны предположить въ неопределенномъ *дер-а-ти*,
нир-а-ти, *стэл-а-ти*; по моему мнѣнію въ этихъ глаго-
лахъ *ора-*, *пр-*, *бра-* не — суть вакія-либо видомамъевія
ворня (по Мика. усиленія V. Gr. I, 144), а ворни *дир*
и пр. съ глагольнымъ характеромъ *а*, какъ въ *жъдати*.
Зира, *мина* предполагаютъ *зър-ъ-ти* — *зър-и-ши*, *мън-ъ-ти*,
мън-и-ши. Мнѣніе Гейтлера, что *дира-*, *бира-*,
нира-, *стила-*, *мила-* возникли посредствомъ ославленія
и (происход. изъ *е*) въ *и*, стало быть въ *бъра-*, какъ
нарица- изъ *нарпца* при рек., Fon. § 90), считаю ошиб-
очными.

Въ Малорусскомъ (т. е. въ большинствѣ говоровъ) мы ожидаемъ здѣсь встрѣтить на мѣстѣ общеславянска-
го *и* — среднев. *и*; но рядомъ съ этимъ звукомъ (*взимра-*
ти, *простилати* и пр.) и въ говорахъ (восточ.), и на
письмѣ, въ действительности встрѣчаешь и остров. *и*:
събірас, Метл. 101, *збірай*, Ном. посл. 110, *вміратъ*.
Ном. 140, *підпірай*, Метл. 127. и пр. Кажется, что
въ нѣсть неточность выговора, или аллюзія общеите-
ратуриаго языка, въ діалавитическое подновление усиленія
и, соответствующее Польскому *ie* изъ *i* въ *zbiegab*,
wywiergs и Слов. *ie* въ *sbierat'*, *postielat'*, *umiegs'*,
natielat'.

О происхожденіи усиленія *и* изъ постпозиціи *и*,
аналогично съ *и* изъ *e* въ Вр. *нашевать* изъ *наше-ва-*
ти, было уже упомянуто выше.

В. *е* усиливается въ *ъ*: *рек-* *ръка*, *треб-* *тръба* и
пр. (Mikl. V. Gr. I, 134). *Э* въ *хата* изъ *лет* выхо-
дило въ этомъ глаголѣ еще тогда, когда оно припад-
лежвалъ не къ разряду *е*, а къ *је* (никъ въ Серб. *лије-*
ћем, *лијетати*). Усиленіе *e* въ *ъ* общеславянское.
Исключениемъ служитъ Нов.-Болг., где *e* прошедшее
изъ *и* (редѣж, стегѣж, запрагѣж, влечѣж), наравнѣ съ *е*
ослоанскимъ (дежж), усиливается въ *ъ-а*: параждви, ста-
гам, апрагви, клякви, М. Драковъ въ ІІерод. спис.

на Бълг. Кнаж. Друж. I ин. 9—10, 74. Оно сохранилось аль Mr., где аль большинств говорить і изъ тъ: *загніта-*, *вигріба-*, *вискріба-*, *застіба-*, (застебнути), *заміта-*, *запліта-*, *виміка-* (—«аозникают слезки»), *нарика-*, *тіна* (конопли ср. *тепости*); *літá-*. Что ато ие — есть аидоизмъиеніе и, а і изъ тъ, указываютъ Сѣверо-Запад. Mr. формы касъ *утскати*. Вост. Mr. *лягати* ам ожидаемаго *лінати*, иоторое тоже встрѣчается на югозападѣ, неправильно образовано не отъ *лег*, а отъ *літ=лія* (*лягти*, лягу). Въ Вруссихъ говорахъ, из которыхъ въ этомъ случаѣ основано правописаніе литературиаго языка (летать, погребать, налегать, заметать, припекать, заплеть, протекать и пр.), разсматриваемое усиленіе незамѣтно потому, что Ю.-р. говоры, вслѣдствіе неударности корениной гласной аль этихъ глаголахъ, лишены средствъ различать *е* и *ю*, тоэъ различаются эти звуки въ *вѣз*, *нѣз* и *льз*, *пльз*. Что формы *літати* и ар. предполагаются и Вруссими, это аиди кромѣ общихъ соображеній о дреаности этого усиленія, еще изъ того, что аль Вр. говорахъ сохранилось а мѣръ тъ послѣ шипящей аль *жатати* (Пск. Твер. и др.), *жалитъ*, *колотъ* = Ст.-слав. и др. Русск. *жата-*ти, *всесъжатаети*, *свѣжатать*, Кир. Тур., Калайд. пам. 113 (вм. жѣг, предполагающаго жег, между тѣмъ какъ *жизати* и Вр. *жишать* можетъ быть прямо изъ э въ *жизж*). Приинная, что *жатъ* ам. *жюзъ* изъ *жесъ*, а тѣмъ самымъ расхожусь съ тѣмъ объясненіемъ, по которому *жъзъ* изъ *тъзъ*, а это изъ *тазъ*, а отъ *жъзъ* — *жизж* (Geitl. Fon. § 78).

Что касается до другой формы усиленіа тогоже *е*, именно *и* (*погибати*, *заплітати*, *нарицати*, *исти-щати* — истичж), известной по Ст.-Слав. памятникамъ, то изъ того, что она совершенно равносильна съ тъ (погрѣбати) еще неслѣдуетъ, чтобы аль *и* и предполагило тъ: какъ и, таэъ и тъ могли аозникауть независимо другъ отъ друга аль разныхъ говорахъ для одной и той же цѣли. Форма съ *и* передъ твердою согласною (*заплітати*), сколько известно, не оставила сѣдоаъ

въ Русионъ языкѣ. Что до формы *нарицати*, то и здесь могло быть и въ Рус., и исчезнуть имѣтъ съ этой формою глаголовъ, состоящую въ смаченіи ко нечныхъ гортанныхъ корня *и*, *к*, *х* аль *з*, *и*, съ передъ характеромъ 2 й темы *а=я*.

Г. Въ стариныхъ памятникахъ встрѣчается извѣсіе, котораго я не могу иначе назвать, какъ усиленіемъ *ть*, принятво за основное, иль *и*, равносильнымъ съ усиленіемъ *е* въ *и*: отъ *смѣхъ* *насмѣшаются* Лазр. 75, *насмѣхался* ib. 84, *насмѣшкѣ*, Кир. Тур. Калайд. памят. 122. Въ извѣстномъ по Ст.-слав. памятникѣ *процентати* (процвѣтъ, Кир. Тур. ib. 22) и можетъ быть усиленіемъ не только въ *цельж.* но иль въ *цельсти* — *цельж.* Ср. *ривати* (народъ ривахъ другъ друга, кто прѣвое прикоснѣть сѧ къ нему, Supr. 13, 28) — не отъ *рвижти*, а отъ *ръляти*, толвать. Несколько относящихся сюда примѣровъ въ Пов. Болг.: *излизам* (отъ *лѣзъ*, между тѣмъ какъ *излазамъ* отъ *лазъ*), *обличнам* (отъ *влѣкъ*, и *облачнам* отъ *влакъ*), *нанирак* (отъ *мѣръ*), *отсичнам* (отъ *сѣкъ*), *засникам* (отъ *сми*). Тамъ же есть и *и* изъ основ. *е*: *препичнам*, *запинтам*, — *тичнам* (cурго), *изнитам* при *изнѣтам*, — *льгнам*.

О происхожденіи *и* изъ *е* Маклошкъ такого мнѣнія: «что *лѣтати*, *вѣснти*, изъ *лѣтъ*, *весъ*, стоять ви. *леатати*, *внастти*, вто, по видимому, недолжно бы казаться сомнительнымъ тому, кто вспомнитъ о сродствѣ *и* съ *еа*, *ма*, *иа*, доказанномъ иrogими япленіями; такъ и *мѣнити* изъ *мѣнъ* стоять ви. *мѣнити*, *мѣнити*. Конечно, въ пользу Шафарива, по которому *мѣна*, *вѣра*, *хлѣбъ* — изъ *мопна*, *ваира*, *хлаебъ*, говорить цѣларъ изъ *хайтар* и вообще *и* ви. Греч. *ai*, даѣте — возникновеніе повелительного *плетѣти* изъ *плестити* и Ново-словенск. *ej* и *aj* ви. *и*: *гејс ze v tejlo oblekla*, *згайзан* (срѣзвиѣ); но противъ него — тѣсная связь между *и* и *иа*, подтверждаемая отдельными вадніями въ Ново-слов. *вeadbb* (сѣтьба), *савг* (цѣарь) *poveadal* (повѣдалъ).» (V. Gr. I, 147—8).

Изъ вышеизложенного видно, что я, согласно съ Шлейхеромъ (Собр. § 83, 2), несчитаю возможнымъ прилагать одну и ту же форму къ явлениямъ, которые признаю разновременными; имена: съ одной стороны—къ древнѣйшему *въстити*, *жътати* (за наше мое, и изъ оотерянного мое, или мое, которое есть антонимъ древнѣйшаго мое и на должно быть смыслимо съ и азъ въ поминати), где *я* есть гуна *и*, какъ и тъ въ новѣ. цлетьте—примѣрно изъ *и*, а не изъ *еи*; съ другой—къ болѣе позднѣму *жътати*, где *я* предполагается слов. *е*. Сродство же съ *я*, тутъ ничего несомнѣчательно: *я*, *еа* возникло изъ *я* на почвѣ отдельныхъ Славянастыхъ зирѣй, исключая тотъ случай, когда уже въ древнѣйшихъ Ст.-слав. памятникахъ стоять *а* аи. *я* послѣ шивящихъ и *ј* (пишате, жагати, быште). еї им. *я* есть тоже относительно позднѣе явленіе, несомнѣнно то, что лежится болѣе близкий къ *а*, откуда же, чѣмъ къ *я*—*е*, одобно тому какъ Чеш. *аи*, *ои* (они) есть специально-чешскій звукъ изъ болѣе дравнаго *у* (*и*), хотя это особыднѣе во многихъ (Гейтлеръ—во всѣхъ) случаяхъ возникло изъ *оу*.

Для объясненія происхожденія позднѣйшаго *я* въ съ имѣющемся дип. оуты. Во-первыхъ, можно строго держаться Шлейхера выраженія, что это «*я* есть удлиненіе *е*» (I. c.), что стало быть *жътати*—изъ *меетати*, при чемъ можно бы сослаться опять-таки на предположеніе, что *льсь*—изъ *мересь* посредствомъ опущенія *ј*, мѣшавшаго сліянію двухъ *е*. Во-вторыхъ, можно взять за образецъ Греч. *ειδί* вм. *εαρί*, указываемое темъ же Шлейхеромъ, т. е. принять: а) что вористы *я*съ, *а*съ (Mikl. Vergl. Gr. II § 118, 130, 140, 142, 146) возникли изъ *мес-са*, *ес-са* (и это изъ *бед-са*), такъ что съ вокализированіемъ *а* (или опущеніемъ *е* было заснаграждено удлиненіемъ предыдущаго *е*), я изъ *се* возникло *еи*, *згѣи*—*я*; подобно этому, въ вористахъ *ценъ*, *чисъ* (ib.), если они отъ *чень*, *чънъ*, и возникло изъ *ыи*; б) что *я* *жътати* *я* тоже изъ *си*, аѣ *коемъ* и возникло уже на какъ *еи*—*я* согласной, неперичимой передъ другою подобною, какъ

въ ѿсса, а кинъ саѣдстаїе стремленія къ удлиненію е. Такимъ образомъ средство усиленія е было бы здѣсь тоже самое, что въ усиленіи а, въ зи, и. Принимая это, можно бы допустить и то, что ѿ въ ильсмъ можетъ быть вовсе не прямо взъ не-есма, въ изъ не исма (съ превращениемъ ѿ въ исма не въ ѿ, какъ въ пејсем, а въ и). Какъ при этомъ было бы объяснять параллельныя формы *зильтати* и *зилтати*? Что и можетъ возникнуть изъ еи, что видно изъ частицы *ни=Лиг.* неу, а почвому взъ еи невышло во всѣхъ случаяхъ чего-нибудь одного, т. е. или ѿ, или и, текъ яв ато можно отвѣтить, предположивши причиною товицкую разницу въ дифтонгѣ си: перевѣсь первого элемента дивть ѿ, перевѣсь втораго— и. Если дѣйствительно никогда не встрѣчается *тицати, рицати* (Mikl. V. Gr. I 135), а всегда— *тица*, *рица*, и если, за оборотъ, всегда *тика-*, *рика-*; то готово заключеніе, что въ *тицати* (изъ +тица-ти) перевѣсь элементу и дается мягкостью слѣдующей согласной. Постановкой можно бы объяснить и и изъ ѿ въ иосмисатаса: ѿ=и, отчасти сходно съ тѣмъ, какъ въ Польск. ѿ удерживается при звуцѣ ѿ небиостью слѣдующей согласной. Въ-третьихъ, допустить, что и изъ е и и взъ ѿ возникли въ силу прработаціи е и и, ишашетъ какъ аналогія съ зи взъ въ (предсказаю зи), такъ и то, что ѿ+е даетъ въ историческое время только и, въ ѿ+и даетъ только я: ср. дрѣмлате (*мля=ијъ*) съ иб-тати.

Д. о—а. Оставляя пока же вопросъ о, можво ли и здѣсь говорить объ усиленіи о (принятаго за основной звукъ) въ а, звиччу объ отношеніяхъ боста-, пробадати слѣдующее. Первичною глаголовъ какъ бадати у Гейтлера (Fon. § 90) для насы вновь свидѣтельствуетъ, что только обращене въ винніе на функції усложній и ивъ качествѣ формъ, въ коихъ они встрѣчиваются, можно уберечься отъ симѣщенія разновременнаго и разнохарктернаго. Тевъ при *гони*, *изгана* стоять: *водити* и (и въ *ождати*, какъ бы слѣдовало), въ *свадити*, *полати* и (а въ *валати*, въ) *опалити*. Между тѣмъ *садити*

и *нализти*, о которыхъ ими уже упомянуто выше, принадлежать въ другому, болѣа древнему порядку, чѣль заняти. Усилиевъ послѣднаго рода никогда неизмѣняють залоги первообразнаго глагола, что однако имѣло бы мѣсто если бы *нализти* точно откосилось къ *ползти*, какъ къ своему первообразному. *Сталти* выставлеко у Гейтлера, какъ усиленіе отъ *стояти*, между тѣмъ икъ *стамти*—*стасши* (Русск. *ставатъ*, *стасши*), становится, произведено воасе не отъ *стояти*, а отъ *стами*—*станж*. Кстати замѣтить, что только упомянутая тѣсная связь, существующую между *ста-ј-ати*, *ста-ј-еми*, *да-ј-ати*, *да-ј-еми* и *ста-в-ати*, *стасши*, *да-в-ати*, *дашши*, можно видѣть съ Гейтлеромъ (§ 92, 1) ивидѣть истину дивиншаго иѣнія, что въ коеопред. 2-хъ послѣдніхъ глаголовъ есть такав же евфоническая вставка, какъ ј въ первыхъ: ср. *ма-гати* и *помагати*, *багати* къ *обагати*, *дѣлати* и *сделвати*, *трѣнати* къ *съ-трѣвати*. Гейтлеръ дѣлаетъ открытие, что *давати* не отъ *да*, п отъ *ду*, ка томъ основвий, что въ Литовскомъ *да* перешло въ разрядъ корней изъ *у*; но въ Литовскомъ уже первообразный глаголь есть *dumti*, *duti* и имена, какъ *dutis*, ииѣютъ уже є; между тѣмъ въ Славянскомъ глаголь *дамъ*—*дати* и существует. *-да-ть* (*подать*) стоитъ *а*. Точно таکъ и *ставати* есть причинный глаголь при *стами* а *сто-та-ти*, и предполагаетъ форму корня не *сту*, а *ста*. Для доказательства, что *ставати* отъ *сту-* Гейтлеру нужно литов. глаголь *stoweti*; но функция послѣднаго въ Слав. исполняется глаголомъ *стояти*, въ коемъ никакъ неможеть быть усмотрѣнъ корень *сту*. *Ставати* относительно въ образованіи одноково со *ставз*, въ то какъ *зъ-зз*, *дѣ-зз* (*ndziew*).

Имѣя въ виду одинъ современный литературный Русскій языкъ и Ю. Вр. говоры, можно бы думть, что если встрѣчются при формахъ съ усиленіемъ *а* (*克莱сться*, *тачать* (саноги), *скакать*, *полагать*, *договарять* и др.) формы съ *о* (*ломать*, *выростати*, *помогать*, *замокать* и пр.), то вто происходитъ лишь отъ

смѣшеніа неударяемаго о съ а; но при болѣе обширномъ пругозорѣ оказывается, что стремлѣніе обходитьсѧ въ этомъ случаѣ безъ усиленія независитъ отъ упомянутой фонетической причины, что оно существуетъ издавна и въ разныхъ нарѣчіяхъ. Уже въ Стар. Русск. пыматанахъ при правильныхъ усиленіяхъ (прашивт Ип. 37 въправааніе, въправша, Впраш. Кюриа. Калид. пам. 181, прашохъ, прашавъ іб. и Русск. Правл. Сии. Русск. дост. 34 (спрашивать); *одлати*, Лавр. 93, Кир. Тур. Кильд. Пам. 46; *правадається* Кир. Тур. іб. 113; *изнемагаю* іб. 30, *памагати*, Лавр. 93, Русск. Пр. дост. I 30 и др.), находимъ *промати*, Невг. I, 62 *помагаетъ*. Ип. 37, *помогати*, Русск. Прав. дост. I 29 и др. Въ вост. Малорусс. усиливнія: *помагати*, *доганти*, «*пагані копиці*» (покладеаны), *замати*, *хамати*, *скакати*, *плавати* спорѣ составляютъ архаизмъ, чѣмъ правило, въ виду: *вырастати*, *утопати*, *відробляти*, *прохати*, *виношати*, *нахожати*, *підкланяти*, *умочати* и мн. др. Въ Запад. Мр. и въ Галиц. истрѣбляемъ оданко *прогажала*, Мегл. 180, *выправаомала*, Костом. въ Сб. Морд. 181, *канати* Костом. іб. 212, *порастат*, Голов., *утапати* Освіца, *прашай* (Въ Сбира. 1076 праштай, Бусл. Хр. 292). Ср. также въ Серб. *вѣдати*, *вонати*, *затворати* и др. съ о, а не съ а.

Такъ какъ вышеразсмотрѣнныи усиливнія и, ии, я придаютъ уже славянськое гласные о, э, е, то мы аклоны бы были думать съ Маклошичемъ, что и ить *кланя-* и пр. возникло изъ а, равно какъ а въ иор. *пробаса* (бод) — результатъ усиленія о (Mikl. V. Gr. 1, 137). Это усиленіе, однако, ардь ли было простымъ удлиненіемъ, ткъ какъ трудао понять, какъ изъ двухъ о можетъ выйти а? Развѣ предположить общеславянскій дифтонгъ oa (изъ а), въ второмъ второй элементъ погодотилъ потому первый?

Другое мѣніе состоять въ томъ, что здѣсь (доганти) «дословянское ѿ усиливается въ ѿ» (Geitl. Fon. § 90). Къ этому Гейтль прибавляетъ: «очевидно, что ни въсмое о — а указываетъ на дословянское ѿ — ѿ, и что

и некоторые усиленные формы (*stiprōukané tvaru*) возникли лишь по аналогии съ вышеприведенными» (иначе — *занятии*). Тра иль 4-хъ ориводныхъ имъ примѣровъ ведутъ къ заключенію, что къ позднейшимъ, образованнымъ уже изъ *о* (я не *а*) по аналогии, относится тѣ случаи, въ коихъ усиливается второй гласный звукъ *о*: *повторити* — *повтарити*, *свободити* — *свобаждати*, *точити* — *точжати*; 4-й приводимый имъ оримѣръ *двоити* — *раздваити* совершенно однороденъ съ *занятии*, но его можно замѣнить отношениемъ *говорити* къ Серб. *довограти*.

Относительно этого мнѣнія замѣчу слѣдующее: формы какъ *занятии* и т. п. по всему составляютъ такую же особенность Слав. языка относительно формы усиленія корня, какъ *дымати*, — *чинати*, — *жатати*. Лит. глаголы приблизительно соответствующіе Славянскимъ — *нашати*, *важати* — *важжати*, или вовсе не имѣютъ усиленія (*wazjotli*), или имѣютъ только *а* — Славянск. *о*, *о* не *а* — Слав. *а*: *wadžiotli*, *wažjotli*. Что же до Литов. *пovzcioja*, поговариваютъ, рассказываютъ (*neszti*), то оно со строеемъ составляетъ особенность Литовского языка. Согласно съ этимъ, даже допуская, что Слав. *о* — *а* возникло изъ *а* — *а*, нельзя было бы назвать этой послѣдней пары звукопись дославянскою, а напротивъ нужно бы счесть ее принадлежностью общеславянского языка и принять, что въ то время, когда по выдѣлениѣ Слав. звука *а* неизъ уже были звуки *е*, *и*, *ы*, (*метж*, *чымж*, *дамж*), на мѣстѣ *о* изъ *юнити* стояло еще *а*.

2) Перечисленіе случаетъ позднейшаго усиленія въ глаголахъ закончу указаниемъ на соціально Русские.

Большая часть Вруссихъ говоровъ и Русск. литературный языкъ нашего времени распространяютъ усиленіе *а* на глаголы *иwaæ*, *иwaæ* (выраживать и пр.), причемъ характеристично: а) что въ предыдущемъ разрядѣ *а* *о* удерживается, если это одно — большая частью (роптать, рожить, звѣзорвать, укорять, умолять, поклоняться — при клиниться) и если это *о* есть второе (въ одногласныхъ и въ некоторыхъ другихъ) — всегда: *ворб*

чать, приготовить; б) что въ ~~иже~~ ^{иже} иже, если корень первообразной формы замыкается въ себѣ два о, аж авв глагольныхъ звука, пзъ которыхъ только 2-й есть о, вслѣдствіе ли полногласія или вслѣдствіе отнесенія суффикса аль ворю, что въ таихъ глаголахъ о становится на мѣстѣ втораго о: заворачивать (по ворочить), укорачивать, ныволачивать и пр., приготавливать, нагромаживать (громовить, нагромождать), пробаристывать; в) что изъ правила *ронять, ронять* выранимътъ исключаются тѣ о, которые произошли изъ Русской почвѣ, изъ того ъ, которое въ Ст.-Слав. при образованіи глаголовъ ~~не~~ остается ненамѣнныи: подѣлать, помадчивать, толкать—вытолкивать, вздрогнуть, проглатывать, взбалывать, выдалбливать, помаргивать, помаргивать, памаргивать и пр. Для меня менодлежитъ никакому сомнѣнію, что эти послѣдніе случаи могутъ быть отнесены не раньше, какъ ко времени замѣты глагольныхъ чистыми, стало быть къ XIII—XIV вѣку, т. е. ко времени, когда о въ языкѣ давно уже существовала. Къ каану времени относится а въ подногѣ словахъ (заворачивать и пр.), это опредѣлить трудно, но можно думать, что и оно гораздо новѣе втораго о аль оро, оло. Въ старинныхъ памятникахъ при *устанивали*, Лавр. 104, *пристраивати*. Новг. 1, 40, *укаривахутъ*, Ил. 85 (столь же древнихъ, какъ и удержаніе усиленіе въ и въ *испирывати*, Вѣнраш. Кюр. Колайд. 185, при *испрати*), иакожу не только *подмолевишасть*, Ил. 81, са *оборачиаля*, ib. 56, но и *пристроивайся* Л. 41, *створиование*, ib. 82.

Тавое удержаніе въ отглагольныхъ глаг. ~~уже~~ ^{уже} ~~уже~~ основного о, будеть ли оно единственное, или второе, составляеть правило въ Вост. Малорусскомъ и, если не ошибаюсь, во многихъ иѣтиостахъ видійправья *тідюлювати*, *видюювати*, *засмѣювати*, *тіджечувати*, *видоблювати*, *дотѣсплюватись*, *випорожнюювати*, *долючувати* и пр. Замѣчательные случаи, въ коихъ глаголы ови, ева какъ бы отказываются отъ усиленія, которое

однако сохранились въ глаголахъ ^{въ}, напр. *закинти*, *закинути*, *догбювати*; *котыти*, *качати*, *зскочувати* (у Квит. по изд. Кулиша «позакачували руківіа» — ошибка); *клонити*, *кланятись*, *підклонювати*; *мочити*, *вымачати*, *симочувати*, *ломити*, *ламати*, *відломлювати*, объясняются тѣмъ, что все эти глаголы на *ува*, *юва* отнесены, иакъ къ первообразнымъ, не ко глаголамъ съ характеромъ *а*, а ко глаголамъ *и*, то есть *ломлювати* — не отъ *ламати*, а отъ *ломити*. Если бы отъ *ламати*, иль коемъ удержано усиленіе, былъ образованъ глаголь *ова*, то силь бы звучалъ (од.) *ламуети* (иакъ и есть), какъ отъ *скакати* — *підскакувати*. Только близъ границъ Мр. парѣчія съ Бр. встречаются и въ Мр. усиленівъ *а* въ случаяхъ *нигварувутъ*, Рудч. Ск. 1, 47. На-противъ, илогіе (но не асѣ) говоры Бѣлорусскіе разѣ-лаютъ съ Мр. отсутствіе въ этихъ случаяхъ усиленій *а*.

Хотя Малорусское измѣненіе о въ *i* (resp. *уо*, *у* и пр.), е въ *i* (гевр *је*), завѣдоно фонетического про-исходенія, но при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ, гдѣ оно неусловлено качествомъ слога, т. е. стоять въ слогѣ прямомъ, ово, иинѣ кажется, должно быть разсмотриваемо какъ втимологическое усиленіе (Зам. о Мр. нар. 36). Случаевъ съ *i* изъ о чиѣ изѣ-сно всего два. Въ обоихъ *i* изъ вторвго о глаголовъ съ полногласіемъ, въ которомъ, какъ известно, о обыкновенно остается неизмѣннымъ даже въ среднемъ сло-гѣ (городъ, а не горіѣ): *выволікати* и *посполіскус дошъ*. Случаевъ съ *i* изъ е больше, при чёмъ е (изъ *и* оего *i*) частью общеславянское, частью 2-e въ полно-гласныхъ словахъ, частью въ изъ *i*: а) въ глаг. ^{въ}_а: *по стерігати*, *поберіяти* (но сперожаги); б) въ *ут*, *юва*: *одбріхуватись* (брехати), *випліскувати* (плескати), *ви-тісувати* (тесати), *зачісувати* (чесати), но заклеинува-ти, *вимелювати*, *застелювати*, *підшептувати*; *підперізу-вати* (перезати), но вишережувати; *вінірчувати* (верти-ти), *вищірблювати* (щербити) *одхріщуватись* (хрести-ти), *вишіршувати* (вершити), но додержувати, перетер-плювати.

3) "озврачаюсь къ отношениимъ звуковъ з—ы, ө—и, е—ъ, ы—и, о—а, постарюсь поквзать рвзницу, какъ мни кажется, существенную, между моимъ взглядомъ и взглядами предшествующими. Суть въ томъ, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ з, и, ы, а суть усиленія совершило тождественны по своему значенію въ сленообразованіи, почему въ общемъ и должны быть разсмотривающи, кавъ принадлежащи къ одному и тому же наслоеенію языка. Они должны быть строго отличаемы отъ тѣхъ усиленій болѣе древнаго словъ, которыи или неясны относительно значенія, или образуютъ, за немногими исключеніями, глаголы причинные и фактитивные. Между этими двумя родами усиленія гораздо большая разница, чмъ между гуною и вридги, ибо и гуна и вридги предполагаютъ въ языкѣ одинъ и тотъ же комплекстъ гласныхъ, одну и ту же привычку языка ставить усиляющую гласную а у. а спереди усиляемой. Между тѣмъ усиленія 1-го рода въ Слов. языкахъ, къ коимъ относятся случаи соответствующие икѣ гунѣ, такъ и вридги, предполагаютъ общеарійскій составъ гласныхъ, и 2-го рода—составъ специфично славянскій, съ з, ө, е, а, и по крайней мѣрѣ въ нѣоторыхъ позднѣйшихъ случаяхъ, съ о, при чемъ само это усиленіе состоитъ отнюда *не въ премонитіи* а или о. Обыкновенно на это смотрятъ : наче.

У Шлейхера (Formenl. 76—7) зъ занимаетъ второе мѣсто ряда з, ы, ү, ө, а и вовсе не есть усиленіе, а лишь замѣна основанго ү: *дыхати, спати, ткачи, по-зы-вати* (sic, а не по зы-вати) относительно зъ стоять у него на одной ступени съ быти. Рвзданіе по-зы-вати показываетъ, что Шлейхерь видѣлъ корень этого слова отнюдь не въ зы-а-ти, въ болѣе древнемъ гу u. үу. Кашъ понимаетъ это дѣло Гейтлеръ, видно изъ слѣдующаго: «ы слѣдуетъ иногда принимать за ослабленіе ou, при чемъ нельзя опредѣлить, по какому звону... Ср. оусоушити—оусыхати...» (§ 59, 2). «Дославянское краткое ю можетъ удлиняться въ ау и аү.. быти возникло изъ быти, Лит. быти, отъ корня бу, по вторкое ю (=ъ) никогда до нынѣ не дошло; «коубет чо

вздыхати, взадыхати, а *вѣк неѣ же ѿже ѹѣ з јистою нѣсїй*, је. И *то* гъ *рѣчено и*, бѣ *аи*, то и другое возможно. Вѣро только то: *и* и *у* суть рѣшительно гласныя бойѣ полновѣсныя, чѣмъ *з*; они являются исключительно въ формахъ болѣе интенсивныхъ по значенію; *з* усиливается въ *у...* *слѣжти—соушти...* *з* усиливается (се *шпѣціје*) въ *з*; сюда же принадлежать случаи въ коихъ *у* *осла-бъло въ з...* *вздыхти—вздыхати*, *рѣти—рыжь..* *слати—сылати*» (Фон. § 91). Я въ этомъ немогу выйти на чистую воду. Одною довольно ясно сказано, что *з* въ *вздыхати* можетъ быть первоначально изъ долгимъ *у*, или *у*, чemu мы противопоставимъ словъ *иѣніе*: усиленіе *з* виѣть отношеніе только къ неусиленной формѣ *з*, и никакого отношенія къ тому звуку, который предполагается этимъ *з*, такъ чѣо говоря объ усиленіи *ыбати* и *мыкати*, мы должны имѣть въ виду только формы *ыб-*, *мык-*, при чѣомъ совершенно безразлично то обстоятельство, что въ первомъ первона-чальниа *веренная* гласная есть *у*, а во второмъ *а*.

По Шлѣхеру выходитъ, что «ъ (гласиаа порядка и «ein laut.») есть ослабленіе основнаго *й*, а *и*, *и*—усиленія этого ослабленія, извр. *рѣчи*, *прорицати*, *на-рѣковати*» (Formenl. 68—9). Считая отъ *и*, *и* въ *за-плитати* будетъ 1-е усиленіе, а *заплѣтати* 2-е, не смотря въ то что *заплѣтати* поставлено въ одиомъ ряду съ *спѣти*. Въ Formenl. 72 въ Сопр. § 81 *процѣ-тати*, *поминати* признаны формами заключающими въ себѣ основное и т. д. отиудь не усиленными, ииѣющими съ одной стороны ослабленіе въ *мѣнти*, *цѣльти*, а съ другой—единственное усиленіе въ *мѣнти*, *цѣльти*. Между тѣмъ для ииѣ *поминати*, *процѣтати* суть усиленія совершенно равныя съ *заплѣтати* и *заплѣ-тати*.

Миѣніе Гейтлера: «ъ возникшее изъ *й* ослабилось въ *и* .. *мѣнти—поминати* (кор. *ман*). Въ слѣдую-щихъ случаяхъ *ъ* возникло посредствомъ усиленія крат-каго *е* (=*а*), потому ослабилось въ *и*: *избирати* отъ *беру*, *пабирѣк* (въ Чеш. *еще рабѣрек*); въ *запинати*,

занирати (пърж, кор. *пер*), *отириати* (*терж*—*тер*), *пенирати* (пърж—*нер*) мы предполагаемъ переходную ступень съ *и*; она сохранилась въ дѣрж, дѣра, *раздирати*, *трести*—*погрѣбати*—*погрибати*, *решти*—*нарѣчатачи*—*нарицати*, *плести*—*оплѣтати*—*оплѣтати*, *тешти*—*тьцатачи*—*тицати*. Ср. далѣе: *быда*—*обида*, *вѣсити*—*висѣти*... *отрѣлти*—*отрикѣти** (Fon. § 78, 1). «Посредствомъ ослабленія *и* въ *и*: *мънжти*—*мизати* (*putare*, Лит. *тѣgoti*, *dormire*); однакоже *и* (i) могло также возникнуть изъ *й* (j); безъ сомнѣнія и возникло изъ *й* (i, въ не изъ *аи*=*ѣ*) въ чѣмъ—*читати*... и можетъ быть также—*ї* въ *льнжти*—*прилипнати*, *севжти*—*считати*...» (ib. § 93). Но москву же мнѣнію: *помичати* неимѣетъ никакого отношенія къ *мънжти* и возникло изъ *мънъ-ти*; *бира* возникло не изъ *бер*, въ изъ *бѣр-ати*; точно также и *пина*, *тира*, *тира* изъ *ян*, *пир*, *тыр*, въ не изъ *иен* и пр.; *бира* отнюдь не предполагаетъ формы съ *и*: *бир*; Поль. і є въ *zabiegac*, *пшегаc* (и і въ вѣкоторыхъ другихъ нирѣчіяхъ), на противъ, опредполагаетъ і: *imigac*. Мое мнѣніе объ отождествѣ формъ *погрѣбати* и *погрибати* было высказано выше. Я считалъ до сихъ поръ достаточно прочнымъ, что *обида*, *обидѣти* относятся къ *мидѣти*, какъ *засидѣти* въ *засидовать*, и отнюдь не къ *быда*; такъ и теперь думаю. **) Считать въ *висѣти* и за ослабленіе того *и*, что въ *вѣсити*, значить понимать дѣло изъ выворотъ: *вѣсити* есть причинный глаголъ при *висѣти*. Въ *миза*,

*) Несмотря на возраженія акад. Грофа (Филол. разыск. 455): еслиъ *обидѣть* изъ обз и *видѣть*, то а) почему бы было причастіе *обижено*, а не *обидѣно*, какъ *видѣно*? Отвѣтъ ib 559: потому же, почему отъ *вертить*, *вертишь*—*верченъ*; б) почему бы было *обижаетъ*, а не *обидатъ*? Но отъ *засидѣть* (*invidere*) тоже въ *засидѣть*, *засидовать*. *Обижать* отъ *обиди-* (1-я тем.), какъ рождать отъ *роди*. Лит. *abyda*—*abyditi* заимствованы изъ русск. Быть можетъ тоже въ Норвежское *obude*. Серб. *обиједити* и по ударенію равно не русскому *обидѣть*, а русскому *обѣдѣть*.

лииа-, чита- и азъ ё: мы, четь, лын. Читатель можетъ возразить мнѣ, что я вѣдь в непривожу никакихъ доказательствъ того, что напр. *поминати* изъ *помнить*; но и онъ доказательства въ смыслѣ словъ: значеніе *помнати* объясняется изъ *помнить*, а отиодь не изъ *мълкти* и т. д. Дѣло въ томъ, симѣниваю ли я разнородныя формы или точно, какъ мнѣ кажется, группирую лишь однородныя?

Шлейхеръ, поставивши въ три слѣдующіе другъ за другомъ ряда формы, какъ *тешти*, *точти*, *истачати*, изъ якихъ въ первої *е* есть замѣна оспоанаго *а*, въ 2-й и 3-й *о* и *а* — усиленія, говорить: «Славянскій языкъ, благодаря своему *а*, еще болѣе подновѣенному чѣмъ *о*, получаетъ поаую степень усиленія, именно вриадги отъ *а*, между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ *а* основное можетъ быть усилено только одинъ разъ» (Formenl. 66). Стадо быть *а* въ *точти* есть вторая степень усиленія, что выскакано и въ Сопр. § 80: «*а*—*а* явственno оказывается вторымъ усиленіемъ, т. е. усиленіемъ *о*, которое само есть усиленія (*тек*, *ток*, *так*). Точно такъ отъ *и* въ *пити* 1-е усиленіе есть *ој* (*поити*), а агорое *ај* (*напати*), (Сопр. § 81; Geitl. Fon. § 93). Но если *истачати* и *напати* суть вторая усиленія, то *ы*, *и*, *ъ* соаершенно равныхъ имъ формахъ *надымати*, *начнати*, *измѣтати* суть тоже 2-я усиленія. Это однако же неaoиможно, потому что формы прадполагаемы 3 иа послѣдними, именио формы *дѣм-ж*, *чен-ж*, *метж*, *ае* суть усиленія. Какимъ же образомъ *истачати*, *напати* могутъ быть вторыми усиленіями?

Такое аротиворѣчіе произошла отъ того, что изслѣдоаатели считали здѣсь степени усиления съ своеи личной, произвольной точки арѣнія, и не съ точки ярѣнія саного языка. Для послѣднаго усиленія дреанѣшіл и новѣйшія весоставляютъ одного ряда (*continuum*). Произвѣдя глаголы болѣе длительные, языкъ аринималъ за исходную точку глаголы 1 й степени длительности (конкретно-длительные), совершино отвлекаясь ариетомъ отъ того, что эти послѣдніе аесьма различны по дру-

гниъ формальноъ звучаниемъ и времени происхождения. По отношению къ глаголамъ второй степени длительности всѣ глаголы имъ предшествующіе принимаются за равно первообразные, то есть *тешти*, *пити* суть глаголы одностепенные съ *точти*, *поити*, хотя 1-ые суть глаголы простые, и вторые причвнны. Новая категорія большей длительности не ставреть втихъ разницу, а лишь покрываетъ ихъ собою, придавая имъ одинъ общій оттискъ: отъ *текж* болѣе длит. глаг. будеть *тькати*, *тищати*; отъ *точж*—*тачати*, при чёмъ *тькати* по степени усиления и степени длительности= *тачати*. Четырехъ формъ: *тешти*, *точти*, *тачати*, *тькати*, или четырехъ формъ: *пити*, *поити*, *напити*, *испивати* невозможно построить въ одинъ такой рядъ, въ которомъ всякий послѣдующій членъ предполагать бы предъидущій. Четыре эти формы распадаются на 3 ряда: а) *тешти*, *пити*—*точти*, *поити*; б) *тешти*, *пити*—*тищати*, *напити*; в) *точти*, *поити*—*тачати*, *пияти*.

Есть лишь вѣсколько уже упомянутыхъ выше случаевъ, въ коихъ *а*, по отношению къ *о*, действительно съ точки зрѣнія самого языка есть второе усиленіе, именно тѣ (*возждоти*), коихъ ближайшіе первообразные (*водити*) означаютъ уже вторую степень длительности по отношению къ своимъ первообразнымъ (*вести*). Здѣсь три формы дѣйствительно составляютъ одинъ послѣдовательный рядъ, коего члены относительно значенія различаются только степенью длительности. Языкъ, пользуясь здѣсь древнимъ способомъ усиленія (*нести*—*носити*) для категоріи большей длительности, немуждается въ новомъ способѣ усиленія: отъ *вести*, *нести*, *брести* и пр. иѣтъ такихъ усиленій, каково *тькати* отъ *тешти*.

Такимъ образомъ прямолинейная правильность языка вдѣсь нарушается тѣмъ, что усиленіе *а* лишь отчасти равносильно съ *и*, *и*, *ъ* и вѣдѣтъ съ ними есть усиленіе первой степени, отчасти же есть усиленіе 2-ї.

Положеніе, что усиленіе *а* въ *и*, *и* въ *и*, *о* въ *о* составляютъ особенность Славянскаго языка, хотя въ главномъ вѣро, но должно быть до иѣкоторой степени.

и ограничено, явно укачивает на языке «часть соотвѣтствующія вѣдь усиленіемъ во Литовскомъ». Всъ-
обще говоря, Литовскій языкъ стоять во той степени, на
которой Слав. въ видѣ, имеющіи Лат., по правилу,
образованіе глаголовъ болѣе длительныхъ сопровождается тѣми же усиленіями=гунтъ, что и образованіе при-
чиинъ: lekiu lëkli, летѣть (съ-съ-а), болѣе длитель-
ный lakioti, пархать, пюши. lakinli, заставлять летѣти
(и=Слав. усил. о); въ Латыш. lëkt, прыгать, болѣе длитель-
(иер.) laskst, прыгать, пархать; при основномъ а, какъ-
въ risati, Латыш. risl, звать, Лат. gûwenni, жить, Лат.
dæfisti dzit, заживать о ранѣ, — болѣе длител. Лит. gaissku-
ti, вѣзать, Лат. raisit, вѣрчий Лит. gaiwinti, живи-
ть (о=Слав. въ изъ и); при остров. и (buigsiu; bngli,
пугаться, kupti сидѣть въ купѣ) — болѣе длительный
kaupiati ii, прич. buuginti, пугать (Лат. boondil?). Сход-
ство глаголовъ болѣе длительныхъ и причинъ, сок-
стевдающее въ Слав. языѣ исключеніе, здесь — правило,
почти навстрѣчающее исключеній. Измѣненія гласныхъ,
приболѣе подходящія къ Слав. усиленіемъ второго рода,
въ Лит. распространяются не имъ всей формы составляю-
щія спряженіе, а *приурочены къ одному времени, про-
шедшему*. Литовско-Латышское прошедшее проходит отъ-
личается отъ настоящаго не формой личныхъ окончаний,
въ чистью только характеромъ, равнымъ основному *а* (ср.: Слав. проходящее съ *а*), а въ сложномъ съ *этимъ* —
послѣднимъ, чистью же вѣстѣ съ *втимъ* — видозмѣнені-
емъ гласной относительного корня. Это показываетъ то,
какъ если бы прошедшее въ Слав. отъ *мечки*, *мечка*, въ
было / не *мечокъ* или *мечкахъ*, а *мѣткахъ*. Но такой
глаголь, *какъ* посвѣтдний, въ Слав. требуетъ во всѣхъ
формахъ усиленія гласной (*мѣтка*), въ *ся* качественной
изменѣшности при върхивѣ *удлиненіемъ*; въ Литовскомъ
же усиленіе гласной въ прошедшемъ является лишь въ
нѣкоторыхъ разрядахъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ вв-
дѣть ея ослабленіе. Это обстоятельство сбѣдуетъ подо-
живъ цвѣтъ, сравнивъ Слав. усиленіе *а*, *о*, *и* съ
контактными гласными въ Лит. промедиантами *а*, *о*, *и*.

и) Литовскому, которое может состоять из двух слогов, в первом из которых есть *е* (из отчеса отъ Лит. *aī*—*Сарс*, *é* изъ *é*), неотделять поэтической речи при образование глагола более длительныхъ: Лит. *mētau*, *mētyti* (что первоначальное изъ славянскіхъ звѣкъ было бы *mētāmō*, *mētētēmō*); более слит. (*iterat.*), при *mētē*, *mēst* (бросать), относительное своего е^т представлется очевидно изъ Литовскому же рѣдкимъ (*Schl.-Lä.* Gr. § 67). Но это съчастие неизвесто изъ языка изъ прошедшемъ (*Schl.-Gr.* § 115) кн. IV B. b. 1, (*). Латыш. *é* и *é*, *Biel. Lett.* Spr. I, 369—70, № 194 слѣд. напр. Литов. *rējū*, *rēkino*, *rēprē*, *rēti*, быть; братъ, парить, вѣнчаться или вѣстъ и т. п. неопределенностъ, напр. *lēkij*, *lēkiai*, *lēkti*, жгетъ (*Schl.* ib. § 115; IV B. b. 2).

Лит. *o* тоже чрезвычайно рѣдко встрѣчается во всѣхъ формахъ глагола более длительного (напр. *poszoi* *zioti*), но какъ усиленіе оно стоитъ тамъ же, где *é* изъ *é*: *kāgiu*, прошед., *kābiai*, неопред., *kārtē*, Латыш. *kāriu*, прошед., *kārtē*, неопред., *kartē*, вѣщать; Литов. *vagiu*, *vogiu*, *vogli*, вристы (*Schl.* ib.).

Славянскому же межи икры соответствуетъ Лит. *i*; Славянскому же *é* минатъ (изъ *é*) Лит. *u* (†) только въ прошедшемъ (тиоц, прошед., *tuviu*, *tiūti*, матъ, топить, *Schl.* § 111, ви. 1, ви. 2; *gýriu*, *gyrian*, *girli*, хвасты, *Schl.* § 115 кн. IV B. b. 1). Въ Латыш. это удлиненіе въ прошедшемъ почти не замѣтно: *Biel. Lett.* Spr. 344.

Аналогично съ этимъ удлиненіе короткаго *é* въ прошедшемъ: *dúriu*, *dúriai*, *dúrtē*, колоть, *dumjū*, *dumian*, *dumij* звѣситы исконъ? До此刻оторой степени, т. е. кроме поэтическіи, это сходно съ *é* въ *dymari*.

Въ Латышскомъ при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ (*iterativa*, *frequentativa*) *é* ^и *é* замѣняется.

*) Сюда же ость ворицъ языкъ Лит. *imjū*, прошед., *émiau*, неопред., *émtē*; въ языкахъ Форѣтъ усиленій *é* въ прошед. быть можетъ соответствовать какъ Слав. ударенію основного *é* въ *é* въ *é* *é*, *é* иметь при *é* *é*.

троакій способъ обрященія съ коренемъ гласною; а) или оне также что въ первообразномъ глаголѣ: *nessat*=Лит *neszioi*, при *ness*; б) или гласная усиленна тѣмъ же способомъ, какъ при образованіи причинныхъ глаголовъ одиниково съ Литовскимъ, т. е. а) изъ *i*, ам изъ *u*, аѣ если основнія гласная такова, и) если основнія *a* (*walkat*, *braddat*, *lõdat* изъ *landat*, *lukat* изъ *laakat*), и) или, наконецъ (что можно сравнить со Слав. усиленіемъ 2го рода), появляется особое произношеніе долгой гласной, которое Билемштейнъ обозначаетъ чрезъ надстрочное *~*. Это произношеніе (*der gedebate ton*) по-видимому состоить въ тонической равненсльности элементовъ долгого звука и противополагается такому произношенію (*der gestossene ton*), при коемъ удлреніе падаетъ на первый элементъ: *lêkai* прыгать при *lékt*, *thât* при *thést*, *knat* при *lit*, итп о дождѣ, *plükai*, *zvi-sen*, при *plükt*. Иногда *der gestossene ton* надъ долгую есть усиленіе артикли: *dirt* при *dirt*, дратъ кожу' (Biel. Lett. Spr. 386 слѣд.).